D 36/54

Д 36
54

ПЕЧЕНѢГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ

ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

ИСТОРІЯ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ

IX—XIII ВВ.

МОНОГРАФІЯ

П. Голубовскаго.

КІЕВЪ,

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (І. І. ЗАВАДСКАГО).

1884.

2007110058

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Ректоръ Н. *Ренненкампфъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе.

I. Степи до появленія Печенѣговъ . . . . . 1.

II. Племенное родство и происхожденіе кочевниковъ. . . . 33.

III. Русь и кочевники . . . . . 65.

IV. Судьбы окраиннаго славянскаго населенія . . . . . 182.

V. Кочевники у себя . . . . . 212.

VI. Нашествіе Татаръ и выселеніе половецкаго народа . . . 229.

Дополненія . . . . . 237.

Опечатки.

Предисловіе.

Въ настоящее время вполнѣ сознается необходимость разработки Русской исторіи по областямъ, что доказывается существованіемъ у насъ такихъ цѣнныхъ сочиненій, какъ: Исторія Рязанскаго княжества, Иловайскаго, Меря и Ростовское княжество, Корсакова и др. Мало этого. Есть работы, посвященныя изслѣдованію частныхъ случаевъ изъ исторической жизни той или иной области, отдѣльныхъ эпохъ. Такова напр. блестящая монографія Н. П. Дашкевича—Даніилъ Галицкій. Вѣроятно скоро выйдетъ въ свѣтъ и трудъ г. Бозускула—Мстиславъ удалой.

Южно-русскія степи также составляютъ область земли Русской, какъ географически, такъ и исторически. Главнѣйшія рѣки восточно-европейской низменности, Днѣпръ, Донъ и Волга, неразрывно соединяютъ ихъ съ остальными областями восточныхъ славянъ. Славяне, явившись въ Европу *съ востока*, несомнѣнно двигались по нашимъ степямъ и, разселяясь далѣе на сѣверъ, конечно, пользовались этими естетственными путями для своей колонизаціи. Нѣкоторыя племена осѣлись и на побережьи Чернаго и Азовскаго морей. Въ началѣ они также принимали участіе въ исторической жизни Русской земли. Однако надо сказать, что отношенія ихъ къ остальной Руси, судя по отрывочнымъ дошедшимъ до насъ даннымъ, отличались особеннымъ характеромъ. Вскорѣ Русь перестаетъ ихъ считать *своими*, перестаетъ интересоваться ихъ жизнью. Но, понятно, это не значитъ, что эти славянскія поселенія исчезли. Они жили, и судьба ихъ должна занимать насъ не менѣе, чѣмъ ходъ исторической жизни въ другихъ областяхъ земли Русской. Какъ своеобразны были отношенія этихъ племенъ къ остальной Руси, такъ особна и своеобразна была ихъ историческая судьба. На ходъ ихъ исторической жизни оказали огромное вліяніе

новые пришельцы въ южнорусскія степи—Тюрки. Ихъ появленіе должно было измѣнить отношенія между южными и центральными племенами восточныхъ Славянъ; Тюрки должны были занять извѣстное положеніе по отношенію тѣхъ и другихъ и этимъ видоизмѣнить ходъ исторической жизни всего восточнаго славянства, оказать тѣмъ самымъ значительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. На сколько и какъ повліяло сосѣдство кочевниковъ на жизнь политическую древней Руси, каковы были отношенія между Тюрками и Славянами,—прослѣдить это и заставляетъ цѣль нашей работы. Мы не могли обойти при этомъ вопроса о взаимномъ племенномъ родствѣ и племенномъ происхожденіи Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ. Это сдѣлать было необходимо и потому еще, что до сихъ поръ въ наукѣ существуютъ нѣкоторые спорныя вопросы. Таковъ вопросъ объ Узахъ и Торкахъ, съ которымъ связанъ другой объ Узахъ и Кипчакахъ.

Въ своемъ трудѣ мы обращаемъ главное вниманіе на источники первой руки, стараемся собрать свидѣтельства русскія, византійскія и арабскія, сдѣлать имъ пересмотръ и на основаніи только этихъ источниковъ сдѣлать свои выводы. Мы не излагаемъ всѣхъ теорій, существующихъ по тому или другому вопросу и не разбираемъ ихъ, считая это совершенно излишнимъ балластомъ: *разъ мы строимъ свои выводы на основаніи источниковъ первой руки, то этимъ самымъ возражаемъ противъ тѣхъ мнѣній, съ которыми мы не согласны.* Мы не пишемъ исторіи разработки вопроса, а изслѣдуемъ самый вопросъ. Совершенно иное дѣло—на сколько вѣрны наши собственные выводы. Это рѣшать не намъ. Мы желаемъ, чтобы намъ были указаны наши ошибки *на основаніи источниковъ первой руки. Ими же*, и только ими одними мы будемъ и защищать свои положенія.

Интересна судьба кочевниковъ послѣ ихъ выселенія изъ южнорусскихъ степей въ предѣлы Венгріи и Византіи.-Можетъ быть, спустя нѣкоторое время мы займемся и этимъ вопросомъ на основаніи собранныхъ данныхъ, но въ издаваемой нами работѣ мы имѣли въ виду разсмотрѣть только лишь значеніе сосѣдства кочевыхъ массъ съ Русью и вліяніе его на ходъ ея исторіи.

Приношу искреннюю благодарность моимъ учителямъ Владиміру Бонифатьевичу Антоновичу и Владиміру Степановичу Иконникову, содѣйствовавшимъ ходу моей работы своими совѣтами и научными пособіями.

П. Голубовскій.

ПЕЧЕНѢГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

I.

Степи до появленія Печенѣговъ.

Въ давнія, отдаленныя отъ насъ цѣлыми столѣтіями, времена южная часть восточно-европейской низменности была театромъ постоянныхъ, продолжительныхъ столкновеній осѣдлаго населенія съ кочевыми племенами, смѣнявшими другъ-друга. Сѣверная часть этой великой восточной низменности имѣетъ отличительнымъ свойствомъ лѣсной характеръ своей поверхности, между тѣмъ какъ въ южной преобладаютъ степи. Но и тутъ рѣзкую грань проводятъ возвышенности, входящія въ составъ такъ называемой урало-карпатской холмистой гряды. Къ сѣверу отъ нея мы также встрѣчаемъ степныя пространства, но рядомъ съ ними идутъ и возвышенности, есть мѣстности съ лѣснымъ характеромъ. Эта раздѣльная холмистая линія, начинаясь отъ Урала, переходитъ Волгу, достигаетъ значительной высоты между рр. Дономъ и Медвѣдицей, еще сильнѣе развивается между Дономъ и Донцомъ и въ области рѣкъ Самары, Крынки и Міуса, образуетъ пороги на рр. Калміусѣ, Днѣпрѣ, Ингулѣ, Бугѣ, Днѣстрѣ и сливается затѣмъ съ отрогами Карпатскихъ горъ. Къ югу отъ этой черты и является степь въ полномъ смыслѣ, во всей своей силѣ. Къ востоку отъ Дона, такъ называемая Задонская сторона составляетъ продолженіе Арало-каспійской низменности. Здѣсь однообразная безводная степь, съ солонцеватою и мало плодородною почвою; рѣки здѣшнія маловодны, съ медленнымъ и слабымъ теченіемъ. Къ западу отъ него картина нѣсколько измѣняется. Тутъ уже степь представляетъ плодоносную, тучную пажить, перерѣзанную оврагами

и глубокими долинами рѣкъ и рѣчекъ. По этимъ оврагамъ сосредоточивается древесная растительность края; возвышенныя-же пространства заняты полями и пастбищами. Эти овраги, называемые балками, оживляютъ нѣкоторымъ образомъ степь, на которой нѣтъ другихъ выпуклостей, кромѣ одиноко разбросанныхъ кургановъ, и нѣтъ другой растительности, кромѣ дикой травы, заглушаемой сѣдымъ, щетинистымъ ковылемъ или неуклюжимъ колючимъ бурьяномъ. Съ приближеніемъ къ морю, степи рѣже пересѣкаются балками, лѣса исчезаютъ, равнины раздвигаются. Наконецъ, подходя къ самому морю, сухая степь почти совершенно обнажается отъ растительнаго покрова и изрѣзывается широкими и длинными лиманами, съ ярко синими водами въ глубокихъ обрывистыхъ берегахъ. Самый берегъ моря бо́льшею частію песчаный и врѣзывается въ морскія воды песчаными-же косами [1]). „Въ области Добруджи нѣтъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ; плоскія возвышенности покрыты высокою пожелтѣвшею отъ дѣйствія солнца травою; въ безводныхъ долинахъ этихъ степей только колодцы доставляютъ жителямъ воду“ [2]). Но повсемѣстно-ли степь сохраняетъ тотъ-же суровый видъ, и всегда-ли она имѣла такой характеръ? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ различнымъ теоріямъ о существованіи лѣсовъ въ южной полосѣ восточно-европейской низменности. Теорій этихъ было весьма много, и приводить ихъ заняло-бы много времени [3]). Едвали можно согласиться, что все пространство къ югу отъ теперешнихъ городовъ Тамбова, Рязани, Глухова, Сосницы, Козельца, Василькова, Бердичева и Кременца, было и есть безлѣсно [4]). Несомнѣнно, были причины, способствовавшія исчезновенію лѣсовъ

---

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ губерній: Екатеринославской: стр. VII; Херсонской—стр. IV—V; Земли Войска Донскаго—стр. VI.

[2]) Брунъ. Черноморье, ч. I, стр. 34.

[3]) См. Семенова. Отечествовѣдѣніе, т. VII, глава II, стр. 11—18 Майкова, Рецензія на книгу Барсова „Очерки рус. историч. географіи“, помѣщенная въ Ж. М. Н. П. 1874 г. № 8, стр. 259 и д. Извѣстія о занятіяхъ IV Археологич. Съѣзда въ Казани.—Рефератъ г. Майкова.

[4]) Къ югу отъ этой черты простираются черноземныя пространства. Основываясь на теоріи Рупрехта, г. Майковъ отрицаетъ возможность произрастанія лѣсовъ на черноземной почвѣ и потому дѣлаетъ выводъ, что въ южной Россіи ихъ никогда не было. (Ж. М. Н. П. 1874 г. № 8).

въ области южной Россіи. Между ними главнѣйшими нельзя не признать постоянное движеніе кочевыхъ массъ и способъ обработки земли въ древней Руси. Земледѣліе на югѣ ведетъ свое начало съ незапамятныхъ временъ. Еще Геродотъ разсказываетъ, что гдѣ-то въ области р. Днѣпра жили Скиѳы-пахари. Скиѳское преданіе о золотомъ плугѣ [1]), упавшемъ съ неба, показываетъ, что это земледѣльческое населеніе относило начало обработки земли къ глубокой древности. Еще въ IV в. до Р. Х. шла обширная торговля хлѣбомъ, вывозимымъ изъ Воспорскаго царства [2]). Города существовавшіе въ Тавридѣ и на азійскомъ берегу Воспора, были по преимуществу торговые, не могли произвести количества хлѣба, необходимаго для обширнаго отпуска, слѣд. продукты земледѣлія доставлялись осѣдлыми окрестными народцами. Мы не можемъ, конечно, сказать, какой способъ обработки земли существовалъ въ данное время, но едвали онъ былъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ у насъ въ древней Руси. „Поднимать цѣлину, чертить, подсушивать и выжигать лѣса было въ обычаѣ на Руси даже въ XIV и XV вв.; въ IX же, X, XI и XII столѣтіяхъ, по всему вѣроятію, этотъ обычай былъ еще сильнѣе“. Новыя земли, расчищенныя для пашни, назывались въ XIV в. притеребами [3]). Но это названіе должно было быть и раньше, ибо слово „теребить“ въ смыслѣ расчищать дорогу въ лѣсу употреблялось и въ началѣ XI в.. „Требите путь и мостите мостъ“, говоритъ въ 1014 г. Владиміръ, собираясь идти на Ярослава [4]). Сколько-же должны были потерпѣть лѣса отъ такого способа земледѣлія, когда мы застаемъ его на югѣ до Р. Х. Не менѣе, чѣмъ земледѣліе, истребленію лѣсовъ способствовали и постоянныя передвиженія кочевыхъ народовъ. Начало и этого факта намъ приходится отнести къ глубокой древности. Еще во времена Геродота мы застаемъ въ нашихъ степяхъ кочевниковъ—Скиѳовъ; затѣмъ на виду исторіи проходятъ

---

[1]) Чтенія Имп Общ. Ист. и Др. Рос. 1861 г. кн. IV. Шепшингъ. Опытъ первоначальной исторіи земледѣлія.

[2]) Григорьевъ. Россія и Азія. Спб. 1876 г. стр. 332—333.

[3]) Временникъ Имп. Общ. Ист. и Древ. Москва. 1855 г. к. 22. Бѣляевъ. Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древ. Россіи. Стр. 44—45.

[4]) Лавр. Лѣт. стр. 127.

Гунны, Авары, Венгры, Печенѣги, Торки, Половцы; въ заключеніе явились Татары. Каждое изъ этихъ племенъ оставляло слѣдъ въ убыли лѣсовъ. Вотъ напр. какъ рисуетъ намъ слѣдствія Татарскаго нашествія арабскій писатель XIV в., Ибнъ-Яхія. „Эта страна (Половцевъ), говоритъ онъ, до вторженія Татаръ, была обработана превосходно, и теперь еще она показываетъ остатки своего первоначальнаго плодородія. Тамъ можно видѣть деревья, приносящія различные плоды..... Деревья, существующія теперь, представляютъ только остатки насажденій, сдѣланныхъ древними обитателями, которые спеціально занимались земледѣліемъ. Не смотря на то, что деревьевъ уничтожено огромное количество, ихъ остается еще много на горахъ и вдали отъ городовъ“ [1]).

Можно и въ настоящее время указать на большія пространства лѣсовъ въ Подоньѣ, въ Поднѣпровьѣ и др. мѣстахъ южной Руси. Имѣются данныя, доказывающія ихъ существованіе и въ болѣе отдаленное время.

Византіецъ Кедренъ говоритъ, что Печенѣги остались въ равнинѣ между Балканами, Дунаемъ и моремъ, богатой лѣсомъ всякаго рода и пастбищами [2]). Это извѣстіе относится къ XI в., но еще въ IV в. погнанные Гуннами Готы явились къ Дунаю, рубили лѣсъ, строили однодеревки [3]). Такимъ образомъ, нынѣ пустынная Добруджа не была когда-то такъ безлѣсна. Двигаясь на востокъ мы вступаемъ въ области рѣкъ Прута, Днѣстра, Буга и Днѣпра. Лѣса между первыми двумя рѣками сосредоточены главнымъ образомъ къ сѣверу.

---

[1]) „Cette contrée, avant l'invasion des Tartares, était parfaitement cultivée, et elle offre encore aujourd'hui des restes de sa fertilité primitive. On y voit des arbres qui portent différentes éspèces de fruits.... Ces arbres qui subsistent aujourd'hui sont les debris des plantations faites par les anciens habitants, qui s'occupaient de l'agriculture d'une manière speciale. Malgré le nombre immense qui a été detruit, il en reste encore beaucoup dans les montagnes et loin des villes“.

Notices et extraits des manuscrits, v. XII. Notice de l'ouvrage qui a poure titre: „Mesalek Alabsar fi Memalek Alamsar“=Vogages des yeux dans les royaumes des différentes contrées. Ed. par. M. Quatremère, p. 268—269.

[2]) Stritter. Memoriae Populorum, v. III, p. 823.

[3]) Ж. М. Н. П. 1878 г. № 1. Васильевскій. Русско-Византійскіе отрывки.

Здѣсь мѣстность представляетъ истинное царство лѣсовъ. На югѣ они доходятъ до Кишинева, гдѣ сливаются съ Днѣстровскими рощами, а съ другой съ прибрежными Прутскими лѣсами, доходя до Кагула [1]). Точно также разсказы старожиловъ теперешней Херсонской губерніи свидѣтельствуютъ, что въ старину даже очень недавнюю, и лѣса губерніи были гораздо обширнѣе, и рѣки многоводнѣе. Рѣка Ингулецъ выходитъ изъ такъ называемаго Чернаго лѣса и въ прошломъ столѣтіи считался „великой важности для Херсона и вообще для торга по р. Днѣпру и Черному морю ради дубовыхъ лѣсовъ на вершинѣ его стоящихъ“ [2]). Можно привести для этой мѣстности о лѣсахъ нѣсколько извѣстій, восходящихъ къ болѣе отдаленному времени. Въ концѣ XII в. мы застаемъ большіе лѣса по берегамъ р. Тясмина, впадающаго въ Днѣпръ. Тутъ производилась княжеская охота, и водилось множество звѣрей [3]). Спускаясь ниже по теченію Днѣпра, встрѣчаемъ остатки лѣсовъ почти у самаго устья этой рѣки. Нынѣ еще на луговой ея сторонѣ лѣски начинаются гораздо ниже Алешекъ. Назадъ тому лѣтъ полтораста тамъ, безъ сомнѣнія, было болѣе деревьевъ, нежели теперь, почему и Турки могли сказать, что Запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ искали убѣжища въ Алешкахъ, скрылись „въ лѣсѣ братьевъ“ [4]). Гдѣ-то въ этой-же мѣстности помѣщалась Гилея греческихъ писателей. Всѣ они говорятъ объ обиліи въ ней лѣсовъ, а одинъ изъ нихъ, греческій ораторъ Діонъ посѣтилъ лично Гилею и сравниваетъ ея деревья съ корабель-

---

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ. Бессарабская Область. Спб. 1861 г. Стр. XI.

[2]) Ibidem. Херсонская губернія. Спб. 1868 г. Стр. XVIII и XIX. Не здѣсь-ли находился Черный лѣсъ, упоминаемый въ описаніи р. Днѣпра, приложенномъ къ сочиненію „О казакахъ запорожскихъ“ (Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ. 1847 г. № 6, стр. 35). Точно также Черный лѣсъ помѣщается на правой сторонѣ Днѣпра на картѣ составленной по чертежу царевича Ѳеодора Борисовича. Эта карта приложена ко II тому Сказаній современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, Спб. 1859 г.

[3]) „..... и поидоша на ловы по Днѣпрю въ лодьяхъ, и на устье Тесмени, и ту ловы дѣяша и обловишася множествомъ звѣрѣй.....“ Ипат. Лѣт. подъ 1190 г. стр. 449.

[4]) Брунъ. Черноморье. Одесса. 1880 г. ч. II, стр. 11 и 13.

ными мачтами [1]). Такимъ образомъ въ глубокой древности мы находимъ въ низовьяхъ нашего Днѣпра могучіе лѣса отъ которыхъ сохранились только небольшіе остатки. Переходимъ на восточную сторону этой рѣки. Самая южная мѣстность, о которой мы имѣемъ извѣстіе, это Перекопскій перешеекъ. Константинъ Б. разсказываетъ, что нѣкогда тутъ былъ каналъ, соединявшій Азовское море съ Чернымъ, и потомъ засорившійся и поросшій густымъ лѣсомъ, въ которомъ было всего только двѣ дороги [2]). Къ сѣверу отсюда въ прошломъ столѣтіи густыя купы деревьевъ встрѣчались еще по берегамъ р. Волчьихъ водъ, Кальміуса и Міуса [3]). На востокъ отъ нихъ лѣса существовали на Дону, о чемъ намъ сообщаетъ венеціанскій путешественникъ Іосафатъ Барбаро, прожившій въ городѣ Танѣ, находившемся не далеко отъ устья этой рѣки, шестьнадцать лѣтъ. Изъ его извѣстій видно, что въ трехъ миляхъ отъ города былъ лѣсъ, гдѣ скрывались разбойники [4]). Таковы наши свѣдѣнія о лѣсныхъ пространствахъ къ югу отъ проведенной нами холмистой раздѣльной линіи, направляющейся, какъ мы сказали, чрезъ р. Донъ, Калміусъ, Днѣпръ. Гораздо болѣе можно сказать о лѣсахъ въ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ этой границы. Въ области между рѣками Дономъ и Днѣпромъ по самой р. Самары, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, мы находимъ и теперь большіе лѣсныя пространства, но для вѣковъ прошедшихъ есть данныя, благодаря которымъ можно смѣло заключить, что въ данномъ районѣ были сплошные дремучіе лѣса. Обращаясь къ области бывшаго Переяславскаго княжества, мы находимъ, что

---

[1]) Ibidem. Стр. 10—11.

[2]) „.....ἐν ᾗ καὶ σούδαν οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν μέ ἀποκλείσαντες πᾶσαν τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπό γῆν κρατοῦσαν μέχρι ἀ μιλίων ἥ καὶ πλειόνων τινῶν. Ἐκ δέ τῶν πολλῶν ἐ κατεχώσθη ἡ αὐτὴ σούδα καὶ εἰς δάσος ἐγένετο πολύ. καὶ οὐκ εἰδὶν ἐν αὐτῷ π δύο ὁδοὶ ἐν αἷς οἱ Πατξινακῖται διέρχονται πρός τε Χερσῶνα καὶ Βόσπορον τὰ κλίματα. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Constantinus Porp rogenitus, v. III. Bonnae M. DCCCXL. p. 180.

Ср. Майковъ. Ж. М. Н. П. 1874 г. № 8, стр. 274 –275.

[3]) Брунъ. Черноморье. ч. II, стр. 80.

[4]) Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836 г. Изв веніемъ Каллистратова, трудами Семенова. Отд. I, т. I, стр. 29, Ср. Ма ковъ. Ж. М. Н. П. 1874 г, № 8, стр. 275.

теперь еще берега почти всѣхъ его рѣкъ покрыты древесною растительностью. Берега Сулы въ прежнія времена были покрыты дремучими лѣсами, да и теперь еще тутъ остались рощи, преимущественно дубовыя. Лѣвый берегъ притока этой рѣки, Удая, въ настоящее время покрытъ лѣсами до города Прилукъ, а къ югу отъ него растутъ порядочныя дубовыя рощи. Еще болѣе лѣснымъ характеромъ отличались берега Перевода. Въ первой половинѣ текущаго столѣтія близъ Поддубновки былъ лѣсъ столѣтнихъ дубовъ. Правый берегъ Псла занятъ лѣсами разныхъ породъ и преимущественно дубомъ. Сѣверное теченіе Хорола также отличается обиліемъ лѣсной растительности. На Ворсклѣ замѣчательны лѣса дубовые, которые нечаянно спаслись отъ повсемѣстнаго истребленія; ихъ осталось не много; въ Диканькѣ есть, однако-же, дубы, которые имѣютъ сажень въ діаметрѣ. Они пережили вѣка и свидѣтельствуютъ о лѣсномъ богатствѣ, которымъ нѣкогда этотъ край изобиловалъ. Отъ непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ Супоя почти ничего не осталось. Эти дремучіе лѣса были въ древнее время и по берегамъ Трубежа; въ нихъ водились дикія козы, кабаны, лоси, олени, медвѣди. Корань, Трубежъ и Цыбля вмѣстѣ съ Днѣпромъ образуютъ обширные острова, окруженные непроходимыми болотами, топями, зарослями и лѣсами [1]). Какою была эта мѣстность вѣковъ шесть тому назадъ? Можно смѣло сказать, что территорія Переяславскаго княжества была далеко не такъ безлѣсна, какъ область нынѣшней Полтавской Губерніи. Намъ остается сдѣлать обзоръ мѣстности самой интересной въ исторіи Руси до нашествія Монголовъ. Она занимаетъ область лѣвыхъ притоковъ Ворсклы, верхняго теченія послѣдней, рѣкъ Сулы и Псла съ одной стороны, область Дона и его притоковъ съ другой. Южной границей ея можно считать р. Самару. Начнемъ обозрѣніе съ сѣверо-западной ея части. Здѣсь въ первой половинѣ XVII в. были лѣса по рр. Сулѣ и Терну, носившіе названіе Кореневскаго, Козельскаго и Гриневскаго; по рр. Бѣлицѣ, Любани, Гнилицѣ (большой черный Гнилицкій лѣсъ), между вершинами Сулы и Ильмовъ; въ селѣ Могрицѣ сохранилось преданіе

---

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ. Полтавская губернія. Спб. 1862 г. стр. IX—XV.

Записки Имп. рус. Геогр. Общ. 1856 г. к. XI. Н. Маркевичъ. Рѣки Полтавской Губерніи. Стр. 353, 364, 375—6, 387, 400, 409, 425, 429, 430.

о нѣкогда бывшихъ тутъ дремучихъ лѣсахъ [1]). Они были также и по теченію Исла. Горы и нынѣшніе луга по берегу этой рѣки нѣкогда были покрыты самыми дремучими лѣсами [2]). Въ стародавнее время на рр. Бѣлкѣ и Боромлѣ, впадающей въ Ворсклу были такіеже лѣса. Мы видимъ ихъ ниже по Ворсклѣ и теперь, какъ напр. около Журавнаго, и въ XVII ст. Такъ въ 1638 г. ляхи застали въ расплохъ козаковъ Котельвы, которые были разсѣяны и спаслись въ ея лѣсахъ. По сосѣдству отсюда былъ лѣсъ Крупицкій [3]). Идя къ югу, можно и теперь еще видѣть лѣсныя пространство по р. Мерлу. На среднемъ теченіи его въ настоящее время есть лѣса около Краснокутска, а изъ одной грамоты прошлаго столѣтія мы видимъ ихъ существованіе и на его верховьяхъ [4]). На нижнемъ теченіи его лѣса соединялись въ отдаленное отъ насъ время съ лѣсами Котельвы. Есть до сихъ поръ густой лѣсъ на водораздѣлѣ рѣкъ Коломака и Можа [5]). Этимъ приходится закончить обзоръ лѣсныхъ пространствъ въ области притоковъ Днѣпра. Переходя къ бассейну Дона, мы находимъ описаніе его береговъ до устья р. Воронежа въ извѣстномъ путешествіи Пимена XIV вѣка. „Въ недѣлю-же св. Мироносицъ поплыхомъ рѣкою Дономъ на низъ", читаемъ тамъ. Бысть-же сіе путное шествіе печально и уныльниво, бяше бо пустыня зѣло всюду.... нигдѣ-бо видѣти человѣка, точію пустыни велія и звѣріе множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бяше вся пустыни великія" [6]). Правда,

---

[1]) Въ грамотѣ 1649 г. Недригайловскому попу соборному: „.....и лѣсъ хоромный и дровяной по рѣкѣ по Сулѣ и по Терну и по яругамъ и въ Кореневскомъ, и въ Козельскомъ и въ Гриневскомъ лѣсахъ". (Историко-Статист. Описаніе Харьковской епархіи. Москва, 1852 г. ч. III, стр. 557).

Межевая опись 1657 г. (Ibidem, стр. 335—338) и стр. 391.

[2]) Ibidem, ч. III, стр. 336—7 и ч. I, 163 и 170:

[3]) Ibidem. ч. III, стр. 118, 107 и 94.

[4]) Ibidem, ч. III, стр. 231 и ч. I, стр. 207: Царская грамота Лаврѣ 1703 г.: „Покровскій (Сѣнянскій) монастырь съ принадлежащими къ тому монастырю землями и *лѣсами*, и мельницами и рыбными ловлями и со всѣми угодьи приписать къ той Кіево-Печерской Лаврѣ...."

[5]) Ibidem, ч. II. стр. 278.

[6]) Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. Спб. 1852 г. к. VI, стр. 60. Бѣляевъ. О географич. свѣдѣніяхъ въ древней Руси.

здѣсь о лѣсахъ и помину нѣтъ, но всякій согласится, что перечисленныя тутъ породы звѣрей могли водиться только въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Тутъ-же Воскресенская лѣтопись указываетъ существованіе въ концѣ XIII в. Воронежскихъ лѣсовъ, куда спасался отъ татарскаго преслѣдованія Липовецкій князь, Святославъ въ 1283 г. [1]). Отъ нихъ въ настоящее время остались болѣе или менѣе частые перелѣски по правымъ берегамъ Дона и Воронежа [2]). На той-же сторонѣ мы находимъ лѣсныя мѣста и по р. Битюгу [3]). Къ востоку простирается область теперешней Саратовской губерніи. Сѣверная половина ея довольно богата лѣсомъ и теперь. Есть лѣса и по берегамъ рр. Медвѣдицы и Хопра. По Иловлѣ встрѣчаются еще перелѣски, но мѣстность по бо́льшей части представляетъ открытую равнину. Однако-же и къ югу отъ Саратова встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки пней огромнаго размѣра свидѣтельствуютъ, что когда-то и здѣсь существовали лѣса и что обнаженность горъ произошла отъ истребленія лѣса, необходимымъ послѣдствіемъ чего было вывѣтреніе и размытіе плодороднаго слоя почвы [4]). Берега нижняго теченія рр. Хопра и Медвѣдицы покрыты лѣсомъ [5]). Переходя въ область правыхъ притоковъ Дона, мы замѣчаемъ, что въ нынѣшней Курской Губерніи и теперь еще изрѣдка попадаются звѣри свойственные лѣснымъ мѣстностямъ, но въ старину ихъ было гораздо больше [6]). Дѣйствительно, въ концѣ XVI-го и началѣ XVII в. былъ такъ называемый Пузацкій лѣсъ у верховьевъ Донца и Оскола [7]). Между пос-

---

[1]) Воскрес. Лѣт. ч. I, стр. 177.

[2]) Списки населенныхъ мѣстъ. Воронежская губернія. Спб. 1865 г. стр. VIII.

[3]) Ibidem, стр. IX.

[4]) Списки населенныхъ мѣстъ. Саратовская Губернія. Спб. 1862 г. стр. VI, IX, XVIII.

[5]) Земля Донскаго Войска. Спб. 1864 г. стр. IX.

[6]) Курская Губернія. Спб. 1868 г. стр. IX.

[7]) Книга, глаголемая большой чертежъ. Москва. 1846 г. Стр. 87: „А рѣка Семь вытекла изъ Пузацкого лѣсу, изъ-подъ Муравской дороги, отъ верху рѣки Оскола и отъ верху Оскольца; а промежъ ихъ верховьевъ черезъ Пузацкой лѣсъ лежитъ дорога изъ Крыму въ Русь, Муравской шляхъ мимо Ливны". Ср. стр. 11 и 34.

лѣднимъ и рѣчкой Потудонью въ тоже время былъ лѣсъ Погорѣльскій, а у верховьевъ рр. Дубны, Корочи и Корени—лѣсъ Юшковы Бояраки [1]). Въ настоящее время лѣсомъ покрытъ правый, высокій берегъ Оскола [2]). По верхнему теченію Донца въ XVI—XVII в. росли лѣса: Розумный, Болховы Бояраки и Долгій Бояракъ [3]). Мы видимъ, такимъ образомъ, въ юго-восточномъ углу Курской губерніи сплошныя лѣсныя пространства два столѣтія тому назадъ. Въ концѣ XVII столѣтія былъ дубовый лѣсъ около нынѣшняго Салтова на Донцѣ [4]). Мѣстность около Чугуева была покрыта по обѣимъ сторонамъ Донца дремучими лѣсами. На лѣвомъ берегу былъ мачтовый боръ. Здѣсь водились дикіе звѣри: медвѣди, волки, лисицы, куницы, барсуки, сурки, дикія козы и сайгаки; изъ птицъ, кромѣ нынѣшнихъ, лебеди, гагары [5]). По разсказамъ старожиловъ, такимъ-же характеромъ отличались берега Донца около нынѣшней деревни Шелудовки [6]). Лѣса Зміевскіе отличались непроходимостью. Въ концѣ XVIII столѣтія здѣсь были „дубовые деревья клейменныя для корабельнаго строенія“; водилась тутъ масса звѣрей и въ томъ числѣ бѣлки и горностаи, не говоря уже о разныхъ породахъ птицъ. Около Изюма, въ старыя времена росъ дремучій боръ. Лѣса теперь истреблены и открылись сыпучіе пески, переносимые, подобно волнамъ, съ одного мѣста на другое [7]). Еще южнѣе мы находимъ остатки лѣсовъ около нынѣшняго Святогорскаго монастыря. Тутъ по правому берегу Донца идутъ высокія горы, покрытыя вѣковыми дубами, изрѣдка соснами, или кленовыми, или ясеневыми деревьями. Изъ грамоты конца XVII в. видно,

---

[1]) Ibidem, стр. 24, 12, 22, 29, 34, 87.

[2]) Курская Губернія. Стр. VII.

[3]) Книга глаголемая большой чертежъ. Стр. 28—29 и 14.

[4]) Изъ описанія Салтова 1674 г.: „городъ Салтовъ построенъ на Салтовскомъ городищѣ, обставленъ дубовымъ лѣсомъ“. (Ист.-статистич. Описаніе Харьков. епархіи, ч. IV, стр. 283).

[5]) Ibidem, ч. IV, стр. 1—2 и ч. I, стр. 228.

[6]) Ibidem, ч. IV, стр. 153.

[7]) Ibidem, ч. IV, стр. 193—4 и ч. I стр. 197: Зміевскому Николаевскому монастырю принадлежала слободка Гомольша, на рѣкѣ того-же имени, имѣвшая строеваго и дровянаго лѣса до 5,987 десятинъ, въ отрубѣ отъ 10 до 11 вершковъ, а вышины отъ 8 до 10 сажень. Ч. V, стр. 104.

что монастырю принадлежали и большія лѣсныя угодья [1]). Въ прежнее время по рр. Бѣлой и Айдарѣ были лѣса и камыши, и, по извѣстію Гюльденштедта, густымъ лѣсомъ была окружена вершина Кремяной, впадающей въ Красную [2]). Проѣдемся теперь по р. Удамъ. Прежде всего, на правомъ ея берегу мы находимъ въ половинѣ XVII столѣтія лѣса между рѣчками Пѣсочиномъ, Ольшаной и Рѣпками [3]). Глухой лѣсъ стоялъ отъ самаго Харькова до р. Березовой, а вѣковые дубы на холмахъ Хорошева монастыря свидѣтельствуютъ, что нѣкогда и здѣсь мѣстность имѣла такой-же характеръ [4]). Переберемся къ р. Можу и начнемъ осмотръ его береговъ съ нижняго теченія. На устьѣ его въ Донецъ мы видѣли уже лѣса Зміевскіе. Подымаясь вверхъ, мы попадаемъ у рѣки Озерянки въ мѣстность еще и теперь непроходимую отъ топей, озеръ и лѣса [5]). Далѣе мы встрѣчаемъ около села Ординки городище, по валамъ котораго выросли дубы; иные изъ нихъ уже срублены, и на нихъ свободно можетъ лежать человѣкъ высокаго роста, не занимая всей длины поперечника [6]). Сколько столѣтій должны были расти эти дубы, чтобы достигнуть до такой величины объема? На лѣвомъ берегу Можа у верховьевъ его притока Адалаги былъ въ XVII в. лѣсъ Иловскіе бояраки [7]). Лѣса въ бассейнѣ Можа соединялись съ лѣсами, бывшими по Коломаку. Мы уже видѣли существованіе лѣса въ настоящее время около с. Ковегъ, на водораздѣлѣ этихъ двухъ рѣкъ. Книга большаго чертежа указываетъ, что тутъ были непроходимые лѣса и болота [8]). Лѣсныя пространства здѣсь не останавливались: они шли дальше въ область рр. Орели и Самары. Еще и теперь по берегамъ первой изъ нихъ

---

[1]) Ibidem, ч. I, стр. 108 и 138.

[2]) Ibidem, ч. V, стр. 299, 323, 327.

[3]) Ibidem, ч. II, стр. 111—112, примѣч. 1.

[4]) Ibidem, ч. I, стр. 53 и 81.

[5]) Ibidem, ч. I, стр. 192.

[6]) Ibidem, ч. II, стр. 295—6.

[7]) Книга глаголемая большой чертежъ, стр. 17.

[8]) Ibidem, стр. 17: „а межъ Можа и Коломака на Муравской дорогѣ рву версты съ три.... А по странамъ того рва обойти нельзя: пришли *лѣса* и болота".

ростутъ лѣса и кустарники [1]). Въ XVII в. у верховьевъ Орели былъ лѣсъ, называвшійся Кошь бояракъ [2]). Берега Самары въ древнее время были весьма лѣсисты. Бопланъ говоритъ о богатствѣ лѣсовъ по этой рѣкѣ въ XVII в., какимъ не отличалась ни одна изъ другихъ видѣнныхъ имъ рѣкъ [3]). Подтвержденіе этому мы находимъ въ статейномъ спискѣ посла въ Крымъ въ 1681 г., Василья Тяпкина. Сказавши, что лѣса кончаются только на р. Самарѣ, онъ далѣе продолжаетъ: „да не токмо на тѣхъ Овечьихъ водахъ, но и на всѣхъ помянутыхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ водъ можно городы земляные, крѣпкіе подѣлать.... для того, что около тѣхъ рѣкъ, и на степяхъ, *дубровы великія, и лѣса* и терни и тальники и камыши, и *звѣрь въ лѣсахъ*, и рыбы въ водахъ, и кормовъ конскихъ всюды множество, и пашни можно завести великія“ [4]). Это описаніе особенно важно, потому что оно ясно указываетъ на существованіе дубровъ и лѣсовъ въ самыхъ степяхъ. Гдѣ—степь, тамъ черноземъ; гдѣ—черноземъ—тамъ не могутъ быть лѣса. Таково мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ. Но уже это сообщеніе нашего посла опровергаетъ эту теорію. Приблизительно между верховьями Самары и Осколомъ лѣтопись помѣщаетъ Черный лѣсъ во второй половинѣ XII в. [5]). Вотъ всѣ данныя, какія только мы были въ силахъ собрать

---

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ. Екатеринославская Губернія. Спб. 1863 г. стр. XIII.

[2]) Книга глаголемая большой-чертежъ, стр. 18 и 97.

[3]) Déscription d'Ukranie, par Beauplan. Rouen. 1660 a., p. 17: cette rivière de Samar est fort considerable avec ses environs, non seulement pour l'abondance du poisson, mais aussi pour la cire, miel, la venaison, et *les bois à bastir*, dont elle est plus riche, qu'aucune“.... „les cosaques l'appellent la riviére sainte, peut estre à cause de son heureuse abondance“.

[4]) Записки Одес. Общ. Ист. и Др. 1848 г. т. I, стр. 573, 574. То-же самое говоритъ стряпчій Иванъ Коломнинъ, посланный для осмотра береговъ Самары. (Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи, 1861 г. в. I).

[5]) Ипат. Лѣт. Стр. 369: „Идоша князи 9 дней ис Киева. И взяша вежѣ ихъ на Углѣ рѣцѣ, а другыѣ по Снопороду, а самѣхъ постигоша въ Чернего лѣса.... Басшии-же и инии мнози гониша по нихъ и за Въсколъ бьюче и“. Очевидно, здѣсь, придерживаясь направленія съ Орели

о распространеніи лѣсовъ въ южной части Россійской низменности [1]). Приведемъ въ заключеніе нашего обозрѣніе слова ученаго агронома, Баумана. „Многіе ученые, говоритъ онъ, отвергаютъ возможность существованія первобытныхъ лѣсовъ въ южно-степномъ краѣ въ отдаленныя отъ насъ времена; я самъ принадлежалъ къ приверженцамъ этого мнѣнія; но послѣднее путешествіе по Землѣ Донскаго Войска совершенно меня убѣдило въ справедливости противоположнаго мнѣнія“ [2]). Мы позволяемъ себѣ присоединиться къ этому мнѣнію: мы обозрѣли или существующіе теперь, или существовавшіе прежде лѣса; мы видѣли ясныя указанія для нѣкоторыхъ мѣстностей, что въ болѣе отдаленное отъ насъ время эти лѣса были обширнѣй, даже росли тамъ, гдѣ ихъ теперь совсѣмъ нѣтъ. Я думаю, что на основаніи всего этого безспоренъ выводъ, что нѣсколько столѣтій назадъ лѣса занимали весьма обширныя пространства. Для насъ важенъ скромный выводъ, что лѣсныя пространства были болѣе распространены, чѣмъ теперь, во время историческое, во времена поселенія тутъ Славянскихъ племенъ, не касаясь вопроса о безлѣсности степи, или о сплошномъ занятіи ее лѣсами, въ доисторическое время. Повторяемъ, для насъ важно, что Славяне застали на югѣ большее распространеніе лѣсовъ, большую ихъ дремучесть, чѣмъ это было во времена позднѣйшія, чѣмъ это есть теперь. Какое значеніе имѣлъ лѣсъ для славянскаго населенія? Не касаясь его вліянія на складъ народной жизни, на занятія, на поэзію народа и т. д., обратимъ вниманіе на его значеніе для осѣдлаго населенія въ другомъ отношеніи. Кажется, не можетъ быть спору въ томъ, что Славянское племя, появившееся въ Европу, конечно, съ востока, должно было двигаться по рѣчнымъ системамъ, какъ единственному удобному пути.

къ Осколу, мы должны признать за Самару Снопородъ, а Черный лѣсъ помѣстить между ея верховьями, Донцомъ и Осколомъ. Снопородъ Самарой считалъ еще Щекатовъ. (Словарь Географ. Р. Г. Москва. 1807 г. ч. 5, стр. 1061).

[1]) Лѣтопись еще упоминаетъ о Голубомъ лѣсѣ: „и доидоша до Снепорода и ту изъимаша сторожы Половѣцкыѣ и повѣдаша вѣжи и стада Половѣцкая у Голубого лѣса“. (Ипат. лѣт. Стр. 440). Это—единственное показаніе, и изъ него извлечь ничего нельзя.

[2]) Цитата у Бруна: Черноморье. ч. II, стр. 81.

Лѣсныя пространства являлись препятствіемъ движенію. Доходя до водораздѣла между какими нибудь двумя рѣками, славянство должно было на нѣкоторое время задерживаться здѣсь, чтобы прочистить себѣ дорогу къ слѣдующей рѣчной системѣ. Иногда извѣстное племя тутъ и осаживалось на долго. Въ то-же время другое племя, двигаясь по другой рѣкѣ, приходило къ этому-же водораздѣлу съ противоположной стороны. Водораздѣлъ являлся границей двухъ племенъ. Такимъ образомъ, лѣсъ служилъ не малымъ препятствіемъ при разселеніи племенъ, и поэтому уже тогда должно было начаться его истребленіе. Но вотъ племена осѣлись. И тутъ вражда къ лѣсу не могла прекратиться. Онъ препятствовалъ земледѣлію, сообщенію съ сосѣдями и т. п. Уничтоженіе лѣса должно было усилиться. Таково было положеніе въ то время, когда славянство не было тревожимо никѣмъ. Но вотъ обстоятельства измѣняются. Азія высылаетъ массы кочевниковъ—насильниковъ противъ осѣдлаго славянскаго населенія. Лѣсъ изъ врага становится защитникомъ. Особенно чувствуетъ это окраинное населеніе. Въ странахъ, гдѣ есть горы, осѣдлое населеніе удерживается въ мѣстностяхъ гористыхъ. У насъ не было этихъ защитниковъ. Надо было отступать въ лѣса, окружить себя чащами, топями, болотами. Начинается переселеніе. Чѣмъ лѣсистѣй мѣстность, тѣмъ вытѣсненіе совершается медленнѣе, чѣмъ она открытѣе, тѣмъ скорѣе происходитъ удаленіе осѣдлаго населенія. Угличи, занимавшіе открытую мѣстность на нижнемъ теченіи Днѣпра, раньше другихъ, еще въ X ст., переселяются въ болѣе лѣсистыя мѣстности Бессарабіи. Подопское населеніе держалось дольше и, какъ кажется, отступало постепенно. Въ началѣ XII в. мы видимъ переселеніе Бѣловежцевъ въ область Черниговскую. Постепенному отступленію способствовало обиліе лѣсовъ въ области Дона и его притоковъ. Переяславское княжество упорно боролось за свои границы и, благодаря лѣсистости своей территоріи, и въ XII в. удержало небольшія поселенія даже по Ворсклѣ. Все это факты извѣстные. Мы вправѣ, поэтому искать въ болѣе лѣсныхъ мѣстностяхъ остатковъ славянскихъ поселеній въ гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ въ мѣстностяхъ открытыхъ. Отступая, осѣдлое населеніе старалось окружить себя всевозможными преградами для набѣговъ кочевниковъ. Лѣтопись сохранила намъ извѣстіе о постройкѣ городовъ Владиміромъ Св. по Сулѣ и по Стугнѣ, для обороны противъ Печенѣговъ: „бѣ бо рать

отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одоляя ихъ“ [1]). Письмо же Брунона къ императору Генриху II указываетъ намъ на устройство Владиміромъ весьма крѣпкихъ и длинныхъ засѣкъ [2]), чему, конечно, способствовала лѣсистая мѣстность береговъ Стугны. Населеніе пользовалось для своей защиты всѣми естественными преградами. Позже, напримѣръ, во время занятія степей Татарами, устраивались крѣпости, „лѣсныя и болотныя“ [3]). Населенія, при вѣсти о набѣгѣ враговъ, скрывалось въ лѣса. Такъ измѣнилось значеніе лѣса. Для осѣдлаго населенія онъ сталъ защитникомъ, для кочевника препятствіемъ въ его опустошительныхъ набѣгахъ. Легкое войско Печенѣговъ и Половцевъ было страшно своимъ военнымъ искуствомъ въ открытомъ мѣстѣ, но въ лѣсу оно пассовало предъ пѣшею ратью. Припомнимъ напр., какъ въ 1170 г. Русскіе „постигоша Половцевъ въ Чернего лѣса, *и ту притиснувше къ лѣсу, избиша ѣ, а иныя руками изоимаша*“ [4]). „Народъ земледѣльческій, крѣпко привязанный къ своей землѣ и къ своимъ старымъ обычаямъ, Славяне не могли легко и охотно покидать свои старыя жилища“ [5]). Они покидали ихъ медленно, въ теченіи вѣковъ, и лучшимъ помощникомъ, защитникомъ для нихъ въ этомъ упорно-медленномъ отступленіи были лѣса.

Когда-же появилось славянское племя на берегахъ Чернаго Моря и въ теперешнихъ степныхъ пространствахъ? Первыя извѣстія о Славянахъ въ этихъ мѣстностяхъ мы находимъ у писателей VI в. Такъ

---

[1]) Лавр. Лѣт. Спб. 1872 г. стр. 119.

[2]) Monumenta Poloniae Historica. Widał August Bielowsky. Lwów. 1864 г. v. I, стр. 225: „duxit me (Bladimirus) usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit“.

[3]) „Роспись, что̀ по осмотру стряпчаго Ивана Коломнина“.... Онъ говоритъ, что по берегамъ Самары много лѣсовъ, болотъ и озеръ; что эти лѣса, озера и болота могли служить удобнымъ мѣстомъ для передовыхъ укрѣпленій. Отъ Лучанскаго урочища до Гришина брода „въ луговыхъ мѣстѣхъ крѣпости болотныя“. По р. Гнѣздище „крѣпости отъ непріятельского приходу надежны, потому что приходили болота и великіе камыши“. (Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи, 1861 г. вып. I).

[4]) Ипат. Лѣт. Стр. 369.

[5]) Ламанскій. Славяне въ Малой Азіи. Спб. 1859 г. стр. 76—77.

Іорнандъ представляетъ намъ ихъ раздѣленными на два племени: Анты между Днѣпромъ и Днѣстромъ, и Славяне собственно между Днѣстромъ и Дунаемъ [1]). Но этотъ писатель не зналъ о поселеніяхъ Антовъ и далѣе на востокъ. Объ этомъ намъ сообщаетъ Прокопій Кесарійскій, заслуживающій полнаго довѣрія, благодаря положенію, которое онъ занималъ въ Византіи, какъ сенаторъ и префектъ города: о столкновеніяхъ грековъ съ Славянами онъ писалъ на основаніи разсказовъ очевидцевъ и оффиціальныхъ свѣдѣній [2]). Онъ разсказываетъ, что къ сѣверу отъ Готовъ, обитающихъ по берегамъ Дона и Азовскаго моря, живутъ Анты [3]). Въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. мы видимъ столкновеніе Готовъ съ римлянами; между тѣмъ Готы застали уже Антовъ и Славянъ на ихъ мѣстахъ, ибо покорили ихъ. Слѣд. время поселенія Славянъ по берегамъ Чернаго Моря слѣдуетъ отодвинуть отъ VI в. назадъ, къ I или II столѣтію по Р. Х. Нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго, что Славяне жили здѣсь еще и до Р. Х., но мы ограничиваемся и этою давностью, которая сама вытекаетъ изъ приведенныхъ извѣстій. Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что разселеніе славянства по мѣстамъ ихъ позднѣйшаго пребыванія шло съ Юго-востока. Первоначально, конечно, и Анты явились на юго-востокѣ и оттуда уже путемъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ, достигли до его области. Какъ бы ни было, мы въ III в. находимъ обширныя поселенія Славянъ отъ Дуная и до Дона. Не смотря на движеніе Готовъ, оно остается на прежнихъ своихъ мѣстахъ, какъ болѣе слабое, покоряется ими. Съ появленіемъ Гунновъ, Готы поработившіе Славянъ, вытѣсняются; Анты подчиняются Гуннамъ и всетаки остаются на своихъ мѣстахъ. Даже болѣе,—нахлынувшіе кочевники, по разсказу бывшаго у нихъ греческаго посла,

---

[1]) Iordanis. De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis. Ed. Carolus Gloss. Stuttgariae. 1861 r. Heft I, f. 22—26, 28.

[2]) Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. Спб. 1861 г.

[3]) Procopii. De bello gottico, lib. IV, c. IV; Ср. Васильевскій. Рус.—Виз. Отрывки—Ж. М. Н. П. 1877 г. № 6; Ламанскій. О Славянахъ. Стр. 76—77; Брунъ. Черноморскіе Готы—Зап. Им. Ак. II. 1874 г. т. 24, к. I. стр. 15.

Приска [1]), сами подвергаются въ нѣкоторой степени культурѣ осѣдлаго населенія, принимаютъ многіе его обычаи, что и подало поводъ смѣшивать Гунновъ съ Славянами. Если мы даже примемъ то мнѣніе, что Прискъ не выѣзжалъ изъ предѣловъ Паннонiи, что населеніе въ ней принадлежало къ Кельтскому племени [2]), то всетаки нельзя отрицать его осѣдлости и вліянія ея на кочевниковъ. Вслѣдъ за Гуннами на Славянъ обрушились Авары, появившіеся на берегахъ Волги еще въ 554—5 г. Въ VII в. ихъ власть простиралась уже отъ Дуная до Дона и на западъ до Чехіи. Они покорили Антовъ, но послѣ, при аварскомъ каганѣ, Байанѣ, послѣдніе подняли возстаніе. Кагану пришлось усмирять ихъ. Вскорѣ начались отпаденія отъ власти Аваръ отдѣльныхъ племенъ. Первыми сбросили съ себя это иго Болгары въ 630 г. Затѣмъ появленіе Хазаръ въ 667 г. и быстрое распространеніе ихъ могущества окончательно ослабили Аваръ [3]). Мы видимъ и въ это время Антовъ осѣдлыми: они покорены, поднимаютъ возстаніе, усмиряются. Мы замѣчаемъ тутъ уже, что у нихъ есть племенные князья, какъ напр. Мезаміръ, явившійся для переговоровъ къ Аварамъ и убитый ими. Писатель конца VI в., императоръ Маврикій, рисуетъ ихъ намъ какъ людей благо[illegible]онныхъ и гостепріимныхъ по отношенію къ путешественникамъ; у нихъ были рабы, но рабство не вѣчное; жили они въ лѣсахъ и болотахъ и жилища дѣлали со многими выходами, какъ предосторожность отъ неожиданныхъ нападеній враговъ; вооружались они двумя дротиками и большими щитами, имѣли и луки; у нихъ вѣчныя несогласія, и никто не хочетъ при обсужденіи дѣла уступить другому; между ними есть много князьковъ (reguli), враждующихъ между собою [4]). Черты быта, сообщаемыя

[1]) Учен. З. А. Н. по II отд. т. XII. Сказаніе Приска Панійскаго. Дестуниса.

[2]) Ж. М. Н. П. 1882 г. ч, 222. Іюнь. Васильевскій. Рецензія на „Введеніе въ Рус. Исторію“ Иловайскаго,

[3]) О гуннахъ и аварахъ см. Nouvelles Annales des voyages, v. II, 1850 a. и 1848 a. v. IV. Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades qui se sont succedés au nord du Caucase, par M. Vivien—de-Saint—Martin. Revue de deux mondes. 1854 a. Novembre. „Fils et usuccesseurs d'Attila“, par Thierry.

[4]) Strategicum Mauricii. Upsaliae. Ed. Schefferus. MDCLXIV a. in 8° l. XI, c. V. Ср. Ламанскій. Славяне въ Малой Азіи. Стр. 129.

Маврикіемъ, весьма интересны: мы видимъ, что Анты были по характеру дѣйствительные славяне, даже напоминали Новгородцевъ при рѣшеніи общихъ дѣлъ; они сражаются пѣшими, съ большими щитами—ясный признакъ не кочеваго населенія. Съ паденіемъ власти Аваръ, исчезаетъ и имя Антовъ. Но нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы это осѣдлое населеніе погибло въ этихъ мѣстахъ, отъ Дуная до Дона, а тѣмъ болѣе цѣликомъ переселилось-бы куда-нибудь. Все, что могло произойти при постоянныхъ движеніяхъ кочевыхъ массъ,—это группировка осѣдлаго населенія въ болѣе лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Мы видимъ, что Анты уже ограждаются лѣсами и болотами. Вся страна ихъ по извѣстію Маврикія, наполнена болотами, лѣсами и тростниками [1]). Благодаря такому характеру мѣстности, славяне удержались здѣсь до X в. Главными мѣстами ихъ поселеній должны были сдѣлаться берега рѣкъ, гдѣ больше сосредоточивалась лѣсная растительность, гдѣ являлось больше топей, зарослей. Мы увидимъ ниже, что это и было такъ. О судьбѣ Антовъ въ бассейнахъ рѣкъ Днѣпра, Днѣстра, Буга, мы имѣемъ извѣстія нашей лѣтописи, но о ихъ братьяхъ, жившихъ въ VI в. въ области Дона, въ послѣдующія столѣтія нѣтъ прямыхъ извѣстій, хотя есть указанія, не позволяющія, какъ намъ кажется, сомнѣваться, что Анты и здѣсь не были поглощены землей. Какъ западные ихъ родичи сгруппировались по долинамъ рѣкъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, такъ и они могли занять мѣста около рѣкъ Дона и его притоковъ. Мы обязаны вспомнить, что еще въ XVI—XVII вв. мы видимъ лѣса по Самарѣ, Орели, Овечьимъ-водамъ, находимъ ихъ у устья Дона. Осѣдлое населеніе могло отступить частью южнѣе къ устью этой рѣки, частью на линію, гдѣ начинались лѣсныя гущи. Степныя пространства въ этихъ мѣстностяхъ мы находимъ въ IX ст. занятыми кочевымъ народомъ Венграми. Страшные спустя одно столѣтіе Печенѣги до этого времени жили еще между Волгой и Яикомъ [2]), и осѣдлое населеніе не приходило съ ними въ столкновеніе. Сохраненію его способствовало и политическое положеніе дѣлъ, установившееся на югѣ. Съ конца

---

[1]) Ibidem.

[2]) Corpus Script. Historiae Byzantinae. Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 164.

VII в. Хазаре распространяютъ свою власть на всемъ пространствѣ отъ Волги до Днѣпра. Славянское населеніе подчиняется имъ и находитъ подъ ихъ властью безопасность. Въ государствѣ Хазаръ мы встрѣчаемъ полную религіозную и національную терпимость. Это общеизвѣстно. Во время своего могущества они умѣли сдерживать подвластныя имъ племена отъ враждебныхъ столкновеній. Кочевники Венгры находились въ зависимости отъ Хазаръ, какъ это видно изъ разсказа Константина Б. [1]). Враждебное движеніе въ степяхъ начинается только въ то время, когда Хазарія ослабѣла въ борьбѣ съ Арабами, когда вслѣдствіе этого ей пришлось взяться за ту-же политику, какой пользовалась въ своемъ безсиліи Византія,—ссорить сосѣдей, чтобы удержаться самой. Начало этому далъ союзъ Хазаръ съ Узами для обузданія Печенѣговъ въ IX в. Печенѣги обрушились на Венгровъ, заставили ихъ уйти въ Паннонію. Хазарія не имѣла далѣе силъ справиться съ Узами, тѣснимыми Половцами. Походы Русскихъ X вѣка подорвали ея могущество окончательно и уничтожили этотъ *оплотъ Славянства* на Востокѣ. Но въ періодъ VII—IX вв. сила Хазаръ была еще крѣпка, и Славяне подъ ея охраной сохраняли свое мѣстопребываніе. Когда въ IX в. началось упомянутое движеніе, то Славяне должны были нѣсколько отступить и болѣе сосредоточиться около устьевъ Дона и къ сѣверу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Тутъ, у этой рѣки, еще застаетъ ихъ арабскій писатель, Массуди, въ X в. Вотъ что сообщаетъ онъ намъ: „между большими и извѣстными рѣками, впадающими въ море Понтусъ (Черн. М.), находится одна, называемая Танаисъ, которая приходитъ съ сѣвера. *Берега ея обитаемы многочисленнымъ народомъ Славянскимъ* и другими народами, углубленными въ сѣверныхъ краяхъ [2]). Рядомъ съ этимъ извѣстіемъ стоитъ другое: „Марванъ, дядя Халифа Гишама, проникъ въ Хазарію и тамъ, расположившись лагеремъ у Славянской рѣки, взялъ изъ нихъ въ плѣнъ 20,000 человѣкъ и поселилъ ихъ въ Кахетіи“ [3]). Это сообщеніе для насъ весьма важно. Оно не только

---

[1]) Ibidem, 168—170.

[2]) Гаркави. Сказанія мусульман. писателей. Стр. 140.

[3]) Гаркави, стр. 37 и 75. D'Ohsson. Les peuples du Caucase. Paris. 1828 a. 8° p. 64—65.

подкрѣпляетъ извѣстіе Массуди, но доказываетъ существованіе славянскаго осѣдлаго населенія по Дону въ VIII в., потому что разсказанное событіе совершилось въ первой половинѣ этого столѣтія, а этимъ подкрѣпляются приведенныя нами выше соображенія. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что подъ именемъ Славянской рѣки арабскіе писатели разумѣли Волгу и Донъ, принимая послѣднюю за рукавъ первой. Такъ думалъ и Массуди, говоря напр., что Каспійское море не имѣетъ никакого другаго сообщенія съ Азовскимъ кромѣ Хазарской рѣки (Волги) [1]). Чтобы представить эту рѣку соединяющей упомянутыя моря, необходимо нужно Донъ признать ея рукавомъ. Точно такого-же мнѣнія былъ и Ибнъ-Хордадбегъ [2]). Арабы въ своей борьбѣ съ Хазарами не разъ проникали въ страны на сѣверъ отъ Кавказскихъ горъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Марванъ дошелъ до нижняго теченія Дона. Послѣ этого событія онъ въ 735 г. занялся подчиненіемъ кавказскихъ мелкихъ владѣтелей и потомъ снова черезъ города Баланджаръ и Семендеръ вторгся въ самое сердце Хазаріи, разбилъ армію кагана и вывелъ въ страну Лезгинъ колонію Хазаръ. Имя Хазаръ сохранилось до нынѣшняго столѣтія среди Лезгинъ и другихъ народцевъ кавказа, хотя и въ непереносномъ смыслѣ: словомъ „Chyssr", въ ихъ произношеніи равномъ слову „Хазаръ", они называютъ евреевъ [3]). Нѣтъ, такимъ образомъ, основанія отрицать вышеприведеннаго извѣстія, такъ какъ по самымъ обстоятельствамъ оно не представляетъ ничего невѣроятнаго, несогласнаго съ ходомъ дѣла. Этимъ сообщеніемъ мы обязаны двумъ авторамъ: Аль-Баладури и Табари. Первый изъ нихъ жилъ и писалъ во второй половинѣ IX ст. Своими сатирическими произведеніями онъ пріобрѣлъ расположеніе халифовъ, а такъ какъ принятый имъ на себя трудъ—исторія завоеваній ислама [4])—былъ весьма интересенъ для мусульманскаго міра, то можно смѣло предположить, что

---

[1]) Сказаніе мусульман. писателей. Стр. 127—8.

[2]) Ibidem, стр. 49; Journal asiatique. 1865 a. v. 5, serie VI. „Le livre des routes et des provinces par Ibn—Khordadbeh, publié par Barbier—de-Meynard, p. 514.

[3]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. p. 65, 66, 67 и 212.

[4]) Сказанія мусульман. писателей, стр. 35.

для него были открыты архивы, а это уже много говоритъ въ пользу достовѣрности его извѣстій. Мы не имѣемъ также основанія заподозрить въ невѣрности и Табари, извѣстнаго своими сочиненіями по богословію и исторіи [1]). Вообще арабовъ обвиняютъ въ большой склонности къ фантазіи, выставляютъ невозможность правильныхъ сообщеній съ ихъ стороны по отдаленности ихъ мѣстопребыванія отъ описываемыхъ странъ и народовъ, отъ мѣста событій. Но не ко всѣмъ изъ нихъ и не во всѣхъ случаяхъ это можетъ относиться. Есть факты, гдѣ нѣтъ пищи для фантазіи; есть между арабами путешественники, лично посѣщавшіе описываемыя земли; многіе изъ нихъ и на мѣстѣ своего жительства обладали средствами, дававшими имъ возможность правильнаго изложенія фактовъ исторіи, географіи и этнографіи. Нужно смотрѣть такимъ образомъ на характеръ сообщаемаго факта и на положеніе сообщавшаго. Извѣстіе Аль-Баладури и Табари мы признаемъ заслуживающимъ полнаго довѣрія.

Къ числу такихъ-же сообщеній, на которыхъ нѣтъ возможности разгуляться фантазіи, должно отнести и извѣстіе Массуди о пребываніи Славянъ по р. Дону. Перечитывая его, убѣждаешься въ его простотѣ, въ отсутствіи всего того, что заставляло-бы подозрѣвать автора въ какой-либо тенденціозности, въ стремленіи къ вымыслу. Таковъ характеръ сообщаемаго факта. Но мы не должны забывать еще, что Массуди былъ путешественникъ, лично посѣтившій прикаспійскія страны. Въ свою жизнь онъ объѣздилъ Иракъ, Арменію, Каспійское море и его прибрежныя страны, Персію, Индію, о-въ Цейлонъ, Трансоксіану, м. б., Малайское и Китайское море, Египетъ, Африку, на западѣ Испанію [2]). Изъ прикаспійскихъ странъ онъ посѣтилъ Хазарію [3]), что, конечно, особенно важно для насъ: значитъ, тѣ лица, отъ которыхъ онъ добывалъ свои свѣдѣнія, могли сообщить ему вѣрныя данныя, такъ какъ въ Хазаріи жило много Славянъ, и самое

---

[1]) Ibidem, стр. 72.

[2]) Сказанія мусульм. писателей, стр. 120; Rambeau. L'empire grec au dixième siècle. Paris. 1870 a. p. 495.

[3]) Frähn.. Ibn—Faszland's und anderer araber Berichte. Спб. 1823 стр. IX—X. Ср. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. Спб. 1861 г.

Подонье входило въ районъ подчиненныхъ ей странъ. Массуди отличался большою осторожностью въ собираніи матерьяла для своихъ сочиненій. „Во всякой странѣ, говоритъ Рейно, которую онъ посѣщалъ, онъ отыскивалъ документы, относившіеся къ прошедшему времени; онъ входилъ въ сношеніе съ знающими людьми страны“ [1]). Вотъ напр. слова самого нашего путешественника. „Я путешествовалъ, говоритъ онъ, изъ Абоскуна, который есть пристань Джурджана, въ страну Табористанъ, *и я не пропускалъ ни одного изъ видѣнныхъ мною купцовъ сколько-нибудь понимающихъ, котораго не разспрашивалъ-бы* объ этомъ (о соединеніи Азов. и Каспійс. морей), и всѣ они разсказывали мнѣ, что нѣтъ другого пути въ Абоскунъ, какъ чрезъ Хазарское море“ [2])... Сверхъ этого, въ доказательство вѣрности своего мнѣнія, онъ приводитъ разсказъ о походѣ Руссовъ въ Табористанъ [3]). Такое отношеніе къ дѣлу заставляетъ относиться съ довѣріемъ къ автору извѣстій: навѣрно, онъ внесъ въ свой трудъ замѣтку о Славянскомъ поселеніи Подонья не по первому слуху, а послѣ тщательныхъ распросовъ. Нѣтъ также ничего невѣроятнаго въ томъ, что Массуди могъ еще у себя, въ Багдадѣ, слышать объ этомъ фактѣ, или почерпнуть его изъ сочиненій другихъ арабскихъ географовъ и историковъ. Но и въ такомъ случаѣ достовѣрность сообщенія нисколько не уничтожается. Нашъ авторъ принадлежалъ къ числу самыхъ образованныхъ людей своего времени. Онъ изучалъ даже греческую литературу [4]). Въ числѣ его источниковъ мы находимъ

---

[1]) Reinaud. Géographie d'Aboulfeda. Paris. 1848 a. v. I p. LXV.

[2]) Сказанія мусульман. писателей. Стр. 128.

[3]) Объ этомъ походѣ см. замѣчательную статью г. Григорьева: „О древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ“, въ его сборникѣ „Россія и Азія“ Спб. 1875 г. Здѣсь авторъ приходитъ къ заключенію о полной достовѣрности извѣстій Массуди. „Описывая вторженіе Руссовъ, говоритъ г. Григорьевъ, Массуди не былъ водимъ ни ревностью къ религіи, ни любовію къ отечеству; не имѣлъ въ виду ни увеличить славы мусульманъ, ни воспѣть своего героя, какъ Низами“. (17—18). Все это еще въ бо́льшей степени должно относиться къ разбираемому нами извѣстію.

[4]) Сказанія мусульман. писателей. Стр. 117. Ср. Макушевъ. Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ.

сочиненія уже упомянутыхъ нами Алъ-Баладури и Ибнъ Хордадбега. О положеніи, которое занималъ въ Багдадѣ первый, мы уже говорили. Еще въ лучшихъ обстоятельствахъ стоялъ Ибнъ-Хордадбегъ. Около 880 г. онъ занималъ должность начальника почтъ въ Джибалѣ. Отъ него осталась „книга путей". Тутъ находится полное перечисленіе всѣхъ главнѣйшихъ провинцій, городовъ, съ обозначеніемъ количества налоговъ не только съ каждой провинціи но и города; въ описаніи путей сообщенія перечисляются всѣ станціи съ указаніемъ разстоянія между ними въ фарассангахъ [1]). Эта точность труда, его мелкія подробности,—показываютъ, что авторъ пользовался оффиціальными свѣдѣніями. Кромѣ того, ему, какъ министру путей сообщенія, было весьма легко собирать указанія и отъ иностранцевъ, которые должны были къ нему весьма часто обращаться. Но предположимъ даже, что у Массуди были подъ руками еще другіе, менѣе достовѣрные источники, то и въ такомъ случаѣ отношеніе его къ нимъ должно уничтожать недовѣріе наше къ его извѣстіямъ. Какъ поступали арабскіе ученые съ матерьяломъ, добытымъ раньше ихъ путешествій, видно изъ словъ Ибнъ-Гаукаля. Онъ говоритъ, что первое время своихъ поѣздокъ постоянно держалъ въ рукахъ сочиненія Ибнъ-Хордадбега, Кодамы и Джагайни, конечно, съ цѣлью провѣрокъ ихъ сообщеній своими личными наблюденіями. То-же самое дѣлалъ и Массуди. Онъ скептически относился ко всѣмъ ранѣе преобрѣтеннымъ свѣдѣніямъ и провѣрялъ каждое изъ нихъ на мѣстѣ. „*Нѣкоторые ошиблись и думали*, говоритъ онъ, что море Хазарское соединялось съ моремъ Майотасъ (Азовское), но *я не видалъ* между купцами, отправляющимися въ страну Хазаръ и путешествующими по морю Майотасъ и Найтасъ (Черное), въ страну Русъ и Булгаръ, *ни одного*, который-бы думалъ, что съ Хазарскимъ моремъ соединяется одно изъ этихъ морей" [2]). Онъ, такимъ образомъ, не беретъ на вѣру мнѣній своихъ ученыхъ предшественниковъ или современниковъ, а прямо указываетъ ихъ ошибку. Слѣд. найди онъ опроверженіе факту славянскихъ поселеній на Дону, мы видѣли-бы у него непремѣнно и его отрицаніе, а повѣрить это фактъ онъ имѣлъ возможность, такъ какъ былъ въ Хазаріи. Итакъ, къ какому заключенію мы придемъ относительно

[1]) Journal asiatique. 1865 a. v. I, s. VI.

[2]) Сказанія мусульман. писателей. Стр. 127.

этого важнаго извѣстія Массуди? Извѣстія Прокопія и Маврикія VI в., Аль-Баладури VIII в. и Массуди X в. стоятъ въ связи между собою и поддерживаютъ другъ-друга. Историческія обстоятельства, о которыхъ мы говорили, служатъ также ихъ подтвержденіемъ. Молчаніе нашей лѣтописи о распространеніи Славянъ въ область р. Дона не можетъ служить опроверженіемъ сдѣланному нами выводу. Она молчитъ о многомъ. Лѣтопись наша не интересуется судьбой даже Уличей и Тиверцевъ, о которыхъ упомянула въ началѣ; для нея мало заботы о Тмутаракани послѣ 1094 г.: для нея исчезаетъ этотъ городъ, хотя мы знаемъ изъ другихъ источниковъ о продолженіи его жизни. Всё, что́ не было подъ властью рус. князей, было для нея „не наше“. Она только при случаѣ упоминаетъ о р. Донѣ. Лѣтопись составлена въ XII в., когда уже собственно племенныя названія утратились и замѣнились именами княжествъ. Поэтому она знаетъ княжество Тмутараканское, но не называетъ его жителей племеннымъ именемъ. Отчего-же она не упомянула подъ какимъ нибудь названіемъ о нихъ при своемъ перечисленіи славянскихъ племенъ, когда поставила въ числѣ ихъ Уличей и Тиверцевъ, о которыхъ позже тоже ничего не говоритъ? Оттого, что въ то время, когда племена рус. славянъ носили еще свои имена, эти Уличи и Тиверци входили въ составъ подчиненныхъ рус. князьямъ, между тѣмъ какъ племя, жившее по Дону входило тѣсно въ составъ Хазарской державы, слѣд. было для лѣтописца „чужимъ“. Онъ могъ смотрѣть на нихъ даже какъ на Хазаръ. Бѣловѣжцы являются въ 1116 г. въ Русь, отступая предъ напоромъ кочевниковъ, и одна изъ лѣтописей прямо называетъ ихъ Хазарами [1]). Возмемъ самое извѣстіе нашей лѣтописи о размѣщеніи Сѣверянъ: „а друзии же сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣвера“ [2]). Рѣка Сула является здѣсь юго-восточной границей этого племени, а между тѣмъ мы находимъ поселенія и на Хоролѣ, и на Ворсклѣ и на Пслѣ, и даже на Донцѣ [3]). „Какъ

---

[1]) „Въ се лѣто прійдоша Бѣловѣжцы, си есть Козаре, въ Русь“. (Цитата изъ Густын. лѣтописи у Д. Багалѣя „Исторія Сѣверской земли до до половины XIV ст. Кіевъ. 1882 г. стр. 22“).

[2]) Ипат. Лѣт. стр. 4.

[3]) Городъ Хороль, Лтава, Голтовъ, Донецъ.

далеко, говоритъ г. Барсовъ, простирались на югъ Славянскія поселенія на восточной сторонѣ Днѣпра, неизвѣстно. Къ концу X в. мы застаемъ ихъ окраины на Сулѣ рѣкѣ, но если и здѣсь славянское населеніе было также принуждено постепенно отступать къ сѣверу подъ наплывомъ степныхъ инородцевъ, какъ то было на западной сторонѣ Днѣпра, то необходимо допустить, что ихъ первоначальныя поселенія заходили гораздо далѣе на югъ“ [1]). Но кто же будетъ спорить противъ того, что давленіе кочевниковъ было дѣйствительно, что славяне принуждены были отступать? Нельзя считать этихъ засульскихъ поселеній слѣдствіемъ колонизаціи Славянъ въ степи, потому что до самаго нашествія Татаръ мы видимъ здѣсь только отступательное движеніе Славянскаго племени, а никакъ не наступательное. Слѣд. это были остатки нѣкогда бывшихъ здѣсь поселеній. Но лѣтопись не говоритъ намъ о нихъ ни слова. Таково ея отношеніе къ мѣстностямъ ближайшимъ, населеннымъ русскими же людьми. Мы не отрицаемъ, что лѣтопись *могла* знать и о болѣе отдаленныхъ странахъ; нельзя не принять мнѣнія г. Срезневскаго, что источниками для географіи лѣтописи служили разсказы бывалыхъ людей, принимавшихъ участіе въ торговлѣ; что русскіе съ незапамятныхъ временъ извѣдали многія страны востока и запада [2]). Но знанія русскихъ людей приходится отдѣлить отъ знаній по географіи нашего лѣтописца, на сколько это видно изъ его сообщеній: географическія свѣдѣнія лѣтописи на ея первыхъ страницахъ о запад. Европѣ и странахъ прикаспійскихъ весьма скудны. Извѣстія ея о Хазаріи, бывшей въ близкой связи съ рус. Славянами, имѣютъ только историческій характеръ. Очевидно, лѣтописецъ или не имѣлъ о ней разсказовъ бывалыхъ людей, или не хотѣлъ передавать ихъ. Но послѣднее не такъ вѣрно. Доказательство этому мы находимъ въ описаніи обычаевъ разныхъ племенъ. Начавъ разсказъ съ обычаевъ рус. Славянъ, лѣтописецъ желаетъ показать, что онъ знаетъ и болѣе. Онъ разсказываетъ тутъ и о Сирійцахъ, и Бактрянахъ, о Халдѣяхъ и Вавилонянахъ, и объ

---

[1]) Очерки Рус. Истор. Географіи. Н. П. Барсова. Варшава. 1873 г. Стр. 131—2.

[2]) Вѣстникъ Имп. рус. Геогр. 1854 г. т. X, к. II. Срезневскій. Слѣды древняго знакомства съ южной Азіей. Также Записки Имп. рус. Геогр. Общ. 1852 г. к. VI. Бѣляевъ. О географич. свѣдѣніихъ въ древ. Руси.

Амазонкахъ; есть тутъ и Половцы. Послѣдніе были уже очень близки, непосредственно могли быть знакомы лѣтописцу. Но отъ кого онъ узналъ о раньше упоминаемыхъ народахъ? „Глаголетъ Георгій в лѣтописаньи“ [1]). Вотъ откуда, изъ греческаго хронографа. Замѣтимъ, что весь разсказъ о всякихъ Халдѣяхъ, Вавилонянахъ, и Амазонкахъ, изложенъ въ настоящемъ времени. Бывалые русскіе люди, принимавшіе участіе въ обширной торговлѣ съ Азіей [2]), навѣрно, знали о ея жителяхъ совсѣмъ иное, навѣрно, могли разсказать кое-что о жизни Арабовъ, а не объ Амазонкахъ. Отсюда ясный и, кажется, неопровержимый выводъ, что нашъ лѣтописецъ не слушалъ разсказовъ этихъ бывалыхъ людей, а вѣрилъ только своимъ хронографамъ и питался ихъ сообщеніями, не желая вовсе провѣрять ихъ. Нѣсколько словъ о зап. Европѣ и о пути чрезъ Волгу въ „Хвалисы“ являются совершенно случайными. Допустивъ, что они переданы бывалыми людьми, придется только сказать, что лѣтописецъ *могъ знать* о внѣ русскомъ мірѣ, но *не хотѣлъ*.

Можно-ли, послѣ сказаннаго, поставить рядомъ съ нашимъ лѣтописцемъ любознательныхъ ученыхъ арабовъ, какъ Ибнъ-Хордадбегъ, Ибнъ-Фодланъ, Массуди? Каждый путешественникъ, каждый писатель, сообщаетъ иногда факты, требующіе строгой повѣрки, но изъ этого не слѣдуетъ возможность отрицать всѣ его извѣстія.

Когда Массуди писалъ свое извѣстіе о Подонскомъ поселеніи Славянъ, входившихъ въ предѣлы Хазаріи, послѣдняя была прекрасно извѣстна Арабамъ. Мы могли-бы въ доказательство указать на выводы, сдѣланные гг. Григорьевымъ и Савельевымъ въ указанныхъ раньше трудахъ. Оба они работали въ одно время, независимо другъ отъ друга, и пришли къ одинаковымъ заключеніямъ объ обширности сношеній народовъ на территоріи теперешней Россіи съ Азіей. Но не лишнимъ считаю указать нѣсколько фактовъ, относящихся къ Хазаріи. Между Таврическимъ полуостровомъ и Азіей существовали издавна самыя оживленныя сношенія: Они были такъ прочны, что не

---

[1]) Лавр. Лѣт. Изд. Археогр. Коммиссіи. Спб. 1872 г. стр. 13--15.

[2]) См. П. С. Савельева. Мухамеданская нумизматика. Спб. М. DCCCXL. VI. Также. Григорьева. О куфическихъ монетахъ въ сборникѣ „Россія и Азія“.

прекращались даже въ XIII в., когда занятіе степей кочевниками выдвинуло для нихъ много препятствій. Весьма интересны въ этомъ отношеніи данныя, находимыя у Ибнъ-эль-Атира, арабскаго писателя средины XIII в. Онъ разсказываетъ, что, когда въ 1223 г. татары потребовали отъ владѣтеля Тебриза [1]) выдачи бѣжавшихъ Хорезмійцевъ, то владѣтель часть послѣднихъ убилъ, часть взялъ въ плѣнъ; плѣнныхъ и русскихъ (купцовъ) отправилъ съ подарками Татарамъ [2]). Для насъ это извѣстіе должно сохранять полную силу и въ томъ даже случаѣ, если здѣсь именемъ русскихъ купцовъ названы нѣкоторые изъ Хорезмійцевъ, торговавшихъ на Руси. Разсказывая о взятіи Судака Татарами, Ибнъ-эль-Атиръ говоритъ, что къ этому городу пристаютъ суда съ одеждами и частью покупаютъ, частью вымѣниваютъ на нихъ невольниковъ и мѣха [3]). Когда пришли Татары, сѣтуетъ онъ далѣе, дорога нарушилась, и не получалось никакихъ товаровъ, ни чернобурыхъ лисицъ, ни бобровъ, ни бѣлокъ, что отправлялось изъ тѣхъ странъ; когда-же Татары возвратились, то дорога открылась, и стали отправлять товары по прежнему [4]). О событіяхъ 1223 г. Атиръ говоритъ по разсказамъ бѣжавшихъ изъ Крыма [5]). Если такія оживленныя сношенія происходили во времена Атира, то нѣтъ повода уже сомнѣваться въ вѣрности арабскихъ извѣстій предыдущихъ столѣтій о вывозѣ изъ земли Руса и Славоніи всякаго рода мѣховъ, когда Хазарія покровительствовала этой торговлѣ Ей способствовали въ сильной степени евреи, въ большомъ числѣ проживавшіе въ этомъ государствѣ. Поселеніе этой націи на Таврическомъ полуостровѣ восходитъ къ отдаленному времени. Еще раньше появленія Готовъ въ Крыму, въ Пантикапеонѣ находилась іудейская синагога,

---

[1]) Тебризъ—городъ въ Азербайджанѣ, области, находившейся на юго-вост. берегу Каспійскаго моря. (См. карту Азіи начала XIII в. при сочиненіи Histoire des Mongols. Par D'Ohsbon. La Haye et Amsterdam. 1834 a. v. I).

[2]) З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куникъ. Выписки изъ Ибнъ-эль-Атира. Стр. 668.

[3]) Ibidem. Стр. 660.

[4]) Ibidem. Стр. 662.

[5]) Куникъ. Ibidem.

и есть свидѣтельство, что въ VII в. тутъ существовала іудейская община [1]). При Гарунъ-эль-Рашидъ хазарскіе правители приняли юдаизмъ, и съ тѣхъ поръ много евреевъ утвердилось въ ихъ странѣ, особенно, послѣ 944 г., когда на нихъ было поднято гоненіе въ Византійской Имперіи [2]). Есть извѣстіе у Ибнъ-Хордадбега, что Раданиты ѣздили изъ зап. Европы или моремъ или сушей въ Суецъ, Аравію, Индію, Китай, и говорили по персидски, романски, арабски, французски, по испански и славянски [3]). Эти раданниты, не безъ вѣроятія, могутъ быть признаны за евреевъ.

Обширныя торговыя связи были между поволжскими берегами и центральной Азіей—Хорезмомъ. Булгаре и Славяне вели съ нимъ дѣятельную торговлю [4]). Она происходила главнымъ образомъ въ столицѣ Хорезма, Джурджаніѣ или Курканджѣ. Изъ этого города часто направлялись караваны въ Хазарію, Маверанагру и Джорджанъ. Сюда стекались пушные товары и рабы хазарскіе, славянскіе и тюркскіе [5]). Изъ Джорджана шли караваны на верблюдахъ въ самый Багдадъ [6]). Хоразмійцы иногда дѣлали и набѣги на Болгаръ и Славянъ, при чемъ многихъ изъ нихъ уводили въ плѣнъ [7]). Скажемъ, между прочимъ, что послѣднее извѣстіе говоритъ въ пользу существованія славянскихъ поселеній по Дону, ибо нападать на Славянъ Хоразмійцы могли только

---

[1]) Брунъ. Черноморье. Одесса. 1880 г. ч. II стр. 310.

[2])Rambeau. L'ampire grec. p. 339. D'Ohsson. Les peuples du Caucase. p. 36.

[3]) Journal asiatique. 1865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes d'ibn—Khordadbeh tr. par. B. de-Meynard. p. 512—14.

[3]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. p. 79.

[4]) „Le commerce se fait priucipalement dans la ville de Courcandje, que nous autres arabes appelons Djourdjanieje. De cette capital du Khorazm... porteut souvent les caravanes paur la Khozarie, la Mavera—un—Nehr et la Djourdjan. Elle est l'entrepôt des marchandises du nord, qui consisteut surtout en peaux de renard, zibeline, castor et autres pelleteries, et en esclaves khozares, sclabes et turcs (Ибнъ-Гаукаль). Ibidem. p. 147.

[5]) Journal asiatique 1865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes, p. 514. Городъ Джорджанъ далъ свое имя Каспійскому морю, которое у Арабовъ называлось Джарджанскимъ (Ibidem. p. 524).

[6]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. p. 80.

въ областяхъ приволжскихъ или придонскихъ. У эль-Атира сохранилось даже такое преданіе, что нѣсколько послѣ принятія іудейства на Хазаръ напали Хоразмійцы и покорили ихъ; что въ другой разъ (въ 204 году гиджры=819—820 г. по Р. Х.) Хоразмійцы подали Хазарамъ помощь подъ условіемъ принятія послѣдними исламизма [1]). Оно указываетъ на близость отношеній между Хазаріей и Хорезмомъ. Кромѣ того извѣстно, что гвардія Хазарскаго кагана состояла изъ Хорезмійцевъ [2]).

Какъ давни были сношенія Хазаръ съ Персіей видно напр. изъ того, что при Хозроѣ былъ, въ силу политическихъ обстоятельствъ, воспрещенъ доступъ къ его двору иностранцамъ изъ Хазаріи и Аллаиіи [3]). Столѣтіемъ ранѣе эры арабовъ владѣнія Хазаръ простирались до рѣки Аракса [4]). Съ развитіемъ силы арабовъ начались ихъ частыя столкновенія съ Хазаріей. Борьба эта шла съ перемѣннымъ счастіемъ. Результатомъ ея прежде всего должно было явиться расширеніе этнографическихъ и географическихъ свѣдѣній Арабовъ о Хазаріи и областяхъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Оба народа въ своихъ походахъ глубоко проникали въ страны одинъ другого: съ одной стороны Хазары доходятъ до Моссула, проникаютъ въ глубь Персіи, съ другой—Арабы берутъ хазарскіе города Семендеръ, Баланджаръ [5]). Чѣмъ далѣе шло взаимное знакомство двухъ націй, тѣмъ болѣе расширялись и сношенія между ними. Отношенія были и дружественныя, коммерческія. Любопытство или выгоды побуждали арабскихъ путешественниковъ ѣздить въ сѣверныя страны. Особенно эти отношенія усилились въ X в. [6]).

Этого небольшаго очерка вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что во времена Массуди страны между Волгой и Дономъ, между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, были прекрасно извѣстны арабамъ. Могъ-ли бы нашъ путешественникъ написать ложь въ своемъ сочи-

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. 203.

[2]) Ibidem. p. 36.

[3]) Journal asiatique. 1865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes.

[4]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. p. 47.

[5]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. pp. 49, 57, 60, 67.

[6]) Nouvelles annales des voyages. 1851 a. vs. II et III „sur les Khazars" pas Vivien—de-S. Martin.

ненiи, при томъ безъ всякаго интереса для себя, когда его могли уличить въ ней его современники, знавшіе о Хазаріи не менѣе его. Что значило для него славянское поселеніе на Дону сравнительно съ его ученой извѣстностью на востокѣ. Не забудемъ, что періодъ IX—X вв. на всемъ востокѣ, въ Византіи, въ Багдадѣ, былъ лучшимъ временемъ географіи [1]).

Въ заключеніе мы могли-бы привести соображенія о славянствѣ населенія Тмуторакани гг. Ламанскаго, Барсова, Иловайскаго, Багалѣя, но это только увеличило-бы объемъ главы, тѣмъ болѣе, что выводы, сдѣланные ими извѣстны. Важнѣе всего, что каждый изъ нихъ шелъ различными путями [2]). Заканчиваю свои доказательства о существованіи Славянскихъ поселеній по Дону словами г. Срезневскаго, сказанными имъ по другому поводу: „какъ-то намъ все еще странно представлять, что это было, а тѣмъ не менѣе надобно, наконецъ, освоиться съ подобнымъ взглядомъ“ [3]).

Намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на вопросѣ о славянскихъ поселеніяхъ въ области рѣкъ Днѣпра, Буга, Днѣстра. „Дулѣби-же живяху по Бугу, кде нынѣ Волыняне, а Улутичи, Тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру, и присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множство ихъ, сѣдяху-бо по Бугу и по Днепру оли до моря“ [4]) ... Таково извѣстіе Ипатьевской лѣтописи, но другіе списки помѣщаютъ эти племена по р. Днѣстру [5]); однако всѣ они единогласно говорятъ,

---

[1]) Rambeau. L'empire grec au dixième siècle. p. 495.

[2]) Ламанскій. Славяне въ Малой Азіи, въ Африкѣ и Испаніи. Спб. 1859 г. Иловайскій. Розысканіе о началѣ Руси. Москва. 1882 г. и Исторія Россіи. Москва. 1880 г. Барсовъ. Очерки рус. Истор. Географіи. Варшава. 1873 г. Багалѣй. Исторія Сѣверской Земли до половины XIV ст. Кіевъ. 1882 года.

[3]) Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ. 1854 г. т. X, к. II Срезневскій. Слѣды древ. знакомства русскихъ съ средней Азіей.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 7.

[5]) Софійскій Временникъ. Москва. 1820 г. ч. I, стр. 7. Никонов. лѣт. Спб. 1767 г. ч. 1, стр. 9.

Воскр. лѣт. (П. С. Р. Л. Спб. 1856 г. т. VII, стр. 265). Лавр. Лѣт. Спб. 1872 г. стр. 12.

что Уличи и Тиверцы занимали и приморскую область. Стараніе точно опредѣлить мѣстность, которую занимали эти славянскія племена, вызвало нѣсколько статей, посвященныхъ этому вопросу, или касающихся его отчасти. Мнѣнія получились весьма разнообразныя, но каждое изъ нихъ, по нашему крайнему разумѣнію, представляется гипотетичнымъ [1]). Для насъ нѣтъ особенной важности, обитало-ли племя Уличей въ углу, образуемомъ Днѣпромъ, или они жили между западнымъ берегомъ Азовскаго моря и Днѣпромъ, или въ углу между Днѣстромъ и Дунаемъ. Важно только то обстоятельство, что мѣстность въ бассейнѣ рѣкъ Днѣпра, Буга и Днѣстра до самаго моря была занята осѣдлыми славянскими племенами. Всѣ, занимавшіеся вопросомъ объ этихъ племенахъ, согласны съ этимъ. Также никто не отрицаетъ, что Уличи и Тиверцы представляютъ потомковъ тѣхъ Антовъ и Славянъ, которыхъ поселенія мы видѣли въ данной мѣстности въ VII в. [2]). Такимъ образомъ это осѣдлое населеніе продолжало существовать на своей территоріи до самаго появленія кочевниковъ—Печенѣговъ въ IX в. Наша лѣтопись утверждаетъ, что Уличи и Тиверцы удерживались тутъ даже въ XI в. „Суть гради ихъ и до сего дне", говоритъ она. Это извѣстіе весьма важно, и намъ придется говорить о немъ нѣсколько далѣе, въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Какъ византійцы рисуютъ намъ Антовъ многочисленнымъ, сильнымъ народомъ, такъ и наша лѣтопись говоритъ объ Уличахъ и Тиверцахъ, что „бѣ множьство ихъ". Нельзя сомнѣваться, что Уличи и Тиверцы во время зарожденія государства у полянъ стояли по культурѣ выше другихъ славянскихъ рус. племенъ. Большему культурному развитію ихъ спо-

---

[1]) Брунъ. Черноморскіе Готы. (З. А. Н. 1874 г. т. 24, кн. I). Надеждинъ. О мѣстонахожденіи др. города Пересѣчня. (З. Одес. Об. Ист. и Др. 1844 г. т. I). Ламбинъ. Славяне на сѣверномъ Черноморьѣ. (Ж. М. Н. II. 1877 г. №№ 5 и 6). Брунъ. Черноморье, ч. I, стр. 101, 168. Затѣмъ этого вопроса касались Карамзинъ, Соловьевъ, Иловайскій, Голубинскій.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Москва. 1874 г. т. I, стр. 56. Срезневскій. Чтенія о др. Рус. Лѣтописяхъ, стр. 24. Лавровскій. Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской (Уч. З. А. Н. 1856 г. кн. II, в. I). Брунъ въ приведенныхъ выше статьяхъ. Шафарикъ. Славянскія племена въ нынѣшней Россіи (Рус. Ист. Сборникъ. 1837 г. к. I).

собствовало географическое положеніе занимаемой ими мѣстности. Благодаря ей они рано должны были сдѣлаться участниками въ черноморской торговлѣ: они не были только „прирѣчными“ жителями, а и приморскими, и вліяніе мѣстности было для этихъ племенъ нисколько не менѣе, какъ и на всякій другой народъ. „Неповоротливые“ готы сдѣлались, благодаря сосѣдству съ моремъ, поворотливыми и громили своими морскими набѣгами области Византійской имперіи. Адріатическіе Словяне также являются искусными моряками. Мы не имѣемъ никакого права отрицать силу этого вліянія на Уличей и Тиверцевъ. Припомнимъ, что лодки для морскихъ походовъ, по словамъ Константина Б., строили славяне, подчиненные Кіеву [1]). Слѣд., если умѣли строить, то и плавали. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Ламбина, что Кіевскимъ князьямъ необходимо было покорить Уличей и Тиверцевъ, какъ сильный мореходный народъ, могшій препятствовать ихъ путешествіямъ въ Константинополь. Мы увидимъ далѣе, что Кіеву трудно было съ ними справиться. Теперь мы ограничиваемся этими немногими словами. Мы обозрѣли состояніе такъ называемаго степнаго пространства до появленія Печенѣговъ, т. е., до IX в. Мы видимъ край, богатый всякаго рода растительностью, обильный звѣрями и птицами, край, плодоносная почва котораго способствовала развитію земледѣлія. По рѣкамъ, орошающимъ эту богатую естественными произведеніями страну, живетъ осѣдлое населеніе, сначала раскинутое на всемъ пространствѣ края, потомъ группирующееся по долинамъ рѣкъ, защищеннымъ лѣсами. Тутъ оно остается до IX в. и, благодаря географическому положенію занимаемой мѣстности, благодаря сосѣдству торговыхъ, промышленныхъ народовъ, развиваетъ свою культуру. Историкъ не имѣетъ права вдаваться въ гаданія о томъ, *что было-бы*, но здѣсь можно сказать, что движеніе кочевыхъ массъ остановило культурное развитіе южно-рус. племенъ, вытѣснивъ ихъ изъ приморскихъ странъ и тѣмъ самымъ видоизмѣнило много судьбу и всей Руси вообще. Первыми появились Печенѣги, за ними Торки, потомъ Половцы. Что это были за племена, объ этомъ въ слѣдующихъ главахъ.

---

[1]) Corpus Script. hist. byzant. Const. Porphyrog. Bonnae. MDCCCXL. v. III, p. 75.

ПЕЧЕНѢГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ ДО НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ.

II.

Ихъ племенное родство и происхожденіе.

(Посвящается памяти Н. М. Карамзина).

Въ массѣ народовъ, двигавшихся въ средніе вѣка изъ Азіи въ Европу, послѣдними явились интересующіе насъ Печенѣги, Торки и Половцы. Шествіе, впрочемъ, окончательно завершилось Татарами, нахлынувшими въ XIII ст. При своемъ появленіи въ южно-русскихъ степяхъ наши племена стали играть видную политическую роль. Занявъ пространство отъ р. Урала до Дуная, они приходятъ въ столкновенія со многими государствами, и, то своими набѣгами, то какъ посредники въ торговлѣ съ восточными странами, то какъ военная сила, всегда готовая къ услугамъ того, кто больше дастъ, они заставляютъ обратить на себя вниманіе, и ихъ имена являются въ лѣтописяхъ Русскихъ, Поляковъ, Венгровъ, Грековъ, Арабовъ; ихъ извѣстность распространяется и въ западной Европѣ. И вотъ писатели разныхъ національностей выдвигаютъ намъ цѣлую массу именъ. Приглядываясь къ нимъ, замѣчаешь, что это, по большей части, искаженія одного и того-же имени, явившіяся или въ силу неправильной устной передачи, или происшедшія по законамъ языка того или другого писателя. Иногда бытописатели (особенно византійскіе) окрещиваютъ нашихъ кочевниковъ классическимъ именемъ Скиѳовъ, или громкимъ прозвищемъ Гунновъ, не желая осквернять свой языкъ новымъ варварскимъ названіемъ. Иногда-же мы находимъ у одного и того же писателя нѣсколько различныхъ именъ для одного племени, при томъ такихъ, которыя не указываютъ на искаженія, а являются

дѣйствительно существовавшими рядомъ одно съ другимъ и происходятъ въ силу разныхъ обстоятельствъ.

Мы не имѣемъ никакой возможности входить въ разсмотрѣніе, откуда ведетъ свое начало слово „Печенѣги“, но намъ кажется довольно вѣроятнымъ, что другіе народы узнали это имя отъ русскихъ Славянъ. „Печенѣги“ и „Πατζινακῖται“ греческихъ писателей стоятъ весьма близко по созвучію. Если мы примемъ во вниманіе извѣстіе нашей лѣтописи подъ 944 г., что Корсуняне послали вѣсть въ Константинополь о движеніи Игоря противъ Грековъ, что Болгары сдѣлали тоже, „глаголюще: идуть Русь, и наяли суть собѣ Печенѣги“ [1]); если вспомнимъ подробныя свѣдѣнія о Печенѣгахъ Константина Б., ясно указывающія, что многое онъ почерпнулъ изъ разсказовъ людей, бывавшихъ на Руси или въ Крыму, то наше предположеніе получаетъ нѣкоторое основаніе. Впрочемъ, возможно, что и рус. Славяне узнали имя Печенѣговъ отъ Венгровъ, которыя передали его и Византійцамъ, если вѣрно объясненіе г. Европеуса, что названіе „Печенѣгъ“—угорское отъ bitšeŋ (ng)—jax, что̀ значитъ „сосновые люди“, т. е., живущіе въ сосновымъ лѣсахъ [2]). Въ такомъ случаѣ знакомство рус. Славянъ съ этимъ именемъ существовало еще до непосредственнаго столкновенія ихъ съ Печенѣгами. Близко къ русскому названію стоитъ находимое у Титмара Мерзебургскаго „Pezincigi“ и у Брунона еще правильнѣе „Pezenegi“. Первый могъ взять у второго съ незначительнымъ измѣненіемъ, а Брунонъ былъ въ Россіи и слышалъ это имя отъ Русскихъ, когда шелъ на проповѣдь къ Печенѣгамъ. Вполнѣ искаженное названіе--„Pedenci и Petinci“, встрѣчающееся у того же Титмара,—намъ кажется, произошло вслѣдствіе устной передачи этого имени нѣмецкими воинами, участвовавшими въ походѣ Болеслава на Русь [3]). Не считаю нужнымъ распространяться о томъ, что всѣ названія, употребляемыя польскими писателями для обозначенія имени

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 28.

[2]) Д. П. Европеусъ. Объ Угорскомъ народѣ. Спб. 1874 г. По остяцки pitš—сосна, pitšeŋ (ng)—сосновый; jax, по-остяцки,—человѣкъ. (Стр. 4).

[3]) См. хронику Титмара въ Monum. Pol. hist. v. 1, p. 317 и 292; письмо Брунона къ Генриху II тамже p. 224. Что Титмаръ могъ слышать о Печенѣгахъ отъ Брунона—возможно по близости отношеній этихъ двухъ лицъ. Титмаръ называетъ Брунона „conscolastius meus“ (тамже p. 293).

Печенѣги, произошли путемъ искаженія слышаннаго отъ Русскихъ. Piecinigi, Pieczyngi, Pincenakiti и т. д.—варіанты польскихъ хроникъ. Послѣдній изъ нихъ, находимый въ хроникѣ Галла, можетъ быть объясненъ знакомствомъ автора съ византійскими писателями [1]).

Обращаясь къ венгерскимъ источникамъ, мы находимъ въ нихъ нашихъ Печенѣговъ подъ именами Bessi, Bysseni, Picenati. Венгерское имя этого народа есть Besenyö [2]), которое въ грамотахъ передается какъ Bessenen, Bessynew. Иногда-же въ этихъ документахъ мы находимъ имя Wysseni [3]). Венгерскій ученый Эрней видитъ Печенѣговъ и подъ именами Wosciani, Wosseravii и Ebes [4]). Послѣднее, дѣйствительно, встрѣчается въ одной грамотѣ конца XII в. [5]). Мы не знаемъ, какимъ образомъ произошли всѣ эти варіанты, но нужно помнить, что Венгры были въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Печенѣгами. Возможно, что всѣ эти разночтенія представляютъ олатинизированное Besenyö.

Арабы также не оставили безъ вниманія нашихъ кочевниковъ, и Печенѣги являются въ ихъ сочиненіяхъ подъ именемъ „Баджнакъ". Укажемъ для примѣра на извѣстія двухъ арабскихъ писателей Эль-Бекри и Аль-Балхи. Говоря о странѣ Баджнакъ, Эль-Бекри разсказываетъ, что къ сѣверу отъ нея лежитъ земля Kifdjak (Кипчакъ), на югъ Хазарія, на востокъ Гузія, на западъ Славяне [6]). А Эль-Балхи сообщаетъ, что „часть Турка выселилась изъ страны своей и заняла

Они могли быть въ перепискѣ. Нѣкоторые другіе варіанты см. у Баера „Geographia Russiae vicinarumque regionum... ex Constantino Porphyrogenneta" въ Commentarii Ak. Scienc. Imper. Petropol. v. IX, 1734 a. p. 402.

[1]) Галлъ былъ очень начитанный писатель. См. предисловіе къ его хроникѣ въ Monum. Pol. hist. v. I, p. 383.

[2]) P. Hunfalwy. Die Ungern. Wien und Teschen. 1881. f. 80.

[3]) Грамота Стефана Св. 1019 г.; одного венгер. епископа іобагіонамъ 1299 г.; Белы IV. 1238 г. (Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis. Budae. 1829—44 a. v. II, p. 2, v. VI, p. 2, v. I, p. 1).

[4]) Записки Ак. Н. по I и III отд, 1854 г. т. II. Куникъ. О торкскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по венгер. источникамъ. Стр. 734.

[5]) Грамота Белы III 1190 г. (Fejer).

[6]) Fragments des géographes et d'historiens arabes et persans inédits. Defrémery. Paris. 1849 a. p. 15.

пространство между Хазаромъ и Румомъ (Византіей)—ихъ зовутъ Баджнакъ; въ древнія времена они не занимали настоящихъ своихъ жилищъ, а лишь впослѣдствіи они раздѣлили и завоевали эти владѣнія“ [1]). Если мы постараемся опредѣлить по другимъ источникамъ, какой народъ обиталъ въ указанныхъ арабами мѣстностяхъ, то убѣдимся, что это были Печенѣги. Эль-Бекри писалъ въ XI ст., а Эль-Балхи въ первой половинѣ X в., но какъ тотъ, такъ и другой говорятъ, очевидно, о времени имъ предшествующемъ [2]), т. е., о началѣ X в. или о концѣ IX ст. Въ этотъ періодъ все пространство между Хазаріей и Византіей занимали Печенѣги, о чемъ единогласно говорятъ какъ византійскіе источники, такъ и русскія лѣтописи [3]). Кромѣ того Константинъ Б. сообщаетъ намъ, „что Печенѣги сначала жили возлѣ рр. Волги и Яика, и сосѣдями ихъ были народы, которые называются Мазари и Узы. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ такъ называемые Узы, согласившись съ Хазарами и напавши на Печенѣговъ, одолѣли ихъ и выгнали изъ собственной страны“ [4]). Если нашъ писатель и не говоритъ спеціально о границахъ Печенѣгіи, то всетаки изъ его извѣстія видно, что сосѣдями этой страны были Узы и Хазары, такъ что Эль-Бекри, Аль-Балхи и императоръ-историкъ взаимно поддерживаютъ другъ-друга и говорятъ, очевидно, объ одномъ и томъ-же народѣ.

Всматриваясь во всѣ указанные варіанты, не особенно трудно замѣтить, что они являются лишь искаженіемъ какого-то одного имени, которое, какъ кажется, дано было Печенѣгамъ иностранцами.

Явившіеся затѣмъ въ Европу Половцы награждаются средневѣковыми писателями массой различныхъ именъ. Половцы, Plauci, Balwen или Blawen, Walwen, Κόμανοι, Cumani, Cuni, Кипчаки—вотъ подъ какими названіями извѣстно было новое кочевое племя. Небольш

---

[1]) Гаркави. Сказанія мусульман. писателей. Стр. 275.

[2]) См. Гаркави и Defrémery p. 8 и 14, примѣч. I.

[3]) См. Ипатьев. лѣт. подъ 915, 972, 1116 гг., стр. 26, 48, 204. Constantinus Porphyrogenitus, p. 105—106; Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 129—130, 581—582; Οἱ μετὰ Θεοφάνην. Bonnae. 1838 a. p. 122.

[4]) Corpus Script. hist. byzant. Bonnae. 1840 a. Constantinus Porphyrogenitus v. III, p. 164.

сличеніе извѣстій различныхъ источниковъ покажетъ намъ, что здѣсь во всѣхъ случаяхъ разумѣется одинъ народъ.

Въ 1201 г. между Болгарми и Византіей былъ заключенъ миръ [1]), закончившій долгую борьбу этихъ двухъ народовъ, въ которой на сторонѣ первыхъ, по византійскимъ источникамъ, стояли Скиѳы или *Комане*. Въ этомъ году, по разсказу Никиты Хоніата, Влахи и *Комане* разоряли Ѳракію, но князь Галиціи, Романъ, напалъ съ большимъ войскомъ на землю *Коман*ъ, разграбилъ и опустошилъ ее безъ труда. Этотъ писатель знаетъ также, что въ этомъ году Романъ и Рюрикъ дрались между собой, при чемъ на сторонѣ втораго были *Комане*. Наша лѣтопись вполнѣ подтверждаетъ это извѣстіе, ставя на мѣсто византійскихъ *Коман* своихъ *Половцевъ*: „тое же зимы ходи Романъ на *Половцы* и взя вежи Половечьскіе, и приведе полона много и душь христіанскихъ отполони много и бысть радость въ земли Рустѣй. Тое-же зимы Генваря 2 взятъ бысть Кіевъ Рюрикомъ и Ольговичи, и всею *Половечьскою* землею“ [2]). Подъ тѣмъ-же именемъ

---

[1]) Успенскій. Образованіе второго Болгарскаго царства. Одесса. 1879 года, стр. 108.

[2]) Νικήτου Χονιάτου Ἱστορία. Bonnae. 1835 a. p. 691—2. Воскрес. Лѣт. стр. 107—108, ч. I (П. С. Р. Л. ч. VII). Г. Успенскій предполагаетъ, что походъ произошелъ въ 1200 г. (Стр. 200). Въ Essai de Chronographie byzantine. par Edouard de Muralt. S. Pb. 1871 a. стр. 261—2, v. II. это событіе помѣщено подъ 1201 г.. Воскрес. и Лаврентьев. лѣтописи ставятъ его подъ 1202 г.; Никонов. лѣт. подъ 1201 г. полагаетъ походъ на Половцевъ, а разграбленіе Кіева относитъ къ 1202 г., что вполнѣ вѣрно. Первыя двѣ лѣтописи сдѣлали ошибку. Эти событія должны были совершиться въ два различные года. Лѣтопись Воскрес., поставивъ извѣстіе о разграбленіи Кіева 2-го генваря, тотчасъ послѣ сообщенія о походѣ на Половцевъ, этимъ самымъ показываетъ, что послѣдній фактъ совершился въ Декабрѣ или раньше. Такъ какъ походъ произошелъ въ первые десять мѣсяцевъ мартовскаго года (мартъ—декабрь), то, по способу г. Куника (Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд. т. II, 1854 г. О признаніи 1223 г. временемъ битвы на Калкѣ), получаемъ 6710—5508=1202 г.—годъ похода. Такъ какъ разграбленіе Кіева совершилось 2-го генваря, т. е., въ два послѣдніе мѣсяца мартовскаго года, то, по тому-же способу, 6710—5507=1203 г.,—время кіевскаго погрома. Лавр. лѣт. и отнесла его къ 1203 г. Но извѣстно, что Воскрес. и Лавр. лѣт. идутъ годомъ впередъ. (Погодинъ.

Половцы являются и у запад. писателей, которые называютъ ихъ Cumani. Такъ Рубруквисъ, описывая южно-русскія степи, говоритъ, что на нихъ обыкновенно жили Кумане прежде, чѣмъ пришли Татары [1]), а далѣе повторяетъ: „на ней (этой равнинѣ) обыкновенно кочевали Кумане, которые называются Капшатъ (Kapschat=Кипчакъ“) [2]). Намъ кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ тождествѣ Кумановъ и Κόμανοι, а потому мы можемъ подтвердить слова Рубруквиса, что они и Кипчаки одно и то-же, двумя извѣстіями—однимъ арабскимъ и другимъ византійскимъ. Ибнъ-Яхія повѣствуетъ о томъ, что Кипчаки были на египетскомъ престолѣ; эта кипчакская династія старалась окружить себя своими соотечественниками, и всѣ важныя государственныя должности перешли въ ихъ руки [3]). Этотъ фактъ вполнѣ подтверждаетъ и Пахимеръ съ Никифоромъ Григорой, разсказывая, что между Михаиломъ Палеологомъ и султаномъ Египта, происходившимъ изъ *Кумановъ*, проданныхъ нѣкогда въ рабство, былъ заключенъ торговый договоръ, по которому египетскіе корабли могли свободно плавать къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря для покупки его соотечественниковъ [4]). Тождество-же нашихъ Половцевъ и Кипчаковъ видно изъ извѣстія Ибнъ-эль-Атира. По его словамъ, Татары проникли чрезъ Дербентъ въ ихъ страну, отвлекли ихъ отъ союза съ Аллапами и разбили по одиночкѣ тѣхъ и другихъ; тогда *Кипчаки* искали спасенія

Изслѣд. замѣч. и лекціи о рус. исторіи. Москва. 1850 г. т. IV, стр. 126). Слѣд. приходится брать не 6710 г., а 6709 г. Тогда путемъ такого-же вычисленія находимъ 6709—5508=1201 г.—время похода на Половцевъ; 7709—5507=1202 г.—годъ взятія Кіева Рюрикомъ. Такимъ образомъ походъ на Половцевъ не можетъ быть отнесенъ ни къ 1200 г., ни къ 1202 г., а къ 1201 г., что вполнѣ согласно съ датой г. Мюральта, относительно времени похода, но время разграбленія Кіева у него не вѣрно датировано 1201 г.

[1]) Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis. Budae. 1829—44 a. v. IV, p. 2, p. 264.

[2]) Ibidem, p. 268.

[3]) Notices et extraits des manuscrits. v. XIII, p. 267—268.

[4]) Γεωργίου τοῦ Παχυμέρης. Μιχαὴλ Παλαιολόγος. Bonnae. 1835 a. v. I, p. 175—6. Νικηφόρου τοῦ Γρηγόρα ῥωμαϊκῆς ἱστορίας λόγος. Bonnae. v. I, p. 101.

у *Русскихъ*. Тоже самое повѣствуетъ и Альбульгази [1]). Вполнѣ согласно съ этими писателями говоритъ и наша лѣтопись, но на мѣсто Кипчаковъ ставитъ Половцевъ. „Въ лѣто 6732. Приде неслыханная рать: безбожніи Моавитяне, рекомыи Татарове, придоша *на землю Половецькую*..... Прибѣгшимъ-же *Половцемъ* многимъ *въ Рускую землю*“ [2])..... Какъ Ибнъ-эль-Атиръ и Абульгази разсказываютъ потомъ о пораженіи *Русскихъ* и *Кипчаковъ*, такъ наши лѣтописи говорятъ о побѣдѣ Татаръ надъ *Русскими и Половцами*. Кажется, нѣтъ основанія, послѣ приведенныхъ фактовъ, сомнѣваться въ тождествѣ Половцевъ, Кумановъ и Кипчаковъ. Мы не можемъ объяснить происхожденія имени „Кумане“. Можетъ быть, и западные, и византійскіе писатели узнали его отъ Половцевъ, если мы только предположимъ, что послѣдніе сами величали себя Куманами [3]).

---

[1]) Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Кушикъ. Выписки изъ Ибнъ-эль-Атира. Стр. 569. Histoire généalogique des Tatars. D'Abulgasi—Bayadur—Chan. A Leyde. 1726 a. Trad. par. D. p. 309—315.

[2]) Ипат. Лѣт. стр. 495.

[3]) Г. Доссонъ производитъ имя Кумане отъ рѣки Кубани, гдѣ жили Половцы. „Въ различныхъ діалектахъ турецкаго языка *м* и *б* безразлично замѣняютъ другъ-друга. Могли говорить въ началѣ: les Turcs de Couman, какъ теперь говорятъ: les Tartares de Couban. (D'Ohsson. Histoire des Mongols. Hay et Amsterdam. 1834 v. I, p. 338). Мы, не имѣя никакого намѣренія оспаривать мнѣнія г. Доссона, дозволяемъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. Переходъ буквы *м* въ *б* мы видимъ еще на одномъ примѣрѣ. Одинъ половецкій ханъ извѣстенъ у византійцевъ подъ именемъ Маніака (Анна Комнена. Stritter. Memoriae populorum. v. III p. 899—913). Въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ онъ упоминается по преимуществу подъ именемъ Боняка, хотя несомнѣнно были когда-то списки, гдѣ то-же лицо называлось Маніакомъ (Ioannis Dlugossi. Historiae polonicae libri XII. Lipsiae. MDCCXI, lib. IV, c. 319). Въ хроникѣ Туроца этотъ князь, кажется, скрывается подъ именемъ Monoch (Scriptores rer. hung. Ed. Schwandtneri. Vindobonae. 1746 a. v. I, p. 135—136). На тождественность лицъ Маніака и Боняка указывалъ и г. Васильевскій (Византія и Печенѣги. Ж. М. Н. П. 1872 г. № 12, стр. 279, прим. 2). Возможно, что слово „Кубань“ произносилось у нѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ какъ „Кумань“. Но возникаетъ вопросъ, почему Половцы назвались по этой рѣкѣ? Ея берега не были исключительно мѣстомъ ихъ жительства; двигались они точно также

Обращаясь снова къ извѣстіямъ Рубруквиса, мы находимъ у него слѣдующее добавленіе: „нѣмцами-же называются (Кумане) Валанами (Valani), а область ихъ Валаніей (Valania)“ [1]). Кажется, что это имя есть олатинизированное нѣмецкое Valwen. Въ письмѣ братьевъ Проповѣдниковъ и Миноритовъ, писанномъ въ 1241 г., говорится, что въ числѣ войскъ Татаръ есть и „Кумане, которыхъ мы, объясняетъ авторъ посланія, называемъ по нѣмецки Valwen“ [2]). Нѣтъ никакого основанія предполагать ученаго домысла въ словѣ Valani и Valania. Средневѣковые писатели могли-бы, пожалуй, произвести его отъ страны Аланіи и народа Аланъ, но Рубруквисъ, знакомый съ средневѣковой

не со стороны Кубани, а съ востока, со стороны Волги и Яика, о чемъ свидѣтельство мы находимъ въ тюркскихъ преданіяхъ (Abulgasi. Histoire généalogique des Tatars, p. 45—47). Думаютъ также, что названіе *Куманы*—означаетъ *степняки*, потому что „кумъ“ на языкѣ татарскихъ народовъ значитъ песокъ. (Иловайскій. Исторія Россіи. ч. I. Москва. 1876 г. стр. 307, прим. 42). Не зная совершенно тюркскихъ языковъ, мы не имѣемъ права пускаться въ рѣшеніе вопроса о происхожденіи имени „Cumani“ и просимъ считать приводимое ниже соображеніе только какъ слѣдствіе любопытства, какъ вопросъ къ языковѣдамъ. Рашидъ-Эддинъ въ одномъ мѣстѣ разсказываетъ, что Угузцы (общее имя всѣхъ тюркскихъ племенъ) не были прежде извѣстны подъ именемъ Туркменъ, а Турковъ. Но они заняли страну Мавераннагрскую и Иранъ. Тамъ типъ ихъ измѣнился, и они стали подходить къ таджикамъ, но сохранили и свои черты. Таджики прозвали ихъ Турк-мен (ами), т. е., похожими на Турокъ. (Записки Имп. Археол. Общ. т. XIV. Березина. Рашидъ-Эддинъ. Стр. 21—22). Слѣд. здѣсь частица men служитъ для выраженія понятія подобія, происхожденія. Мы увидимъ ниже, что въ венгерскихъ хроникахъ Половцы назывались также Cuni, гдѣ буква *i*, очевидно, есть латинское окончаніе, приставка писателя къ половецкому слову *cun*, или м. б. *kun*. *Кун* въ половецкомъ языкѣ значило „день, свѣтъ“ (Codex Cumanicus. Ed. Comes Géza Kuun. Budapestini. 1880 a. p. 265). Не возможно-ли считать слово *Cumani* за искаженное въ устахъ иностранцевъ *Кун-мен*, что̀ значило-бы „свѣтоподобный“? Кочевники любили называть себя громкими именами.

[1]) Fejer. Codex diplomaticus, v. IV, p. 2, p. 268.

[2]) Ibidem, v. IV, p. 1. p. 212—213: „et quamvis dicantur Tartari, multi sunt cum eorum exercitu pessimi Christiani, et *Cumani*, *quos Theutonice Valwen* appelamus“.

учепостью, непремѣнно и пояснилъ-бы намъ это производство. Очевидно, нашъ путешественникъ передалъ въ латинской формѣ имя Valven, бывшее распространеннымъ въ Германіи. Варіантъ его встрѣчается въ одномъ польскомъ извѣстіи въ формѣ *Balwen* или *Blawen* [1]). Здѣсь это имя отождествляется съ *Plauci*. Весьма возможно, что первоначальная форма и есть *Blawen* изъ *Plauci*; подъ послѣднимъ названіемъ разумѣлись *Кумане—Половцы* [2]). У венгерскихъ писателей это племя называется еще *Cuni*, что ясно обнаруживается изъ сличенія извѣстій нашей лѣтописи и хроники Туроца о санской битвѣ 1097 г. Венгерскій писатель разсказываетъ, что Русскіе призвали себѣ на помощь *Куповъ* противъ короля Коломана; Венгры потерпѣли страшное пораженіе [3]). По нашему источнику, Святополкъ Кіевскій пригласилъ Коломана дѣйствовать противъ Володаря и Василька, но *Половцы*, приведенные Давидомъ Игоревичемъ, на голову разбили Венгровъ [4]).

Такимъ образомъ источники дали намъ возможность разобраться въ цѣломъ рядѣ именъ. Можетъ быть, намъ удастся теперь рѣшить до сихъ поръ спорный вопросъ: слѣдуетъ-ли отождествлять Половцевъ съ Узами, или послѣдніе составляли отдѣльное племя, извѣстное въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Торковъ? До сихъ поръ изслѣдователи не пришли ни къ какому заключенію [5]), а между тѣмъ при

---

[1]) Kronica Xiąużąnt polskich: „Contigit autem non longe post hoc *Plaucos*, qui *Almanice Balwen* (*Blawen*) dicuntur innumerabiles convenire....“ (Monum. Poloniae hist. v. III, p. 457).

[2]) Rocznik krakowski: „Wislicia cede *Plaucorum* sive *Comanorum* destruitur“ (M. P. hist. v. II, p. 832).

[3]) Scriptores rerum hungaricarum. Schvandtneri. Vindobonae. 1746 a, v. I, p. 135—6.

[4]) Ипат. Лѣт. стр. 177—178.

[5]) Половцевъ и Узовъ за одинъ народъ признавали: *Баеръ* (Commentarii Acad. Scienciarum Imp. Petropol. v. IX, ad annum MDCCXXXVII. Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter A. C. DCCCCXLVIII. Ex Constantino Parphyrogenneta. p. 385), *Тунманъ* (Acta Societatis jablonovianae v. IV. De Chunis, Cunis, Hunnis et Cumanis Slavis. p. 142—3), *Сумъ* (Чтеніе въ Имп. Общ. Ист. и Древн. г. III; № 8. Объ Уцахъ или Половцахъ. Перев. съ датскаго протоіерея С. Сабинина), *Фесслеръ* (Geschichte von Un-

такомъ или иномъ рѣшеніи измѣняется взглядъ и на наши Черноклобуцкія поселенія, существовавшія по р. Роси и въ другихъ мѣстахъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ подробнѣе, тѣмъ болѣе, что съ нимъ неразрывно связанъ другой—о прародинѣ нашихъ кочевниковъ.

Источниками для его рѣшенія являются извѣстія мусульманъ, византійскія хроники, русская лѣтопись и нѣкоторыя данныя, сообщаемыя западно-европейцами. Разберемъ-же сначала извѣстія византійцевъ.

Самый важный писатель для географіи и этнографіи IX и X вв. безспорно есть Константинъ Багрянородный, по богатству сообщаемыхъ имъ данныхъ, которыя собирать было для него удобнѣе, легче, чѣмъ для кого-либо другого. Онъ знаетъ Узовъ въ Европѣ, между Волгой и Яикомъ, на мѣстахъ гдѣ, по его словамъ жили прежде вытѣсненные ими Печенѣги [1]). Отчего-же для императора осталось неизвѣстнымъ другое изъ именъ этого народа—Команы или Кипчаки? Авторъ, такъ подробно говорящій о Печенѣгахъ, о союзѣ Узовъ съ Хазарами, не могъ не имѣть свѣдѣній о названіяхъ этого племени, если-бы ихъ было нѣсколько. Но, можетъ быть, эти-же самые Узы съ теченіемъ времени измѣнили свое имя, стали называться Куманами, Кипчаками? Отвѣтъ на это мы находимъ при сравненіе между собою извѣстій другихъ византійскихъ писателей. *Первый разъ Кумане* появляются участвующими въ дѣлахъ Балканскаго полуострова

---

garn. Leipzig. 1867. Lief. I, f. 48), *Хвольсонъ* (Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ—Ибнъ-Даста. Спб. 1869 г. стр. 46), *Гаркави* (Сказанія мусульман. писателей, стр. 144), *Соловьевъ* (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 1879 г. Москва. Изд. 5-е. т. II, стр. 16), *Гунфальви* (Die Ungern oder Magyaren. Wien und Teschen. 1881. f. 41). Узовъ отождествляли съ Торками: *Карамзинъ* (Исторія Государства Россійскаго. Спб. 1833 г. Изд. Смирдина. т. I, примѣч. 87, 396 и т. II, примѣч. 106), *Вашлевичъ* (Пантеонъ. 1855 г. т. 21, кн. V. О Гунулахъ. Стр. 18), *Погодинъ* (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Москва. 1857 г. т, V. Стр. 136), *Иловайскій* (Исторія Россіи. Москва. 1876 г. ч. I примѣч. 42) *Рамбо* (Histoire de la Russie. Paris 1879 a. p. 23), Брунъ (Черноморье. Одесса. 1870 г. ч. I, стр. 21 и passim).

[1]) Corpus Script. his. byz. Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 161.

въ *1078* г. Въ это время они вмѣстѣ съ Печенѣгами осаждаютъ Адріанополь [1]). *Никакихъ упоминаній раньше этого года мы о нихъ не находимъ.* Между тѣмъ племя, насъ теперь интересующее, переходитъ Дунай еще *въ 1064* г. и всетаки подъ своимъ собственнымъ именемъ *Узовъ*. Объ этомъ намъ сообщаютъ два автора,—Атталейота и Скилица, оба писавшіе въ XI в. По мнѣнію г. Васильевскаго, второй вполнѣ подражалъ первому, т е., цѣликомъ списывалъ у него. Атталейота-же былъ участникомъ въ дѣятельности императора Романа [2]), и потому заслуживаетъ полнаго нашего довѣрія. Въ своей исторіи онъ постоянно отличаетъ Куманъ отъ Узовъ. О переправѣ послѣднихъ чрезъ Дунай мы находимъ у него подробный разсказъ, какъ они переправлялись, какъ разбили Болгаръ и Грековъ и разграбили весь Иллирикъ до Ѳессалоники и даже до Эллады. Но зима доконала ихъ. Часть ихъ приняла византійское подданство. „Тѣ, которые пришли, говоритъ Атталейота, къ римскому императору, взявши государственную землю въ Македоніи, стали на сторону Римлянъ *и по сю пору пребываютъ союзниками ихъ.... и были удостоены сенаторскихъ и сіятельныхъ достоинствъ*“ [3]). Это мѣсто особенно важно для нашего вопроса. Выраженіе „по сю пору“ показываетъ, что писавшій самъ знаетъ эти поселенія Узовъ, что они существовали въ его время. Кромѣ того Атталейота могъ лично знать нѣкоторыхъ Узовъ, облеченныхъ сенаторскимъ званіемъ, служившихъ въ византійской арміи. Участникъ походовъ Романа, онъ долженъ былъ близко быть знакомымъ съ представителями этого племени. Слѣд. нашъ писатель имѣлъ полную воз-

---

[1]) Μιχαὴλ τοῦ Ἀτταλειάτου Ἱστορία: Bonnae. 1853 a. p. 300—301. Excerpta ex breviario historico Ioannis Scylitzae Curopalatae, excipientia, ubi Cedrenus desinit. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 741. Essai de Chronographie byzantine. Edouard de Muralt. SPb. 1871. v. II, p. 38.

[2]) Histoire litteraire des Grecs pandant le moyen âge. Trad. de l'anglais par Boulard. Paris. 1822. Васильевскій. Византія и Печенѣги. Ж. М. Н. П. 1872 г. № 11, стр. 142, и примѣч. 2.

[3]) Ἀτταλειάτου ἱστορία. pp. 83, 85 и 87: „Ὅσοι δὲ προσῆλθον τῷ τῶν Ῥωμαίων βασιλεῖ (καὶ γὰρ προσῆλθον τινες) χώραν λαβόντες δημοσίαν ἀπὸ τῆς Μακεδονικῆς τὰ Ῥωμαίων ἐφρόνησαν καὶ σύμμαχοι τούτων μέχρι τῆς δεῦρο γεγόνασι.... καὶ ἀξιωμάτων συγκλητικῶν καὶ λαμπρῶν ἠξιώθησαν.“ и Scylitzae excerpta. Bonnae. 1839 a. p. 655—6.

можность различить Узовъ отъ другихъ тюркскихъ племенъ, Печенѣговъ, Половцевъ. Скилица, писавшій также въ XI в., одинаково не лишенъ былъ возможности наблюдать и Печенѣговъ, и Узовъ, и, поэтому, хотя онъ и несамостоятеленъ въ смыслѣ фактическомъ, то всетаки различіе, дѣлаемое имъ между Узами и Куманами, заслуживаетъ вниманія. Оба приводимые писателя, при появленіи Половцевъ въ 1078 г., прямо говорятъ, что это Кумане [1]). Отчего-же они не назвали новыхъ враговъ и Узами? Переходя затѣмъ къ извѣстіямъ Анны Комнены, мы видимъ у нея полное подтвержденіе нашего мнѣнія. Она разсказываетъ о событіяхъ царствованія своего отца, когда Кумане—Половцы принимаютъ дѣятельное участіе въ судьбахъ Византіи. Говоря о борьбѣ императора Алексѣя съ *Куманами* и Печенѣгами, она указываетъ, что въ войскахъ ея отца были *Узы*, отличая такимъ образомъ послѣднихъ отъ первыхъ; разсказывая о борьбѣ Печенѣговъ съ *Куманами*, о томъ, что послѣдніе заняли болото Озолимну, Анна даетъ намъ знать, что это имя произошло отъ народа *Узовъ*, нѣкогда здѣсь останавливавшагося лагеремъ [2]). Намъ не важенъ филологическій домыселъ писательницы, а фактъ признанія ею Узовъ за отдѣльный народъ. Цѣнность извѣстій Анны увеличивается еще потому, что она несомнѣнно воспользовалась разсказами своего отца, что̀ видно изъ мелкихъ подробностей въ описаніяхъ битвъ, дѣйствій императора. А никто уже не можетъ отрицать, что Алексѣй сознательно отличалъ *Узовъ* отъ *Кумановъ*: первые были въ его войскѣ, а со вторыми онъ велъ борьбу и принималъ ихъ посольства.

Приведемъ здѣсь два западно-европейскія извѣстія изъ времени крестовыхъ походовъ, которыя подкрѣпляютъ сказанное выше. Именно, по Раймунду-де-Ажиль, крестоносцы застали въ Диррахіумѣ, въ 1096 году, служившихъ въ войскѣ Алексѣя: *Узовъ*, фанаковъ (Печенѣговъ) и *Кумановъ*; по другому автору тамъ находились въ 1110 г.: *Туркопулы*, *Команиты* и Пиценаріи [3]). Очевидно, писано это по разсказамъ

---

[1]) Приведемъ цитату изъ исторіи Атталейоты о событіи 1078 года. „Σκύθαι (Печенѣги).... τῇ Ἀδριανουπόλει προσήγγισαν.... παραβοηθούντων αὐτοῖς καὶ ἀπὸ τοῦ μαχιμωτάτου ἔθνους τῶν Κομάνων πολλῶν“.... (p. 300—301).

[2]) Stritter. Memoriae populorum. v. III, pp. 862—869, 870—871, 946.

[3]) Брунъ. Черноморье. ч. I, стр. 21.

очевидцевъ, а посему заслуживаетъ быть принятымъ въ число доказательствъ.

Сличимъ теперь показанія приведенныхъ писателей съ извѣстіями нашей лѣтописи.

Мы приводили уже раньше сообщеніе Константина Б., что Узы въ IX в. жили еще за Яикомъ, въ Азіи, затѣмъ, потѣснивъ Печенѣговъ, заняли область между Яикомъ и Волгой [1]). Писатель X в. Массуди, находитъ ихъ уже на правой сторонѣ р. Дона, который отдѣляетъ отъ нихъ Хазарію [2]). Географическія свѣдѣнія Русскихъ о Поволжьѣ и Подоньѣ въ X в. были довольно значительны, благодаря походамъ на востокъ Святослава и его предшественниковъ [3]). Въ раздачѣ удѣловъ Владиміромъ Св. упоминается уже Тмуторакань, на восточномъ берегу Керченскаго пролива [4]). Какой-же народъ знаетъ наша лѣтопись въ степяхъ, около Дона, въ X в.? Печенѣговъ и Торковъ. Услугами послѣднихъ воспользовался въ 985 г. Владиміръ Св., когда шелъ на Волжскихъ Болгаръ. „Иде Володимiръ на Болгары съ Добрынею уемъ своимъ в лодьяхъ, а *Торкы* берегомъ приведе на конѣхъ“ [5]). Что это племя, Торковъ, дѣйствительно жило у Дона, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что его остатки въ первой четверти XII ст. ведутъ на берегахъ этой рѣки отчаянную борьбу съ Половцами [6]). Затѣмъ Константинъ Б. въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ весьма важное сообщеніе: „Должно знать, находимъ у него, что въ то время, когда Печенѣги были выгнаны изъ своей земли, нѣкоторые изъ нихъ по своей волѣ и по взаимному соглашенію остались тамъ и стали жить вмѣстѣ съ такъ называемыми *Узами* и до сихъ поръ находятся между ними“ [7])... Это

---

[1]) Constantinus Porphyrogenitus, p. 164.

[2]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. p. 117. Frähn. Ibn—Foszland's.. p. 60.

[3]) Григорьевъ. О древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ. Сборникъ—Россія и Азія. Спб. 1876 г.

[4]) Ипатьев. лѣт. стр. 83.

[5]) Ипатьев. лѣт. стр. 56. Нѣтъ никакого основанія видѣть здѣсь походъ на Болгаръ Дунайскихъ.

[6]) Ibidem, стр. 204.

[7]) „Ἰστέον ὅτι κατὰ τὸν καιρὸν ὃν οἱ Πατζινακῖται ἀπὸ τῆς ἰδίας χώρας ἐξεδιώχθησαν, θελήσει τινὲς ἐξ αὐτῶν καὶ οἰκεῖᾳ γνώμῃ ἐναπέμειναν ἐκεῖσε καὶ τοῖς λεγομένοις Οὔζοις συνῴκησαν, καὶ μέχρι τοῦ νῦν εἰσὶν ἐν αὐτοῖς“.... p. 166.

извѣстіе указываетъ на дружественное совмѣстное сожитіе, а никакъ не на кочеваніе только въ однихъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ. Эта небольшая горсть оставшихся Печенѣговъ могла быть отличена отъ Узовъ, только благодаря сохраненію своей національной одежды, какъ поучаетъ сына нашъ императоръ-писатель [1]). Перечитайте теперь всѣ наши лѣтописи и убѣдитесь, что Печенѣговъ среди Половцевъ не было. Послѣдніе въ нашей лѣтописи вездѣ являются одни. Но вмѣсто того мы находимъ въ нашихъ источникахъ другіе важные факты. Первое нападеніе Печенѣговъ на Русь, по нашей лѣтописи, было въ 915 г. [2]), а послѣдняя отчаянная битва съ ними у Золотыхъ воротъ произошла въ 1034 г. Они были разбиты на голову „тако погибоша, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни“ [3]). Печенѣги не погибли окончательно, и послѣ этого пораженія на Руси мы видимъ ихъ сильный напоръ на Византію въ 1035 г. [4]). Русская земля избавилась отъ Печенѣжскаго народа. Съ этого времени съ ними начинаетъ имѣть дѣло только Балканскій полуостровъ. Впродолженіе 82 лѣтъ (1034—1116 г.) нѣтъ о нихъ упоминаній въ русской лѣтописи. Но вотъ послѣ такого длиннаго періода они неожиданно являются снова, на Дону, въ 1116 г. Неужели они снова перекочевали назадъ изъ придунайской области? Это для нихъ было невозможно, ибо сзади ихъ стояли другіе кочевники. „В се же лѣто (1116 г.), говоритъ лѣтопись, бившася Половци с *Торкы* и с *Печенѣгы* у Дона, и сѣкошася два дни и двѣ нощи, и придоша в Русь къ Володимеру *Торци* и *Печенѣзи*“ [5]). Очевидно, это были тѣ самые Печенѣги, которые, по словамъ Іоанна Б., остались среди *Узовъ*. Такимъ образомъ тождество нашихъ *Торковъ* и *Узовъ* вполнѣ обнаруживается. И въ дальнѣйшихъ событіяхъ Печенѣги являются неразрывно съ Торками. „Прогна Володимеръ (въ 1121 г.) Береньдичи из Руси, а *Торци* и *Печенѣзи* сами бѣжаша“ [6]). Пече-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипатьев. лѣт. стр. 26.

[3]) Ibidem стр. 106.

[4]) Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 512. Stritter. Memoriae populorum. v. III, p. 814.

[5]) Ипат. Лѣт. стр. 204. Погодинъ. Изслѣд. замѣч. и лекціи. т. V, стр. 182.

[6]) Ипат. Лѣт. стр. 205.

нѣги и Торки вмѣстѣ, какъ мы увидимъ, поселились и по р. Роси. Если этотъ небольшой остатокъ Печенѣговъ сроднился съ Торками, то это нисколько не мѣшало послѣднимъ вести борьбу съ цѣлымъ народомъ печенѣжскимъ, занявшимъ послѣ 1034 г. юго-западную часть степей. Византійцы намъ сообщаютъ о постоянныхъ стычкахъ Печенѣговъ съ Узами [1]). Но послѣдніе—не Половцы, появленіе которыхъ въ южно-русскихъ степяхъ произошло въ первый разъ лишь въ 1055 г., а первое нападеніе на Русь въ 1061 (1063 г.) [2]). Занятіе Половцами юго-западныхъ окраинъ степей, какъ видно, изъ византійскихъ источниковъ, относится къ послѣдней четверти этого столѣтія [3]). Между тѣмъ эта борьба Печенѣговъ съ Узами происходила еще раньше 1050 г. [4]). Въ это время степи около Днѣпра заняли Торки, двигавшіеся, конечно, подъ напоромъ Половцевъ. Такъ въ 1055 г. Всеволодъ долженъ былъ ходить на нихъ для защиты Переяславскаго княжества; въ 1060 г. князья предприняли на нихъ походъ соединенными силами на коняхъ и лодьяхъ—очевидно, по Днѣпру [5]). Извѣстіе лѣтописи о послѣднемъ походѣ для насъ весьма интересно. Вотъ что повѣствуетъ она: „Того-же лѣта (1060) Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ, совокупивше воя бещисленъ, и поидоша на коняхъ и в лодьяхъ, бещисленное множество, на *Торкы*. И се слышавше Торци, убоявшеся, пробѣгоша и до сего дни, и помроша бѣгающе гонимы, *овии отъ зимы, другии-же голодомъ, инии же моромъ* и судомъ Божіимъ, и тако Богъ избави крестьяны отъ поганыхъ“ [6]). Какъ нашъ лѣтописецъ описываетъ гибель Торковъ, такъ византіецъ, Атталейота, говоритъ о пораженіи Узовъ. По его словамъ, они потерпѣли сильно *отъ зимы*, были изнурены *болѣзнями и голодомъ* [7]). Далѣе этотъ писатель сообщаетъ намъ важный фактъ, что Узы, ушедшіе обратно за Дунай, были разсѣяны княземъ Мирмидоновъ

---

[1]) Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Bonnae. 1839 a. v. II, 582—587.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 114 и 115 Объ этой датѣ см. дальше.

[3]) См. выше.

[4]) Васильевскій. Византія и Печенѣги Ж. М. Н. П. 1872 г. № 11 стр. 123 и д. и Stritter. Memoriae populorum v. III p. 819.

[5]) Ипат. Лѣт. стр 114.

[6]) Ипат. Лѣт. стр 114—115.

[7]) Μιχαὴλ τοῦ Ἀττα̃λειάτου Ἱστορία. Bonnae. 1853 a. pp. 83 и 85.

около его городовъ [1]). Кто-бы ни были эти Узы, но за Дунаемъ они несомнѣнно являлись въ южно-русскихъ степяхъ. Никакихъ другихъ городовъ, кромѣ русскихъ они найти не могли; никакой князь, кромѣ русскаго ихъ разогнать у своихъ городовъ не могъ. И вотъ подъ 1080 г. мы находимъ въ нашей лѣтописи слѣдующее: „Заратишася *Торци* Переяславстии на Русь, Всеволодъ-же посла на нѣ сына своего Володимера, Володимеръ-же шедъ побивъ Торокы“ [2]). Откуда-же опять взялись эти кочевники, когда, по словамъ того-же лѣтописца, они погибли въ 1061 г.? Ясно, что они откуда-то вернулись. Мы можемъ найти отвѣтъ только въ приведенномъ выше разсказѣ Атталейоты [3]), но при этомъ придется признать тождество *Узовъ* съ *Торками*.

---

[1]) Ibidem, p. 87.

[2]). Ипат. лѣт. стр. 143. Позволяемъ себѣ привести по поводу „князи Мирмидоновъ“ соображеніе г. Васильевскаго. „Никто другой, кромѣ русскаго князя не можетъ разумѣться подъ княземъ Мирмидоновъ уже потому, что онъ живетъ за Дунаемъ. Венгры у Атталейоты называются Сарматами, а имя Русскихъ онъ ни однажды не употребляетъ, говоря о *Русской землѣ и Русскихъ князьяхъ*. Сверхъ того, къ объясненію, почему Атталейота Русскихъ называетъ Мирмидонами, быть можетъ, служитъ то мѣсто у Льва Діакона, гдѣ онъ говоритъ о сходствѣ погребальныхъ обрядовъ у воиновъ Святослава и у древнихъ Грековъ. Эти обычаи ведутъ свое начало отъ спутниковъ Ахиллеса. Ахиллесъ былъ скиѳъ родомъ изъ Мирмикіона (Μυρμήκιον), города на Меотійскомъ озерѣ (между Керчью и Эпикале, по Палласу): свѣтлые волосы, голубые глаза и другіе признаки служатъ доказательствомъ, что Ахиллесъ былъ Скиѳъ и даже *Таврскій*, то есть, Русскій“. Ж. М. Н. П. 1872 г. № 11, стр. 141, прим. 1. Мы видимъ, что первая часть этого соображенія совпадаетъ съ фактами.

[3]) Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ относительно хронологіи. По датѣ византійца, Скилицы, приходъ Узовъ на Дунай произошелъ въ 6573 г. отъ С. М. Въ нашей лѣтописи пораженіе Торковъ отнесено къ 6568 г. Въ первомъ случаѣ 6573—5508=1065 г., а по лѣтописи 6568—5508=1060 г. Гдѣ-же, спрашивается, пропадали Узы-Торки впродолженіи 5 лѣтъ. Это разногласіе источниковъ легко устраняется. Византійцы считали годъ съ сентября (Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куникъ. О признаніи 1223 г. временемъ битвы на Калкѣ). Узы, переѣхавши Дунай, бросились грабить, но на возвратномъ пути изъ экскурсіи были захвачены зимой. Так. образ. между переправой и наступленіемъ

Полная картина этихъ событій дѣйствительно и получается лишь при соединеніи извѣстій нашей лѣтописи и исторіи Атталейоты. Сношенія Византіи съ Русью позволили послѣднему упомянуть о событіи 1080 года, какъ заключительномъ въ періодѣ самостоятельнаго существованія племени Узовъ-Торковъ.

Всѣ приведенные нами факты съ самаго начала главы приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что Кумане—Кипчаки—Половцы есть одинъ и тотъ-же народъ; 2) что Узы представляютъ изъ себя Торковъ нашихъ лѣтописей и 3) европейскіе писатели знаютъ въ Европѣ *три отдѣльныя племени: Печенѣговъ, Торковъ-Узовъ* и *Половцевъ*. Эти выводы весьма для насъ важны, ибо на нихъ намъ придется опереться.—Переходимъ теперь къ извѣстіямъ мусульманскихъ писателей.

До насъ дошла географія писателя XIV в., Абульфеды. Онъ жилъ и писалъ въ такое время, когда ни Узовъ, ни Кумановъ, уже не существовало. Его географическій трактатъ оконченъ въ 1321 г.

очень короткій срокъ. Слѣд. они совершили вторженіе въ осенніе мѣсяцы, позже августа. Теперь, поступая по способу г. Куника, находимъ 6573—5509=1064. Беря во вниманіе, что разстановка годовъ въ лѣтописи весьма часто является произвольной, мы имѣемъ право сдѣлать слѣдующее соображеніе. Подъ 6568 г. мы находимъ извѣстіе о пораженіи Торковъ *лѣтомъ*. Подъ 6569 г. сообщается, что *2-го февраля* пришли Половцы. Такъ какъ нашъ лѣтописецъ признавалъ годы *мартовскіе*, то *лѣто*, въ которое совершился походъ на Торковъ, и *февраль*, когда пришли Половцы, могли быть въ одномъ и томъ-же мартовскомъ году. Весьмо возможно, что лѣтописецъ разбилъ на два года событія, относящіяся къ одному *мартовскому* году. Но слѣдующій 6570 г. оказывается пустымъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что этотъ пустой годъ и есть годъ упомянутыхъ событій, ибо оставленіе пустыхъ годовъ было дѣломъ произвола лѣтописца. Если мы примемъ, что эти событія произошли въ 6570 г., то по способу г. Куника (см. раньше), находимъ: 6570—5508=1062 г. отъ Р. Х.—время похода на Торковъ; 6570—5567=1063 г.—время прихода Половцевъ. Если Торки потерпѣли пораженіе въ 1062 г., то они могли еще потомъ кочевать въ степяхъ, пока приходъ Половцевъ въ 1063 г. не заставилъ ихъ двинуться къ предѣламъ Византіи, куда они и могли явиться въ 1064 г. В. Г. Васильевскій признаетъ временемъ появленія Узовъ на Балканскомъ полуостровѣ сентябрь 1064 г. (Ж. М. Н. П. 1872 г. № 11, стр. 138).

Свѣдѣнія для прошлаго онъ черпалъ изъ богатой библіотеки, бывшей у него въ Гаматѣ [1]). Абульфеда дѣлаетъ грубую хронологическую и географическую ошибку, описывая уже несуществующее, какъ дѣйствительный, современный ему фактъ [2]), но это приноситъ громадную пользу намъ. Очевидно, что различіе, полагаемое Абульфедой для тюркскихъ народовъ, признавалось и тѣми авторами, изъ которыхъ онъ черпалъ.

Въ этомъ географическомъ трактатѣ Кумане-Кипчаки постоянно отличаются отъ Узовъ. Абульфеда отдѣльно описываетъ границы этихъ народовъ. Такъ Кипчаковъ онъ помѣщаетъ къ сѣверу отъ страны Башкиръ, а относительно Гузовъ, говоритъ, что они „находятся между Хазарами страной Карлоковъ и Булгарами“ (правильнѣе Башкирами) [3]). Могущество Кипчаковъ, по его словамъ, было уничтожено Татарами [4]). Мы знаемъ, что нашествіе послѣднихъ сломило силу Половцевъ. Ничего подобнаго не говоритъ онъ объ Узахъ. Въ географіи Эдризи Половцы постоянно называются Куманами, а не Узами, тогда какъ это названіе означаетъ у него обитателей собственнаго Туркестана [5]). Раньше мы указали на извѣстіе Эль-Бекри, писавшаго во второй половинѣ XI в. Онъ также отличаетъ страну Кипчакъ отъ Гузіи [6]). Изъ извѣстій Ибнъ-эль-Атира видно, что и для него Гузы и Кипчаки-Половцы были двумя отдѣльными народами. Такъ онъ говоритъ о службѣ Половцевъ-Кипчаковъ у грузинскихъ царей и о тѣсной

---

[1]) Géographie d'Aboulfeda. Ed. Reinaud. Paris 1847. v. I, pp. XXIII, XXIV.

[2]) Принимая за народы еще существующіе Печенѣговъ, Узовъ, Куманъ, онъ старается всѣмъ имъ найти мѣсто. Команъ и Кипчаковъ онъ какъ-будто признаетъ за два различные народа, очевидно, потому, что новые кочевники южно-рус. степей приняли имя Кипчаковъ, существовавшее еще раньше ихъ появленія, хотя и опровергаетъ себя сейчасъ-же тѣмъ, что разсказываетъ о пораженіи Кипчаковъ Татарами.

[3]) Géographie d'Aboulfeda. v. II, p. 293—4, 297: „Les Gouzes sont établis entre les Khozars, le pays des Kharlocs et les Bulgares“.

[4]) Ibidem, p. 294.

[5]) Брунъ. Черноморье. ч. I, стр. 21.

[6]) Defrémery. Fragments des géographes et d'historiens. p. 14—15.

связи владѣтелей Адзербейджана съ Гузами (les Gozz) [1]). Всѣ приведенные писатели говорятъ намъ о Гузахъ въ Азіи. Припомнимъ при этомъ извѣстіе Константина Б., что Узы въ IX в. жили заУраломъ. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ племени мы находимъ у путешественника X в., Ибнъ-Гаукаля, лично посѣтившаго мѣстности о которыхъ онъ говоритъ. Онъ разсказываетъ, что Гузы живутъ на песчаныхъ равнинахъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря и Аральскаго озера, до средняго теченія р. Sihoun, также между Каспійскимъ моремъ и р. Djihoun на югъ до Джурджанской провинціи [2]).

Такимъ образомъ въ IX, X вв. мы видимъ Гузовъ или Узовъ въ степяхъ средней Азіи. Но затѣмъ мы находимъ ихъ уже въ Европѣ. Переселеніе ихъ, какъ мы видѣли изъ извѣстія Константина Багрянороднаго, относится къ концу IX в. Въ Европѣ ихъ знаетъ и Абульфеда. „Руссы, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—народъ турецкой національности, который съ востока граничитъ съ Гузами, народомъ такого-же происхожденія“ [3]). Руссы никогда-бы не могли граничить съ ними, пока бы они сидѣли у себя, въ Азіи. Болѣе подробныя данныя объ европейскихъ поселеніяхъ Гузовъ мы находимъ у Массуди. Онъ разсказываетъ, что къ югу отъ Славянъ страны заняты нѣсколькими тюркскими племенами; что Гузы кочуютъ съ ихъ стадами по песчанымъ равнинамъ; ихъ территорія отдѣлена отъ Хазаръ большою рѣкой, которая соединяетъ Итиль (Волгу) съ заливомъ Меотиды (Азов.

---

[1]) Ibidem, p. 26—27 и 32.

[2]) „Les Gouzes, Turcs nomades, qui habitent les plaines sabloneuses au nord de la mer Caspienne et du lac de Khorazm, ainsi que les steppes, qui separent cette petite mer de la Transoxane, du Khorassan et de la mer Caspienne. Leur territoire s'étend à l'est susqu'à la ville d'Isbidjab sur le sihoun, et au midi jusqu'au Dihistan, ville frontière du Djourdjan...“ Les peuples du Caucase. D'Ohsson. p. 146. Paris. 1828. См. также карту Азіи XIII в. при Histoire des Mongols. D'Ohsson. Paris. 1834. v. I. Г. Доссонъ относится къ этому сообщенію съ полнымъ довѣріемъ. (Histoire des Mongols. v. I, p. 178, прим.).

[3]) „Les Russes sont un peuple de race turque, lequel du côté de l'orient touche aux Gouzes, peuple egalement de race turque“. Géographie d'Aboul feda. v. II, p. 296. Тюркское происхожденіе Руссовъ — общая ошибка арабовъ.

море)[1]). Эта рѣка, какъ извѣстно, есть Донъ. Однако-же это племя существовало еще въ Азіи и въ XI в. Въ этомъ столѣтіи Гузы завоевали Персію и основали Сельджукскую монархію[2]). Слѣд. въ Европу выселилась только часть племени, сохранивъ свое собственное имя, какъ оно и является у Массуди и византійцевъ, а у Русскихъ эта вѣтвь Гузовъ стала совершенно случайно извѣстна подъ именемъ Торковъ[3]).

Узо-половецкая теорія основывается главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ двухъ источниковъ—Рашидъ--Эддина и Абульгази. Они, перечисляя турецкія племена средней Азіи, Уйгуръ, Кипчакъ, Канклы, Карлукъ, Калачь[4]), не упоминаютъ совершенно объ Узахъ или Гузахъ, такъ что послѣдніе могутъ разумѣться подъ какимъ нибудь изъ прежде названныхъ племенъ. Рашидъ-Эддинъ разсказываетъ что Кипчаки жили между страной Кара-Китай и Яикомъ[5]). Такимъ образомъ ихъ область совпадаетъ съ землей Узовъ, а Абульгази утверждаетъ, что Огузъ-ханъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, предназначилъ племени Кипчакъ вести борьбу съ Руссами, Улаками (?), Мадьярами и Башкирами, которые жили на берегахъ Дона, Волги и Яика. Онъ прибавляетъ, что Кипчаки, занявъ эти мѣстности, жили тутъ 4000 лѣтъ до Чингизъ-хана, и вся ихъ страна называлась Дешти-Кипчакъ, т. е., по объясненію самого Абульгази и Ибнъ-Хальдуна, степью Кипчаковъ[6]). Принимая вполнѣ эти данныя, пришлось-бы видѣть Кипчаковъ во всѣхъ племенахъ, двигавшихся въ южно-русскихъ степяхъ. Но мы не имѣемъ никакого права дѣлать подобное заклю-

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase p. 117. Frähn. Ibn—Foszland's und anderer araber berichte. S.-Pb. 1823 г. Стр. 60.

[2]) D'Ohson. Histoire des Mongols. p. 178, v. I.

[3]) О происхожденіи имени Торковъ см. ниже.

[4]) Записки Имп. Археол. Общ. т. XIV. Березина. Выписки изъ Рашидъ-Эддина. Стр. 12. Histoire généalogique des Tatars. D'Abulgasi—Bayadur-Chan. A Leyde. 1726. p. 84.

[5]) Ibidem Рашидъ-Эддинъ. Стр. 18—19.

[6]) Abulgasi. p. 45—46: „Ogus-Chan luy (au Kipzak) donna une armée considerable pour aller faire la gueurre aux Urusses, Ulakes, Madsahres et Baschkirs, qui habitaient sur les bords des rivières de Tin, d'Atell et de jagik." и p. 47. Defrémery. p. 142.

ченіе. Въ сообщеніяхъ Рашидъ-Эддина и Абульгази мы имѣемъ дѣло съ народными преданіями. Первый изъ нихъ писалъ въ первой четверти XIV ст., а второй въ XVII в. [1]). Но и самыя преданія могли подвергнуться передѣлкѣ въ рукахъ монгольскихъ ученыхъ. По разсказу Абульгази, Газанъ-Ханъ, одинъ изъ прямыхъ потомковъ Чингизъ-хана, поручилъ Рашидъ-Эддину составить книгу генеалогіи, религіи и обычаевъ Монголовъ на память потомству [2]). Приказаніе было исполнено. Но, очевидно, излагая исторію Монголовъ по желанію хана, авторъ ея долженъ былъ позаботиться о возвеличеніи рода своего государя, выдвинуть добродѣтели его предковъ и освятить завоеванія, сдѣланныя Чингизъ-Ханомъ. И вотъ мы находимъ, что Огузъ-ханъ началъ борьбу изъ-за истинной религіи съ своимъ отцомъ; что Чингизъ-ханъ—прямой потомокъ Огузъ-хана [3]). Мы не можемъ придавать всѣмъ этимъ извѣстіямъ историческаго значенія, но не имѣемъ права игнорировать ихъ, какъ матеріалъ этнографическій, и въ этомъ отношеніи должно признать мнѣніе г. Катрмера о важности этихъ данныхъ [4]).

Передадимъ вкратцѣ самыя преданія. У Карахана, одного изъ сыновей Могула, который въ седьмомъ колѣнѣ происходилъ отъ Турка, сына Яфетова, былъ сынъ Огузъ-ханъ. Когда Огузъ началъ борьбу съ своимъ отцомъ, къ нему явились нѣкоторые изъ его родственниковъ съ своими родами и признали его власть. Ихъ всѣхъ Огузъ назвалъ Уйгуръ (пришедшій на помощь), а всѣ они стали носить имя Огузцевъ или Угузцевъ, по имени своего властителя. По прошествіи извѣстнаго времени отъ этой массы Угузцевъ отдѣлились колѣна—Уйгуръ, Канклы, Кипчакъ, Карлокъ и Калачь, получившія свои имена по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ. Такъ Канклы названы

---

[1]) Березинъ. Записки Имп. Археол. Общ. т. XIV и Abulgasi p. 79 и 7. По словамъ послѣдняго, онъ самъ многое заимствовалъ у Рашидъ-Эддина, который кончилъ свою работу въ 742 г. гиджры, и писалъ 372 г. спустя послѣ него.

[2]) Abulgasi, p. 79: „il est necessaire que fasse compiler un livre des familles, de la religion et des costumes des nos Moguls pour le laisser à la posterité". (Слова Газанъ-хана Рашиду).

[3]) Abulgasi, pp. 34—41, 156—160.

[4]) Записки Имп. Археол. Общ. т. XIV.

этимъ именемъ оттого, что ихъ родоначальникъ изобрѣлъ телѣги, сильно скрипѣвшія, которые названы были Кунчекъ, и былъ окрещенъ, какъ ихъ изобрѣтатель, Огузъ-ханомъ именемъ Кайкли. Кипчаки назвались такъ отъ своего предка, найденнаго Огузомъ въ дуплѣ дерева и потому получившаго названіе Кипчакъ, что̀ значитъ пустое дерево. И т. д. Эти различныя племена поселились въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ Кипчаки сначала жили между р. Яикомъ и Кара-Китаемъ, а потомъ Огузъ-хана отправилъ ихъ въ область рр. Волги и Дона, гдѣ Кипчаки и жили 4000 лѣтъ до Чингизъ-хана. Между тѣмъ самое имя Огузцевъ или Угузцевъ исчезло и замѣнилось названіемъ Туркменъ [1]).

Можно-ли придавать буквальный смыслъ всему здѣсь разсказанному? Такія преданія образуются у всѣхъ народовъ, лишь только у нихъ проявляется историческое самосознаніе. Прежде всего народъ старается объяснить свое происхожденіе. Сходство языка, обычаевъ у нѣсколькихъ племенъ заставляетъ ихъ признавать себя родственниками и искать общаго родоначальника. Припомнимъ братьевъ Чеха, Леха и Руса, Радима и Вятко. Очевидно, что и Уйгуры, Кипчаки, Канклы, Карлоки, чувствуя свою близость по языку, по обычаямъ, стремились объяснить это непонятное для нихъ явленіе. Они отыскали себѣ родоначальника въ Огузъ-ханѣ. Однако это имя является нѣсколько страннымъ. Народъ всегда называетъ своего прародителя именемъ, взятымъ отъ какого-нибудь изъ существующихъ племенъ. Между тѣмъ среди перечисленныхъ мы не находимъ народа Огузъ или Гузъ. Но очевидно, что преданія, записанныя Рашидъ-Эддиномъ, восходятъ къ глубокой древности. И вотъ дѣйствительно мы встрѣчаемъ въ IX и X в. въ степяхъ средней Азіи племя Гузъ, Огузъ, Узъ. Отъ него-то, какъ видно, и взято имя родоначальника всѣхъ Уйгуръ, Кипчакъ, Канклы, Карлокъ. И самое преданіе ставитъ связью между Огузъ-ханомъ и этими племенами народъ Угузцевъ, при чемъ первыя относятся къ послѣднему какъ видъ къ роду.

Кипчаки, какъ мы видѣли, жили нѣкогда въ тѣхъ-же степяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, въ IX и X вв. обитали Узы или Гузы, откуда

---

[1]) Abulgasi—Bayadur—Chan. Histoire généalogique des Tatars. pp. 39, 41, 45, 47, 52, 56, 85. Записки Имп. Археол. Общ. т. XIV. Рашидъ-Эддинъ. Стр. 2, 3, 7, 12, 18—19, 21—22.

потомъ совершилось выселеніе въ Европу части Гузовъ, а затѣмъ въ началѣ XI в. и Кипчаковъ—Половцевъ. Канкли занимали тѣ-же мѣстности, т. е., степи Каспійскаго и Аральскаго морей. Затѣмъ часть удалилась на востокъ [1]), а часть несомнѣнно оставалась на тѣхъ же мѣстахъ до половины XIII ст., гдѣ ихъ и застаетъ Рубруквисъ, къ сѣверу отъ Каспійскаго моря. По языку онъ считаетъ ихъ родственниками Куманъ-Половцевъ [2]). Тутъ помѣщаетъ Плано-Карпини племя Кангитовъ между Команіей, землей Торкменовъ, Каспійскимъ моремъ [3]). Слѣд. мы можемъ принять ихъ за Канкли Рубруквиса и считать одного происхожденія съ Кипчаками. Но несомнѣнно, что наши Печенѣги также появились въ Европу изъ степей Каспійскаго и Аральскаго моря. Такъ Эль-Бекри знаетъ ихъ на равнинахъ отъ Джорджаніи до горы Корезма, т. е., опять въ области, занятой нѣкогда Гузами [4]). Аль-Ямбуи также видѣлъ Печенѣговъ въ Азіи. Онъ прибылъ къ нимъ изъ Бухары [5]). Если возможно сближеніе названія Κάγγαρ (Кáнгаръ) [6]), даваемаго Печенѣгамъ Константиномъ Б., съ именемъ Кангиты Плано-Карпини, то мы въ правѣ видѣть въ Канкли то племя, изъ котораго вышли наши Печенѣги и Турки-Османы [7]). Приводимыя извѣстія Эль-Бекри и Аль-Ямбуи заставляютъ считать этотъ фактъ довольно вѣроятнымъ. По смыслу сообщенія Константина Б., Печенѣги назывались Κάγγαρ еще до перехода чрезъ Волгу, до борьбы съ Хазарами. Очень возможно, что они получили имя „Печенѣги“ уже окончательно вступивъ въ Европу, а племенное имя Κάγγαρ= Канкли – *Canglae* у Рубруквиса стушевалось, оставшись только за нѣкоторыми колѣнами Печенѣговъ. Теперь легко объясняется, почему

---

[1]) Abulgasi. p. 85—86.

[2]) Fejer. Codex diplomaticus, v. IV, p. 2, p. 278.

[3]) Языкова. Собраніе путешествій къ Татарамъ. Плано-Карпини. Стр. 19, 25, 27.

[4]) Defrémery. Fragments des géographes.... p. 14.

[5]) Гаркави. Сказанія мусульм. писателей. Стр. 183—5.

[6]) Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 169: „οἱ δὲ Πατζινακῖται οἱ πρότερον Κάγγαρ ἐπονομαζόμενοι....“

„....καὶ τῶν Πατζινακιτῶν τῶν τηνικαῦτα Κάγγαρ ἐπονομαζομένων....“

[7]) Канкли являются въ Азіи въ 1300 г. подъ именемъ Турокъ-Османовъ. (Abulgasi-Bayadur-Chan. Histoire généalogique des Tatars. p. 87. D'Ohsson Histoire des Mongols. v. I, p. 293).

преданія средней Азіи не знаютъ Печенѣговъ, а только Канкли. Легко объяснимъ и фиктивный фактъ переселенія Кипчаковъ въ Европу за 4000 лѣтъ до Чингизъ-хана. Въ народной памяти могли сохраниться воспоминанія о нѣкогда дѣлавшихся выселеніяхъ въ Европу изъ степей средней Азіи, а такъ какъ Монголы нашли въ степяхъ южной Россіи Кипчаковъ-Половцевъ, то легко было народному воображенію переселить туда послѣднихъ чуть не за три тысячи лѣтъ до Р. Х. Гораздо раньше мы видѣли, что при появленіи въ Европу тюрковъ, европейскіе писатели отличаютъ ясно три вѣтви: Печенѣговъ, Узовъ-Торковъ и Половцовъ-Куманъ-Кипчаковъ. Восточные историки знаютъ въ средней Азіи одно племя Узовъ или Гузовъ, начиная съ X ст. Прародиной трехъ поименованныхъ племенъ, какъ видно изъ недавно приведенныхъ фактовъ, были тѣ-же степи средней Азіи. Узы-Торки—есть вѣтвь племени Гузовъ, какъ мы видѣли раньше. Весьма вѣроятно, Печенѣги—колѣно Канкли. Эти добытыя данныя не даютъ намъ права совершенно игнорировать преданій, что *Кипчаки* и *Канглы*, обитавшіе также въ арало-каспійскихъ степяхъ, суть колѣна Угузцевъ, или нѣкогда дѣйствительно жившаго въ средней Азіи Гузовъ или Огузовъ. (Отсюда патрономическое имя Огузъ-Ханъ). Но мы можемъ изъ всего сказаннаго сдѣлать только одинъ выводъ, что турецкія народы *Кипчакъ* и *Канглы* до своего раздѣленія составляли одно цѣлое племя, можетъ быть Гузовъ; затѣмъ это единое турецкое племя начинаетъ дробиться на отдѣльныя колѣна, изъ которыхъ въ Европѣ являются три—Печенѣги-Канкли, Торки, сохранившіе старое племенное имя Узовъ или Гузовъ, и Куманс-Кипчаки. *Въ этомъ только смыслѣ* Кипчаки-Половцы и могутъ считаться Гузами или Узами, какъ видъ этого рода. Кипчаки *могли быть нѣкогда* Гузами, но Гузы *никогда* не были Кипчаками.

Это-же самое племя Огузовъ двигалось и въ южномъ направленіи въ Азію. И тутъ часть ихъ выселилась подъ своимъ собственнымъ именемъ въ XI в. и только потомъ по господствующей династіи получила названіе Сельджуковъ. Въ XIV в. по этому-же пути двинулась часть Кангли и стала извѣстна впослѣдствіи подъ именемъ Турокъ-Османовъ [1]).

---

[1]) Мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ о торко-венгерской теоріи. Послѣдователи ея—Арцыбашевъ съ Тунманомъ (Повѣствованіе о

И такъ, прежде чѣмъ явиться въ Европу, наши Печенѣги, Торки и Половцы кочевали въ степяхъ Средней Азіи и составляли одно цѣлое. Они родственники между собою. Такъ смотритъ на нихъ и наша лѣтопись, считая ихъ всѣхъ потомками Измаила. „А Измаило роди 12

Россіи. Москва 1838 г. ч. I, примѣч. 207. Архивъ Ист.-юридич. свѣдѣній. Калачова. 1855 г. кн. II. Самчевскій, Торки, Берендѣи и Черные Клобуки) и теперь г. Куникъ (Дорнъ. Каспій. Спб. 1875 г. стр. 385—388, прим. I). Первое возраженіе, какое можно сдѣлать противъ нея, состоитъ въ томъ, что наша лѣтопись вездѣ отличаетъ Торковъ отъ Венгровъ, а многія извѣстія въ ней принадлежатъ перу участниковъ въ событіяхъ. Взглядъ людей того времени на племенное родство Торковъ выразился въ слѣдующихъ словахъ лѣтописи: „Измаиль роди 12 сына, отъ нихже суть Торкмени, и Печенѣзи, и Торци и Кумани, рекше Половци....“ (Ипат. Лѣт. стр. 163; Лавр. лѣт. стр. 226). Намъ не важно, что лѣтописецъ даетъ этимъ племенамъ въ родоначальники Измаила, а съ кѣмъ онъ роднитъ нашихъ Торковъ. Онъ не включаетъ въ эту семью Венгровъ. Далѣе. Сторонники этой теоріи приводятъ слѣдующее соображеніе. Мадьяры называются у Ліутпранда и византійцевъ Τοῦρκοι; имя „Торки“ означаетъ то-же самое, слѣд. послѣдніе суть остатки первыхъ, т. е., Мадьяръ. Мы могли-бы не возражать на этотъ доводъ, разъ приведши извѣстіе лѣтописи, тѣмъ болѣе, что имъ мы обязаны древнѣйшимъ спискамъ нашей лѣтописи, но не можемъ не указать на фактъ, что понятіе, выражаемое словомъ „Τοῦρκοι“ не тождественно съ понятіемъ слова „Торки“. Для русскихъ людей занимающаго насъ времени понятіе „Турки“ не было совершенно извѣстно. Вмѣсто этого они имѣли другое, выражаемое словомъ Торкмене, Таурмене, которое встрѣчается въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи (Ипат. лѣт. стр. 163, Лавр. Лѣт. стр. 226, 423, 424, 477, 483). Такимъ образомъ, если-бы Русскіе того времени хотѣли назвать занимающее насъ племя Турками, то дали-бы имъ имя „Торкмене“. Да и правильное названіе будетъ не *Торки*, а *Торци*. Возмемъ извѣстіе лѣтописи. Напр.: Того лѣта (6568)... и поидоша (русскіе князья) на *Торкы*. И се слышивше *Торци*, убоявьшеся....“ и т. д. (Ипат. лѣт. стр. 114—115). Очевидно, здѣсь *Торци* имен. пад., а *Торкы*—винит. Неизвѣстно, почему мы теперь употребляемъ форму винит. пад., а не имен. Осмѣливаемся теперь представить филологамъ слѣдующее соображеніе. Принято обыкновенно считать памятью Торковъ имя р. „Торъ“. Но производство слова „*Торъ*“ отъ „*Торци*“ или пусть даже отъ „*Торки*“, мнѣ кажется, все равно, что Roma отъ Romulus, по просту, оно невозможно. Другое дѣло, если мы сдѣлаемъ обратное производство, т. е., слово „*Торци*“

сына, говоритъ она, отъ нихъ-же суть Торкьмени, Печенѣзи и Торци, и Половци...“ [1]). Намъ, конечно, не важенъ ихъ лѣтописный родоначальникъ, а важно признаніе лѣтописью родственности нашихъ пле-

---

будемъ производить отъ „*Торъ*“. Мы имѣемъ въ лѣтописи для винит. пад. и „*Торъки*“, слѣд. „*Торци*“=„*Торъ+ци*“, какъ обыкновенно происходитъ образованіе собственныхъ именъ отъ топографическихъ названій. Слово „Донцы“, очевидно=Донъ+ци Имя рѣки Торъ могло существовать издавна. Если лѣтопись не говоритъ о ней до 1185 г., то она обо всѣхъ мѣстностяхъ упоминаетъ только при случаѣ. Мы изъ Массуди и нашей лѣтописи знаемъ, что Торки жили въ области рѣки Дона, могли занимать берега и его притоковъ. Если-же первая встрѣча Русскихъ, мирная или враждебная, произошла на берегахъ р. Тора, то новыхъ своихъ знакомцевъ наши предки назвали людьми съ рѣки Тора, Торцами. Явилось правильно Торци, а въ другихъ падежахъ: Торкъ, Торкы. Какъ-бы ни было, но, оставляя нашу гипотезу безъ вниманія, мы всетаки не можемъ признать венгерской теоріи, такъ какъ ей противорѣчатъ ранѣе приведенные нами факты.

Есть еще теорія—печенѣго-кипчакская. „Кумане и Печенѣги, по мнѣнію г. *Клапрота*, образовали одинъ народъ, съ различіемъ, которое они показали въ Европѣ около 894 г. Это были Кипчаки, которыхъ племенное названіе было Kankly или Kânkly....“ (Mémores relatifs à l'Asie. 1828. v. III, p. 117). Если-бы авторъ остановился на утвержденіи, что въ Азіи эти племена составляли нѣкогда одинъ народъ, то съ этимъ нельзя былобы несогласиться, но считать Канкли племеннымъ именемъ Кипчаковъ нѣтъ никакой возможности. По Рашидъ-Эддину и Абульгази, которыми, видимо, пользовался г. Клапротъ, имена Канкли и Кипчакъ—самостоятельно племенныя для двухъ различныхъ народовъ. Г. Гаммеръ идетъ еще далѣе. При громадной учености, авторъ тѣмъ не менѣе разсказываетъ, на нашъ взглядъ, ни съ чѣмъ не сообразныя вещи. Πατζινακῖται византійцевъ, по его мнѣнію,— *Кипчаки* восточныхъ писателей (Geschichte der Goldenen Horde. Hammer—Purgstall. Pesth. 1840. f. 5, 7, 18, 23). Узы, *Гузы*, Огузы, Туркоманы, *Куманы*, *Половцы*, Куны, *Торки*, признаются за одинъ народъ (Ibidem f. 18, 20, 24). *Кангаръ* считается за отдѣльный народъ и отождествляется съ *Канкли*, *Кангитами*. (Ibidem, f. 23). Тутъ, по нашему мнѣнію, страшная смѣсь правды съ невѣрностями. Разобраться нѣтъ никакой возможности, ибо одно положеніе вытѣсняется другимъ. Опровергать все, сдѣланное авторомъ, значило-бы начинать сначала. Мы просимъ, поэтому, обратиться къ соображеніямъ, сдѣланнымъ нами выше.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 163.

менъ. На чемъ-же основывалось это мнѣніе Русскихъ людей того времени? Очевидно, на сходствѣ наружности, обычаевъ и языка этихъ народцевъ. Наши предки не могли не знать языка Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ, благодаря тѣснымъ всестороннимъ сношеніямъ съ ними. Еще 968 г., при осадѣ Кіева Печенѣгами, выискался одинъ княжескій отрокъ, умѣвшій говорить по печенѣжски [1]). Не забудемъ также, что у насъ были потомъ цѣлыя колоніи изъ этихъ племенъ. Въ такомъ-же положеніи стояли и Византійцы. На Балканскомъ полуостровѣ, начиная со второй половины XI в., мы также находимъ поселенія Печенѣговъ и Узовъ-Торковъ. Мы находимъ въ Византіи людей знающихъ и печенѣжскій языкъ, какъ напр. послы, отправленные въ 1123 г. къ Печенѣгамъ, императоромъ Іоанномъ Комненомъ [2]). Изъ разсказовъ Анны Комнены видно, что Печенѣги свободно объяснялись съ Половцами [3]), что доказываетъ родственность ихъ языка. Скилица прямо говоритъ, что Узы одного рода съ Печенѣгами [4]).

Одного происхожденія ихъ всѣхъ считаютъ и мусульманскіе писатели. Мы указывали уже на извѣстіе Аль-Балхи и Массуди. Оба они считаютъ Печенѣговъ тюрками. Точно такого-же мнѣнія Ибнъ-Эль-Варди, Эдризи и Абульфеда [5]). О тюркизмѣ Гузовъ намъ сообщаютъ, какъ мы выше указывали, Массуди, Ибнъ-Гаукаль и Абульфеда [6]). Кумановъ-Кипчаковъ считаютъ тюрками, какъ Абульфеда, такъ и Ибнъ-эль-Атиръ, Ибнъ-Яхіа, затѣмъ Монгольскіе историки—Рашидъ-Эддинъ и Абульгази [7]).

---

[1]) Ibidem, стр. 42.

[2]) Νικήτα Χονιάτου ἱστορία. Bonnae. 1835 a. p. 19—20 и Sritter. Memoriae populorum. v. III, p. 922.

[3]) Stritter. Memoriae populorum. v. III, p. 899—914.

[4]) Ibidem, p. 940—941.

[5]) Гаркави. Сказанія мусульман. писателей. Стр. 127, 275. Ibn-Foszland's und anderer Araber Berichte. Frähn. SPb. 1823 r. p. 44; Хвольсонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста. Спб. 1869 г. стр. 50; Reinaud. Géographie d'Aboulfeda. Paris. 1848 a. v. II, p. 292—3, 297.

[6]) Frähn. Ibn—Foszland's, p. 60; D'Ohsson. Les peuples du Caucase p. 146; Géographie d'Aboulfeda. v. II, p. 296.

[7]) Géographie d'Aboulfeda. v. II, p. 292; Notices et extraits des manuscrits, v. XIII, p. 267. Учен. Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г.

Родство нашихъ кочевниковъ съ *восточными тюрками* также подтверждается византійскими извѣстіями. Во время борьбы Грековъ съ *Сельджуками* въ войскѣ императора были *Узы-Торки*. Атталейота указываетъ, что послѣдніе и первые *одно и то-же племя*. Родственное влеченіе и выразилось сейчасъ-же тѣмъ, что часть Узовъ перешла на сторону Сельджуковъ [1]). Во время войны Алексѣя Комнена съ *Иконійскимъ султаномъ* два *Печенѣга* передали планы императора его врагамъ [2]). Западные писатели также признаютъ нашихъ *Половцевъ* родственниками *азіатскихъ Турокъ* [3]). Путешественники XIII ст. подтверждаютъ соображенія о выселеніи нашихъ кочевниковъ изъ степей средней Азіи. Такъ Плано-Карпини разсказываетъ, что жители *Бисерменской земли* (Туркестана, Бухары), говорили языкомъ *команскимъ* [4]). Рубруквисъ указываетъ на важный фактъ, что „у *Уйгуровъ* находится основаніе и корень языка *турецкаго и команскаго*“ [5]). Всѣ эти факты ясно говорятъ, что Печенѣги, Торки и Половцы представляли нѣкогда одно племя, кочевавшее въ Азіи. Изъ него-же вышли и Турки, Сельджуки и Османы [6]). Новѣйшія изслѣдованія, основанныя

т. II. Куникъ. Выписки изъ Ибнъ-эль-Атира. Стр. 641. Записки Имп. Археол. Общ. т. XIV. Рашидъ-Эддинъ. стр. 2. Abulgasi. Histoire généalogique des Tatars. p. 83 esc.

[2]) Μιχαὴλ τοῦ Ἀπαλειάτου Ἱστορία. Bonnae. 1853 a. p. 156: „τὸ γὰρ τῶν Σκυθῶν μισθοφορικὸν, ἐμφερὲς κατὰ πάντα τοῖς Τούρκοις ὄν, ἀμφίβολον ἐποίει τὸ νῦν ἐπιχειρούμενον“. и p. 157. Excerpta Scylitzae. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 695.

[3]) Stritter. Memoriae populorum. v. III, p. 920.

[4]) Путешествіе Марко-Поло. Перев. Шемякина. Москва. 1863 года Стр. 57, примѣч. 51.

[5]) Языковъ. Собраніе путешествій къ Татарамъ. Плано-Карпини и Асцелинъ. Стр. 27, 151—153.

[6]) Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis v. IV, prs. 2, p. 281. Это племя жило, по Абульгази, въ гористой странѣ къ югу отъ верховьевъ Иртыша и около озера Зайсангъ. (Abulgasi p. 91—96 и карта при Histoire des Mongols. D'Ohsson). Мѣстность способствовала болѣе чистому сохраненію праязыка.

[6]) Всѣ ученые, о которыхъ мы упоминали, говоря о прародинѣ нашихъ кочевниковъ,—всѣ они признаютъ ихъ турецкое происхожденіе. Болѣе ранніе писатели держались самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Такъ польскіе писатели производили ихъ, то отъ Литвы, то изъ Познани. Люди болѣе овладѣвшіе данными также дѣлали иногда интересныя заключенія. Такъ

на разсмотрѣніи остатковъ языка Кумановъ, сохранившихся въ Куманскомъ словарѣ, приводятъ къ тому-же заключенію. Онъ изданъ былъ дважды. Первый разъ г. Клапротомъ въ 1828 г. и вторично въ 1880 года—г. Кууномъ. Объ открытіи этого куманскаго словаря разсказываетъ намъ г. Клапротъ. „Пробѣгая, говоритъ онъ, біографію Петрарки, составленную Томазини, я нашелъ, что между манускриптами, назначенными знаменитымъ поэтомъ для Венеціанской республики, былъ Alphabetum persicum, cumanicum et latinum, написанный въ 1303 г.“. Клапротъ считаетъ автора словаря негоціантомъ [1]). Г. Кунъ думаетъ, что словарь могъ быть составленъ какимъ-нибудь миссіонеромъ [2]). На основаніи того, что этотъ словарь составленъ въ 1303 году, т. е., уже тогда, когда Половцевъ въ южно-русскихъ степяхъ не было, является сомнѣніе, дѣйствитель-ли онъ сохранилъ намъ остатки куманскаго языка, или его надо считать словаремъ татарскимъ или погайскимъ, а названіе „куманскій“ просто географическимъ [3]). Но если нашъ словарь и составленъ въ 1303 г, то это не значитъ, чтобы онъ тогда-же былъ и записанъ. Несомнѣнно, что словарей такихъ должно было быть много, и ихъ начали составлять весьма давно. Словарь Петрарки могъ быть составленъ на основаніи уже накопившагося матерьяла. Мы говорили, что среди русскихъ людей еще въ X ст. встрѣчались знающіе печенѣжскій языкъ. Сношенія съ кочевниками, постоянные договоры, заставляли Русскихъ записывать главныя слова, необходимыя выраженія. Византійцы принуждены были

напр. Страленбергъ утверждалъ, что Печенѣги и Древляне одинъ народъ. Тунманъ считалъ Кумановъ Славянами. Перечислять всѣ эти теоріи мы считаемъ *вполнѣ лишнимъ, ни для чего непригоднымъ*. Желающихъ убить время при ознакомленіи съ ними отсылаемъ къ слѣдующимъ сочиненіямъ, въ которыхъ онѣ собраны: Сумма. Объ Узахъ или Половцахъ. (Чтенія Ист. Общ. Ист. и Древ. г. III, № 8); Его-же. Историческое разсужденіе о Пацинакахъ или Печенѣгахъ. (Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ. 1846 года № 1). Накко. Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ. Одесса. 1873 г. ч. I, въ 3-хъ выпускахъ. Кромѣ того выводы польскихъ писателей собраны въ Kronika Polska—Stryjkowskiego. Warszawa. 1846 г. т. I.

[1]) Memoires relatifs à l'Asie. 1828 a. v. III, p. 119—121.

[2]) Codex Cumanicus. p. VII.

[3]) Дорна. Каспій. Спб. 1875 г. Статьи г. Куника. Примѣч. на стр. 385—7.

дѣлать то-же. Еще въ X в., по словамъ Константина Б., ежегодно посылался къ Печенѣгамъ апокризіарій; къ печенѣжскимъ князьямъ отправлялись письма [1]). Особенно частыя сношенія происходили между нашими кочевниками и Херсонитами. Въ Херсонѣ останавливались на пути въ Печенѣгію императорскіе послы [2]). Сношенія съ варварами было спеціальностью Херсонцевъ [3]). Всѣ эти факты неизбѣжно заставляютъ предполагать существованіе у византійцевъ словотолковниковъ этихъ языковъ. Отъ византійцевъ ими могли воспользоваться и Генуезцы, которые въ 1178 г. добились отъ императора Мануила подтвержденія свободы ихъ торговли по Черному морю и на сѣверныхъ его берегахъ [4]), которые тогда уже были заняты Половцами. Но западно-европейцы также изучали языки интересующихъ насъ племенъ. Такъ мы имѣемъ полное право предположить, что Брунонъ, бывшій на проповѣди у Печенѣговъ, зналъ хоть немного ихъ языкъ. Чтобы сказать, какъ Плано-Карпини, что Бисермины говорятъ команскимъ языкомъ, и Рубруквисъ, что корень этого языка находится у Уйгуровъ,—для этого *нужно знать половецкій языкъ*, предварительно ознакомиться съ нимъ. Братья Проповѣдники и Миноритъ постоянно вращались въ степяхъ. Нѣсколько ихъ во второй половинѣ XIII в. отправились даже отыскивать Великую Венгрію и знали команскій языкъ [5]). Въ собраніи церковныхъ законовъ Венгріи есть правило-понуждать монаховъ ордена св. Доминика и св. Франциска де Ассизи, чтобы они *изучали* прежде всего *куманскій языкъ*. Въ лѣтописяхъ ордена Миноритовъ какой-то миссіонеръ говоритъ: „я же, предпринявши намѣреніе (идти на проповѣдь), прежде рѣшилъ изучить языкъ страны и съ помощью Божіей *изучилъ языкъ Куманскій и литературу Уйгурслую*, которыми пользуются во всѣхъ тѣхъ странахъ“ [6]). Изъ всѣхъ

---

[1]) Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 68. и 70.

[2]) Ibidem, p. 72—3.

[3]) Rambeau. L'empire grec au dixième siècle. Paris. 1870.

[4]) Muralt. Essai de Chronographie byzantine. SPb. 1871 a. p. 209.

[5]) Письмо ихъ мы частью уже приводили раньше, а объ этомъ путешествіи въ слѣдующихъ главахъ.

[6]) Comes Géza Kuun. Codex Cumanicus. p. XLI: „Ego uero consilio habito, prius volui linguam terrae eddiscere, et per gratiam Dei addidici linguam et literaturam Uiguricam, qua quidem lingua et literatura utuntur communiter per omnia regna ista“.

этихъ фактовъ выводъ можетъ быть только одинъ: словари существовали съ давнихъ поръ; мало этого, было знакомство весьма основательное съ тюркскими языками. Кромѣ того, мы должны обратить вниманіе на одно обстоятельство. Мы находимъ въ языкѣ словаря Петрарки нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка. Напр. *Fanar*=φανάριον (фонарь, свѣтильникъ), *Kalam*=κάλαμος (тростникъ), *Taus*=ταώς (павлинъ), *Limen*=λιμήν (гавань), *Kilisia*=ἐκκλησία (собраніе) [1]). Разъ только эти слова попали въ половецкій словарь, составленный иностранцами, то очевидно они были вполнѣ употребительны у Половцевъ, вошли въ ихъ рѣчь. Татары съ Византіей особенно тѣсныхъ сношеній, по крайней мѣрѣ, до XIV в., не имѣли. Переходъ-же словъ изъ одного языка въ другой обусвовливаетъ давнее и продолжительное сосѣдство. Укажемъ еще на *Törä*=законъ (очевидно отъ Тора=пятикнижіе), *Sabatcun*=день субботы, перешедшіе къ Половцамъ отъ Хазаръ—іудеевъ; на *ixba*=изба, реč=печь, *kones* м. б.=куны (въ переводѣ г. Куна=*argentum*)—взятыя у рус. Славянъ [2]). Трудно допустить, чтобы въ короткое время до 1303 г. Татары могли внести въ свой языкъ столько иностранныхъ словъ, а мы, навѣрно, знаемъ, еще не всѣ. Придется, какъ намъ кажется, скорѣе вывести заключеніе, что эти заимствованія сдѣланы народомъ, давно жившимъ въ нашихъ степяхъ и имѣвшимъ весьма продолжительныя сношенія съ Русскими, Византійцами и Херсонитами. Мы думаемъ, на основаніи приведенныхъ фактовъ, что интересующій насъ куманскій словарь составленъ ранѣе XIV ст. и при томъ по матерьяламъ, уже существовавшимъ. Что до насъ не дошло ни одного другаго списка этого словаря, ни одного сборника половецкихъ, печенѣжскихъ, гузскихъ словъ, это еще не имѣетъ особеннаго значенія, ибо раньше приведенные факты доказываютъ, что они существовали. На Руси, несомнѣнно, были записи тюркскихъ словъ. Это подтверждается отрывкомъ словаря, найденнаго кн. Оболенскимъ въ Августовской книжкѣ Читей-Миней Макарія [3]). По сличеніи этого словаря съ Codex

[1]) Codex Cumanius, pp. 305, 262, 284, 298, 264.

[2]) Ibidem. pp. 289, 293, 281, 298, 264.

[3]) Москвитянинъ. 1850 г. ч. II, отд. III. Оболенскій въ одну изъ поѣздокъ въ С.-Петербургъ пріобрѣлъ Августъ Читей-Миней Макарія. Между прочимъ онъ нашелъ тамъ краткій половецкій словарь на 603 листѣ оборота этой рукописи. Начинается онъ такъ: „Толкованіе языка половец-

Cumanicus придется, кажется, признать, что и тотъ и другой даютъ намъ остатки одного и того-же языка [1]). стало быть, и у Русскихъ дѣлались записи половецкихъ словъ.

Авезакъ на основаніи перваго изданія Куманскаго словаря призналъ тождество языковъ тюркскаго и куманскаго [2]). Въ 1871 г. Ресслеръ, а въ 1876 г. Блау, окончательно пришли къ заключенію, что *Куманскій языкъ есть языкъ тюркій*. Ближе всего, по мнѣнію г. Блау, онъ стоитъ къ *восточно-турецкому* [3]). Повторимъ теперь наши выводы

1) *Печенѣги, Торки, Половцы, Турки-Сельджуки, Турки-Османы, представляютъ одну семью тюрковъ.*

2) *Всѣ они вѣтви одного племени, кочевавшаго нѣкогда въ областяхъ центральной Азіи.*

3) *Гузы суть Торки нашихъ лѣтописей.*

4) *Гипотеза: племя, изъ котораго выдѣлились всѣ эти колѣна, могло быть Гузы, кочевавшіе въ IX и X вв. въ арало-каспійскихъ степяхъ.*

кого. Первые Половецки, а опослѣ Русски". Оболенскій прислалъ его въ письмѣ къ Погодину, который и напечаталъ этотъ отрывокъ въ Москвитянинѣ.

[1]) Когда былъ напечатанъ словарь Оболенскаго, то въ слѣдующемъ же номерѣ Москвитянина появилась сравнительная таблица словъ половецкихъ съ татарскими изъ нарѣчія закавказскаго. Мы приводимъ здѣсь нѣсколько словъ:

Словарь Оболенскаго.	Татарскій.	Codex Cumanicus.
тягри*=богъ	тангри	tengri.
кокъ=небо	гёгъ	kok.
каръ=снѣгъ	каръ	kar.
етмякъ=хлѣбъ	этмянъ	ôtmack.

Это сравненіе показываетъ, что татарскій словарь стоитъ дальше отъ половецкаго, чѣмъ куманскій.

[2]) Codex Cumanicus. p. XXIV.

[3]) Romänische Studien. Leipzig. 1871. и Ueber Volksthum und Sprache der Kumanem, въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Geselschaft. Leipzig. 1876. Мы, къ несчастію, до сихъ поръ еще не имѣли возможности воспользоваться этими двумя трудами, а потому беремъ ссылки изъ сочиненія г. Успенскаго „Образованіе второго Болгарскаго царства". Одесса. 1879 г. стр. 76—77, примѣч. 1.

* Очевидно въ этомъ словѣ былъ юсъ, такъ что произношеніе его было тенгри=tengri словаря куманскаго.

III.

Русь и кочевники.

„..... и опустѣша села наша и городѣ наши..... нивы порожьше стоять звѣремъ жилища быша".

(Ипат. лѣт. 155—6).

„Тогда по Рустѣй земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть трупія себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣтѣти на уѣдіе".

(Слово о полку Игоревѣ. Хр. Аристова. 1269).

Мы не знаемъ, когда выдвинулись Печенѣги изъ Азіи въ Европу. Вполнѣ извѣстно только, что въ IX в. они занимали уже область между Волгой и Яикомъ. Къ югу отъ нихъ простиралась Хазарія, къ востоку жили Узы, за р. Ураломъ, а къ западу, вѣроятно, между Волгой и Дономъ, кочевали Венгры [1]). Во второй половинѣ этого же столѣтія на восточныхъ окраинахъ степи начинается движеніе. Начало ему далъ союзъ Хазаръ съ Узами. Они соединенными силами стали тѣснить Печенѣговъ [2]). Поводъ этой коалиціи остается неизвѣстнымъ. Можно только предполагать, что Печенѣги тревожили своими набѣгами области Хазаріи, мѣшали свободному движенію каравановъ, направлявшихся въ Хорезмъ [3]). Печенѣги были вытѣснены изъ своей

---

[1]) Corpus Script. hist. byzantinae. Constantinus Parphyrogenitus. v. III, p. 164. Defrémery. Fragments des géographes et d'historiens. Paris. 1849. p. 14—16 (Эль-Бекри). Извѣстія Ал-Бекри. Куника и Розена. Спб. 1878 г. стр. 59.

[2]) Constantinus Porphyrogenitus. ibidem.

[3]) О торговлѣ Хазаріи см. гл. I. Кедренъ разсказываетъ, что крѣпость Саркелъ-Бѣлая Вѣжа, построенная на Дону, служила для удержанія Пече-

области и при своемъ движеніи столкнулись на западъ отъ Волги съ кочевьями Венгровъ. Послѣдніе были не въ состояніи выдержать натиска враговъ, гонимыхъ соединенными силами Хазаръ и Узовъ, и подвинулись къ Днѣпру [1]).

нѣговъ отъ вторженій въ области Хазаріи. (Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου. Σύνοψις Ιστοριῶν. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 129—130.). Но Константинъ Б., весьма подробно говорящій о Печенѣгахъ, о ихъ отношеніи къ Хазаріи, не знаетъ совсѣмъ причины постройки этого укрѣпленія. (Constant. Porphyr. v. III, p. 177). Да при императорѣ Теофилѣ, ко времени котораго, оба писателя относятъ этотъ фактъ, Печенѣги жили еще между Волгою иУраломъ, такъ что крѣпость на Дону не могла служить противъ нихъ. (Императоръ Теофилъ правилъ отъ 629 до 842 г. Krug Kritische Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie. S.-Pb. 1810. p. 325 и Atlas universel d'histoire et de géographie, par Bouillet. Paris. 1865 p. 378).

[1]) Годъ, въ который произошли эти событія, по нашему мнѣнію, опредѣлить съ точностью нѣтъ возможности. Константинъ Б. говоритъ, что они происходили за 50 или 55 лѣтъ до времени написанія имъ своего сочиненія (p. 162). Если онъ писалъ въ 948 г. (Commentarii Akademiae Scienc. Petrop. 1737 a. v. IX, p. 367—8), то слѣд. изгнаніе Печенѣговъ произошло въ 898 или 893 г. Но мы имѣемъ извѣстіе, опровергающее эту дату. Монахъ Регино разсказываетъ: „Anno Dominicae incarnationis DCCCLXXXIX (889 a.) gens Hungarorum..... a scythicis regnis, et a palludibus, quas Tanais.... porrigit, egressa est.... Et supra dictis igitur locis gens memorata à finitimis sibi populis, qui Pezinati (Pezinaci) vocantur, a propriis sedibus expulsa est.... „(Scriptores rerum Germanicarum. Ratisbonae. MDCCXXVI (1726 г.), v. I. Reginonis Monachi Prumiensis Annales. l. II, p. 89). Наша лѣтопись относитъ проходъ Венгровъ неопредѣленно ко времени правленія Олега (приблизительно 879—912 г.). Появленіе ихъ у Кіева отнесено ею къ 898 г. (Стр. 14. Ипат. лѣт.), но, кажется, тутъ она списала у Византійцевъ. Сумъ предполагаетъ, что вытѣсненіе Венгровъ Печенѣгами совершилось постепенно. Разъ Венгры вытѣснены въ 889—893 г., когда жили между Дономъ и Днѣпромъ, даже прежде, ибо въ 889 г. они уже вторглись въ Паннонію. Въ 889 г. Левъ философъ призвалъ Венгровъ противъ Болгаръ изъ Молдавіи и Валлахіи. Вытѣсненіе-же ихъ отсюда должно случиться раньше 898 г., ибо въ 894 г. Арнульфъ призвалъ уже Венгровъ противъ Моравіи. Готфридъ Витербіенскій, писавшій около 1186 года, свидѣтельствуетъ, что Пинценаты (Печенѣги) вытѣснили Венгровъ изъ Скиѳіи. Лѣтописецъ Саксонъ говоритъ, что Венгры, будучи вытѣснены

Удаленіе Венгровъ изъ южно-русскихъ степей совершилось не вдругъ [1]). Послѣ перваго отступленія съ береговъ Дона они остановились на нѣкоторое время въ области рѣкъ Днѣпра, Буга и Ингула. Затѣмъ произошло вторичное движеніе подъ давленіемъ Печенѣговъ, послѣ чего Венгры заняли мѣстность въ бассейнѣ рр. Днѣстра, Прута, Серета. Но и здѣсь въ 892 г. на ихъ кочевья, въ отсутствіе главныхъ силъ, сдѣлали набѣгъ ихъ враги и заставили окончательно убраться въ Паннонію [1]).

Печенѣгами, въ 890 г., были призваны на помощь Арнульфомъ. Альбертъ, инокъ Trium fontium, подводитъ это событіе подъ 883 г. (Историч. Разсужденіе о Пацинакахъ или Печенѣгахъ. Фридриха Сума. Чтенія въ Ист. Общ Ист. и Древн. Росс. 1846 г. № 1, стр. 22 и 24, гл. 10). Такимъ образомъ, трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Для нашихъ цѣлей оно и не важно, а потому мы представляемъ рѣшеніе этого вопроса спеціалистамъ по исторіи Венгріи, для которыхъ онъ имѣетъ бо́льшее значеніе.

[1]) Что выселеніе совершилось не вдругъ, видно изъ разказа Константина Б. Онъ говоритъ, что Печенѣги жили вначалѣ между Волгой и Яикомъ (p. 164), Венгры-же занимали страну Лебедію, гдѣ протекаетъ р. Ингулъ. Печенѣги ихъ вытѣснили (p. 168). Затѣмъ каганъ Хазаріи старался силотить ихъ подъ властью одного вождя. Такимъ всѣдемъ былъ провозглашенъ Арпадъ. Послѣ этого, уже въ его правленіе Печенѣги напали на нихъ и заставили выселиться изъ мѣстъ, гдѣ протекали Прутъ, Серетъ и Днѣстръ, въ великую Моравію. (p. 168—181). Значитъ при Арпадѣ они совершили переселеніе въ послѣднія свои жилища въ теперешней Молдавіи съ береговъ Дона, Днѣпра и Ингула. Такимъ образомъ по рѣкамъ ихъ стоянки могутъ быть обозначены такъ: 1) Волга и Донъ, 2) Донъ, Днѣпръ, Ингулъ и 3) Днѣстръ, Прутъ и Серетъ. Первую стоянку между Дономъ и Волгой мы полагаемъ потому, что какъ восточные писатели, такъ и западно-европейскіе путешественники полагаютъ В. Венгрію между Волгой, Ураломъ и Уральскимъ хребтомъ. (См. Ибнъ-Гаукаля въ Les peuples du Caucase. D'Ohsson. p. 146; Histoire généalogique des Tatars. D'Abulgasi. p. 47; Рубруквисъ. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiastiae et civilis. Fejer. v. IV, prs. 2, p. 278; Путешествіе венгер. монаха въ В. Венгрію. Ibidem. p. 55). Но изъ этого такъ сказать центра Венгріи ихъ кочевья спускались между Волгой и Дономъ, что видно изъ венгерскихъ преданій. Ни Анонимъ, ни Туроцъ не знаютъ собственно Волги, а только Донъ, съ береговъ котораго и ведутъ своихъ земляковъ. „Praeterea in Scythiä grandem fluvium, Don vocatum oriri, et illum ab Hungaris Ethewel nuncupari“..... (Script rer hung. v. I, p. 49). Тоже повторяетъ и въ другомъ

Во все продолженіе IX в. и до 968 г. Печенѣги не тревожили Русской земли. Это, можетъ быть, объяснимо, какъ тѣмъ, что имъ нужно было время, чтобы окончательно раздѣлаться съ Венграми, такъ и тѣмъ, что на Руси было спокойно, не начиналось еще той внутренней борьбы, которая уже при Владимірѣ Св. и Ярополкѣ дала возмож-

---

мѣстѣ: „illam Scythiam..... ab occidente fluvio Fthewl, quem et Don vocari dixerunt includi“..... (ibidem). Такъ говоритъ Туроцъ. Анонимъ-же повѣствуетъ: „Scythia ergo maxima terra est, quae Dentumoger dicitur, versus orientem, finis cujus ab aquilonali parte extenditur usque ad nigrum pontum a tergo autem habet flumen, quod dicitur Tanais“. (Ibidem, p. 3). Оба они писали по народнымъ преданіямъ, въ которыхъ, какъ мы видимъ, р. Этиль-Волга смѣшивается, сливается въ одно съ Дономъ. Это могло произойти только въ такомъ случаѣ, когда Венгры занимали берега у Волги и Дона, т. е., жили между этими рѣками. Такимъ образомъ, до столкновенія съ Печенѣгами Венгры обитали между р. Яикомъ, Волгой и Дономъ. Вытѣснена Печенѣгами была та часть Венгровъ, которая обитала между Волгой и Дономъ, а другая часть осталась на прежнихъ жилищахъ, гдѣ ихъ и застаетъ Рубруквисъ и Венгер. монахъ въ XIII в. Во второй стоянкѣ, между Дономъ и Днѣпромъ, знаетъ, кажется, Венгровъ и Ибнъ-Дастъ (Извѣстія Ибнъ-Даста. Хвольсонъ. Спб. 1869 г. р. 26). Онъ говоритъ, что они живутъ между двумя большими рѣками, впадающими въ Румское (Черное) море. См. также: Pray. Annales veteres Hunnorum, Avarorum et Hungarorum. Vindobonae. v. I. 1761 a. p. 328; Geschichte des Königreichs Ungern von Engel. Tübingen. 1811. th. I, p. 5; Geschichte von Ungarn, von Fessler. Leipzig. 1867. l. I, p. 49; Die Ungern, von Hunfalvy. Wien und Teschen. 1881. p. 17—18. Ни одинъ изъ приведенныхъ историковъ, согласно съ указанными нами фактами, не держится мнѣнія о проходѣ Венгровъ мимо Кіева и ихъ побѣдахъ надъ Русскими. Впрочемъ, Прай не отказывается совершенно отъ извѣстій Анонима, повѣствующаго объ этихъ невозможныхъ вещахъ, и старается объяснить ихъ такъ, будто Анонимъ смѣшалъ здѣсь Венгровъ съ Кабарами Константина Б., которые, по мнѣнію Прая, по отдѣленіи отъ Хазаръ остановились на Руси, а потомъ чрезъ Лодомерію (Владиміро-Волынь), Галицію, къ верховьямъ Тиссы, переселились въ Венгрію (ibidem, p. 331). Но этого также ни откуда не видно. Константинъ Б., дѣйствительно, говоритъ о междоусобіи у Хазаръ, о переходѣ Кабаровъ къ Венграмъ, но это произошло еще тогда, какъ Венгры занимали наши степи (Constant. P. v. III, p. 171—173). Довѣряя извѣстію Анонима, и г. Европеусъ ведетъ Венгровъ изъ Угріи чрезъ Суздаль и Кіевъ, изъ

ность кочевникамъ вмѣшаться въ дѣла Русскихъ и увидѣть ихъ слабость. Въ 915 г. Печенѣги заключили съ Игоремъ миръ, а въ 944 г. они, какъ наемное войско, участвуютъ въ походѣ Русскихъ на Грецію [1]). Въ это время они заняли уже все пространство степей отъ Дуная до Дона. Племена или колѣна, на которыя разбивался весь народъ печенѣжскій, заняли разныя мѣстности. Около Хазаріи, Алланіи и на границахъ Херсона расположились колѣна Тзуръ, Кальпее, Талматъ и Зоспопъ. На правой сторонѣ Днѣпра кочевали другіе четыре улуса, изъ которыхъ на границахъ Болгаріи помѣщалось племя Хопопъ; Гюла сосѣдило съ Венграми, Харобос съ Русью, а Эртемъ—было пограничпо съ Уличами [2]). Такимъ образомъ, граница Печенѣ-

---

которыхъ первый еще и не существовалъ въ эпоху ихъ переселенія (Объ Угорскомъ народѣ. Спб. 1874 г. стр. 2). Венгерскій историкъ, Хорватъ, буквально держится извѣстій Анонима и ведетъ своихъ земляковъ тѣмъ-же путемъ, что и г. Европоусъ (Geschichte der Ungarn. v. Horváth. Pesth. 1850 a. h. I, p. 9). Венгерскіе поэты нашего столѣтія воспѣли эти первыя предпріятія Мадьяръ: Дебречени (Debreczeni) въ своей „Кіевской битвѣ“ (1826 г.), Андрей Хорватъ – въ „Арпадѣ“ (1831 г.), Вевесмовти (Voevoesmovty)—въ „Бѣгствѣ Соломона“ (1825 г.). (L'Empire Grec au dixième siécle. Rambeaud. p. 355, n. 5). Объ извѣстіяхъ Анонима подробнѣе см. въ главѣ „Половцы въ Венгріи“.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 26 и 28.

[2]) „Отъ нижняго теченія Дунал, напротивъ Силлистріи, до города Саркела на Дону простирается Печенѣгія“. (ἀπὸ δὲ κάτωθεν τῶν μερῶν Δανούβεως ποταμοῦ τῆς Δίστρας ἀντίπερα ἡ Πατζινακία παρέρχεται, καὶ καταχρατεῖ ἡ κατοικία αὐτῶν μέχρι τοῦ Σάρκελ, τοῦ τῶν Χαζάρων κάστρον“). Constantinus Porphyrogenitus, v. III, p. 165, 166, 177. Въ 915 г. Печенѣги уже были на Дунаѣ, ибо ихъ нанимали тогда Греки противъ Симеона (Ипат. лѣт. стр. 26; Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 283—287; Krug. Kritische Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie. SPb. 1810. p. 129—130). Прай дѣлаетъ предположеніе, что Гюла занимало Трансильванію (Annales veteres Hun. Avar. et Hung. Vindobonae. 1761 a. v. I, p, 325). Константинъ Б. говоритъ, что улусъ Эртемъ сосѣдилъ съ Уличами, Древлянами и Ленчанами (τοῖς Τὲ Οὐλτίνοις καὶ Δερβλενίνοις καὶ Λενζενίνοις), но, по нашему мнѣнію, границы Печенѣговъ не могли заходить такъ далеко, къ области Древлянскаго племени. Въ лѣтописи нѣтъ никакого упоминанія о какихъ-либо набѣгахъ Печенѣговъ на эту сторону.

гіи съ востока шла правымъ берегомъ Дона; съ сѣвера она никогда прочно не устанавливалась и только приблизительно можетъ быть проведена отъ устья р. Воронежа чрезъ Донецъ ниже теперешняго Славянскаго, затѣмъ проходила къ Днѣпру по сухопутью, вѣроятно, по линіи лѣсовъ, слѣд. къ югу отъ Орели и Самары, затѣмъ перерѣзывала рр. Ингулъ, Бугъ и Днѣстръ, также сообразно съ границей распространенія лѣсовъ; съ юга было Азовское море, Перекопскій перешеекъ, берегъ Чернаго моря и Дунай до Силистріи. Однако-же мы имѣемъ основаніе предположить, что устье, какъ Дона, такъ Днѣпра, Днѣстра и Дуная, не было занято Печенѣгами. Доказательства этому мы увидимъ при дальнѣйшемъ изложеніи.

Начиная съ 60-хъ годовъ X ст. начинается упорная борьба Руси съ Печенѣгами. Въ 968 г. они осадили самый Кіевъ и едва не принудили его сдаться. Въ это время, какъ извѣстно, Святославъ былъ въ Болгаріи. Только появленіе сѣверянскаго воеводы, Претича, съ небольшой дружиной, которую Печенѣги приняли за передовой отрядъ войска Святослава, спасло городъ. Печенѣги были разбиты явившимся изъ Болгаріи Святославомъ [1]).

Занятый дѣлами на Дунаѣ, онъ не заботился объ охранѣ Руси. Благодаря этому, кочевники дѣйствуютъ смѣлѣе и смѣлѣе. Они заняли самую важную мѣстность по теченію Днѣпра,—его берега около пороговъ, и сильно затрудняли сообщеніе Руси съ Чернымъ моремъ. Самъ Святославъ былъ окруженъ Печенѣгами при обходѣ пороговъ и убитъ въ 978 г. [2]).

Усиленію кочевниковъ начинаетъ способствовать самый ходъ политическихъ событій на Руси. Съ послѣднихъ лѣтъ княженія Свято-

---

Гораздо южнѣе были славянскія поселенія и по Днѣпру. Проникновенію къ области Древлянъ препятствовала и лѣсистость территоріи у верховьевъ Ингула, Буга и Днѣстра. Мы видѣли уже южныя границы лѣсовъ въ этой области (см. гл. I). Какое племя должно разумѣть подъ именемъ Λευζενίνοι—мы не беремся опредѣлить.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 42—43.

[2]) Ibidem, p. 48. Приблизясь къ порогамъ, надо было выходить на берегъ, вытаскивать суда и обходить эти опасныя мѣста. При этомъ часть людей переносила тяжести, а другая шла съ оружіемъ въ рукахъ (Constantinus Porphyrogenitus, v. III, p. 74—79).

слава являются зачатки удѣльнаго порядка. Напрасно было бы думать, что творцемъ его былъ Ярославъ, что удѣльный періодъ начался только со смертью послѣдняго. Такой порядокъ присущъ всему славянству и у насъ, на Руси, онъ съ началомъ государственнаго устройства только измѣнилъ свой характеръ, найдя точку опоры въ княжеской семьѣ. Стремленіе къ автономному существованію самыхъ мелкихъ вѣтвей племени, не говоря уже о цѣлыхъ племенахъ, желаніе имѣть своего князька, было искони у всѣхъ Славянъ, возмемъ-ли мы Поморскихъ или Дунайскихъ, или Чеховъ и Моравовъ. Подъ властью Олега, представителя государственной власти на Руси, были племенныя князья, носившіе названіе „свѣтлыхъ“. Мы говоримъ это между прочимъ, только желая указать на неправильность, по нашему мнѣнію, полагать начало удѣльнаго періода съ 1054 г. Уже послѣ смерти Святослава 972 г. начинается борьба между князьями, посаженными въ Кіевѣ, Новгородѣ и землѣ Древлянской. Съ теченіемъ времени борьба разростается, и сосѣди-кочевники играютъ въ ней не маловажную роль.

Первое участіе Печенѣговъ въ дѣлахъ Руси относится къ 980 г. Подущаемый кіевскими боярами, Ярополкъ присоединилъ область Древлянъ снова къ Кіеву. Въ этой борьбѣ погибъ Олегъ. Тогда зашевелился Новгородъ противъ стремленій кіевскаго князя, во главѣ съ своимъ Владиміромъ. Ярополкъ не успѣлъ призвать Печенѣговъ, хотя слуга его Варяжко и совѣтывалъ ему бѣжать къ нимъ. Послѣ смерти своего господина, измѣннически убитаго Владиміромъ Св., Варяжко бѣжалъ къ Печенѣгамъ и съ ихъ помощью долго боролся противъ новаго кіевскаго князя. Силой не удалось справиться съ этимъ энергическимъ человѣкомъ, и Владиміръ „одва приваби и, *заходивъ к нему ротъ* [1]).

При Владимірѣ Св. еще большее число областей получаетъ князей; земли Новгородская, Ростовская, Полоцкая, Владиміро-Волынская, Древлянская, Муромская, Тмутороканская, розданы сыновьямъ кіевскаго князя. Дѣлая уступку племенамъ, Кіевъ думалъ, что члены одной княжеской семьи будутъ прочными связями областей съ центромъ государства. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эти областные князья сливаютъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 49—52.

свои интересы съ мѣстными, и первый новгородскій князь, Ярославъ, обнаруживаетъ неповиновеніе кіевской центральной власти, отказавшись вносить установленную дань. Новый князь, понявшій, что стремленіе областей къ обособленности находитъ себѣ точку опоры въ самой княжеской семьѣ, рѣшился принять энергическія мѣры для ея устраненія. Это былъ Святополкъ, человѣкъ, съ точки зрѣнія нравственной и христіанской, пожалуй, „окаянный", но съ государственно-централизаціонной— умный и энергическій. Хорошо понимая, что братья добровольно не покинуть своихъ областей, съ которыми сжились, онъ рѣшился отдѣлаться отъ нихъ другимъ способомъ: избить ихъ. Борисъ, Глѣбъ и Олегъ погибли жертвами цѣлей Святополка, но Новгородъ съ Ярославомъ не далъ возможности кіевскому князю осуществить своихъ плановъ. Кіевъ въ открывшейся борьбѣ съ Новгородомъ опирается на Печенѣговъ. Вмѣстѣ съ Святополкомъ они были разбиты у Любеча въ 1016 г., затѣмъ, въ 1018 г. мы видимъ ихъ на службѣ въ войскѣ Болеслава Храбраго, когда онъ явился на помощь своему зятю, Святополку. Еще раньше въ 1017 г., они, по его побужденію, сдѣлали нападеніе на Кіевъ. Наконецъ, въ 1019 г. Печенѣги потерпѣли страшное пораженіе вмѣстѣ съ сторонниками Святополка на р. Альтѣ [1])

Этимъ и заканчивается роль Печенѣговъ въ политическихъ событіяхъ Руси. Но борьба съ ними продолжалась непрерывно и въ промежуткахъ времени между усобицами.

Изъ ихъ самостоятельныхъ набѣговъ въ княженіе Владиміра Св. первый относится къ 993 г. Они двигались со стороны р. Сулы. На р. Трубежѣ, около Переяславля, произошла ихъ встрѣча съ русскими. Печенѣги были разбиты. Извѣстна легенда о богатырѣ русскомъ Яшѣ Усмошвецѣ, явившаяся слѣдствіемъ этой побѣды и въ различныхъ передѣлкахъ сохранившаяся у народа до настоящаго столѣтія. Мы будемъ имѣть случай далѣе поговорить о народныхъ преданіяхъ. Въ 996 г. Печенѣги разбили кіевскаго князя у Василева и едва не захватили его въ плѣнъ: Владиміру удалось спрятаться подъ мостомъ. Окрестности Кіева потерпѣли опустошеніе и въ 997 г., когда Печенѣги осадили Бѣлгородъ, который избѣжалъ разграбленія, по словамъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 100—101. Monum. Pol. hist. v. I, p. 317—318. (Хроника Титмара).

преданія, только благодаря находчивости старшинъ, убѣдившихъ Печенѣговъ въ неистощимости своихъ колодцевъ киселя и меда, при которыхъ они могутъ вѣчно сидѣть въ осадѣ. Почему Печенѣги отступили, мы не знаемъ, но они не взяли Бѣлгорода [1]), а Русь могла бы смѣяться, что „Печенѣзи киселя бѣгаютъ“.

Но дѣло не ограничилось этими двумя набѣгами. При Владимірѣ Св. борьба съ Печенѣгами „бѣ, по выраженію лѣтописи, бесперестула“. По извѣстію нашего источника, борьба эта шла успѣшно для Руси. Въ X в. начинается укрѣпленіе границъ ея городами. „И нача ставити (Владиміръ) города по Деснѣ, и по Устрьи, по Трубешеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ“... [2]). Если мы бросимъ взглядъ на карту, обратимъ вниманіе на направленіе теченія рѣкъ Сулы и Трубежа, то увидимъ, что онѣ дѣйствительно могли служить самыми удобными стратегическими линіями для защиты Руси въ то время. Обѣ эти рѣки совершенно замыкаютъ территоріи Переяславскаго княжества: ихъ верховья находятся въ Черниговской области, а впадаютъ онѣ въ Днѣпръ. Съ постройкой городовъ являлось два ряда укрѣпленій. Предполагалось, какъ видно, что, прорвавшись чрезъ первую линію, кочевники должны будутъ остановиться у второй. Съ юго-востока Кіевъ былъ такимъ образомъ защищенъ, а только его безопасность и имѣлась въ виду Владиміромъ Св. „Се не добро есть мало городовъ около Кыева“ [3]), говоритъ онъ. Съ этою цѣлью онъ дѣлаетъ къ югу отъ Кіева засѣки, и такъ называемый Зміевъ валъ, сохранившійся и до сихъ поръ, представляетъ, кажется, остатки воздвигнутыхъ Владиміромъ земляныхъ укрѣпленій [4]). Все остальное пространство земель, принад-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 83—84, 85. Никоновская сообщаетъ и такія данныя: „Вл̀то 978. Победи Ярополкъ Печенѣги, и возложи на нихъ дань“. Вл̀то 979. Приде Печенѣжскій князь Илдея и, бичеломъ Ярополку вслужбу; Ярополкъ же приятъ его, и даде ему грады, і власти, и імяше его вчести велице“. Никон. лѣт. ч. I, стр 61, Спб. 1767 г.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 83.

[3]) Ibidem.

[4]) Monum. Poloniae historica. v. I, p. 224. Зміевъ валъ начинается въ Кіевскомъ уѣздѣ, при мѣстечкѣ Триполье, проходитъ чрезъ село Барахтянскую Ольшанку, степью мимо села Кодака, полями селеній Пора-

лежавшее подчиненнымъ кіевскому князю племенамъ, оставлялось на произволъ судьбы. Племя Уличей и Тиверцевъ, какъ самое крайнее, должно было подвергнуться наибольшей опасности. Можетъ быть, холодное равнодушіе кіевскихъ князей къ судьбѣ ихъ обусловливалось установившимися политическими отношеніями этихъ племенъ къ Кіеву. Мы имѣемъ полное право предполагать, какъ сказано выше, что Уличи и Тиверцы по культурѣ стояли выше другихъ рус.-славян. племенъ. Поэтому они съ большимъ успѣхомъ сопротивлялись притязаніямъ Кіева. Мы находимъ даже въ лѣтописи интересный фактъ, заставляющій признать ихъ единственно самостоятельными племенами въ то время, какъ другія платили дань кому нибудь. Лѣтопись нѣсколько разъ повторяетъ, что Поляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи были обложены данью въ пользу Хазаръ [1]), но нѣтъ въ ней ни одного упоминанія, ни одного намека, что тому же подвергались Уличи и Тиверци. Одно за другимъ безъ особеннаго сопротивленіи подчиняются племена Кіеву, и только Уличи и Тиверци оказываютъ противодѣйствіе. „И бѣ обладая Олегъ Деревляны, говоритъ лѣтопись, Полянми, Радимичи, а со Уличи и Тиверци имѣяше рать“ [2]). Мы встрѣчаемъ только разъ участіе этихъ племенъ въ походахъ русскихъ князей и то въ качествѣ союзниковъ, а не подчиненныхъ, именно въ походѣ Олега 907 г., но и то только однихъ Тиверцевъ [3]). Далѣе нѣтъ никакихъ упоминаній, ни о послѣднихъ, ни объ Уличихъ. Очевидно, они не участвовали въ обще-русской жизни, своими силами должны были бороться съ нахлынувшими врагами.

Но эта постройка городовъ не вполнѣ удовлетворяла своей цѣли и защиты Кіева. Печенѣги, какъ позже Половцы, прорываются сквозь

давки, Великой Снитинки, Фастова и селенія Пивни; потомъ вступаетъ въ Сквирскій уѣздъ на земли селенія Бѣлокъ. (Фундуклей. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ. Кіевъ. 1848 г. стр. 30).

[1]) Ипат. лѣт. стр. 10, 11, 13, 14.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 14. Извѣстіе Никоновской лѣтописи объ отдачѣ дани съ Уличей Свенельду, объ осадѣ Переесчня, о переселеніи Уличей куда-то съ Днѣпра, подвергалось не разъ разбору и толкованіямъ. Но такъ какъ могли являться только болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, такъ какъ за этотъ періодъ въ Никоновской лѣтописи встрѣчаются большія анахронизмы, то мы считаемъ болѣе удобнымъ опираться только на лѣтопись Ипатьевскую, не имѣя повода сомнѣваться въ ея извѣстіяхъ.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 17.

линіи этихъ укрѣпленій. Неудобство близости къ Кіеву пограничной линіи по Стугнѣ созналъ уже Ярославъ. Онъ сильно подвинулъ ее впередъ, избравъ для ея проведенія берега Роси. Въ 1031 г. онъ поселилъ здѣсь плѣнныхъ Ляховъ, а въ 1032 г. „нача ставити городы по Руси“ [1]).

Приблизительно около этого времени на востокѣ степей начинается новое движеніе. Изъ-за Яика надвигаются новые враги, Половцы [2]). Они начинаютъ тѣснить Торковъ, которые подъ ихъ давленіемъ стремятся съ береговъ Волги и Дона на западъ. Это племя, судя по имѣющимся фактамъ, не отличалось особенной дикостью и воинственностью. Прогнавъ въ союзѣ съ Хазарами Печенѣговъ съ береговъ Дона, оно, по своему миролюбію, позволяетъ части послѣднихъ остаться на старыхъ кочевьяхъ въ собственной области [3]). Не слышно и о его набѣгахъ на сосѣдей. Единственное извѣстіе, говорящее объ этомъ, принадлежитъ Массуди: онъ разсказываетъ, что при соединеніи двухъ рукавовъ Хазарской рѣки Хазары построили крѣпость, въ которой постоянно находился гарнизонъ для удержанія кочевыхъ народцевъ особенно Узовъ, которые преимущественно зимой, переходя по льду, дѣлаютъ набѣги на области Хазаріи. Иногда царь хазарскій бываетъ принужденъ являться на помощь своему укрѣпленію [4]). Оче-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 105. Вѣроятно, оба эти факта произошли въ одномъ году.

[2]) Карамзинъ предполагаетъ, что восточные Печенѣги были вытѣснены Половцами въ 1036 г. (Исторія Госуд. Росс. Спб. 1833 г. Изд. Смирдина т. II, стр. 36, примѣч. 105). Время опредѣлить невозможно. Вытѣсненіе происходило, конечно, не вдругъ и начало его надо отнести къ болѣе раннему времени.

[3]) Constantinus Porphyrogenitus v. III, p. 164 –166.

[4]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. p. 117. Frähn. Ibn-Foszland's.... p. 60. Мнѣніе г. Бруна, что подъ началомъ канала Понта, соединяющагося съ рѣкою Хазаръ, надо разумѣть Керченскій проливъ, мы не находимъ возможнымъ принять (Черноморье. ч. II, стр. 131—132). Вполнѣ убѣдительными намъ кажутся доводы г. Ламбина, что тутъ говорится о пунктѣ, гдѣ Донъ и Волга сближаются. (О Тмутороканской Руси. Ж. М. Н. П. 1874 г. № 1). Мысль о соединеніи Дона съ Волгой была не чужда и Византійцамъ. Приводимъ цитату изъ Θеофана какъ она выписана у Баера

видно, ослабѣвшая Хазарія не могла уже справиться и съ своими прежними союзниками. Походы Святослава подорвали ея силы. Но это извѣстіе Массуди, на сколько намъ извѣстно, стоитъ одиноко. Нѣтъ также ни одного указанія на борьбу Торковъ съ Печенѣгами въ X в. Это доказываетъ, что они не думали прорываться далѣе на западъ и покойно кочевали въ области Волги и Дона. И послѣдующая ихъ судьба показываетъ, на сколько это племя не подходило къ Печенѣгамъ и Половцамъ по воинственности и страсти къ грабежамъ и опустошеніямъ. Узы-Торки быстро осаживаются въ Византіи и на Руси, въ скоромъ времени дѣлаются полуосѣдлымъ населеніемъ. Только въ XI в. мы видимъ ихъ въ борьбѣ съ Печенѣгами. Русскимъ это племя стало извѣстно въ X в., потому что въ 985 году Торки являются уже союзниками Владиміра Св. въ его походѣ на Волжскихъ Болгаръ [1]). Теперь подъ давленіемъ Половцевъ они подвигаются на западъ. Главное ядро Торко-узскаго племени потѣснило Печенѣговъ, которые въ послѣдній разъ напали на Русь въ 1034 года. Они осадили самый Кіевъ, на выручку котораго подоспѣлъ Ярославъ изъ Новгорода съ силами его и наемныхъ варяговъ. Страшная битва произошла, по словамъ лѣтописца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи была выстроена Св. Софія. Печенѣги были разбиты на голову; много ихъ погибло въ рѣкѣ Сѣтомлѣ. Это была послѣдняя битва, ибо, какъ говоритъ лѣтопись, Печенѣги „погибоша, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни“ [2]). Въ степяхъ около русскихъ границъ они не могли уже удержаться: въ это время къ предѣламъ Руси подвинулась главная масса Торкскаго племени. Печенѣги бросились на юго-западъ и заняли область между Днѣпромъ и Дунаемъ. Тутъ происходитъ борьба между ними и Узо-Торками, неудачная для первыхъ, благодаря внутреннимъ неурядицамъ, начавшимся среди

(Commentarii Ak. Scienoiar. Imp. Petropol. 1734 a. v. IX. Geographia Russiae. p. 390): „εἰς ἣν (in Maeotidem) εἰσάγεται ποταμὸς μέγιστος ἀπὸ τοῦ ὠκεανοῦ καταφερόμενος διὰ τῆς τῶν Σαρματῶν γῆς, λεγόμενος Ἀτὲλ, εἰς ὃν ἄγεται ὁ λεγόμενος Ταναὶς ποταμὸς..... ἀπὸ δὲ τῆς μίξεως τοῦ Ταναΐ καὶ τοῦ Ἀτὲλ ἀνωθεν τῆς προλεχθείσης Μαιώτιδος λίμνης χιζομένου τοῦ Ἀτὲλ ἔρχεται ὁ λεγόμενος Κοῦφις ποταμὸς,...

[1]) Ипат. лѣт. стр. 56.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 105—106.

печенѣжскаго народа. Въ это время Печенѣгами правилъ Тирахъ, человѣкъ благородный, но не воинственный. Онъ не только не осмѣливался выйти противъ Узовъ, но и старался прятаться отъ нихъ въ болотистыхъ мѣстахъ *на нижнемъ теченіи Дуная*. Между тѣмъ борьба была неизбѣжна. Тогда защиту соотечественниковъ принялъ на себя нѣкто Кегенъ, человѣкъ, по разсказу Кедрена, темнаго происхожденія, но искусный въ военномъ дѣлѣ. *Онъ не разъ отражалъ Узовъ*, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ глубокое уваженіе у земляковъ. Тираху, конечно, не нравилось это, и онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ опасной для него личности. Онъ послалъ отрядъ, чтобы взять Кегена, но послѣдній успѣлъ во время скрыться *въ Днѣпровскія болота*. Ему удалось затѣмъ склонить на свою сторону два печенѣжскихъ колѣна. Съ ними онъ вступилъ въ открытую битву противъ одиннадцати улусовъ, предводимыхъ Тирахомъ, и былъ разбитъ на голову. Видя бѣду неминучую, Кегенъ явился *у Силистріи*, изъявилъ ея коменданту свое желаніе принять подданство Византіи и съ почестями былъ принятъ въ Константинополѣ [1]). Приведенный эпизодъ важенъ потому, что проливаетъ свѣтъ на положеніе печенѣжскаго народа послѣ 1034 г., когда свѣдѣнія о немъ въ нашей лѣтописи прекращаются. Мы видимъ отсюда, что Печенѣги занимали въ это время степи отъ устья Днѣпра до Дуная. Обнаруживается также, что Торки-Узы уже тогда придвинулись къ границамъ Руси и занимали степи на востокъ отъ Днѣпра. Въ 1055 г. они въ первый разъ обрушились на территорію Переяславскаго княжества, съ чѣмъ имѣетъ несомнѣнную связь фактъ появленія Половцевъ. „Того-же лѣта“, т. е., 1055-го, тотчасъ послѣ отраженія Торковъ отъ границъ Переяславскаго княжества, „приходи Болушь с Половци и сотвори Всеволодъ миръ с ними, и возвратишася Половци вьсвояси“ [2]). Дѣло кончилось такъ на этотъ разъ потому, что отрядъ Болуша, какъ можно думать, былъ только передовымъ. Для успѣшныхъ нападеній на Русь надо было придви-

---

[1]) Stritter. Memoriae populorum. v. III, pp. 816—817. Весь разсказъ о Кегенѣ въ Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Bonnae. 1839 a. v. II, pp. 582—587. См. также „Византія и Печенѣги“ В. Г. Васильевскаго. Ж. М. Н. П. 1872 г. № 11 и 12.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 114.

нуться всей массой къ ея границамъ, а для этого приходилось вытѣснить изъ южно-рус. степей Торковъ. Но, очевидно, что Половцы въ это время успѣли уже утвердиться въ басейнѣ Волги и Дона. Гонимые Половцами Торки должны были еще съ большей силой обрушиться на Печенѣговъ и Русь. Въ это время начинается переселеніе Печенѣговъ къ Дунаю и за него. Первый, какъ мы видѣли, перешелъ на Балканскій полуостровъ Кегенъ, по извѣстію Кедрена, съ 20,000 тысячами, а за нимъ и Тирахъ съ 80,000 [1]). Русскимъ князьямъ снова пришлось въ 1060 г. двигаться на Торковъ на коняхъ и въ лодьяхъ по Днѣпру. Это племя потерпѣло окончательное пораженіе и бросилось вслѣдъ за Печенѣгами на юго-западъ [2]). Вся восточная часть степи отъ Днѣпра до Волги перешла во власть Половцевъ. Только небольшой остатокъ Узовъ-Торковъ съ незначительной примѣсью Печенѣговъ уцѣлѣлъ еще на нѣкоторое время на правомъ берегу Дона. Что Половцы были уже полными хозяевами всей указанной мѣстности, видно изъ лѣтописныхъ данныхъ. Въ 1061 (1063 г.) они сдѣлали набѣгъ на Русь и разбили Всеволода. Въ 1068 г. князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ потерпѣли страшное пораженіе на Альтѣ, а съ 1071 г. начинаются постоянныя опустошенія русскихъ областей [3]). Между тѣмъ Торки въ 1064 г. являются на Дунаѣ и переходятъ черезъ него. Но старые враги—Печенѣги, эпидемическія болѣзни, доконали окончательно это и безъ того слабое и разгромленное племя. Часть его принимаетъ подданство Византіи, другая было попыталась снова осѣсться у русскихъ границъ, но, будучи въ 1080 г. разгромлена Мономахомъ [4]), теряетъ свою самостоятельность и въ послѣдующее время является какъ военное пограничное поселеніе Руси.

Теперь нашимъ предкамъ приходилось имѣть дѣло съ болѣе опаснымъ и сильнымъ врагомъ. Если Русь сравнительно мало потер-

---

[1]) Stritter. Memoriae populorum. v. III. и Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. v. II l. c.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 114.

[3]) Ibidem. стр. 115, 118, 122.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 143; Μιχαὴλ τοῦ Ἀτταλειάτου ἱστορία. Bonnae. 1853 a. pp. 85, 87.

пѣла отъ сосѣдства Печенѣговъ и Торковъ, то это нужно приписать только благопріятнымъ обстоятельствамъ. Какъ мы видѣли, въ концѣ X и началѣ XI в. борьба съ Печенѣгами доходила до большаго напряженія, князьямъ приходилось устраивать линіи укрѣпленныхъ городовъ, но сзади этого кочеваго племени стояли его близкіе родичи, Торки, а со второй половины XI в. двинулись и Половцы. Взаимная борьба этихъ племенъ давала Руси возможность съ нѣкоторымъ успѣхомъ отстаивать свои границы, защищать свои поселенія. Съ удаленіемъ Печенѣговъ и Торковъ для Половцевъ не было болѣе соперниковъ. Они одни всецѣло являлись господами южно-рус. степей и могли совершенно свободно располагать всѣми своими силами на пагубу Русской землѣ, раздираемой усобицами. Не проходитъ ни одного года, когда-бы не горѣли русскіе села и города. Пользуясь своею многочисленностью, раскинутостью границъ Руси, они въ одно и то-же время появляются на разныхъ пунктахъ, не даютъ возможности собрать силъ для защиты угрожаемаго поселенія. Въ 1092 г. напр. они разными отрядами являются въ одно время и на Удаѣ, гдѣ берутъ Прилуки, и у Днѣпра, гдѣ той-же участи подвергаются Переволочна и Несочень [1]). Въ 1096 г. въ маѣ мѣсяцѣ Боняк разорилъ окрестности Кіева, Куря—Переяславля, а Тугорханъ вслѣдъ затѣмъ осадилъ самый Переяславль [2]). Въ 1172 г. Половцы явились у Песочнаго и Корсуня. Пока Глѣбъ Юрьевичь договаривался о мирѣ съ стоявшими на лѣвой сторонѣ Днѣпра, Половцы отъ Корсуня двинулись быстро къ Кіеву и ограбили все кругомъ него [3]). Въ 1184 г. въ одно и то же время Кончакъ напалъ на Переяславль, а Кза на Посемье. Въ 1187 г. часть Половцевъ грабила Поросье, а другая навѣщала Черниговскую область [4]). Не было такимъ образомъ никакой возмож-

---

[1]) Лавр. лѣт. стр. 208. Прилукн теперь уѣздный городъ Полтавской губ. на Удаѣ; Несочень—мѣстечко Нѣжаное при слiяніи Супоя съ Ковраемъ; Переволочна—мѣстечко на Днѣпрѣ выше устьевъ Ворсклы.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 161—162.

[3]) Ипат. лѣт. 379. Корсунь—мѣстечко Кіевской губ. при слiяніи учья Корсунки съ Росью (Похилевичь. Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіев. губ. Кіевъ. 1864 г. стр. 571).

[4]) Ibidem, стр. 436, 437. 439—440 Переяславль—уѣздный городъ Полтав. губ. на р. Трубежѣ. Поросье—область по р. Роси, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны. Вообще о Поросьи см. далѣе.

ности ни предугадать набѣговъ, ни принять какихъ-бы то ни было мѣръ для защиты населенія. Быстрота, съ какой дѣлались эти набѣги, прекрасно характеризована византійскимъ ораторомъ XII в., Евстафіемъ Солунскимъ: „Въ одинъ мигъ Половецъ близко, и вотъ уже нѣтъ его. Сдѣлалъ наѣздъ и стремглавъ, съ полными руками, хватается за поводья, понукаетъ коня ногами и бичемъ и вихремъ несется далѣе, какъ-бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ“ [1]). Русскіе князья, сознавая свое безсиліе предупредить вторженія, стараются только отбить плѣнныхъ и награбленное имущество. Рѣдко удавалось князьямъ настичь Половцевъ въ прямомъ преслѣдованіи, а потому они употребляли другой маневръ. Если Половцы грабили на Сулѣ, то ближайшія русскіе отряды, не показываясь врагамъ, переходятъ рѣку гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, или идутъ къ р. Ислу и стараются незамѣтно перерѣзать имъ обратную дорогу. Этотъ способъ защиты населенія, спасенія жителей отъ тяжкаго плѣна былъ самый дѣйствительный. Такъ, когда Половцы разграбили окрестности Кіева въ 1172 г., то Михалко, съ Берендѣями, двинулся имъ на встрѣчу съ Поросья. Вскорѣ они встрѣтили враговъ и разбили ихъ, отнявъ весь полонъ. Въ 1174 г. Игорь Святославичъ, узнавъ, что Половцы грабили у Переяславля, переправился чрезъ Ворсклу у Лтавы, встрѣтилъ ихъ и заставилъ бросить плѣнныхъ. Въ 1179 г. Кончакъ опустошалъ окрестности того-же несчастнаго Переяславля. Узнавъ объ этомъ Святославъ Всеволодовичъ, стоявшій у Триполя, двинулся отсюда быстро за Сулу и сталъ напротивъ Лукомскаго городища. Половцы бѣжали [2]).

Въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ помогала Русскимъ неприготовленность враговъ, шедшихъ съ множествомъ скота и плѣнныхъ безъ всякаго боеваго порядка. Въ такихъ случаяхъ Половцы или были биты и полонъ освобождался, или успѣвали во время скрыться, какъ видно изъ послѣдняго примѣра. Да и подобный маневръ возможенъ

---

[1]) Успенскій. Образованіе второго Болгарскаго царства. Одесса. 1879 года стр. 163—164.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 379—381; 387, 414—415. Лтава—вѣроятно теперешняя Полтава; Лукомское городище—теперь Лукомье, Лубен. уѣзда, Полтав. губер. на правой сторонѣ Сулы.

былъ только тогда, если князья случайно узнавали о производимыхъ гдѣ-нибудь Половцами опустошеніяхъ. Игорь Святославичъ выѣхалъ съ отрядомъ за Ворсклу изъ своей области, не имѣя въ виду, что Кобякъ и Кончакъ свирѣпствуютъ въ Переяславскомъ княжествѣ, и только случайно, захвативъ Половцевъ, дѣлающихъ развѣдки, узналъ отъ нихъ о набѣгѣ. Пока въ 1179 г. явился вѣстникъ изъ Переяславля о грабежахъ Кончака къ Святославу Всеволодовичу, то половецкій князь успѣлъ уже ускользнуть со всей добычей. Если-же князья бросались въ погоню, то случалось, что Половцы успѣвали приготовиться, оборачивались и разбивали преслѣдующій отрядъ. Напр. въ 1177 г. они напали на Поросье и взяли шесть берендѣйскихъ городовъ. Русскіе настигли ихъ у Растовца, „и Половци оборотившися побѣдиша полкы Руськѣѣ, и много бояръ изъимаша, а князѣ въбѣгоша в Ростовѣць“ [1]). Такимъ образомъ, рѣдко удавалось спасти души христіанскія отъ рабства, а тѣмъ болѣе защитить населеніе отъ неожиданныхъ набѣговъ. Главная цѣль вторженій, состояла именно

---

[1]) Ипатьев. лѣт. стр. 408—409. Растовецъ, несомнѣнно, былъ въ числѣ черноклобуцкихъ городовъ. Такъ въ 1169 г. Владиміръ Мстиславичъ, идя изъ Котельницы, соединился съ Берендѣями ниже Растовца. (367). Если Котельница теперь Котельна въ Житомирскомъ уѣздѣ (Погодинъ. Изслѣд. замѣч. и лекціи. т. IV, стр. 171), то самымъ ближайшимъ пунктомъ будетъ какое-нибудь мѣсто на р. Растовицѣ. Половцы, взявъ 6 городовъ берендѣйскихъ, шли, очевидно, чтобы взять седьмой, который долженъ былъ стоять на упомянутой рѣкѣ, по имени которой и носилъ названіе. Теперь на р. Растовицѣ есть мѣстечко Бѣлиловка, около которой сохранились древнія могилы, кладбища и валы. При спускѣ къ рѣкѣ сохранилось каменное зданіе. Толстые слои извѣсти между камнемъ и кирпичемъ и форма кирпичей напоминаютъ старыя каменныя зданія великихъ князей Кіева. Преданіе говоритъ, что это былъ большой городъ, существовавшій до татарскаго нашествія. (Похилевичъ. Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи. Стр. 255—256). Лѣтописныя данныя нисколько не противорѣчатъ нашимъ соображеніямъ. Два лѣтописныя извѣстія мы уже привели, а третье подъ 1071 г. состоитъ въ слѣдующемъ: „Воеваша Половци у Растовца и Неятина“. (Ипат. лѣт. стр. 122). Намъ кажется, что положеніе Бѣлиловки вполнѣ отвѣчаетъ условіямъ: она находится на Растовицѣ, недалеко отъ Котельны и въ районѣ черноклобуцкихъ поселеній.

въ томъ, чтобы захватить какъ можно болѣе плѣнныхъ, но при этомъ кочевники старались и какъ можно болѣе расчистить себѣ дорогу для своихъ дальнѣйшихъ предпріятій уничтоженіемъ городовъ и селъ. Стремленіе обратить все въ широкую пустыню, въ которой вольно и свободно дышалось степному наѣзднику,—проявляется вездѣ. Такъ съ переправой Половцевъ за Дунай вслѣдъ за татарскимъ погромомъ Македонія въ короткое время окончательно лишена была жителей и стала пустой страной. Вполнѣ справедливо Никита Акоминатъ называетъ Половцевъ крылатой стаей, налетающей на землю и опустошающей её чище саранчи [1]). Года не проходила, чтобы какая нибудь мѣстность Руси не была обращена въ пустыню. Въ 1092 г. Половцы взяли Прилуки, Песочень, Переволоку и сожгли массу селъ по обѣимъ сторонамъ р. Сулы. Въ 1093 г. сожгли Торческъ. Въ 1095 г. они подвергли той-же участи Юрьевъ, хотя и оставленный жителями. Въ 1096 г. Половцы сожгли Устье [2]), а въ 1110 много селъ у Переяславля. Въ 1138 г. они пожгли Курскую область; Въ 1139 г. взяли Пирятинъ, пожгли много селъ у Переяславля, монастырь Борисоглѣбскій и св. Савы. Въ 1177 г., какъ мы уже видѣли, Половцы захватили шесть берендѣйскихъ городовъ на р. Роси. Въ 1185 г. разорили и сожгли села у Путивля и самый острогъ этого города, а въ Переяславской области—взяли всѣ города по Сулѣ [3]). На сколько Русь терпѣла уронъ въ людяхъ, уводимыхъ въ плѣнъ или избиваемыхъ, показываютъ слѣдующія данныя. Взявши г. Торческъ въ 1093 году, Половцы раздѣлили всѣхъ его жителей и повели въ свои вежи. Во время взятія Олегомъ Чернигова „много хрестьянъ изъгублено бысть, а другое полонено бысть, и расточено по землямъ". Много плѣнныхъ вывели кочевники изъ Курской области въ 1139 г. Въ 1171 г. они увели много жителей, хотя и неизвѣстно, изъ какой области. Въ 1172 г. Половцы около Кіева „възяша села безъ учьта, съ людми и с мужи и съ женами, и конѣ, и скоты и овцѣ, погнаша въ Половцѣ". То-же самое произошло и въ 1173 г. „Концакъ пріѣхавше

[1]) Γεωργίου τοῦ Ἀκροπολίτου τοῦ λογοθέτου Χρονικὴ Συγγραφή. Bonnae. 1837 a. p. 58—59. Успенскій. Образованіе второго Болгарскаго царства. Стр. 170—171.

[2]) Устье, какъ предполагаютъ, находилось при впаденіи Трубежа въ Днѣпръ. (Погодинъ. Изслѣд. замѣч. и лекціи. т. IV, стр. 267).

[3]) Ипатьев. лѣт. стр. 150, 157, 160, 161, 188, 408, 437; Никонов. лѣт. изд. 1767, II, стр. 74, 80; Воскрес. лѣт. ч. I стр. 99.

к Переяславлю, за грѣхы наша, въ 1179 г., много зла створи крестьяномъ, ихъ плѣниша, а ини избиша, множайшія-же избиша младенѣць". Въ 1210 г. Половцы снова вывели много плѣнныхъ изъ Переяславской области [1]).

Мы беремъ только главные факты, но остается еще большое число извѣстій о набѣгахъ, которые перечислять было-бы черезчуръ утомительно. По нашему счету всѣхъ набѣговъ, совершенныхъ Половцами самостоятельно безъ княжескихъ приглашеній, произошло, въ періодъ отъ 1061 г. по 1210 г., 46. Изъ нихъ на долю Переяславскаго княжества приходится 19, на Поросье—12, на Кіевскую область—4, на Сѣверскую область—7, на Рязань—4. Но не должно забывать, что рядомъ съ такими независимыми предпріятіями Половцевъ стояли ихъ походы въ русскія области по призыву того или другаго князя, сопровождавшіеся не менѣе тяжкими опустошеніями. Несомнѣнно также, что лѣтопись упоминаетъ только о выдающихся набѣгахъ, опуская или даже не зная о грабежахъ мелкихъ половецкихъ загоновъ. Мы приводили факты сожженія селъ и городовъ, увода въ плѣнъ жителей, пусть-же теперь современникъ первыхъ набѣговъ самъ разскажетъ намъ о народныхъ бѣдствіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Картину, полную страшнаго трагизма, рисуетъ онъ предъ нами. „Створи бо ся плачь великъ у землѣ нашей и опустѣша села наша и городѣ наши, і быхомъ бѣгающе и предъ враги нашими". „Ибо лукавии сынове Измаиловс пожигаху села і гумьна, і мьноги церкви запалиша огнемъ.... ови ведутся полоненѣ, а друзии посѣкаеми бываютъ, друзии на месть даеми бываютъ [2]), і горькую пріемлюще, друзии трепещуть зряще убиваемыхъ, друзии гладомъ уморяваемы и водною жажею.... ови вязани и пятами ньхаеми, і на морозѣ держими і вкаряеми,.... мучими зимою, и оцѣпляемѣ у алъчбѣ и в жажѣ, і в бѣдѣ побледѣвше лици и почернивше телесы; незнаемою страною, языкомъ іспаленомъ, нази ходяще и босѣ, ноги имуще избодены терньемь. Съ слезами отвѣщеваху другъ-другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города", а другии: „азъ сего села"; і тако съвопрошахуся со слезами родъ свой повѣ-

[1]) Ипат. лѣт. стр. 157, 380, 383, 415; Никон. лѣт. ч. II, стр. 209; Воскрес. лѣт. ч. I, стр. 117.

[2]) Не намекъ-ли здѣсь на судьбу препд. Евстратія?

дающе....“ „Согрѣшихомъ и казнимы есмы, яко согрѣшихомъ, тако и и стражемъ: і градѣ вси опустѣша, і переидѣмъ поля, ідѣже пасома быша стада, конѣ, овцѣ и волове, се все тще нынѣ видимъ, нивы порожьше стоять, звѣремъ жилища быша“ [1]). Какая характеристика набѣговъ можетъ стать рядомъ съ этой простой, полной глубокаго чувства, картиной народныхъ бѣдствій. Вся эта масса плѣннаго христіанскаго люда или обращалась въ рабовъ въ вежахъ половецкихъ или, какъ товаръ, шла по разнымъ странамъ юга и востока. Еще писатель X вѣка, Ибнъ-Гаукаль, разсказываетъ, что Джурджаніе былъ рынокъ живаго товара, въ составъ котораго входили и славянскія рабы [2]). Эта дорога, по которой шли русскіе люди, навсегда покидая родную землю, не измѣнилась, конечно, и во времена господства въ степяхъ Половцевъ. Этимъ путемъ снабжались русскими рабами рынки центральной Азіи. Другая дорога вела въ Крымъ, гдѣ главными пунктами торговли подобнымъ товаромъ можно, кажется, считать Судакъ и Херсонесъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что въ послѣднемъ городѣ скупкой рабовъ занимались Евреи [3]). Но прежде, чѣмъ быть проданными, плѣнные нѣкоторое время оставались въ вежахъ, въ ожиданіи себѣ покупщика или выкупа со стороны Русскихъ. Мы знаемъ только одинъ случайный фактъ выкупа на полѣ битвы. Въ 1154 г. Изяславъ Давидовичъ, послѣ бѣгства Ростислава и Мстислава подъ Черниговомъ, выручилъ многихъ изъ ихъ дружины, попавшихся въ руки Половцевъ [4]). Обыкновенно-же приходилось родственникамъ отыскивать своихъ родныхъ по половецкимъ кочевьямъ. Выкупить плѣннаго считалось богоугоднымъ дѣломъ и потому частныя лица являлись иногда въ вежи и освобождали своихъ земляковъ отъ тяжкаго рабства. Мы видимъ примѣръ такого великодушія въ стараніи нѣкоего христолюбца выкупить инока Никона, который, какъ кажется, былъ освобожденъ потомъ своими родственниками или отбитъ какимъ-нибудь русскимъ отрядомъ [5]). Цѣнность выкупа соразмѣрялась

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 155, 157 и 156.

[2]) D'Obsson. Les peuples du Caucase, p. 148.

[3]) Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Выписки изъ Ибнъ-эль-Атира. стр. 660. Кіевопечерскій Патерикъ въ переводѣ М. Викторовой. Кіевъ. 1870 г. Стр. 32—35.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 327.

[5]) Кіевопечерскій патерикъ. Стр. 35—36.

съ общественнымъ положеніемъ плѣнника на Руси. Такъ, по разсказу лѣтописи, за какого-то Шварна, захваченнаго за Переяславлемъ, Половцы „взяша искупа множьство“ [1]). Конечно, болѣе знатные и богатые плѣнники были долѣе удерживаемы въ вежахъ, а тѣ, на выкупъ которыхъ Половцы не могли скоро надѣяться, или если онъ ожидался въ незначительномъ размѣрѣ, шли на рынки и разсѣевались по лицу земли на югѣ и востокѣ, а, можетъ быть, и на западѣ. Изъ ранѣе приведеннаго разсказа лѣтописи, рисующаго картину разоренія, мы имѣли случай видѣть тяжкое положеніе плѣнныхъ. Многіе изъ нихъ не выносили постоянныхъ передвиженій за вежами въ оковахъ; отъ жажды, зноя, или холода, они умирали въ большомъ числѣ. Такъ изъ пятидесяти плѣнныхъ, захваченныхъ однажды Половцами въ Кіевѣ, чрезъ десять дней остался только одинъ инокъ Евстратій [2]). Надо однако сказать, что Русскіе не уступали нисколько своимъ врагамъ въ обращеніи съ попавшимися къ нимъ въ руки. Даже тѣхъ, на выкупъ которыхъ можно было надѣяться, держали въ оковахъ, какъ это видно изъ сказанія о плѣнномъ Половчинѣ. Рабы покупались на золото; такимъ-же образомъ, кажется, Русскіе выкупали и своихъ земляковъ, но Половчинъ приносилъ за свое освобожденіе товаръ, который цѣнился на Руси: онъ пригонялъ табунъ лошадей, а можетъ быть и другого скота [3]). Иногда случалось, впрочемъ, что русскіе отряды, при своихъ нападеніяхъ на вежи половецкія, освобождали соотечественниковъ, но это бывало не часто. Мы знаемъ фактъ освобожденія христіанъ на Углѣ и Самарѣ въ 1151 г. Мстиславомъ Изяславичемъ и въ 1170 г. почти на томъ-же мѣстѣ во время большаго похода князей на Половцевъ. Можно предположить, что то-же самое происходило при всѣхъ движеніяхъ Русскихъ въ глубь степей половецкихъ. Но количество выкупаемыхъ или случайно освобождаемыхъ русскими отрядами было каплей въ морѣ сравнительно съ числомъ продаваемыхъ въ рабство. Бѣдствія народныя отъ этого нисколько не облегчались.

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 361.

[2]) Кіевопечерскій патерикъ. Стр. 33.

[3]) Хрестоматія по Рус. Исторіи, Аристова. Варшава. 1870 года, стр. 1278—9 и 1282. Кіевопечерскій патерикъ. Стр. 33 и 36.

Мы раньше привели числовыя данныя, указывающія на распредѣленіе набѣговъ по областямъ. Эта неравномѣрность зависѣла главнымъ образомъ отъ географическаго положенія земель, но была тутъ, какъ намъ кажется, и другая причина. Бросивъ взглядъ на карту, мы увидимъ, что княжество Переяславское бо́льшимъ протяженіемъ своихъ границъ примыкаетъ къ степямъ. Кіевская область съ юго-востока ограждена Переяславлемъ, а съ юга военными поселеніями Черныхъ Клобуковъ. Сильно раскинута была граница земли Сѣверской. Но область собственно Черниговская защищена съ юга, а съ востока ея оплотомъ служило княжество Новгородсѣверское. За все время отъ появленія Половцевъ въ степяхъ до 1224 г. мы видимъ на нее только три самостоятельныхъ набѣга. Первый изъ нихъ имѣлъ мѣсто послѣ страшнаго пораженія князей на Альтѣ въ 1068 г., когда Половцы добрались до р. Снови, второй—во время княженія Владиміра Мономаха въ Черниговѣ (1078—1094 г.): кочевники разорили волость Стародубскую и Новгородсѣверскую, и третій въ 1187 г. [1]). Разореніе Черниговской области было не меньше, чѣмъ другихъ княжествъ въ удѣльный періодъ, но главнымъ образомъ здѣсь причиной были княжескія усобицы. Кочевники весьма часто были приглашаемы то тѣмъ, то другимъ княземъ Чернигова, и Святославичи довели свою область до сильнаго обезлюденія. Уже въ 1159 г. Святославъ Ольговичъ жалуется на запустѣніе городовъ Любеча, Моровска, Оргощa и Всеволожа [2]). Но, повторяемъ, причина этого факта лежитъ вовсе не въ половецкихъ набѣгахъ: ихъ на Черниговщину почти не было. Удары кочевниковъ приходилось выдерживать княжеству Новгородсѣверскому, южныя границы котораго были обращены въ сторону половецкихъ кочевьевъ. Точно также отчасти съ южной и юговосточной стороны оплотомъ Руси служило княжество Рязанское. Мы видимъ всѣтаки сравнительно незначительное число набѣговъ на эти обѣ области. Это объясняется способомъ защиты и отношеніемъ къ кочевникамъ въ разныхъ областяхъ Русской земли. Общими предпріятіями всѣхъ князей въ борьбѣ съ Половцами являлись только большіе походы въ глубь степей, да и то не всегда, и не всѣ князья принимали въ нихъ участіе.

---

[1]) Ипат. лѣт. Стр. 121, 439—440; Лавр. лѣт. стр. 239 (Поученіе Мономаха).

[2]) Ипат. лѣт. стр. 343.

Защита-же своихъ границъ, своего населенія, предоставлялась силамъ каждой области и энергіи ея князей. Мы и хотимъ теперь поговорить о способахъ, какими каждая область вела свою самозащиту, и о объ отношеніяхъ къ кочевникамъ въ разныхъ мѣстностяхъ земли Русской.

Несомнѣнно, на большій или меньшій успѣхъ обороны осѣдлаго населенія противъ кочеваго врага сильное вліянія оказываетъ географическое положеніе и характеръ мѣстности. Поэтому мы постараемся сдѣлать небольшой географическій очеркъ области къ востоку отъ Переяславскаго княжества. Къ востоку отъ Рязанской области простирались Мордовскія дебри [1]), которыя предохраняля отъ набѣговъ Половцевъ. Въ границахъ этого-же княжества начинался Донъ, который, постепенно уклоняясь къ юго-востоку, образуетъ въ землѣ Войска Донскаго два тупыхъ угла и стремится затѣмъ на юго-западъ. Для насъ важно его среднее теченіе, когда онъ принимаетъ съ лѣвой стороны р. Воронежъ и Хоперъ. Съ правой стороны въ Донъ впадаетъ р. Сѣверскій Донецъ, имѣющій нѣсколько, интересныхъ для насъ, по своему направленію, притоковъ. Съ лѣвой стороны Донецъ принимаетъ р. Осколъ, теченіе которой почти правильное съ сѣвера на югъ. Между Осколомъ и Допомъ образуется какъ-бы дорога, весьма широкая на югѣ, сильно съуживающаяся въ серединѣ, расширяющаяся на сѣверѣ. Эту дорогу перегораживаетъ почти поперекъ р. Быстрая Сосна [2]). Нужно при этомъ замѣтить, что лѣсная растительность сосредоточивалась по обѣимъ сторонамъ этого пути, особенно между р. Воронежемъ и Дономъ, и между Осколомъ и Донцомъ [3]). Съ правой стороны эта рѣка принимаетъ р. Уды, берущую начало въ Курской губерніи, направляющуюся сначала на юго-востокъ и впадающую въ Донецъ верстахъ въ 10 ниже Чугуева. Еще ниже, около Зміева, впадаетъ въ Донецъ р. Можъ, верховья которой сближаются съ верховьями Коломака, направляющагося въ Ворсклу, которая принимаетъ его нѣсколько ниже Полтавы. Мы видѣли, что бе-

---

[1]) Иловайскій. Исторія Рязанскаго княжества. Москва. 1859 года стр. 109.

[2]) См. Карты Шуберта, карту при Исторіи Рязанскаго княжества г. Иловайскаго, и при Спискахъ населенныхъ мѣстъ Воронеж. губерніи.

[3]) См. главу 1.

рега Можа и въ прошломъ столѣтіи изобиловали лѣсами; водораздѣлъ между Можемъ и Коломакомъ, по книгѣ Большаго чертежа, былъ покрытъ лѣсами и болотами. Такимъ образомъ, изъ соединенія этихъ двухъ рѣкъ образовалась природная оборонительная линія. Но для Сѣверскаго княжества можно указать еще три линіи съ такимъ-же характеромъ. Самую южную представлялъ изъ себя р. Мерлъ, текущій почти съ востока на западъ. Онъ впадаетъ въ Ворсклу. Слѣдующая линія образуется самой Ворсклой, вершина которой заходитъ въ Курскую губернію, и третья, самая сѣверная, рѣкою Исломъ. Такой характеръ мѣстности болѣе или менѣе способствовалъ безопасности Сѣверскаго княжества. Но судя по фактамъ, правда весьма и весьма немногимъ, есть возможность сказать, что Сѣверскіе князья воспользовались этими естественными преградами для защиты своей области.

Необходимость заставляетъ насъ коснуться здѣсь до сихъ поръ еще спорнаго вопроса о городищахъ. Мы не находимъ нужнымъ излагать здѣсь всѣхъ теорій относительно того значенія, какое имѣли въ древней Руси эти сооруженія, но должны только обратить вниманіе на тотъ фактъ, что всѣ ученые, на сколько намъ извѣстно, считали ихъ остатками осѣдлой жизни, а не кочевнической. Мы видѣли уже примѣры, что села и города, попадавшіеся подъ руку Половцамъ, были разоряемы. Объ этомъ намъ говорятъ не только наши лѣтописи, но и источники византійскіе. Нѣтъ ни одного примѣра, который бы указывалъ на жизнь кочевника въ городѣ. Самый образъ жизни, тѣсно связанный съ обширнымъ скотоводствомъ, препятствовалъ заведенію осѣдлости. Мы постоянно видимъ кочевниковъ въ движеніи, при чемъ всегда съ ихъ вежами. Нужно было кочевнику попасть въ среду осѣдлаго населенія, войти въ весьма тѣсную съ нимъ связь, чтобы онъ началъ отвыкать мало по малу, съ большимъ трудомъ, отъ свободной жизни въ степи. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго нами служитъ образъ жизни въ Поросьскихъ поселеніяхъ Черныхъ Клобуковъ, о чемъ мы вскорѣ будемъ говорить. „Половцы, говоритъ г. Аристовъ, не были устроителями городовъ, и занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ“ [1]). Мы должны сказать болѣе: Половцы никогда не зани-

[1]) Извѣстія Историко-филол. Института въ Нѣжинѣ. 1877 г. Аристова. О землѣ Половецкой. Стр. 220.

мали этихъ городищъ или городковъ для постояннаго житья въ нихъ, а только временно для обороны. Для насъ важно мнѣніе г. Аристова, что городища существовали раньше появленія кочевниковъ въ извѣстной мѣстности. Повторяемъ, что едвали кто сомнѣвается въ принадлежности городищъ осѣдлому населенію. Точно также не можетъ въ настоящее время приниматься во вниманіе и теорія г. Ходаковскаго о религіозномъ значеніи городищъ. Количество извѣстныхъ и описанныхъ городищъ въ настоящее время доходитъ до крупной цифры [1]). Изъ ихъ устройства и объема вполнѣ видно, что они имѣли значеніе оборонительныхъ пунктовъ. Иногда они окружены двойными, тройными рядами валовъ, что было-бы совершенно излишне при той роли, какую хотѣлъ имъ дать Ходаковскій. Вопросъ, по нашему мнѣнію, сводится теперь уже къ тому, чтобы опредѣлить отличительные признаки городищъ древнихъ и позднѣйшихъ. Но это-то и представляетъ почти непреодолимую трудность. Несомнѣнно, земляныя сооруженія отдаленныхъ вѣковъ потомъ служили для обороны позднѣйшимъ поселенцамъ и передѣлывались ими сообразно съ обстоятельствами, напр. согласно требованіямъ новаго оружія, тактикѣ новыхъ враговъ. И вотъ, встрѣчаясь съ городищемъ, которое по своему виду могло-бы быть отнесено къ числу болѣе позднихъ, археологъ не можетъ тѣмъ не менѣе пріурочить его къ извѣстному времени, ибо всегда можно предполагать, что форма его есть уже позднѣйшая передѣлка болѣе древней. Но и само время дѣйствуетъ разрушительно. Оно измѣняетъ видъ городища, можетъ придать ему ту или иную форму. Древнее, по признакамъ, городище въ дѣйствительности можетъ быть позднѣйшимъ сооруженіемъ, измѣнившимъ, благодаря разнымъ условіямъ, свой видъ. До сихъ поръ не установлено ничего прочнаго въ отношеніи этого вопроса и, какъ кажется, едвали возможно какое нибудь положительное рѣшеніе. Придётся, стало быть, отказаться отъ этихъ монументальныхъ памятниковъ старины при какихъ либо изслѣ-

---

[1]) См. Самоквасова. Древніе города Россіи. Спб. 1873 г. О городищахъ. Морозова (Оттискъ изъ Харьк. Губ. Вѣд.) Курганы и городища Харьк., Валков. и Полтав. уѣздовъ Пассека. Рус. Истор. Сборникъ. 1838 года т. 3, кн. 2. Истор.-Статист. Описаніе. Харьков. Епархіи. Филарета. Москва. 1858 г. О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ. Срезневскаго. Записки Одес. Общ. Ист. и Древ. 1848 г. т. II.

дованіяхъ историко-географическаго характера? Если невозможно рѣшеніе, то только общее; но что касается извѣстнаго городища, взятаго въ отдѣльности, или группы городищъ, то при помощи археологіи и исторіи мы имѣемъ право придти къ тому или иному заключенію и пріурочить его къ какой-либо эпохѣ. Историкъ обязанъ обратить вниманіе на данныя археологіи и документальныя источники, если они имѣются для мѣстности, гдѣ находится городище, и разъ между ихъ свидѣтельствомъ и фактомъ существованія тутъ земляного сооруженія является связь, изслѣдователь можетъ смѣло отнести это укрѣпленіе къ извѣстному періоду исторіи народа, мало рискуя впасть въ ошибку.

Г. Самоквасовъ въ своемъ сочиненіи о городахъ древней Руси указываетъ на фактъ существованія гораздо большаго ихъ числа въ домонгольскій періодъ нашей исторіи, чѣмъ намъ извѣстно изъ нашихъ источниковъ, приводя въ доказательство извѣстія лѣтописи, въ которыхъ имена городовъ не указываются, а сообщается напр. въ такомъ видѣ: „Половцы же взяша 6 городовъ Береньдиць и поидоша къ Ростовьцю“ [1]). Наши лѣтописцы всегда называютъ намъ мѣстности, имена которыхъ знаютъ. Изъ приведеннаго извѣстія это ясно видно: писавшій зналъ имя одного города, именно Ростовца,—онъ и привелъ его въ своемъ сообщеніи. Знай онъ названія шести и другихъ городовъ, мы имѣли-бы ихъ имена. Если-бы эти города были Торческъ, Корсунь, Богуславль, Триполье, Неятинъ, то они бы и были поименованы. Кромѣ того, многихъ-ли городовъ, названія которыхъ намъ извѣстны, мы знаемъ мѣстонахожденіе? Конечно, и слѣды большей части изъ нихъ могли быть уничтожены рукою времени, но нельзя всетаки отрицать, что остатки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ видѣ валовъ, рвовъ, и сохранились. Можемъ-ли мы напр. категорически утверждать, что сохранившіяся по берегамъ Удая городища, о которыхъ намъ сообщаетъ Маркевичъ [2]), не представляютъ собой остатковъ укрѣпленныхъ поселеній Переяславскаго княжества, нѣкогда

---

[1]) Д. Я. Самоквасовъ. Древніе города Россіи. Спб. 1873 г. стр. 80—85. Ипат. лѣт. стр. 408.

[2]) Записки Имп. рус. Геогр. Общ. 1856 г. к. XI. Рѣки Полтавской губ. Маркевича Н. Стр. 365.

расположенныхъ по этой рѣкѣ? Изъ городовъ Поросья мы не знаемъ ни мѣстонахожденія Растовца, ни Неятина, ни Торческа, ни Товарова, ни Кульдеюрева, ни тѣхъ шести городовъ, о которыхъ мы говорили. Между тѣмъ существуетъ въ области рр. Стугны, Роси и Выси множество городищъ [1]). Несомнѣнно, какіе-нибудь изъ нихъ и есть остатки тѣхъ укрѣпленій, мѣстоположенія которыхъ мы не знаемъ. Мы имѣемъ указаніе лѣтописи, что Уличи и Тиверци жили по городамъ, которые сохранялись даже въ XII в. и, удивительное совпаденіе, по теченію Днѣпра въ прошломъ столѣтіи значатся городища. Нѣкоторыя изъ нихъ сооружены, неизвѣстно, кѣмъ и когда, другія приписываются народу франковъ, то есть, Готовъ. Эти древнѣйшія укрѣпленія строго отличаются отъ позднѣйшихъ татарскаго и турецкаго происхожденія [2]). Весьма возможно, что это—разрушенные города двухъ помянутыхъ племенъ. Эти факты мѣстонахожденія городищъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ по другимъ источникамъ нѣкогда дѣйствительно существовали города, даетъ уже намъ нѣкоторое право пользоваться этого рода естественными памятниками въ историко-топографическихъ вопросахъ. Мы хотимъ сдѣлать попытку опредѣлить границу Сѣверскаго княжества со стороны половецкихъ кочевьевъ, и тутъ не малую роль играютъ свидѣтельства этихъ памятниковъ прошедшихъ вѣковъ.

Первый пограничный городъ Сѣверскаго княжества съ землей Половецкой, извѣстный намъ по лѣтописи, это — *Выръ*. „Всеволодъ (Ольговичъ), читаемъ въ нашемъ источникѣ, послася по Половцѣ. И приде ихъ 7,000 тысящь.... и сташа у Ратмирѣ дубровы *за Выремъ*; послали-бо бяхуть послы ко всеволоду и *не пропустиша ихъ опять*, Ярополчи бо бяхуть посадници во всей Семи.... и изьимаша послы ихъ на Локнѣ“.... [3]). Очевидно, Половцы, не зная положенія

---

[1]) См. Фундуклей. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. Кіевъ. 1848 г. Похилевичъ. Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи. Кіевъ. 1864 г.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 7. Чтеніе Имп. Общ. Ист. о Древ. Рос. 1848 г. № 6. Описаніе р. Днѣпра. Стр. 27—35. Лѣтопись Самуила Велички. Кіевъ. 1855 г. ч. III. Описаніе р. Днѣпра. Стр. 474, 478, 481.

[3]) Лавр. лѣт. стр. 181—182, подъ 1127 г.

дѣлъ, отправили сначала развѣдчиковъ, а сами остались на границѣ въ выжидательномъ положеніи. Но вблизи отъ Выря мы знаемъ еще Вьяханъ и Попашь, которые, несомнѣнно, принадлежали къ той-же линіи укрѣпленій. Это видно изъ разсказа лѣтописи подъ 1148 г. о борьбѣ Черниговскихъ князей съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Союзники (Святославъ и Юрій) изъ Курска двинулись *къ Вырю*. „И оттуду идоша *къ Вьяханю*, и ту не успѣша ничтоже; а оттуда идоша *Папашю* и приде к нимъ Изяславъ Давидовичъ, и бишася и взяша Попашь. И въ то время приде къ Изяславу вѣсть къ Мстиславичю, оже Вьяхань и инии городи отбилися, а Попашь взяли“... [1]). Съ 1127 г. Курскъ съ Посемьемъ принадлежали къ Переяславскому княжеству, и такимъ образомъ Вырь, Вьяхань, Попашь, область р. Локни, были въ рукахъ Изяслава Мстиславича. Главную силу Юрія Долгорукова и его союзниковъ составляли Половцы. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, еще въ 1127 г. кочевники, приглашенные Всеволодомъ Ольговичемъ, не могли подоспѣть къ нему, такъ какъ были задержаны у Выря. Очевидно, теперь Юрій и его союзники, стремятся овладѣть этими городками для свободныхъ сношеній съ Половцами. Изъ этого выясняется, что и эти города наравнѣ съ Выремъ были пограничными. Но возможно опредѣлить положеніе этихъ городовъ гораздо точнѣе. Вотъ что мы читаемъ въ царской грамотѣ 1704 г.: „в 180 (1672 г.) по указу Царя и В. К. Алексѣя Михайловича боярин и воевода кн. Григорій Ромодановскій въ Путивльскомъ уѣздѣ, въ 30 в. отъ Путивли на р. на Виру, да на устьѣ р. Крыги въ угодьяхъ Путивльцевъ построилъ городъ Бѣлополье *на старомъ Вирскомъ городищѣ*.... [2]). Изъ этого оффиціальнаго отрывка видно, что Бѣлопольское городище еще въ XVII в. было пустымъ мѣстомъ, слѣд. существованіе укрѣпленія или города, котораго остатки оно представляетъ, должно быть отнесено къ отдаленному періоду, когда данныя области еще не были разорены Татарами. Предположеніе, что городъ Вырь находился на мѣстѣ села Старыхъ или Новыхъ Вировъ, отходитъ на второй планъ, ибо, по справедливому мнѣнію преосв. Филарета, они не могутъ быть старѣе

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 251.

[2]) Преосв. Филаретъ. Историко-Статист. Опьсаніе Харьковской Епархіи. ч. III, стр. 407.

городища [1]). Не трудно уже теперь опредѣлить и мѣстонахожденіе древнихъ Вьяханя и Попаша. Ихъ, по мнѣнію г. Бѣляева, должно искать въ юго-западномъ направленіи отъ Выря, „ибо, говоритъ онъ, по словамъ лѣтописи, Изяславъ Мстиславичъ, узнавши о походѣ Ольговичей, двинулся изъ Переяславля къ Черной Могилѣ на соединеніе съ братомъ своимъ Ростиславомъ, шедшимъ изъ Смоленска, и тамъ условился съ нимъ идти *къ Сулѣ*, дабы перенять дорогу стоявшимъ на Сулѣ Ольговичамъ; а такъ какъ они были въ Попашѣ, слѣд. Вьяхань и Попашь были, по указанію лѣтописи, на верховьяхъ Сулы“ [2]). Если мы изслѣдуемъ мѣстность въ юго-восточномъ направленіи отъ Выря, то, кажется, найдемъ Вьяхань въ городищѣ, находящемся въ 30 в. отъ Бѣлополья на юго-западѣ, въ 5 в. отъ слободы Терновъ, на берегу р. Терны. Этимъ открытіемъ мы обязаны тому-же преосв. Филарету, тщательно собравшему въ свой трудъ всё, имѣющее цѣну для исторіи и исторической топографіи. Въ актѣ 1638 г. это городище называется то Лехановскимъ, то Дехановскимъ, то просто городищемъ. Близость названія его съ Вьяханемъ и близость его къ Вырю, мѣстонахожденіе его на дорогѣ отъ Выря къ р. Сулѣ, даетъ право считать это городище за остатокъ города Вьяханя [3]). Напрасно, такимъ образомъ, гг. Надеждинъ и Неволинъ думали, что въ краю этомъ Вьяхани ничего подобнаго нѣтъ, а урочищъ, подобозвучныхъ Попашу, слишкомъ много [4]). Просматривая карту Шуберта, мы не нашли тамъ подобныхъ урочищъ, по рѣчекъ, носящихъ имя Попадьи, отыскалось три. Одна изъ нихъ впадаетъ въ р. Локню, протекая на разстояніи 2-хъ верстъ отъ г. Суджи, другая—въ р. Вырь въ такомъ же разстояніи отъ Вирскаго городища и третья—въ Сулу, въ 10 в. по прямому направленію на югъ отъ Вьяханскаго городища [5]). Такъ какъ союзники двигались изъ Выря въ Вьяхань, изъ него въ Попашь, по направ-

---

[1]) Ibidem. стр. 409, примѣч. 4 и 502. Барсовъ. Очерки Рус. Истор. Географіи.

[2]) Записки Имп. Рус. Геогр. общ. 1852 г. кн. VI. Бѣляева. О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Руси. Стр. 93.

[3]) Историко-Статист. Описаніе Харьков. Епархіи. ч. III, стр. 410.

[4]) Погодинъ. Изслѣд. замѣч. и лекціи. т. IV, стр. 276—277. См. тутъ-же другія мнѣнія о мѣстонахожденіи этихъ городовъ.

[5]) Карта Шуберта, листъ XLII.

ленію къ Сулѣ, то нельзя не признать мнѣнія преосв. Филарета, что послѣдній городъ долженъ былъ находится при устьѣ Попадьи въ Сулу [1]). Г. Аристовъ, занимавшійся вопросомъ о походахъ рус. князей на Половцевъ, вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ преосв. Филарета о мѣстонахожденіи городовъ Выря, Попаша и Вьяханя [2]). Но сверхъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, несомнѣнно, должны были существовать городки по Локнѣ, гдѣ посадники Ярополка захватили въ 1127 г. половецкихъ пословъ. Есть двѣ Локни: одна течетъ мимо г. Суджи и впадаетъ въ рѣку того-же имени къ сѣверу отъ него; другая протекаетъ верстахъ въ 13 южнѣе р. Выря и соединяется съ нимъ [3]). Но такъ какъ половецкимъ посламъ пришлось-бы идти назадъ отъ Выря, чтобы попасть на вторую Локню, то естественнѣе предположить, что дѣло происходило на Локнѣ, впадающей въ р. Суджу [4]). Такимъ образомъ, въ первой половинѣ XII в. мы видимъ, что граница Сѣверскаго княжества шла по р. Локнѣ, затѣмъ переходила къ р. Вырю, шла на юго-западъ сухопутьемъ до г. Вьяханя, потомъ до г. Попаша на Сулѣ, затѣмъ по этой рѣкѣ начиналась область Переяславскаго княжества. Но, какъ кажется, на этой чертѣ оканчивалось только сплошное населеніе Сѣверскаго княжества, далѣе шла, такъ сказать, боевая область, съ городками, наблюдавшими за движеніемъ Половцевъ. Мы видѣли, что игнорировать показанія такихъ вещественныхъ памятниковъ, какъ городища, нѣтъ повода. Ясно обнаруживается это въ опредѣленіи, благодаря имъ, мѣстонахожденія Выря, Попаша и Вьяханя. Между тѣмъ, бросивъ взглядъ на карту, мы замѣчаемъ и далѣе осо-

---

[1]) Историк.-Статист. Описаніе Харьк. Епархіи. ч. III, стр. 411 и 565, 577.

[2]) Извѣстія Историко-Филол. Института въ Нѣжинѣ. 1877 г. Аристовъ. О землѣ Половецкой. Стр. 222—223.

[3]) Карта Шуберта. Листъ XLII.

[4]) Мнѣнія о Локнѣ см. Погодина. Изслѣд. замѣч. и лекціи. т. IV, стр. 272—273. Локни Суджанской держится преосв. Филаретъ. Онъ сообщаетъ, что въ 7 в. отъ д. Юнаковки, по дорогѣ въ г. Суджу, на правой сторонѣ въ 23 саж. есть 4 кургана, окруженные валомъ. По его мнѣнію, мѣсто, окруженное валомъ, было городомъ, гдѣ жили посадники Черниговъ. князя. (Описаніе Харьк. Епархіи. ч. III, стр. 385—386). Этого-же мнѣнія о Локнѣ и г. Дмитрюковъ. (Этнограф. Сборникъ, т. V, стр. 23—24).

бенную правильность и цѣлесообразность въ распредѣленіи другихъ городищъ, находящихся далѣе на югъ. Рѣка Локня впадаетъ въ Суджу, которая верстахъ въ 5 ниже сониенпаго ей города соединяется съ Псломъ. Послѣдній, начиная отъ г. Гадяча, идетъ, дѣлая нѣсколько изгибовъ, на сѣверо-востокъ, перерѣзывая такимъ образомъ интересующую насъ мѣстность почти поперекъ. И вотъ на этой рѣкѣ городища: Липецкое, Городецкое, Михайловское, Азацкое и Каменное. Первое находится въ 2-хъ верстахъ отъ города Сумъ. Оно существовало въ XVI в., какъ это видно изъ росписи 1571 г.: „а Пселъ перелѣзти у Липецкаго городища, да на верхъ Боровни“ [1]). Городецкое городище существовало еще до 1642 г. [2]). Каменное значится въ актѣ разграниченія земель между Россіей и Польшей 1647 года, гдѣ постановляется возвратить Россіи Каменное городище на Пслѣ, отъ Путивля ѣдучи до Псла, на Путивльской сторонѣ, да къ тому городищу слободу Каменную. Но оно существовало и къ 1642 г. [3]). Такимъ образомъ древность этихъ трехъ городищъ вполнѣ ясна: они существовали ранѣе новаго заселенія данной мѣстности, а слѣд. укрѣпленія, остатками которыхъ они являются, должны быть отнесены ко времени, предшествующему татарскому погрому. Что касается Михайловскаго и Азацкаго городищъ, то нѣтъ о нихъ извѣстій въ документахъ, но положеніе ихъ на линіи городищъ древнихъ можетъ служить, кажется, нѣкоторымъ аргументомъ въ пользу того, что они всѣ возникли одновременно и служили одной и той-же цѣли—быть оборонительной линіей. Переходя на р. Ворсклу, мы снова находимъ цѣлый рядъ городищъ. Укажемъ тѣ, о которыхъ говорятъ документальные источники. Таковы—Скельское, Бѣльское, Немѣровское. Въ росписи границъ между Россіей и Польшей 1647 г. читаемъ: „....на Скельской горѣ валъ отъ лѣса Стараго городища“.... Въ 1642 году польскіе послы предлагали слѣдующую границу: „рубежъ идетъ до р. Ворскла, а Ворсклом внизъ до Скельскаго городища, которое въ царскую сторону останется, а рубежъ отъ него межъ Бѣльскимъ городищемъ и оттуль чрезъ р. Ворсклу, Бѣльское городище раздѣлитъ

---

[1]) Истор.-Статист. описаніе Харьк. Епархіи. ч. III, стр. 279.

[2]) Ibidem. ч. Ш, стр, 498.

[3]) Ibidem. ч. Ш, стр. 530—531.

пополамъ“ [1]). Въ одномъ актѣ 1689 г. мы видимъ городище Немѣровское, а въ росписи 1572 г. оно называется просто Немѣръ [2]). Вверхъ по Ворсклѣ существуютъ еще два городища между дд. Литовкой и Боголюбовкой, изъ которыхъ одно носитъ названіе Кукуева, а другое, по преданію, представляетъ остатокъ нѣкогда бывшаго здѣсь города [3]). Еще выше на лѣвомъ берегу р. Ворсклицы также находится большое городище [4]). Замѣчательно, что вездѣ, въ данной мѣстности, городища распредѣляются правильными линіями по теченію рѣкъ. Выступаетъ въ ихъ размѣщеніи цѣль воспользоваться естественными преградами и обезопасить ихъ укрѣпленіями. Между тѣмъ существуютъ городища и безъ всякой системы. Такова напр. купа городищъ при вершинѣ р. Коломака. Все пространство между двумя Мерчиками покрыто огромными городищами съ безпорядочнымъ устройствомъ [5]). Эта системность указанныхъ нами городищъ въ связи съ свидѣтельствами документовъ о ихъ глубокой древности заставляетъ видѣть въ нихъ передовыя укрѣпленія эпохи, предшествующей монгольскому разоренію. Къ числу ихъ нужно отнести и тѣ, которыя располагаются по рр. Можу и Коломаку. На устьѣ перваго въ Донецъ еще въ началѣ XVII в. находилось Зміевское городище [6]). За нимъ слѣдуетъ Кукулевское между р. Ординкой и вершиной р. Мереѳы. Глубокая древность его очевидна: огромные дубы по 7 или 8 аршинъ въ обхватѣ ростутъ по вершинѣ вала и выключаютъ слободскихъ козаковъ отъ права на основаніе городища. На срубленныхъ пняхъ этихъ дубовъ

---

[1]) Историко-Статист. Описаніе Харьк. Епархіи. ч. III, стр. 95.

[2]) Журавенское (Немѣровское) городище—огромныхъ размѣровъ. Оно расположено на правомъ берегу Ворсклы, окружено дремучимъ лѣсомъ и само заросло огромными дубами. Ровъ его, начинаясь отъ р. Ворсклы, окаймляетъ обширное пространство съ востока, юга и запада. (Ibidem. стр. 107).

[3]) Ibidem, стр. 55—56, 57.

[4]) Это городище имѣетъ въ поперечникѣ 24 с., въ длину 32 с.; окружность его равна 59 с. (Ibidem, стр. 197).

[5]) Рус. Истор. Сборникъ. 1838 г. т. III, кн. II. Пассека. Курганы и городища Харьков., Валков., Полтав. уѣздовъ. стр. 217 – 218.

[6]) „А ниже Мжа на Донцѣ, съ Крымской страны Зміево городище“.... (Книга глаголемая Большой Чертежъ. Москва 1846 г. стр. 37).

можетъ лежать человѣкъ высокаго роста, не занимая всего поперечника. Мѣдные окопечники стрѣлъ, найденныхъ тутъ при раскопкѣ, также доказываютъ его древность [1]). На водораздѣлѣ между Можемъ и Коломакомъ лежитъ Хазарское городище въ урочищѣ Хазаровскомъ или Козаровскомъ, среди огромнаго лѣса, который называется Рынцевымъ рогомъ. Оно само до того поросло лѣсомъ, что трудно осмотрѣть его [2]). Эта линія, продолжаясь на Коломакѣ, начинается Высокопольскимъ городищемъ и затѣмъ продолжается городищемъ Коломацкимъ. О послѣднемъ мы имѣемъ документальное извѣстіе въ разъѣздной росписи 1571 г., гдѣ говорится: „Коломакъ перелѣзти подъ Коломацкимъ городищемъ черезъ Ровень, да полемъ черезъ Муравскій шляхъ, да на верхъ Адалага“ [3]). Этотъ рядъ древнихъ укрѣпленій нѣтъ возможности продолжить до Ворсклы, ибо мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о городищахъ Полтавской губерніи, но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что это продолженіе существуетъ. Въ сторонуже противоположную эта оборонительная линія ясно доходитъ до устья р. Уды въ Донецъ. Тутъ мы находимъ два городища—Мохначь и Кабанова. Оба они были въ запустѣніи уже въ началѣ XVII в. Первое защищено Донцомъ, его заливами и озеромъ Круглымъ. Кабаново находится при самомъ устьѣ р. Уды [4]). И такъ тремъ природнымъ оборонительнымъ линіямъ, образуемымъ Псломъ, Ворсклой и Коломакомъ-Можемъ, соотвѣствуютъ три ряда укрѣпленій. Кромѣ

---

[1]) Историко-Статист. Описаніе Харьк. Епархіи. ч. II, стр. 295—206. Рус. Ист. Сборникъ. 1838 г. т. III, кн. II, стр. 212. О городищахъ. Ю. Морозова. стр. 22—24. Это городище огромныхъ размѣровъ. Оно состоитъ изъ двухъ плоскостей, возвышенныхъ одна надъ другой и надъ сосѣднею окрестностью, такъ что заключаетъ въ себѣ двѣ крѣпости—внутреннюю цитадель и внѣшнюю—городовое укрѣпленіе. (Преосв. Филаретъ).

[2]) Историко-Статист. Описаніе Харьк. Епархіи. ч. II, стр. 277—278. Рус. Ист. Сборникъ. 1838 г. т. III, кн. 2. стр. 211—212.

[3]) Описаніе Харьк. Епархіи. ч. II, стр. 303 и 256.

[4]) „А ниже Студенаго кладеся, рѣка Уды, отъ Студенка съ версту; а на усть Уды Кабаново городище, по лѣвой странѣ“....

„А ниже Кабанова городища, съ Крымской страны, въ низъ по Донцу, Мухначево городище, отъ Кабанова верстъ съ 5“. (Книга глаголемая Большой Чертежъ. Стр. 32). и Описаніе Харьков. Епархіи. ч. IV, стр. 162.

древности городищъ, заставляющей отнести ихъ къ дотатарской эпохѣ, кромѣ явной ихъ системности и извѣстной цѣлесообразности ихъ размѣщенія, мы укажемъ еще на одинъ—два факта, служащіе подтвержденіемъ нашей мысли. Извѣстно существованіе въ XII в. сѣверскаго города, Донца, въ районѣ интересующей насъ мѣстности. Когда Игорь Святославичъ спасался изъ плѣна половецкаго въ 1185 г., онъ держалъ свой путь на сѣверъ съ береговъ р. Тора и на одинадцатый день пришелъ къ городу Донцу; оттуда онъ направился въ свой Новгородъ-Сѣверскій [1]). Такимъ образомъ, опасность оканчивалась, лишь только князь прибылъ въ этотъ городокъ. „Городъ Донецъ, говоритъ г. Аристовъ, основательно ищутъ въ окресностяхъ Харькова". Онъ указываетъ на свидѣтельства Книги большаго чертежа, разъѣздной росписи 1571 г., и подкрѣпляетъ ихъ вычисленіемъ разстоянія между устьемъ Тора и Донецкимъ городищемъ въ 8 верстахъ отъ Харькова, представляющаго полную возможность пѣшему пройти его въ 11 дней [2]). И всѣ другіе историки признаютъ существующее еще и теперь упомянутое Донецкое городище остаткомъ древняго города Донца [3]). Они также указываютъ на извѣстіе книги большаго чертежа, доказывающее его существованіе до заселенія слободской Украйны. „А по лѣвой странѣ въ верхъ по Удамъ выше Хорошева городища, Донецкое городище, отъ Хорошева верстъ съ 5" [4]). Свидѣтельство разъѣздной росписи приводится преосв. Филаретомъ. Оно гласитъ: „....да внизъ по Удамъ (ѣхать) черезъ Павлово селище къ Донецкому городищу,

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 438.

[2]) Извѣстія Историко-Филол. Института въ Нѣжинѣ. 1877 г. Аристова. О землѣ Половецкой. стр. 229—230.

[3]) Вѣстникъ Европы. 1826 г. Москва. Май и Іюнь. П. Арцыбашева. Игорь или война Половецкая. Стр. 259, примѣч. 65. Историко-Статист. Описаніе Харьк. Епархіи. Преосв. Филарета. ч. I, стр. 82 и ч. II, стр. 99—100 и 101. Рус. Ист. Сборникъ. 1838 г. т. III, кн. 2. Пассекъ. Курганы и городища Харьков., Валков. и Полтав. уѣздовъ. Стр. 214, 215 и 216. О городищахъ. Морозова. стр. 35. Изслѣд. замѣч. о лекціи. Погодина. т. IV, стр. 283—284. Матеріалы для историко-географ. словаря Россіи. Барсова. Вильна. 1865 г. I, стр. 65—66.

да къ Хорошеву городищу чрезъ Хорошевъ колодезь, да чрезъ Удскія ровни"... [1]). А разъ только мы имѣемъ свидѣтельство о существованіи гдѣ-то въ данной мѣстности города, разъ только, благодаря приведеннымъ документальнымъ источникамъ, есть возможность опредѣлить, что этотъ городъ находился на р. Удахъ, то невольно рождается вопросъ: какимъ образомъ это укрѣпленное поселеніе могло существовать такъ далеко отъ границъ Сѣверскаго княжества? Если мы предположимъ, что этотъ городъ былъ остаткомъ нѣкогда сплошнаго славянскаго населенія въ этой мѣстности, то является вполнѣ невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ удержаться одинъ до конца XII в., будучи совершенно отрѣзанъ отъ своей метрополіи. Если-же разсматривать существованіе здѣсь этого укрѣпленнаго пункта, какъ результатъ военной (ибо другой въ степи быть не могло) колонизаціи, то необходимо вспомнить, что всякое колонизаціонное движеніе идетъ постепенно, въ особенности въ страну, гдѣ былъ такой сильный и опасный врагъ, какъ Половцы; одинъ за другимъ выдвигаются укрѣпленные пункты, за ними слѣдуетъ населеніе; они идутъ впереди, заслоняя собою переселенцевъ. Такой порядокъ колонизаціи былъ вездѣ и всегда. Такимъ образомъ, при обоихъ предположеніяхъ, необходимо признать, что городъ Донецъ не могъ стоять одинокимъ въ этой области, что онъ является какъ одно изъ звѣньевъ цѣлаго ряда укрѣпленій, поддержавшихъ другъ-друга. По мнѣнію г. Барсова, Донецъ былъ крайнимъ пунктомъ русскихъ владѣній въ сторону степей въ XII в. [2]). Его должны были поддерживать другіе городки, раскинутые въ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга. Остатками этихъ укрѣпленныхъ линій и могутъ быть указанныя нами городища. Если мы теперь осмотримъ берега рр. Уды и Донца, то и тутъ найдемъ двѣ линіи укрѣпленій. Южнѣе Донецкаго городища на р. Удахъ находится Хорошево. Мы видѣли уже, что оно упоминается въ разъѣздной росписи 1571 г., стало быть извѣстно было до поселенія Черкасовъ въ этихъ мѣстахъ [3]). Мѣсто его точнѣе опредѣляется Книгой большаго чертежа,

---

[1]) Историко-Статист. Описаніе Харьков. Епархіи. ч. I, стр. 81.

[2]) Очерки Рус. Историч. Географіи.

[3]) Историко-Статист. Описаніе Харьк. Эпархіи. ч. I, стр. 81 и II, стр. 98.

гдѣ читается: „А въ верхъ по Удамъ съ лѣвыя страны, Хорошее городище, отъ устья верстъ съ 20“ [1]). Параллельно этому ряду укрѣпленій на Удахъ, представителями котораго являются два приведенныя городища, существуетъ цѣлая линія остатковъ оборонительныхъ пунктовъ по Донцу. Таковы городища, Салтовское, Катковское, Гумнинья и Чугуевское, указанныя въ Книгѣ Б. Чертежа [2]). Извѣстія о нихъ находятся и въ другихъ документахъ. Такъ первое изъ нихъ въ 1639 г. было отдано съ угодьями товарищамъ Остряница, а въ описаніи Салтова 1674 года говорится: „городъ Салтовъ построенъ на Салтовскомъ городищѣ, обставленъ дубовымъ лѣсомъ“. Неразрывно съ нимъ стоитъ Гумниньское городище въ отпискѣ Бѣлгородскаго воеводы 1668 году, гдѣ читается: „да они-жъ (Чугуевцы) въ Чугуевѣ стоятъ въ сотняхъ по 50 чел. и на отхожихъ сторожахъ на татарскихъ перелазахъ на рѣкѣ Донцѣ на Салтовскомъ городище, да на Гумниньскомъ по 37 ч.“. Не менѣе важное свидѣтельство существуетъ и о Чугуевскомъ городищѣ. Мы находимъ его въ слѣдующихъ словахъ царской грамоты 1641 г.: „въ прошломъ 146 (1638 г.) пришелъ въ наше Московское государство изъ Литовскія стороны Гетманъ Яцко Остренинъ, а съ нимъ сотники и рядовые Черкасы“.... (просили) „для крестьянскія вѣры отъ погубленья избавить и устроить ихъ на вѣчное житье на Чугуево городище,... а городъ и острогъ поставятъ сами“ [3]). Излишнимъ считаемъ повторять, что эти данныя неопровержимо доказываютъ существованіе указанныхъ городищъ до заселенія слободской Украины. Если мы теперь бросимъ взглядъ на карту, то системность и цѣлесообразность въ размѣщеніи городищъ, о которой мы говорили и раньше, выступаетъ еще сильнѣе: линіи укрѣпленій—Удская и Донецкая не только имѣютъ связь между собою, но и съ тѣми, которыя указаны выше. Звѣномъ для первыхъ двухъ служитъ городище Кабаново, при сліяніи Удъ съ Донцомъ: „а на усть Уды Кабаново городище, по лѣвой странѣ, отъ устья версты съ 2“ [4]). Замкнувшись этимъ городищемъ, Удская и Донецкая

---

[1]) Книга, глаголемая Большой Чертежъ. Стр. 32.

[2]) Книга, глаголемая Большой Чертежъ. Стр. 30—31.

[3]) Историко-Статист. Описаніе Харьк. Епархіи, ч. IV, стр. 280, 283, 282 примѣч. 5 и 36.

[4]) Книга, глаголемая Большой Чертежъ. Стр. 32

линіи при посредствѣ укрѣпленій Мохначевскаго и Зміевскаго соединяются съ рядомъ городищъ по Можу-Коломаку. Относительно двухъ упомянутыхъ соединительныхъ пунктовъ имѣются указанія въ Книгѣ Б. Чертежа, которыя гласятъ: „А ниже Кабанова городища, съ Крымской страны, въ низъ по Донцу Мухначево городище, отъ Кабанова верстъ съ 5“. „А ниже Мжа на Донцѣ, съ Крымской страны Зміево городище, а Зміевъ курганъ тожъ; отъ Мжа версты съ 2“ [1]). Если мы прослѣдимъ теченіе рр. Удъ и Донца далѣе къ ихъ верховьямъ, то найдемъ на первой близь границы Курской губерніи городище, которое въ ранѣе приведенной росписи 1571 г. названо Павловымъ селищемъ [1]), а по Донцу Нежегольское и Бѣлгородское [2]). Къ несчастію, мы не имѣемъ свѣдѣній о городищахъ Курской губерніи. Извѣстно только, что на р. Ворсклѣ существуетъ городище Хотымыжское [3]), которое могло служить соединительнымъ звѣномъ окраинныхъ линій съ внутренними—Ворсклянской и Локнинско-Псіольской. Если читатель припомнитъ теперь связь всѣхъ изложенныхъ нами данныхъ, обратитъ вниманіе, что въ Московскій періодъ нашей исторіи дѣлались разъѣзды, строились городки, были крѣпости лѣсныя и болотныя [4]), то едвали возможно (просто даже невозможно) отрицать, что и въ домонгольскій періодъ дѣлалось тоже, ибо одинаковыя обстоятельства жизни производятъ на свѣтъ и тѣ-же самыя слѣдствія: населеніе стояло въ обоихъ періодахъ въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ—были Половцы, явились Татары. Возраженіе, что лѣтопись не говоритъ намъ о какихъ-либо другихъ городахъ въ данной мѣстности, кромѣ Донца, не имѣетъ силы: мы говорили раньше [5]) и снова повторяемъ, что она не интересуется весьма многимъ, или, говоря иначе, интересуется

---

[1]) Историко-Статист Описаніе Харьков. Епархіи. ч. II, стр. 148.

[2]) „а промежъ Нежеголи и кладязя Нежегольскаго, на Крымской странѣ, на Донцѣ, городище Нежегольское“. (К. гл. Б. Ч. стр. 30). Рус. Ист. Сборникъ. 1838 г. т. III, кн 2. Пассекъ Курганы и городища Харьков., Валков. и Полтав. уѣздовъ. Стр 217 и Книга глаголемая Большой Чертежъ. Стр. 28 и 238.

[3]) Списки населенныхъ мѣстъ. Курская губернія. Спб. 1868 г. стр. XIII. О городищахъ. Морозова. Стр. 14.

[4]) См. главу I.

[5]) См. главу I.

весьма немногимъ. Напротивъ, иногда случайно сообщаемые ею факты, имѣютъ громадное значеніе. Къ числу такихъ относится напр. существованіе города Донца, о чемъ мы говорили выше. Имѣется еще одно такого же рода лѣтописное указаніе, получающее въ соединеніи со всѣмъ прежнимъ большую силу. На сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ на него мало обращали вниманія. Вотъ что разсказываетъ намъ лѣтопись подъ 1174 г.: „Того-же лѣта, на Петровъ день, Игорь Святославичь совокупивъ полкы свои, и ѣха *в поле за Ворсколь, и стрѣте Половцѣ, иже ту ловять языка*; изѣмша ѣ, и повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Концакъ шлѣ къ Переяславлю. Игорь же слышавъ то поѣха противу Половцемъ, и *перепха Въросколь у Лтавы къ Переяславлю*, и узрѣшася с полкы Половѣцькыми“.... [1]). Поэтому извѣстію, Игорь Святославичъ случайно наткнулся на Половцевъ, которые ловили языка, на пространствѣ между Ворсклою и Коломакомъ. Мы говоримъ такъ потому, что послѣ распросовъ половецкаго плѣнника онъ тотчасъ-же переправляется чрезъ Ворсклу у Лтавы, теперешней Полтавы [2]), а для сего ему необходимо было подойти къ р. Коломаку. Посмотримъ теперь, какъ объясняетъ это сообщеніе г. Бѣляевъ. „Это извѣстіе, говоритъ онъ, кромѣ Серебряпаго, упоминаетъ еще о Лтавѣ на Ворсклѣ, слѣдовательно указываетъ, что Переяславльскія владѣнія на юговостокъ выдвигались не только за Сулу, но даже и за Ворсклу, ибо за Ворсклою Игорь встрѣтилъ Половцовъ, которые ловили тамъ языка, т. е., *искали тамошнихъ жителей, чтобы узнать отъ нихъ нужныя для себя вѣсти или употребить ихъ проводниками; а отсюда мы видимъ, что на Ворсклѣ еще не жили Половцы, иначе-бы имъ не за чѣмъ было ловить здѣсь языка*“... [3]). Намъ кажется, что Игорь шелъ изъ своихъ Сѣверскихъ владѣній и разъ уже переправился чрезъ Ворсклу, которая, какъ мы видѣли раньше имѣетъ направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ и только, приблизительно, около Скельскаго городища поворачиваетъ на югъ, такъ что была на пути сѣверскихъ князей въ степи. Сейчасъ за ней имъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 387.

[2]) Погодинъ. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. т. IV, стр. 281. Барсовъ. Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи. Стр. 115—116.

[3]) Записки Имп. Рус. геогр. Общ. кн. VI. 1852 г. Бѣляевъ. О географич. свѣдѣніяхъ въ др. Руси. Стр. 95.

приходилось переправляться за Мерлъ. Тутъ-то, точнѣе опредѣляя мѣстность, между этими двумя рѣками, и наткнулся Игорь на Половцевъ, а потомъ уже, въ силу собранныхъ свѣдѣній, двинулся южнѣе и повернулъ на западъ къ Лтавѣ. Что сѣверскіе князья ходили въ степи, держась этого южнаго направленія, видно изъ извѣстія лѣтописи подъ 1183 г., когда Игорь, собравши Сѣверскихъ князей, пошелъ въ степи, „да яко бысть за Мерломь и срѣтеся с Половци“... [1]). Стало быть опъ шелъ по тому-же пути, что́ и въ 1174 г.. Слѣд. тѣ, кто долженъ былъ служить языкомъ для Половцевъ въ 1174 г., жили гдѣ-то между Ворсклой и Мерломъ. Область между теченіемъ послѣднихъ не относилась уже къ переяславскимъ владѣніямъ. Можетъ быть, въ то время, когда Курское княженіе причислялось къ Переяславлю, и эта полоса земли терпѣла ту-же участь, но со второй четверти XII в., когда Курскъ съ Посемьемъ отошелъ во власть Сѣверскихъ князей, вмѣстѣ съ нимъ отошла и вирско-локнянская линія, должна была отойти и вся мѣстность прямо на югъ, тотъ приблизительно четыреугольникъ, который заключается съ востока Донцомъ, а съ юга Можемъ и Коломакомъ. Что эту боевую, какъ мы выразились, область сѣверскіе князья считали порученною ихъ защитѣ, видно изъ ихъ походовъ за Мерлъ. По нашему мнѣнію, переяславскія владѣнія крайнимъ своимъ предѣломъ на востокъ имѣли Лтаву, т. е., Ворскла служила имъ границей, начиная съ поворота на югъ. Все къ востоку, теченія Псла, Ворсклы, Мерла, состояло въ распоряженіи князей сѣверскихъ. Спѣшимъ сказать, что признаемъ эту мѣстность не дѣйствительной областью Сѣверскаго княжества: эта область была боевая и только находилась въ вѣдѣніи сѣверскихъ князей. Тѣ, кого старались поймать Половцы, составляли пограничную стражу, расположенную по городкамъ. Какъ и послѣ, въ періодъ татарскій, на ихъ обязанности лежало дѣлать разъѣзды, наблюдать за движеніемъ въ степи. Весьма возможно, и даже необходимо, что въ этихъ укрѣпленныхъ пунктахъ жило и мирное населеніе, занимавшееся различными промыслами. Намъ кажется, что *въ пустынь языка ловить нельзя*. Собственно, защита Сѣверской территоріи выпала на долю населенія Курскаго удѣла. Эта постоянная готовность отразить врага, постоян-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 426.

ное столніе на стражѣ родной земли съ оружіемъ въ рукахъ, выработали изъ Курянъ хорошихъ воиновъ. Припомнимъ слова Всеволода Курскаго, сказанныя имъ Игорю Святославичу, о воинственности и боевой готовности курскаго населенія. Мы приведемъ вторую половину этой характеристики, имѣющую значеніе и въ нашемъ вопросѣ. *Пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаемы*, луци у нихъ напряжени, тули отворены, сабли изъострены; сами скачютъ, аки сѣріи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы“ [1]). Сказано это въ 1185 г., но знаніе степныхъ путей, всѣхъ степныхъ овраговъ, можетъ быть пріобрѣтено только долгой сторожевой службой, долгимъ „рысканіемъ въ полѣ“. „Въ этихъ чертахъ нельзя не узнать привычнаго къ тревогамъ и опасностямъ порубежника, угрожаемаго нападеніемъ отъ враговъ хищныхъ и коварныхъ. Если порубежникъ вынужденъ былъ строить свой домъ такъ, чтобы онъ служилъ въ случаѣ опасности надежнымъ убѣжищемъ и защитою отъ непріятеля, если выѣзжая въ поле или въ лѣсъ, онъ долженъ былъ вооружаться и производить работы съ соблюденіемъ предосторожностей,—то само собою разумѣется, онъ зорко присматривался къ каждому предмету, чутко вслушивался въ каждый звукъ, заучалъ до послѣднихъ мелочей всѣ особенности каждаго холмика, каждой рытвины, и такимъ образомъ, ему становились всѣ пути вѣдоми, а яруги знаеми, и привыкалъ онъ держать всегда на готовѣ заостренную саблю и натянутый лукъ“ [2]).

---

[1]) Хрестоматія по Рус. Исторіи. Аристова. Стр. 1267.

[2]) Списки населенныхъ мѣстъ. Курская губернія. Стр. XVI.

III.

Русь и кочевники.

Совершенно другой вопросъ представляетъ,—съ какого времени и какъ образовалась эта боевая область съ своими оборонительными линіями. Нѣкоторые факты даютъ возможность прослѣдить постепенность этого образованія укрѣпленныхъ линій и движеніе военной колонизаціи на югъ. Въ 1147 году мы находимъ слѣдующее извѣстіе въ нашей лѣтописи: „и посажа посадникы свои Глѣбъ Гюргевичь по Посемью за полемъ, и *у Выря; Половци мнози ту заходиша ротъ с нимъ*“ [1]). Ясно, такимъ образомъ, что около Выря, т. е., сейчасъ за вирско-локнянской линіей, въ первой половинѣ XII в. существовали кочевья половецкія. Въ этотъ-же періодъ времени произошли крупныя набѣги на Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій и Вырь [2]). Послѣ 1147 г. мы не встрѣчаемъ уже большихъ набѣговъ: происходятъ отдѣльныя сшибки, въ которыхъ перевѣсъ остается на сторонѣ Сѣверянъ. Такъ въ 1160 г. Святославъ Ольговичь разбилъ Половцевъ, при чемъ погибъ ихъ князь, Сантузъ. Въ 1167 г. Олегъ Святославичъ дрался съ Бонякомъ и снова разбилъ враговъ. Въ 1168 г. Ольговичи ходили на Половцевъ и во время лютой зимы захватили вежи князя Кози и Беглюка [3]). Мы не знаемъ, въ какую мѣстность предпринимались эти походы, равнымъ образомъ, и какую они имѣли цѣль. Но значеніе ихъ выясняется изъ сопоставленія другихъ фактовъ. Въ сороковыхъ годахъ XII ст., какъ мы ви-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 251.

[2]) Лавр. лѣт. стр. 239, 241. (Поученіе Мономаха) и Ипат лѣт. стр. 198.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 346, 361, 364.

дѣли, половецкія кочевья были у самаго Выря. Нечего говорить, что область къ югу тѣмъ болѣе должна была находиться во власти кочевниковъ. Въ 1111 г. въ области Донца князья нашли враговъ въ жителяхъ городковъ, Шаруканя, Сугрова. Хотя, какъ мы скажемъ ниже, населеніе ихъ не принадлежало, собственно, къ половецкому племени, но эти городки находились, во всякомъ случаѣ, во власти враговъ Руси [1]). На основаніи уже этой зависимости можно заключить, что въ этой мѣстности были половецкія кочевья. Ясное-же указаніе на это даетъ намъ лѣтопись подъ 1109 г.: „в то же лѣто, мѣсяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичъ взя вежи Половецкие *у Дона*; 1000 вежь взя послани Володимеромъ княземъ [2])“. Еще и въ 1170 г. между Самарой, Донцомъ и Осколомъ кочевали Половцы, что видно изъ данныхъ, сообщаемыхъ лѣтописцемъ о походѣ Мстислава Изяславича: „и взяша вежѣ ихъ на Углѣ рѣцѣ, а другыѣ по-Сноиороду, а самѣхъ постигоша въ Чорнего лѣса.... Бастии же и инии мнози гониша по нихъ и за Въсколъ [3])“... Такимъ образомъ, было время, когда весь указанный нами четыреугольникъ состоялъ въ зависимости отъ Половцевъ. Но уже въ семидесятыхъ годахъ XII в. мы видимъ совсѣмъ иное. Въ 1174 г., какъ выше указано, Половцы между Коломакомъ и Ворсклой ловятъ языка, слѣд. мѣстность эта уже имъ не принадлежала: надо было въ ней дѣлать развѣдки, чтобы не наткнуться на Русскихъ. Въ 1183 г. сѣверскіе князья идутъ на Половцевъ и только за р. Мерломъ встрѣчаютъ Обовла Костуковича, который шелъ на Русь. „Половцы оборотилися противу Рускимъ княземь, и мы без нихъ кушаимся на вежахъ ихъ ударити [4])“, говорятъ князья Сѣверянъ. Идя съ цѣлью забрать вежи, князья не находятъ ихъ на всемъ пространствѣ отъ Выря и до Мерла, да и Обовла Костуковича встрѣчаютъ за послѣдней рѣкой потому только, что онъ шелъ уже на Русь, а вежи, кочевья, стало быть, начинались еще

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 192—193. О мѣстонахожденіи названныхъ городковъ см. у г. Аристова: „О землѣ Половецкой“; Барсова: „Очерки рус. Историч. Географіи“ и главу IV настоящаго сочиненія.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 188.

[3]) Ibidem. стр 369.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 427.

южнѣе. Посмотримъ, наконецъ, какъ двигается Игорь Святославичъ въ 1185 г., во время своего знаменитаго похода. Начиная отъ Новгорода Сѣверскаго до самой переправы чрезъ Донецъ у Зміевскаго городка, онъ шелъ тихо, собирая дружину: „тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою“ [1]). Затѣмъ онъ „перебреде Донѣць, тако приде ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода [2])“... Отсюда ясно видно, что до р. Оскола не было опасности со стороны враговъ, потому что въ противномъ случаѣ нельзя было идти такъ неосторожно, собирая отдѣльныя отряды, которые подходили постепенно; Игорь не рѣшился идти за Осколъ, не соединивши окончательно всѣхъ своихъ силъ, слѣд. вражеская сторона и начиналась за этой рѣкой. Если Игорю пришлось переправиться, чрезъ Донецъ, чтобы достигнуть Оскола, то, очевидно онъ шелъ по правой сторонѣ, именно къ области нашего четыреугольника. Мы не знаемъ способа движенія Всеволода, но путь, которымъ онъ двигался, очевидно, шелъ по лѣвой сторонѣ Донца [3]). Если князья назначили мѣстомъ соединенія, гдѣ Осколъ сли-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 431. Аристовъ. О землѣ Половецкой. Стр. 224. У г. Аристова тутъ маленькая неточность. См. слѣд. примѣчаніе.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 431.

[3]) По нашему крайнему разумѣнію, нельзя согласиться съ толкованіемъ извѣстія лѣтописей объ этомъ походѣ, сдѣланнымъ г. Аристовымъ. Уважаемый историкъ сдѣлалъ ошибку, говоря, что 1) Игорь соединился съ князьями у Переяславля, 2) изъ Переяславля Игорь двигался сѣвернѣе, чѣмъ Мономахъ въ 1111 г., именно шелъ на Бѣлгородъ (?), 3) Игорь шелъ на возвышеніе между Донцомъ и Осколомъ. Оригинальнымъ, первоначальнымъ разсказомъ объ этомъ походѣ должно считать помѣщенный въ Ипатьевской лѣтописи. Достаточно сличить ея сказаніе съ разсказомъ Лаврентьевской, чтобы безповоротно убѣдиться въ этомъ. За это говоритъ цѣльность разсказа Ипатьевской лѣтописи, его драматичность. Извѣстіе Лаврентьевской сокращено и отличается сухостью. Въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ: „В то-же время Святославичь Игорь, внукъ Ольговъ, поѣха из Новагорода, мѣсяца Апрѣля въ 23 день, во вторникъ, поймя с собою брата Всеволода ис Трубецка и Святослава Ольговича сыновця своего изъ Рыльска, и Владимѣра сына своего ис Путивля“.... (430—431). Ясно, что Игорь собралъ всѣхъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, а не въ Переяславлѣ. Кромѣ точности этого извѣстія, въ его пользу говоритъ и неестественность

вается съ Донцомъ, то значитъ вполнѣ были увѣрены, что вся мѣстность отъ Новгородсѣверской области до Оскола не была занята врагами. Князья, соединившись, дошли до р. Сольницы или Тора, и тутъ

факта, сообщаемаго Лаврентьевской: „и сняшася у Переяславля"... (6576). Для чего Игорю нужно было идти въ Переяславль, затѣмъ тащить туда всѣхъ князей изъ Курска, Рыльска, Путивля, и снова двигаться назадъ? Г. Аристовъ выражается, что Игорь шелъ сѣвернѣе Мономаха, но это „сѣвернѣе" является кругомъ на Бѣлгородъ въ нѣсколько сотъ верстъ. Предположеніе было-бы возможно, если-бы Игорь княжилъ въ Переяславлѣ, но тамъ былъ Владиміръ Глѣбовичъ (И. Л. 426), стало быть, не зачѣмъ ему было колесить изъ Новгорода въ Переяславль, отсюда на Бѣлгородъ и потомъ къ Осколу. 23-го апрѣля выѣхалъ Игорь изъ Новгорода, а не изъ Переяславля. 1-го мая онъ не былъ еще у Донца, когда случилось затменіе, ибо въ Ипат. лѣтописи читаемъ: „*Идущимъ-же имъ* (а не „*пришедшимъ*") к Донцю рѣкы в годъ вечерний, Игорь воззрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще, яко мѣсяць".... (И. Л. 431), слѣд., это случилось на дорогѣ между Новгородомъ и Донцомъ. Слова: „и то рекъ перебреде Донѣць"—не показываютъ вовсе, чтобы переходъ случился тотчасъ послѣ ихъ произнесенія. Стало быть, нельзя сказать, что Игорь пришелъ изъ Переяславля къ Донцу менѣе, чѣмъ въ недѣлю, не говоря уже, что, идя изъ Переясловля на Бѣлгородъ, нѣтъ возможности достигнуть Донца и *болѣе*, чѣмъ въ недѣлю. Далѣе, Игорь не могъ идти по лѣвой сторонѣ Донца. Если онъ шелъ по лѣвой сторонѣ и переправлялся чрезъ Донецъ, то значитъ попадалъ на правую, оставляя Осколъ назади, такъ какъ послѣдній впадаетъ въ Донецъ съ лѣвой. Чтобы попасть къ Осколу и непремѣнно совершить переправу чрезъ Донецъ, онъ долженъ былъ идти сначала по правой сторонѣ его, затѣмъ переправиться на лѣвую, и потомъ прямой путь къ Осколу, около котораго и произошло соединеніе Игоря съ Всеволодомъ. Мы видѣли, что и прежде Игорь ходилъ къ Мерлу, т. е., изъ Новгорода-Сѣверскаго прямо на югъ. Этимъ путемъ, очевидно, онъ шелъ и теперь, только ближе къ Донцу, и затѣмъ, повернувъ на востокъ, переправился чрезъ него къ Осколу. Если-бы Игорь шелъ по лѣвой сторонѣ Донца, то могъ-бы соединиться съ братомъ, Всеволодомъ, гораздо раньше Оскола, гдѣ-нибудь у верховьевъ этихъ рѣкъ. Если-же пунктомъ соединенія назначенъ Осколъ, стало быть, они не могли нигдѣ соединиться раньше. Отсюда выводъ, что Игорь шелъ по правой сторонѣ Донца; Всеволодъ изъ Курска прямымъ путемъ на югъ по лѣвой; по лѣвой сторонѣ Игорь шелъ, но только отъ Зміевскаго городка до Оскола.

только разъѣзды донесли имъ о близости Половцевъ. Однако и послѣ того русскія ополченія двигались цѣлую ночь и только на другой день, въ обѣденное время, нашли половецкія кочевья [1]). Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ данныхъ вытекаетъ само собою, что южная граница Сѣверной земли шла отъ устья р. Оскола Донцомъ до впаденія въ него р Можа, затѣмъ по теченію послѣдней, водораздѣломъ къ верховью Коломака и его берегомъ до р. Ворсклы. Теперь становятся понятными указанные нами выше походы сѣверскихъ князей: они имѣли цѣлью очищеніе отъ половецкихъ кочевьевъ мѣстности къ сѣверу отъ указанныхъ границъ. Съ каждымъ новымъ походомъ постепенно подвигались городки, забираясь все южнѣе и южнѣе. На сколько такой образъ дѣйствія превосходилъ всѣ другіе, обнаруживается весьма ясно изъ того, что и знаменитый походъ Мономаха 1111 года нисколько не могъ измѣнить положенія дѣлъ въ этой мѣстности, ибо городки Шарукань, Сугровъ, Балинъ оказываются во власти Половцевъ и въ 1116 г., когда они были взяты Ярополкомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Давидовичемъ [2]). Но надо предположить, что и послѣ того они снова были захвачены кочевниками, такъ какъ и въ 1147 г. Половцы занимали своими кочевьями всю область до самой вирско-локнянской линіи. Болѣе принесъ пользы походъ Мстислава 1170 г, когда кочевники были оттѣснены за Осколъ, но успѣхъ этого предпріятія въ немалой степени зависѣлъ отъ существованія уже сѣти укрѣпленій къ сѣверу отъ направленія похода.

Мы видѣли, что начало этой систематической борьбы съ Половцами сѣверскихъ князей и колонизаціи на югъ, можно датировать 1160 г. Обращаясь къ исторіи Сѣверской земли, ясно видимъ, что оно стояло въ связи съ внѣшней политикой этой области. Первый періодъ ея обособленнаго состоянія прошелъ въ борьбѣ за независимость—это время княженія Олега Святославича. Затѣмъ въ правленіе Всеволода Ольговича и Изяслава Давидовича, изъ которыхъ одинъ былъ искуснымъ политическимъ комбинаторомъ, хитрымъ выполнителемъ своихъ плановъ, другой—человѣкомъ, умѣвшимъ составить планъ, но не

---

[1]) Ипат. Лѣт. стр. 431. Преосв. Филаретъ. Историко-статист. описаніе Харьковской Епархіи. ч. V, стр. 115—116. Аристовъ. О землѣ Половецкой. (Извѣстія Нѣжинскаго Института. 1877 г.).

[2]) Ипат. лѣт. стр. стр. 204.

имѣвшимъ способностей его выполнить,—въ это время Сѣверская земля борется за равноправность своей княжеской семьи съ Мономаховой. Въ этой безплодной борьбѣ за Кіевъ ослабла окончательно область Святославичей. И вотъ среди нихъ являются князья, которые указываютъ на безполезность этой борьбы, на необходимость усиленія своей области внутреннимъ спокойствіемъ, въ то время какъ другая половина ихъ продолжаетъ эту борьбу и оканчиваетъ исчезновеніемъ семейства Давидовичей. Первымъ, усвоившимъ такой взглядъ на внѣшнюю политику своей области,—былъ Святославъ Ольговичъ. Но дѣйствительнымъ основателемъ политики сѣверскихъ князей въ отношеніи Половцевъ должно считать Олега Гориславича[1]). Никто изъ современныхъ князей не могъ знать лучше его характера Половцевъ, ихъ нравовъ и обычаевъ, ихъ боевой тактики, ибо никто изъ нихъ не жилъ такъ долго среди кочевниковъ, опираясь на нихъ какъ на единственную силу противъ своихъ враговъ. На основаніи этого знанія Олегъ и составилъ себѣ опредѣленный планъ отношеній къ врагамъ Руси, принесшій несомнѣнную пользу его области. Однимъ изъ правилъ этой политики Олега было—воздерживаться отъ безполезныхъ походовъ въ глубь степей. Онъ старается всѣми средствами отдѣлаться отъ нихъ. Такъ въ 1095 г. Олегъ, по требованію Святополка и Мономаха, двинулся въ походъ, но не соединился съ ними и не участвовалъ въ разграбленіи половецкихъ вежъ. Въ 1103 г. онъ на приглашеніе участвовать въ походѣ прислалъ лаконическое: не „здоровлю“. Также онъ отнесся и къ предпріятію Мономаха 1111 г.[2]). Заслуга Олега на пользу родной области увеличивается еще болѣе, если припомнимъ, что ему приходилось идти въ разрѣзъ съ взглядами своихъ современниковъ. Онъ старался вліять на кочевниковъ другимъ способомъ, чѣмъ громкіе походы, бывшіе только палліативами. Онъ не отказывается съ этою цѣлью принимать участія въ мирныхъ договорахъ съ ними и въ 1107 г. женилъ своего сына Святослава, на дочери половецкаго хана, Аэпы. Вмѣстѣ съ этимъ Олегъ старается предупреждать и отражать набѣги враговъ. Поэтому, отказываясь принимать участіе въ походахъ, онъ всегда соединяетъ свои силы съ

---

[1]) См. нашу „Исторію Сѣверской земли, Кіевъ 1881 г. гл. VI—IX;

[2]) Ипат. лѣт. стр. 158—159. 183.

другими князьями, когда дѣло идетъ о защитѣ границъ. Такъ въ 1107 г. Олегъ вмѣстѣ съ Мономахомъ отражаетъ Боняка и Шаруканя отъ Лубенъ. Въ 1113 г. онъ бьетъ Половцевъ у Выря [1]). Нужно было быть постоянно готовымъ, чтобы поспѣвать на всѣ угрожаемые пункты, но только такимъ образомъ можно было пріучить Половцевъ уважать русскія границы, когда бы они знали, что всюду встрѣтятъ готовый вооруженный отпоръ. Но Олегъ пошелъ дальше этого. Онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе сына половецкаго хана, Итларя. Это, вмѣстѣ съ отказомъ участвовать въ походѣ 1095 г. повлекло за собой обвиненіе въ измѣнѣ отечеству. „И Стародубу идохомъ на Ольга, пишетъ Мономахъ, *зане ся бяше приложилъ к Половцемъ* [2])“. Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ потребовали Олега на судъ въ Кіевъ „предъ епископами и игуменами, предъ боярами и горожанами“. Олегъ отказался явиться на такое судилище и результатомъ отказа была новая война [3]). Сѣверскіе князья и въ послѣдующее время постоянно держались политики, начертанной Олегомъ. До восьмидесятыхъ годовъ XII ст. мы не видимъ ихъ походовъ въ глубь степей: все ограничивается только мелкими стычками въ выше указанномъ нами районѣ. Съ большою неохотою они принимаютъ участіе въ тѣхъ движеніяхъ, которыя предпринимались Святославомъ, сидѣвшимъ на кіевскомъ столѣ, княземъ, принадлежавшимъ къ ихъ-же роду. Такъ въ 1183 г. Ярославъ черниговскій убѣждаетъ отложить походъ до лѣта, а когда лѣтомъ Святославъ снова зоветъ чернигово-сѣверскихъ князей, то они ему уже категорически заявляютъ: „далече ны есть пти внизъ Днѣпра, *не можемъ своѣе земли пусты оставити*, но же пойдеши на Переяславль, то скупимся с тобою на Сулѣ [4])“. Они не принимаютъ участія и въ походахъ 1184 и 1185 г., хотя движеніе въ этомъ случаѣ и направлялось къ Хоролу [5]). Только послѣ, благодаря удали новгородсѣверскихъ князей, предпринимается знаменитый походъ Игоря Святославича. Они понадѣялись на свои силы,

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 186 и 198.

[2]) Лавр. лѣт. стр. 241. (Поученіе Мономаха).

[3]) Ипат. лѣт. стр. 160.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 424, 426.

[5]) Ibidem, стр. 428—430.

на ослабленіе Половцевъ въ области Донца ихъ колонизаціей, но результатомъ его явилось полное пораженіе и опустошеніе Сѣверской области. Въ томъ-же 1185 году Кза разорилъ окрестности Путивля, а въ 1187 году Половцы сдѣлали набѣгъ и на Черниговскую область [1]). Такъ ослаблена была Сѣверская земля походомъ 1185 г. Святославъ Всеволодовичъ, сердившійся на чернигово-сѣверскихъ князей за ихъ неучастіе въ походахъ на Половцевъ, однако-же осудилъ это предпріятіе Игоря: „Не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю“, говоритъ онъ про сѣверскихъ князей [2]). Творецъ „Слова о полку Игоревѣ“ влагаетъ въ уста Святослава слова, въ которыхъ высказывается мнѣніе о рановременности этого похода. „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! говоритъ Святославъ въ „Словѣ“, рано еста начяла половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати [3])“. Только въ 1191 г. сѣверскіе князья могли снова собраться съ силами и предпринять новый походъ. Но тутъ Ольговичи дѣйствуютъ весьма осторожно. Они дошли только до Оскола, надо думать, до сліянія его съ Донцомъ, и, когда узнали, что Половцы ожидаютъ ихъ съ превосходными силами, ночью отступили [4]). Мы говоримъ, что эти походы предпринимались только въ періодъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ XII ст. До тѣхъ поръ такихъ предпріятій со стороны сѣверскихъ князей мы не видимъ: они стараются только быть всегда готовыми къ отраженію враговъ и въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ удачно. Такъ въ 1147 г., по извѣстію Никоновской лѣтописи, „в Новѣ городе Северскомъ, помощію божіею и пречистые Богородицы, биша Половцевъ [5])“. Вмѣстѣ съ этой оборонительной системой борьбы, нигдѣ такъ не поддерживаются родственныя связи съ Половцами, какъ въ Землѣ Сѣверской. Объ этомъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже.

Таковы были условія, давшія возможность Сѣверской области менѣе страдать отъ набѣговъ кочевниковъ. Если созданію оборонительной сѣти укрѣпленій способствовало географическое положеніе

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 440.

[2]) Ibidem, стр. 435.

[3]) Хрестоматія по Русской Исторіи. Аристова. Стр. 1272.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 452—453.

[5]) Никонов. лѣт. ч. II, стр. 103.

мѣстности, то другія благопріятныя условія были созданы самими сѣверскими князьями и поддерживались ими со всей энергіей. Въ этомъ ихъ заслуга.

Граница Сѣверской земли со стороны области Половцевъ продолжалась рубежемъ съ кочевниками земли Рязанской. Отъ устья р. Оскола граница несомнѣнно шла берегомъ этой рѣки до ея верховьевъ. Затѣмъ шелъ рубежъ рязанскій [1]). Мы уже говорили раньше, что между рр. Дономъ и Осколомъ пролегала какъ-бы большая дорога, перерѣзываемая на сѣверѣ теченіемъ Быстрой Сосны. Обращаясь къ историческимъ даннымъ, мы видимъ замѣчательное явленіе: населеніе располагается по лѣвымъ берегамъ рр. Дона и Сосны. Большая дорога остается не занятой. Мы не имѣемъ ни одного извѣстія, которое указывало-бы на существованіе поселеній къ югу отъ р. Быстрой Сосны. На лѣвомъ же берегу ея мы видимъ поселенія въ половинѣ XII в. „Приходиша Половцы на Резань *на быструю Сосну*, и многихъ плѣнивше идоша во своя", разсказываетъ Никоновская лѣтопись [2]). Еще раньше, именно въ 1146 г. мы находимъ на этой рѣкѣ городъ Елецъ [3]). Отсюда населеніе спускалось по Дону и Воронежу на югъ. Такъ мы имѣемъ указаніе, что по р. Воронежу были города, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ по имени. Это—Воронежь или Воронажъ. Когда въ 1177 г. Всеволодъ суздальскій разгромилъ Рязань, захватилъ и посадилъ въ тюрьмы ея князей, то одинъ изъ нихъ, Ярополкъ Ростиславичъ, убѣжалъ въ Воронежъ, и *„тамо прехожаше отъ града во градъ"*. Что эта область принадлежала Рязани, видно изъ того, что Всеволодъ требуетъ выдачи этого князя у рязанцевъ, что они и исполняютъ [4]). На существованіе городовъ и поселеній въ этой мѣст-

---

[1]) О рубежѣ Рязанской земли съ областью кочевниковъ говорилъ г. Иловайскій въ своей Исторіи Рязанскаго княжества. (Москва, 1858 г.). Но, такъ какъ мы позволяемъ себѣ *нѣсколько* не согласиться съ уважаемымъ историкомъ, то считаемъ не лишнимъ коснуться и вопроса о рязанскихъ границахъ.

[2]) Никон. лѣт. стр. 155, ч. II, подъ 1156.

[3]) Ibidem. стр. 93. Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи. Борсова. Стр. 71—72. Хотя извѣстіе Никонов. лѣтописи не согласуется съ сообщеніемъ Ипатьевской, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что перечисляемые ею города существовали.

[4]) Никон. лѣт. ч. II, стр. 236. Иловайскій. Исторія Рязанскаго кня-

ности указываетъ и тотъ фактъ, что Рязанскіе князья въ 1237 г., при появленіи Татаръ, „*не пустячи к городомъ*, ѣхаша противъ имъ в *Вороняжь*[1])“. Впослѣдствіи, въ концѣ XIII в. изъ этой области небольшая часть составила удѣлъ Липовецкій, о князьяхъ котораго мы имѣемъ извѣстіе въ Воскресенской лѣтописи подъ 1284—1285 г.[2]). Но есть данныя, указывающія, что рязанскія поселенія шли гораздо далѣе на югъ, въ область притока Дона, р. Хопра. Сохранилось три грамоты XIV в., говорящія объ извѣстномъ Червленомъ Ярѣ. Г. Иловайскій, на основаніи лѣтописныхъ извѣстій и отрывка „изъ сказки Козловскаго попа“, опредѣляетъ область Червленаго Яра слѣдующимъ образомъ: „Червленый Яръ въ тѣсномъ смыслѣ назывались: во первыхъ, рѣка, впадающая въ Донъ между Тихою Сосною и Битюгомъ; во вторыхъ часть берега при устьѣ Савалы, которая впадаетъ въ Хоперъ съ правой стороны, пониже р. Вороны. Потомъ это названіе распространилось на земли лежащія между тѣмъ и другимъ Червленымъ Яромъ; а въ XIV ст. подъ нимъ разумѣлось все степное пространство, заключенное между рѣками Воронежемъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной“[3]). О населеніи этой-то области и говорятъ намъ выше упомянутыя грамоты. Въ первой, принадлежащей митрополиту Ѳеогносту (1328—1353 г.)[4]), мы читаемъ: „Благословеніе Ѳеогноста..... къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ и къ попомъ и *ко всѣмъ христіанамъ*

жества. Стр. 60. Лавр. лѣт. 366. Ипат. лѣт. стр. 410. Матерьялы для историко-географическаго словаря Россіи, Барсова. Стр. 61.

[1]) Лавр. лѣт. стр. 487. Записки Имп. рус. геогр. Общества. 1852 г. кн. VI. Бѣляевъ. О географич. свѣдѣніяхъ въ др. Руси. Стр. 72.

[2]) Воскр. лѣт. стр. 176—8 ч. I.

[3]) Иловайскій. Исторія Рязанскаго княжества. Стр 141—144. „Черленый де Яръ усть Воронежѣ рѣки верстъ съ тридцать на низъ, а жильцы, когда на томъ бывались, того онъ не вѣдаетъ.... А другой де Черленый Яръ на рѣкѣ на Хопрѣ усть рѣки Савалы, а впала Савала ниже Вороны отъ Воронежскаго устья верстъ со сто“. (Изъ сказки Козловскаго попа. Прим. 149). „Тожъ минухомъ (послѣ Тихой Сосны) и Черленый Яръ рѣку и Бѣтюкъ рѣку и Похоръ (Хоперъ) рѣку“. (Изъ хожденія Пимена митрополита. Ibidem). Другія данныя мы приводимъ ниже.

[4]) Вестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Спб. 1872. т. I. Стр. 455, примѣч. 11.

Черленого Яру и ко всѣмъ городомъ, по Великую Ворону[1])". Вопросъ заключается въ томъ, къ какому времени должно отнести заселеніе этихъ мѣстностей? Приведенные документы явились по случаю спора, возникшаго между рязанскимъ и сарайскимъ епископами относительно интересующей насъ области: каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить её своей епархіи: „а вѣдаете, дѣти, пишетъ митрополитъ Ѳеогностъ, занеже *многажды* рѣчи и мятежъ были промежи двѣма Владыкама Рязанскимъ и Сарайскимъ, про передѣлъ тъй[2])". Оказывается, что этотъ споръ происходилъ еще при митрополитахъ Максимѣ и Петрѣ, которые считали эту область принадлежащей рязанской епархіи[3]). Митрополитъ Максимъ правилъ отъ 1293 г. до 1304 г.[4]), слѣд. существованіе населенія въ этой области восходитъ еще къ концу XIII в. При томъ, оно было не недавнее, такъ какъ имѣло своихъ поповъ, монастыри, словомъ, могло уже представлять часть епархіи. Въ своемъ исканіи этой области рязанскіе епископы опираются на давность, на исконность принадлежности Червленаго Яра къ Рязанской епархіи, а слѣд. и Рязанской землѣ, и этотъ фактъ признаютъ митрополиты Максимъ и Петръ въ своихъ грамотахъ, которыя, къ несчастію до насъ не дошли[5]). Въ этой давности убѣдился, наконецъ, и епископъ сарайскій, Софоній, и далъ отступную грамоту[6]). Какая-же давность

---

[1]) Акты Историч. Спб. 1841 г. т. I, № 1, стр. 1.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія Стр. 455, примѣч. 11.

[5]) „Нынѣ же пріѣхалъ ко мнѣ Владыка Рязанскій съ крилошаны своими, и привезъ ко мнѣ *грамоту* брата *моего Максима Митрополита*, а другую *грамоту* брата моего *Петра Митрополита*.... и явилъ ми и *третью грамоту Владыки Сарайскаго Софонія*, какъ то ся отступилъ того передѣла, что ся ему не вступати, *занеже не Сарайскій передѣлъ, но Рязанскій*". (Акты Ист. т. I, № 1, стр. 1). То-же самое и въ грамотѣ Митрополита Алексѣя около 1360 г. (Ак. Ист. т. I, № 3, стр. 4).

[6]) Отступная грамота епископа Софонія сохранилась въ видѣ списка и напечатана въ Истор. Обозр. Рязан. Іерархіи. Г. И. Воздвиженскаго: „и се азъ епископъ Сарайскій Софоній пишу сію граммоту.... отселѣ потомъ не вступатися *въ предѣлѣхъ Рязанской на Великую Ворону*, а еже вступлюся, осужденъ буду кононы. Того дѣла есьмь сію граммату далъ на

могла имѣть силу при рѣшеніи этого вопроса? Очевидно, принадлежность этой области къ рязанской епархіи и существованіе въ ней населенія должно было восходить *ко времени до образованія епархіи сарайской.* Послѣдняя была учреждена въ 1261 г.[1]), а слѣд. и колонизація Червленаго Яра вполнѣ была завершена до этого года. Если бы эта колонизація началась послѣ 1261 г., если-бы эта область не составляла части рязанской епархіи уже издавна, то споръ между двумя епископами никакимъ образомъ не могъ бы быть разрѣшенъ. Разгромъ Рязанской области отъ Татаръ произошелъ въ 1237 г., и промежутокъ времени до основанія сарайской епархіи составитъ всего 24 года (1261—1237 г.). Мы не находимъ возможности, чтобы за такой короткій періодъ успѣла колонизоваться такая отдаленная отъ Рязани область, какой былъ Червленный Яръ, при томъ колонизоваться такъ, чтобы составить часть епархіи съ приходами и монастырями. Въ 1237 г. вся мѣстность отъ Воронежа до Рязани была опустошена[2]), и странно было-бы, чтобы напуганное, разогнанное населеніе, сейчасъ послѣ погрома обратилось къ колонизаціонному движенію. Это было-бы совершенно неестественно. Устрашенный народъ, нѣсколько придя въ себя, способенъ бываетъ только занять свои старыя пепелища, что мы и видимъ въ области рр. Дона и Воронежа. Фактъ, примѣнимый при тѣхъ-же самыхъ обстоятельствахъ къ другимъ областямъ, имѣетъ полную силу и въ отношеніи Червленаго Яра. Только потомъ, гораздо позже, когда Русь освоилась съ Татарами, могло начаться и началось дѣйствительно движеніе русской колонизаціи на востокъ и юговостокъ. Жители Червленаго Яра также были разогнаны и, когда улегся первый ужасъ, когда Татары заняли южныя степи, только возвратились въ покинутые города и села. И такъ, по нашему крайнему разумѣнію, Червленый Яръ представлялъ изъ себя вполнѣ заселенную область до 1261 г., ибо въ противномъ случаѣ епископъ рязанскій не имѣлъ-бы на него права, а за короткій промежутокъ 24 лѣтъ колонизаціоннаго движенія въ такой силѣ, чтобы создать

утвержденіе". (Эти свѣдѣнія взяты нами изъ Исторіи Рязан. Княжества. Г. Иловайск го. Стр. 142, примѣч. 141).

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Стр. 456.

[2]) Воскр. Лѣт. ч. I, стр. 139.

города и монастыри, быть не могло. Мы рѣшаемся отодвинуть окончательное заселеніе Червленаго Яра, а тѣмъ болѣе начало колонизаціи въ эту область, еще далѣе, думаемъ, что ко времени нашествія Татаръ 1237 г. тутъ существовали уже города, и полагаемъ, что епископъ Рязани имѣлъ на своей сторонѣ еще болѣе солидную давность, чѣмъ та, которую мы привели въ нашихъ соображеніяхъ. Мы осмѣливаемся думать, что право рязанской епархіи на Червленый Яръ восходитъ ко времени отдѣленія ея отъ Черниговской епископіи. Это произошло между 1187 и 1207 г. [1]). Послѣ всего сказаннаго для насъ не будутъ уже казаться странными и невѣроятными два извѣстія Никоновской лѣтописи, имѣющія большую важность въ нашемъ вопросѣ и вполнѣ отвѣчающія сдѣланнымъ нами соображеніямъ. Подъ 1148 годомъ между прочимъ находится слѣдующее сообщеніе: „Князьже Глѣбъ Юрьевичь иде к Резани, *и бывъ во градѣхъ Черленого Яру и на Велицей Воронѣ*, и паки возвратися к Черниговскимъ княземъ на помощь [2])“. Эти данныя, сообщаемыя Никоновской

---

[1]) Голубинскій. Исторія Рус. Церкви. Москва 1880 г. т. I, ч. 1, стр. 574.

[2]) Въ Ипат. лѣтописи нѣтъ этого извѣстія, хотя изложеніе фактовъ въ ней отличается бо́льшими подробностями, чѣмъ въ Никонов. лѣтописи. Но нѣкоторыя неточности послѣдней не уничтожаютъ достовѣрности приводимаго ею факта. Дѣйствительно, Ипатьев. лѣтопись говоритъ: „*и в то время приде к нему* (Святославу Ольговичу) *Гльбъ изъ Суждаля Iюрьевичь*.. Далѣе слѣдуетъ походъ къ Курску, сдача его Глѣбу, взятіе Попаша, соединеніе Изяслава и Ростислава Мстиславичей и движеніе ихъ на Сулу; взятіе Всеволожа, осада Глѣбля, возвращеніе ихъ въ Кіевъ; затѣмъ: „*В томь же лѣтѣ ѣха Гюрьевичь Гльбъ и зая городокъ отень (Остеръ) у Изяслава*“; далѣе о попыткѣ его овладѣть Переяславлемъ. (Ипат. лѣт. стр. 250—253). Никоновская лѣтопись не знаетъ всѣхъ подробностей этой компаніи и мало знакома съ южной топографіей, но факты по исторіи Рязани ей болѣе извѣстны, чѣмъ лѣтописи Ипатьевской. Никонов. лѣтопись вставляетъ это извѣстіе о посѣщеніи Глѣбомъ Червленнаго Яра между сдачей Курска и экспедиціей къ Переяславлю. (ч. II, стр. 104—105). Ипат. лѣтопись подтверждаетъ это тѣмъ, что, разсказавъ объ участіи Глѣба во взятіи Курска, далѣе совершенно молчитъ о присутствіи Глѣба у черниговскихъ князей, и послѣдніе дѣйствуютъ у ней одни. Затѣмъ снова является, неизвѣстно откуда, Глѣбъ. Гдѣ онъ былъ, объ этомъ и говоритъ Никоновская лѣтопись. Такимъ образомъ, ея извѣстіе служитъ прекраснымъ дополненіемъ.

лѣтописью нисколько не стоятъ въ противорѣчіи съ фактами и могутъ быть приняты за достовѣрныя. Другое извѣстіе весьма странное, крайне сомнительное, будучи поставлено въ одиночку, получаетъ нѣкоторый смыслъ въ ряду ранѣе приведенныхъ фактовъ. Подъ 1155 г. Никоновская лѣтопись повѣствуетъ: „тогоже лѣта приходиша Татарове *в Резань на Хапорть* и много зла сотвориша, овехъ избиша, а другихъ вплѣнъ отведоша [1])". Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Иловайскій, что здѣсь дѣло идетъ также о Половцахъ; а Хапорть испорченное названіе Хоперъ [2]). Очевидно, не безъ основанія этотъ фактъ отнесенъ къ XII ст. и постановка имени Татаръ вмѣсто Половцевъ могла явиться совершенно случайно, благодаря напр. тому, что запись событій, которой пользовались составители Никоновскаго свода, прошла, чрезъ многіе руки переписчиковъ, при чемъ позднѣйшій изъ нихъ, современникъ уже татарскихъ набѣговъ, совершенно непроизвольно сдѣлалъ замѣну одного имени другимъ. Эти два сообщенія Никоновской лѣтописи указываютъ на существованіе населенія въ области Червленнаго Яра еще въ срединѣ XII ст. Припомнивъ наши соображенія относительно спора епископовъ Рязани и Сарая, мы, кажется, должны будемъ придти къ выводу, что границы Рязанской области еще въ XII ст. заходили довольно далеко на югъ. Они могутъ быть опредѣлены теченіемъ рѣкъ такимъ образомъ: начиная отъ верховьевъ р. Великой Вороны внизъ по ея теченію, потомъ по Хопру, весьма возможно, до его устья, затѣмъ р. Дономъ до впаденія въ него съ правой стороны Быстрой Сосны, по теченію послѣдней и, наконецъ, сухопутьемъ до границъ Сѣверской земли. Все очерченное пространство, въ области рр. Хопра, Дона, Воронежа, не представляло изъ себя въ тѣ отдаленныя времена открытой степи, что доказывается остатками лѣсовъ, существующими и теперь по рѣчнымъ берегамъ [3]). Холмистая поверхность, вслѣдствіе прохода здѣсь Донецкаго кряжа, также могла способствовать борьбѣ населенія съ кочевниками. Къ какому же времени надо отнести это колонизаціонное движеніе, результатомъ котораго явились еще въ срединѣ XII в. поселенія по

---

[1]) Никонов. лѣтоп. ч. II, стр. 151.

[2]) Иловайскій. Исторія Рязан. княжества. Стр. 49, пр. 45.

[3]) См. главу I.

Великой Воронѣ, Хопру и Дону? Намъ кажется, что честь этой колонизаціи придется приписать не князьямъ земли Рязанской, а ея населенію. Эта колонизація не была княжеской. Весьма возможно, что она относится къ тому именно періоду исторіи Рязани, о которомъ не сохранилось въ лѣтописяхъ никакихъ извѣстій, и была вызвана стремленіемъ населенія къ югу, гдѣ до прибытія Половцевъ кипѣла торговля, когда Донъ игралъ важную роль, какъ торговый путь. Въ періодъ отъ 1123 г., когда въ Муромо-рязанской области явился отдѣльный князь, Ярославъ Святославичъ, до 1146 г., въ періодъ самый тихій въ исторіи этой земли, эта колонизація могла быть упрочена дѣятельностью рязанскихъ князей. Удаляя такъ эпоху колонизаціи, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ возможность существованія въ какое-бы то ни было время половецкихъ кочевьевъ къ сѣверу отъ приведенныхъ границъ и на югъ отъ р. Прони. Въ самомъ дѣлѣ, какія данныя мы имѣемъ для утвержденія этого факта? Лѣтописи не даютъ намъ ни одного извѣстія, которое могло-бы служить основаніемъ для этого вывода. Мы знаемъ только напр. такое мѣсто лѣтописи въ разсказѣ объ осадѣ Пронска Всеволодомъ Юрьевичемъ 1207 г.: „а самъ князь великый ста за рѣкою *с поля Половецьскаго* [1])“. Но, по нашему мнѣнію, это названіе могло явиться совершенно случайно, хотя бы потому, что когда-нибудь Половцы стояли здѣсь станомъ во время набѣга, или будучи призваны самими рязанскими князьями. Это могло быть просто урочище возлѣ города. Во всякомъ случаѣ на немъ нельзя основывать никакого заключенія. Нельзя отрицать, конечно, что кочевники прорывались сквозь южныя границы княжества и бывали въ своихъ набѣгахъ подъ самою Рязанью. Такъ въ 1148 г. „в Резани тысяцкій Константинъ многихъ Половецъ поби взагоне [2])“. Но не всегда, когда лѣтопись говоритъ: „приходиша Половцы на Резань“, должно разумѣть самый городъ, а скорѣе область цѣлаго Рязанскаго княжества. Такихъ извѣстій мы имѣемъ еще два: одно подъ 1187 г. и другое 1195 г.,—оба, отличающіяся стереотипностью [3]). Въ защитѣ родной области князья рязанскіе проявили не менѣе энергіи, чѣмъ

---

[1]) Лавр. лѣт. стр. 410.

[2]) Никонов. лѣт. стр. 106.

[3]) Ibidem, стр. 254 и 260.

ихъ сосѣди, Ольговичи. Мы привели только что извѣстіе Никоновской лѣтописи, указывающее на тотъ фактъ, что населеніе этой области привыкло къ борьбѣ съ кочевниками и, не дожидаясь своихъ князей, расправлялось съ хищниками подъ начальствомъ своихъ тысяцкихъ. Князья, не смотря на постоянныя почти неурядицы, слѣдятъ за безопасностью границъ своей земли и бьютъ Половцевъ. Такъ въ 1177 г. „князь Романъ Глѣбовичь Рязанскій изби много Половецъ [1])". Рядомъ съ этимъ предпринимаются походы въ глубь степей. Они начинаются довольно рано. Первый изъ нихъ относится къ 1160 г. Какъ можно судить по разсказу лѣтописи, причиной этого предпріятія было занятіе Половцами какой-то области можетъ быть Червленаго Яра и проникновеніе ихъ еще далѣе къ сѣверу. „Половцемъ-же разсыпавшимся вполе и *бѣжавшимъ во свояси*", говоритъ лѣтопись. Первая стычка произошла гдѣ-то за Дономъ и кочевники были оттѣснены *до Ржавцевъ* [2]). Въ настоящее время есть Ржавчикъ въ области р. Савалы, и р. Ржавка въ Саратовской губерніи [3]). Побѣда надъ Половцами дорого стоила князьямъ: они только съ немногими возвратились изъ этого похода. Въ немъ принимали участіе соединенныя силы князей рязанскаго, муромскаго, пронскаго и ростово-суздальскаго. Въ 1199 г. было предпринято новое движеніе въ степи. Инициатива въ немъ принадлежала Всеволоду Юрьевичу. Не за долго предъ этимъ князь Владиміра клязменскаго заставилъ ходить въ своей волѣ князей рязанскихъ, и, намъ кажется, цѣлью этого похода со стороны Всеволода было не болѣе, какъ снисканіе популярности у рязанскаго населенія. Предпріятіе кончилось ничѣмъ: Половцы не были даже разбиты, а спокойно удалились на югъ къ морю, чтобы съ уходомъ русскихъ ополченій снова безъ помѣхи придвинуться къ границамъ Рязанской области. Такимъ образомъ походъ могъ только раздражить кочевниковъ послѣ разоренія ихъ зимовищъ на берегахъ Дона [4]). Гораздо удачнѣе

---

[1]) Никон. лѣт. стр. ч. II, стр. 237.

[2]) Ibidem, стр. 178—179.

[3]) Списки населенныхъ мѣстъ Воронежской губер. № 2142 и Саратовской № 1320.

[4]) Никон. лѣт. стр. 271, ч. II.

было движеніе рязанскихъ князей въ 1205 г.: они взяли половецкія вежи [1]).

Вотъ все, что мы можемъ пока сказать объ отношеніяхъ земли Рязанской къ врагамъ южныхъ степей. Мы встрѣтили одинъ фактъ, весьма интересный, указывающій на развитіе воинственности въ рязанскомъ населеніи,—это фактъ борьбы самого населенія съ кочевниками. Рядомъ съ этимъ, благодаря постоянной борьбѣ съ врагами сѣверными и южными, Рязанцы были не чужды жестокости, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ развилась стойкость и свободная рѣзкость тона, съ какой они не боялись обращаться къ такимъ напр. врагамъ, какъ Всеволодъ суздальскій [2]). Но объ этомъ вліяніи сосѣдства кочевниковъ мы еще будемъ говорить.

Переходимъ теперь къ Переяславскому княжеству. Нашъ главный источникъ, лѣтописи, изобилуетъ извѣстіями о набѣгахъ Половцевъ на различныя мѣстности этой области, но изъ нихъ историкъ гораздо менѣе можетъ извлечь данныхъ, чѣмъ изъ тѣхъ отрывочныхъ, рѣдкихъ сообщеній, какія мы видѣли, говоря о земляхъ Сѣверской и Рязанской. Дѣло въ томъ, что данныя лѣтописи, касающіяся интересующей теперь насъ мѣстности, отличаются крайней стереотипностью. Объ одномъ и томъ-же пунктѣ вы находите нѣсколько извѣстій, но всегда въ одной и той-же формѣ, почти безъ всякихъ новыхъ подробностей, такъ что является уже какъ-бы одно извѣстіе, изъ котораго только можно узнать, что туда-то „приходиша Половци“ тогда-то и тогда-то. Такой характеръ лѣтописныхъ сообщеній не даетъ почти возможности для проведенія границы Переяславскаго княжества со стороны степей половецкихъ.

Мы раньше видѣли, что бо́льшая часть набѣговъ кочевниковъ выпала на долю Переяславскаго княжества. Этому способствовало его географическое положеніе, растянутость его границъ. Это была Украина, какъ называетъ эту область лѣтопись [3]), передовой постъ Русской земли со стороны степи, принимавшій на себя первые удары кочевыхъ массъ. Сильно страдало его населеніе; много терпѣли и князья этой области. „И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы,

[1]) Воскр. лѣт. ч. I, стр. 112.

[2]) См. отвѣтъ II онянъ этому князю въ 1207 г. (Лавр. лѣт. стр. 410).

[3]) „Разболѣся Володимеръ Глѣбовичь болѣстью тяжкою ею же скончася.... о немже Украйна много постона“. Ипат. лѣт. стр. 439. Владиміръ Глѣбовичъ былъ княземъ переяславскимъ.

разсказываетъ Мономахъ, и с дружиною своею, и многи бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода". Одна страница духовной этого князя, въ которой разсказывается о дѣятельности его въ Переяславлѣ, ясно показываетъ, живо рисуетъ намъ положеніе князей этой области, полное безпокойствъ, тревогъ и неустанной дѣятельности. Нужно было постоянно опасаться нападенія, незная даже, откуда оно прійдетъ, встрѣтить враговъ тамъ, гдѣ ихъ нельзя было ожидать. Половцы, иногда довольно большими партіями, пробирались въ самую средину княжества. „И ходихомъ за Супой и ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половечьскиѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхомъ с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и впидохомъ въ городъ" [1]). Князьямъ и дружинѣ приходилось не снимать съ себя оружія. Не смотря, однако-же, на энергію бо́льшей части сидѣвшихъ въ Переяславлѣ князей, борьба съ Половцами была неудачна для этой области. Не мало этому способствовало то обстоятельство, что Переяславль былъ тѣсно связанъ съ Кіевомъ, и всѣ междоусобія поэтому, возникавшія изъ-за кіевскаго стола, постоянно захватывали и это княжество. Боролись-ли Ольговичи съ Мономаховичами, шелъ-ли Юрій суздальскій оспаривать велико-княжескій столъ у Изяслава Мстиславича,—войска враговъ непремѣнно захватывали территорію этого многострадальнаго княжества. Вниманіе правившихъ въ немъ князей постоянно отвлекалось отъ борьбы съ кочевыми врагами. Для нихъ не было никакой возможности воздвигать новыя укрѣпленія, когда приходилось заботиться лишь о возобновленіи старыхъ городовъ, разоряемыхъ и Половцами, и войсками князей сѣверскихъ и суздальскихъ. Вотъ почему мы не видимъ здѣсь наступательнаго движенія славянскаго племени, а напротивъ скорѣе постоянное отступленіе. Нужно удивляться, какъ вся Переяславская область не была стерта съ лица Русской земли и не сдѣлалась мѣстомъ половецкихъ кочевьевъ. Этому могло, пожалуй, воспрепятствовать только то обстоятельство, что выдвинулась довольно далеко колонизація изъ Сѣверской земли, и на правой сторонѣ Днѣпра образовался сильный оплотъ въ видѣ черноклобуцкихъ поселеній, такъ что Переяславское княжество было обнято двумя боевыми областями, а съ конца XII в. начинаегся и

---

[1]) Поученіе Мономаха (Лавр. лѣт. стр. 240).

періодъ, болѣе для него спокойный, ибо борьба идетъ на другихъ пунктахъ Руси.

Мы уже раньше говорили, что границы, намѣченныя лѣтописью для области племени Сѣверянъ, нельзя признать точными [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что славянскія поселенія нѣкогда занимали гораздо бо́льшее пространство на востокъ въ область рѣкъ Псла и Ворсклы. Это доказывается существованіемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ городовъ. Число ихъ, извѣстное намъ, весьма ограниченно. По совершенно случайнымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, можно указать: Лтаву (теперь Полтава) на Ворсклѣ, недалеко отъ впаденія въ нее Коломака [2]), Переволоку (Переволочна) [3]), на берегу Днѣпра, выше впаденія Ворсклы, Голтовъ (Голтва), при впаденіи р. Голтвы въ Пселъ [4]), Хоролъ, на рѣкѣ того-же имени [5]). Что всѣ эти города были результатомъ не колони-

---

[1]) См. главу I.

[2]) См. раньше и Максимовичъ. П. С. соч. т. II, стр. 359.

[3]) Лавр. лѣт. стр. 208. Барсовъ. Матеріалы для истор. географ. Словаря Россіи I, 157. Съ мнѣніемъ г. Погодина, что Переволока есть мѣстечко Переволочна на Удаѣ близь Прилукъ, основываясь на томъ, что въ лѣтописи эти два города стоятъ рядомъ, вмѣстѣ, нельзя согласиться, ибо лѣтопись говоритъ, что рать отъ Половцевъ была „повсюду" т. е., что они въ одно время нападали на различные пункты.

[4]) „И паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомь" (Поученіе Мономаха. Лавр. лѣт. стр. 240—1). Рѣка Голтва называется въ лѣтописи Голтой (Ипат. лѣт. стр. 192). Погодинъ. Изслѣд. лекціи и замѣчанія т. IV, стр. 266. Барсовъ, op. cit. стр. 52.

[5]) Есть извѣстія въ лѣтописи о р. Хоролѣ и городѣ Хоролѣ. Къ послѣднимъ принадлежитъ два слѣдующія лѣтописныя мѣста: 1) „томже лѣтѣ гонихомъ по Половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша". 2) „в суботу поидоша и быша на Хоролѣ и ту и сани пометаша". (Лавр. лѣт. стр 239, и Ипат. лѣт. стр. 192). Нельзя предположить, чтобы князья „пометали" сани въ пустынѣ. Городъ Хороль упоминается и въ книгѣ Большаго Чертежа: „а отъ Сулы на Хоролѣ отъ устья 20 верстъ градъ Хороль". (К. гл. Б. Ч. стр. 95) Появленіе этого важнаго источника въ Московскомъ государствѣ надо отнести, пожалуй, къ XVI ст. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ этотъ чертежъ былъ найденъ. „И тотъ старый чертежъ ветхъ, впредь по немъ урочищъ смотрѣть не можно, избился весь и развалился; *сдѣланъ былъ тотъ чертежъ давно при прежнихъ Государяхъ*". (К. гл. Б. Г. стр. 1).

зацiи, которая имѣла-бы мѣсто въ перiодъ занятiя степей кочевниками, а движенiя славянскаго племени въ доисторическое время, доказывается тѣмъ, что первый городъ, взятый Половцами, былъ Переволока въ 1092 г.[1]), слѣдовательно онъ существовалъ до ихъ появленiя въ южно-русскихъ степяхъ. Въ тотъ-же перiодъ мы видимъ и всѣ упомянутые города[2]), вслѣдствiе чего и ихъ возникновенiе придется отнести къ той-же докочевнической эпохѣ. Интересно, что эта мѣстность съ своимъ населенiемъ осталась внѣ попеченiй Владимiра св. во время укрѣпленiя имъ границъ своего государства. Онъ провелъ линiю укрѣпленiй по Сулѣ, и все, что было на востокъ за нею, оставлялось на произволъ судьбы. Но можно сказать утвердительно, по крайней мѣрѣ, что до конца XII в. населенiе въ области между рр. Ворсклой и Сулой сохранялось, потому что въ 1174 г. мы находимъ городъ Лтаву еще существующимъ[3]), Однако должно думать, что мѣстность у нижняго теченiя рѣкъ Ворсклы и Псла была на первыхъ-же порахъ отхвачена Половцами, вмѣстѣ съ взятiемъ Переволоки, и населенiе, можно предполагать, отступало къ среднему ихъ теченiю. Прочной, довольно сильной границей, которая долго выдерживала удары кочевниковъ, была р. Сула съ своими городами на правомъ берегу. Ея теченiя, собственно, и считалось предѣломъ Переяславскаго княжества. Но и за ней, мѣстность до р. Ворсклы, не признавалась еще вполнѣ вражеской стороной, не считалась очень опасной. На это указываетъ слѣдующiй разсказъ лѣтописи о походѣ на Половцевъ 1111 г: „а в пятокъ быша (Русскiе) на Сулѣ; в суботу поидоша и *быша на Хоролѣ и ту и сани пометаша;* а в недѣлю поидоша, в ню же хрестъ цѣлуютъ, и придоша на Псълъ и оттуди *сташа на рѣцѣ Голтѣ и ту пождаша и вои*, и оттудо *идоша Ворьскла, туже* завътра, въ среду,

---

[1]) Все же лѣто (1092).... и рать велика бяше отъ Половець отвсюду, взяша 3 грады, Пѣсочень, *Переволоку*, Прилукъ и многа села повоеваша по обѣма странома". (Лавр. лѣт. стр. 208).

[2]) Всѣ они упоминаются въ лѣтописи или въ концѣ XI или самомъ началѣ XII в., за исключенiемъ Лтавы, которую мы относимъ къ тому же времени, потому что въ противномъ случаѣ её нужно считать за поселенiе позднѣйшей колонизацiи, что невозможно, ибо видно здѣсь только отступленiе славянскаго племени.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 387.

хрестъ цѣловаша и възложиша всю свою надежю на хрестъ, со многими слезами [1])"... Очевидно, въ данномъ районѣ существовали еще укрѣпленные пункты, которые могли служить защитой въ случаѣ опасности отрядамъ, собиравшимся постепенно На Голтвѣ князья совокупляютъ уже всѣ свои силы, поджидаютъ другіе отряды, не рѣшаются двигаться мелкими частями. Стало быть съ этой рѣки начиналась уже бо́льшая опасность, но все-таки еще и не непріятельская область. Только на берегу Ворсклы князья цѣловали крестъ, поручали себя его защитѣ, ибо тутъ уже вступали на территорію, занятую половецкими кочевьями Такимъ образомъ, мѣстность между рр. Сулой и Ворсклой была такой-же боевой стороной, съ разбросанными укрѣпленными городками, какъ и область между Выремъ и Можемъ-Коломакомъ съ тою только разницею, что послѣдняя явилась результатомъ княжеской колонизаціи, а первая заключала въ себѣ старыя славянскія поселенія.

Судя по извѣстію лѣтописи, центръ поселеній Сѣверянъ, берега рѣки Сулы, дѣйствительно, оказываются покрытыми цѣлымъ рядомъ городовъ. При Владимірѣ Св., какъ извѣстно, было обращено вниманіе на укрѣпленіе ея побережья. Замѣчательно, что всѣ извѣстные намъ города размѣщены по правому берегу, за исключеніемъ одного Горошина. Самымъ сѣвернымъ укрѣпленнымъ пунктомъ является городъ Роменъ [2]); затѣмъ идутъ Коснятинъ [3]), Лубны [4]), Лукомль [5]); Горошинъ [6]), Буромля [7]). По одному факту, можно судить, что и послѣ, въ XII в., князья заботились о поддержаніи посульской боевой ли-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 192.

[2]) „...и ко Ромну идохъ со Ольгомъ и з дѣтми на ня"... (Лавр. лѣт. стр. 241. Поученіе Мономаха).

[3]) „....и Боякъ приде со всѣми Половци къ Коснятину, идохомъ за ня ис Переяславля за Сулу".... (Ibidem).

[4]) „...и потомъ паки на Боняка к Лубьну, и Богъ ны поможе".... (Ibidem).

[5]) Ипат. лѣт. стр. 415.

[6]) Лавр. лѣт. стр. 239.

[7]) „Буромль, а по книгѣ Большаго Чертежа *„градъ Буромля"*, хоть и не помянутъ древнимъ лѣтописаньемъ, но онъ, конечно, ровесникъ Лукомлѣ и одного съ нимъ происхожденія". М. А. Максимовичъ. Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1877 г. т. II, стр. 344.

нін. Такъ въ 1116 г. Ярополкъ Владиміровичъ, князь переяславскій, построилъ городъ Желни и населилъ его плѣнными Дручанами [1]). М. А. Максимовичъ и вслѣдъ за нимъ г. Барсовъ признаютъ его въ теперешнемъ Жовнинѣ [2]), находящемся на правой сторонѣ Сулы, недалеко отъ ея впаденія въ Днѣпръ. Нѣсколько ниже Кснятина вливается въ Сулу р. Удай, по правому берегу котораго лежатъ и теперь города Пирятинъ и Прилуки [3]). Они сохранились до настоящаго времени. Но по большему числу городищъ, существующихъ на берегахъ Удая [4]), должно думать, что населеніе здѣсь было довольно густое. Мы не имѣемъ никакихъ указаній въ лѣтописи объ укрѣпленіяхъ по р. Супою, хотя было для нашего лѣтописца нѣсколько удобныхъ случаевъ упомянуть о нихъ. Не смотря на это, нѣтъ никакого основанія допустить, чтобы берега его были совершенно оставлены безъ защиты: Супой направляется прямо съ сѣвера на югъ и представляетъ самую близкую къ Переяславлю естественную защиту съ востока. Если мы на нижнемъ теченіи его находимъ городъ Песоченъ [5]), то тѣмъ болѣе должно предположить существованіе поселеній и укрѣпленныхъ пунктовъ на его берегахъ у верховьевъ и противъ Переяславля. Еще юж-

---

[1]) „В лѣто 6624. Ярополкъ Володимеричь сруби городъ Желни Дрьючаномъ, ихъже полони". Лавр. лѣт. стр. 275.

[2]) М. А. Максимовичъ. Собраніе Сочиненій, т. II, стр. 344. Барсова Матерьялы для историко-географическаго словаря Россіи, в. I, стр. 73. См. также, Погодина. Изслѣд., замѣч. и лекціи, т. IV, стр. 270.

[3]) Лавр. лѣт. стр. 325: „тогды же приде Глѣбъ Гюргевичъ со мьножьствомь Половець къ Переяславлю.... и тогды же ида взя Пирятинъ с Половци.— „....и ходихомъ за Супой, и ѣдучи к Прилуку городу".... Лавр. лѣт. стр. 239.

[4]) Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1856 г. ч. XI. Маркевичъ. Рѣки Полтав. губ. Стр. 365.

[5]) Ипат. лѣт. подъ 1092 г. стр. 150. Теперь Пещаное, Золотоношскаго уѣзда. Мнѣніе г. Погодина принять нельзя. (Изслѣд., замѣч. и лекціи, т. IV, стр. 265). Этому противорѣчитъ слѣдующее извѣстіе: „....в первое лѣто приде множьство Половѣць раздѣлившеся на двое,—одни пойдоша *къ Переяславлю* и сташа у Пѣсочна".... (Ип. лѣт. подъ 1172 г. стр. 371), а Лохвицкіе Пески отъ Переяславля черезчуръ далеко. См. также выше, прим. относительно Переволоки.

нѣе Песочна, на лѣвомъ берегу Супоя, можно полагать мѣстонахожденіе города Дмитрова [1]). Намъ кажется также, что предположеніе М. А. Максимовича относительно древности теперешняго Ташаня заслуживаетъ вѣроятія. „Ташань еще и въ исходѣ прошлаго столѣтія назывался городищемъ“ [2]). Положеніе его на правомъ берегу Супоя, въ 25 верстахъ отъ Переяславля, даетъ возможность видѣть въ немъ древній укрѣпленный пунктъ, защищавшій съ востока столицу княжества. Съ юга Переяславль былъ защищенъ валами. Это видно изъ разсказа лѣтописи о приходѣ въ 1095 г. половецкихъ князей Итларя и Китана на миръ къ Переяславлю: „и приде Итларь у городъ Переяславль, а Китанъ ста *межи валома* с вои,....“ [3]). Слѣды этихъ укрѣпленій существуютъ и до настоящаго времени. Великій валъ идетъ отъ Днѣпра, проходитъ въ 8-ми верстахъ къ югу отъ Переяславля, направляется къ селу Малымъ-Каратулямъ, Стрякову и далѣе къ Супою. Еще на десять верстъ южнѣе проходитъ малый валъ, соединяющійся затѣмъ съ великимъ [4]). Западная сторона Переяславля была прикрыта двумя городами: Глѣбовымъ и Демянскомъ [5]). Такимъ образомъ, мы видимъ три укрѣпленныя линіи: по Сулѣ, по Супою и по Трубежу. Но онѣ мало приносили пользы. Защищенный, повидимому, со всѣхъ сторонъ Переяславль часто подвергался посѣщеніямъ Половцевъ. Очевидно, мало принималось мѣръ для предупрежденія ихъ набѣговъ. До чего небрежно относились къ этому, видно изъ двухъ эпи-

---

[1]) ....„Придоша Измаилтяне безбожнѣи Половци на Русь ко Дмитрову“. (Ип. лѣт. стр. 424). Дмитровка, Золотоношскаго уѣзда.

[2]) Собраніе Сочиненій, т. II, стр. 348.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 158.

[4]) М. А. Максимовичъ. Собраніе Сочиненій, т. II, стр. 340—341.

[5]) Въ плѣну половецкомъ Игорь каялся: „яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля“.... (Ипат. лѣт. стр. 433). Глѣбова не должно смѣшивать съ Глѣбломъ, какъ это сдѣлано въ указателѣ къ Ипат. лѣтописи. Теперь это Глѣбовка (Борисовка) на Альтѣ въ 4 верстахъ отъ Переяславля. (См. Списки насел. м. Полт. губ. № 3142).—„Того-же лѣта придоша Половцы, и воеваша Деменескъ, и придоша к Переславлю“.... (Никон. лѣт. стр. 148, ч. II). Теперь Демянцы въ 5 верстахъ отъ Переяславля. (Барсовъ, Матерьялы для ист,—геогр. Словаря Россіи, в. I, стр. 60).

зодовъ, занесенныхъ въ лѣтопись. Въ 1107 г. Боняк захватилъ коней подъ самымъ Переяславлемъ, а въ 1167 г. Половцы недалеко отъ этого города захватили нѣкоего Шварна со всей дружиной [1]). Кромѣ тѣхъ условій, о которыхъ мы говорили, не благопріятствовавшихъ Переяславцамъ въ ихъ борьбѣ съ кочевниками, мы замѣчаемъ еще и недальновидность политики князей, особенно въ первое время. Это сказывается напр. въ неумѣньи выбрать мѣсто для заключенія съ Половцами мирныхъ договоровъ. Половецкіе князья являлись на такого рода сдѣлки не одни, а съ большими силами. И вотъ вмѣсто того, чтобы стараться не пропускать ихъ дальше границъ, князья сами знакомятъ Половцевъ съ географіей Переяславскаго княжества. Такъ въ 1101 г. половецкіе князья прислали пословъ къ русскимъ, собравшимся на Золотчѣ, съ предложеніемъ о мирныхъ переговорахъ. Наши князья согласились съ условіемъ, чтобы Половцы собрались у Сакова, который лежалъ не только не на границѣ, но даже къ сѣверо-западу отъ Переяславля на берегу Днѣпра [2]). Кромѣ того, во время Мономаха и Святополка Изяславича, со стороны самихъ русскихъ происходили нарушенія международнаго права въ отношеніи Половцевъ. Воззрѣніе на нихъ, какъ на нѣчто низшее, проявляется не только у князей, но и дружины. Такъ въ 1093 г. кочевники, узнавъ о смерти Всеволода, прислали пословъ къ Святополку, какъ новому кіевскому князю, для возобновленія мирнаго договора. „Онъ, ізоімовъ послы всажа въ погребъ“. Конечно, результатомъ была осада Торческа [3]). Мономахъ поступилъ гораздо хуже. Въ 1095 г., какъ мы говорили, Итларь и Китанъ пришли къ Переяславлю на миръ. Первый довѣрчиво вошелъ въ самый городъ и почевалъ на сѣновалѣ у боярина Ратибора. Ночью, посовѣтовавшись съ своей дружиной, Мономахъ послалъ Торковъ въ станъ Китана. Они выкрали Святослава Владиміровича, бывшаго у него заложникомъ, убили его самого. Утромъ Владиміръ прислалъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 185, 361.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 181. Золотчей называлась одна изъ рѣкъ впадающихъ въ Днѣпръ противъ Кіева, а Саковъ—теперешній Сальковъ, село Переяслав. уѣзда, Полтав. губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра, нѣсколько выше Витичева. (Барсовъ. Матерьялы для историко-географ. словаря Россіи в. I, стр. 79, 181).

[3]) Ипат. лѣт, стр 152.

сказать Итларю, чтобы онъ шелъ завтракать къ Ратибору, а оттуда явился бы къ нему. Въ избѣ боярина половецкаго князя заперли, разобрали потолокъ и сквозь отверстіе убили стрѣлами вмѣстѣ съ приближенными. Разсказъ лѣтописи объ этомъ событіи отличается подробностями, указывающими, что онъ писанъ очевидцемъ. Лѣтописецъ старается оправдать Мономаха и всю вину свалить на совѣты дружины [1]), но это совершенно напрасно, ибо даже въ своемъ поученіи Мономахъ хвалится тѣмъ, что весьма немногихъ только половецкихъ князей выпустилъ живыми. Вотъ наприм. что̀ разсказываетъ онъ съ полнымъ хладнокровіемъ: „а самы князи Богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Акланъ Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй и инѣхъ кметий молодыхъ 15, *то тыхъ живы ведъ, испъкъ вметахъ в ту рѣчку въ Славлий* [2])". Перебивъ такъ низко половецкихъ князей, Итларя и Китана, Мономахъ и Святополкъ послали еще съ требованіемъ къ Олегу Гориславичу или убить, или выдать сына Итларя. Олегъ отказался [3]). Если Святополкъ и Мономахъ были выразителями взглядовъ современнаго имъ общества, то должно признать, что Олегъ Гориславичъ головой стоялъ выше ихъ всѣхъ. Послѣ, въ послѣдующія княженія, политика Кіева и Переяславля въ отношеніи Половцевъ измѣняется. Замѣчательно, что бо́льшее количество половецкихъ набѣговъ на Переяславскую область приходится на время княженія тамъ Мономаха. Въ 1096 г. Куря опустошилъ окрестности Переяславля; вслѣдъ за нимъ туда-же явился Тугорханъ. Тогда-же Куря сжегъ городъ Устье [4]). Въ 1110 г. Половцы воевали у Переяславля и сожгли много селъ. Въ 1092 г. они взяли Песочень, Прилуки и Переволоку. Къ этому же времени относится взятіе Горошина [5]). Вотъ—крупные

---

[1]) Ibidem, стр. 158—9.

[2]) Лавр. лѣт. стр. 241—242.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 159.

[4]) Городъ Устье находился при впаденіи р. Трубежа въ Днѣпръ. Въ 1867 г. при разливѣ Днѣпра здѣсь былъ открытъ водой остатокъ каменной древней церкви. По кирпичамъ видно, что она была построена въ IX в., слѣд., и городъ существовалъ уже въ то время. (Максимовичь. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 354).

[5]) Ипат. лѣт. 150, 161. Лавр. лѣт. стр. 208, 239. Относительно года взятія Горошина нельзя ничего сказать вѣрнаго. Поученіе Мономаха еще ждетъ разработки.

набѣги, извѣстные изъ лѣтописи. Но, несомнѣнно, было много и такихъ, о которыхъ наши источники не упоминаютъ, и при томъ довольно большими партіями. Такъ по разсказу Мономаха, какъ мы видѣли, онъ съ дружиной неожиданно встрѣтилъ около Прилукъ отрядъ Половцевъ въ 8000 человѣкъ [1]). Какое значеніе имѣли въ исторіи борьбы съ кочевниками походы въ глубь степей, объ этомъ мы скажемъ нѣсколько ниже. Далѣе, въ періодъ отъ 1126 до 1167 г., крупные набѣги, повторявшіеся чуть не каждый годъ, имѣли связь съ той упорной борьбой, которая происходила между князьями кіевскимъ, черниговскими и суздальскимъ. Изъ нападеній, происшедшихъ въ это время, намъ извѣстны: на Баручь 1126 г., въ 1150 г. на Переяславль; туда-же въ 1154 г. и 1167 г. [2]). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе число набѣговъ на Переяславское княжество уменьшается. Въ концѣ XII в., въ великое княженіе Святослава Всеволодовича, наступаетъ затишье. Къ этому времени относятся набѣги на Серебряный и Баручь, въ 1174 г, на Переяславль въ 1179 г., на Дмитровъ въ 1183 г., на Переяславль и Римовъ въ 1185 г., какъ слѣдствіе знаменитаго похода Игоря Святославича на Половцевъ [3]). Послѣднее нападеніе, извѣстное намъ, произошло въ 1210 г. Тогда Половцы явились къ Переяславлю, пожгли много селъ и взяли большое количество плѣн-

---

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 208, 281, 325, 361. Баручь теперь, по мнѣнію историковъ, Борисполь, мѣстечко Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи. См. Матерьялы для историко-географическаго словаря Россіи. Барсова. стр. 4. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Погодина, т. IV, стр. 271. Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 345.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 387, 415, 424, 436—7 Погодинъ Op. cit. стр. 281. Мѣсто Серебряннаго, дѣйствительно, трудно опредѣлить. Дмитровка, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, намъ кажется вполнѣ можетъ отвѣчать городу Дмитрову. См. Барсова Op. cit. стр. 61 и Погодинъ, стр. 283. Первый указываетъ на Дмитровку въ Миргородскомъ уѣздѣ, а второй считаетъ Дмитровъ городомъ Курской области. Но, по извѣстію лѣтописи, видно, что Дмитровъ находился въ Переяславской области, а въ Миргор. уѣздѣ есть деревня Дмитріевка, а не Дмитровка. Что касается Римова, то это село Полтавской губерніи, на границѣ уу. Лохвицкаго, Роменскаго и Прилуцкаго. (Барсовъ. стр. 172—3).

ныхъ [1]). Мы замѣчаемъ, что со второй половины XII в. набѣги становятся рѣже, хотя однако нельзя сказать, чтобы они сдѣлались менѣе опустошительны. Такъ въ 1179 г. у Переяславля Кончакъ „много зла створи крестьяномъ, онихъ плѣниша, а иныя избиша, множайшія-же избиша младѣнець [2])". Князья не успѣвали подавать вездѣ помощь. Это было совершенно невозможно. Населеніе городовъ защищалось само своими силами. Но трудно было устоять и укрѣпленіямъ. Вотъ какъ напр. геройски защищались жители Римова. „Римовичи-же затворишася в городѣ и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божиимъ судомъ, летѣста двѣ городници с людми, тако к ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ; да которѣи-же гражанѣ выидоша изъ града и бьяхуться ходяще по Римьскому болоту, то тѣ и избиша плѣна, а кто ся осталъ в городѣ и тѣ вси взяти быша [3])". Во всякомъ случаѣ въ этотъ періодъ Половцы дѣйствуютъ гораздо осторожнѣй, менѣе дерзко. Это обусловливалось, какъ мы сказали, измѣненіемъ политики Кіевскихъ князей. Кочевники являются на миръ только въ пограничныя мѣста. Такъ въ 1155 г. они пришли къ Каневу, въ 1156 г. къ Зарубу, въ 1172 г. къ Песочному [4]). Стоитъ князьямъ явиться у Треполя, какъ Половцы стараются поскорѣе убраться [5]). Не смотря на это, Переяславское княжество потерпѣло большой уронъ какъ въ своемъ народонаселеніи, такъ и въ своихъ границахъ. Своими успѣхами Половцы обязаны своему энергическому князю, Кончаку, заклятому врагу Руси. Лѣтопись иначе не называетъ его, какъ „окаяннымъ, богостуднымъ". Своею военною дѣятельностью, своею непримиримою враждою къ русскому народу, Кончакъ надолго сталъ памятенъ своимъ врагамъ. О немъ, несомнѣнно, были пѣсни, ходили разсказы, передававшіеся изъ устъ въ уста. Отрывокъ такихъ народныхъ преданій представляетъ разсказъ лѣтописи подъ 1201 г. Мы коснемся его еще нѣсколько ниже. Ненависть къ Руси онъ пріобрѣлъ отъ своего отца, загадочнаго Отрока, котораго походы Мономаха загнали на Кавказъ. Кончакъ принялъ на себя обѣтъ отмстить Руси, но именно

---

[1]) Воскр. лѣт. ч. I, стр. 117.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 436—437.

[3]) Ibidem. Стр. 330, 337, 333, 379, 454.

[4]) Ibidem. Стр. 414—415.

отмстить только Руси кіевской и переяславской. Когда въ 1185 г., послѣ пораженія Игоря Святославича, Кза уговаривалъ Кончака воспользоваться ослабленіемъ силъ Сѣверской земли, отсутствіемъ по ея городамъ князей и дружины, и напасть на нее, Кончакъ не согласился. „Пойдемъ на Киевскую сторону, говорилъ онъ, гдѣ суть избита братья наша, и квелиця князь нашь Бонякъ [1])“. Нападеніями на Русь 1174, 1179, 1184, 1185 и 1187 годовъ руководилъ Кончакъ. Какъ видно, это былъ человѣкъ выдающагося ума. Онъ не могъ не видѣть превосходства русскаго оружія и потому рѣшилъ ввести нѣкоторыя усовершенствованія въ своихъ войскахъ. Половцы разоряли укрѣпленія, но это имъ не всегда удавалось. Кончакъ для бо́льшей успѣшности своихъ нападеній на русскіе города ввелъ у себя греческій огонь, чтобы сжигать деревянныя укрѣпленія Русскихъ, и особенные луки, которые могли приводиться въ дѣйствіе едва пятьюдесятью человѣками [2]). Хотя первый походъ его въ 1184 г. не удался, и Русскіе захватили въ плѣнъ метателя „живаго огня“, но усовершенствованія не пропали, какъ видно, даромъ. Восточныя части Переяславскаго княжества были почти лишены укрѣпленій и народонаселенія. Лѣтопись говоритъ, что Кончакъ „снесе Сулу“ [3]). Это произошло раньше 1185 г. ибо Посулье въ Словѣ о Полку Игоревѣ поставлено въ числѣ утерянныхъ Русью областей. „Дивъ кличеть връху древа: велить послушати земли незнаемѣ: Влъзѣ и Поморію *и по Сулію*, и Сурожу, и тебѣ *тьмутораканьскый блъванъ*“ [4]). Половцы „по Рсіи и *по Сули грады подѣлиша*“ [5])…. Конечно, нельзя понимать этихъ извѣстій въ буквальномъ смыслѣ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ М. А. Максимовича, что даже и послѣ нашествія Татаръ Русь кіевская *и пере-*

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 435.

[2]) „Пошелъ бяше *оканьный* и *безбожный* и *треклятый* Кончакъ, со множьствомь Половець на Русь, похупся, яко плѣнити хотя грады Рускые и пожещи огньмь: бяше бо обрѣлъ мужа таковогo безурменина иже стрѣляше живымъ огньмь, бяху же у нихъ луци тузи самострѣлнии, одва 50 мужь можашетъ напрящи“. (Ипат. лѣт. стр. 428—429).

[3]) „Отъ него родившюся Кончаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву“. Ипат. лѣт. стр. 480.

[4]) Христоматія Аристова. Стр. 1267.

[5]) Ibidem. Стр. 1274.

яславская не подверглись окончательному запустѣнію [1]). Это доказывается тѣмъ, что мы находимъ въ XVI в. существующими тѣ-же самые города, какіе были и въ дотатарскую эпоху. Такъ книга большаго чертежа указываетъ на Сулѣ Буромлю, Горошинъ, Лукомль [2]). Если мѣстность окончательно лишается своего населенія, то не могутъ удержаться тѣ-же самыя названія поселеній, что̀ были за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ, какъ снова данная область начала заселяться. Преданіе можетъ держаться только при непрерывномъ преемствѣ *населенія, при такой-же передачѣ его* изъ уста въ уста. Отчего напр. мы въ той же мѣстности имѣемъ много городищъ безъименныхъ. Считая ихъ остатками древнихъ городовъ, мы должны, очевидно, думать, что населеніе ихъ въ неизвѣстное для насъ время окончательно оставило свои пепелища. Мы видимъ иногда города, основанные вновь на старыхъ городищахъ, но уже съ названіями совершенно новыми. Несомнѣнно въ такихъ случаяхъ, что старое населеніе въ давнюю эпоху покинуло свой древній городъ, памятникомъ котораго осталось городище безъ названія. Новые поселенцы не знали и не могли знать названія этого прежняго поселенія и окрестили свой городъ новымъ, своимъ именемъ. Стало быть, гдѣ только мы видимъ прежнія, старыя названія мѣстностей, мы имѣемъ полное право думать, что преемственность населенія данной мѣстности не прекращалась. Вотъ почему мы вполнѣ раздѣляемъ мысль г. Срезневскаго, *что за долго до усиленной колонизаціи были русско-славянскіе поселенцы въ южныхъ степяхъ* и память о степяхъ, знакомство съ мѣстностью юга не прерывалось [3]). Мы должны признать, что и населеніе Посулья не было окончательно уничтожено, а только сдѣлалось крайне рѣдкимъ, удержалось въ трудно доступныхъ мѣстахъ, лѣсныхъ и болотистыхъ [4]). Какъ-бы ни было, Переяславское княжество было страшно обезсилено. Мы раньше говорили, что нѣтъ никакой возможности точно провести

---

[1]) Собраніе сочиненій. т. I, стр. 135.

[2]) Книга глаголемая Большой Чертежъ. Стр. 94.

[3]) Извѣстія Ак. Н. т. V. Русское населеніе степей и Южнаго поморья въ XI—XIV вв.

[4]) Вспомнимъ напр., что при осадѣ Римова Половцами часть жителей обязана своимъ спасеніемъ только болоту.

границу Переяславской области съ кочевниками. Мы *приблизительно* только можемъ сказать, что въ лучшую пору для Переяславскаго княжества границы его на востокѣ и югѣ омывала рѣка Сула; на западѣ и частью югѣ предѣломъ ему служили берега Днѣпра. Но, не смотря на то, что „снесеніе“ посульскихъ поселеній относится къ семидесятымъ годамъ XII в., мы напр. встрѣчаемъ такіе факты. Въ 1155 г. Половцы являются на миръ и располагаются на берегахъ Супоя. Въ 1140 г. они проникаютъ еще далѣе, именно къ Малотину [1]). Да и Каневъ, около котораго собирались обыкновенно обѣ стороны на миръ, лежалъ далеко въ глубь отъ намѣченныхъ нами границъ. Провести границы сообразно указаннымъ фактамъ препятствуетъ существованіе южнѣе ихъ тѣхъ городовъ, о которыхъ мы уже говорили (Песочень, Дмитровъ, Желни, Переволока). На основаніи этихъ противорѣчивыхъ фактовъ приходится или видѣть въ выборѣ этихъ мѣстностей для мирныхъ переговоровъ новый примѣръ нетактичности русскихъ князей, а это мы видѣли и раньше, или сдѣлать нѣсколько иное предположеніе. На основаніи отрывочныхъ лѣтописныхъ извѣстій можно указать мѣстности, которыя были заняты кочевыми племенами, родственниками Половцевъ, Торками, поселенными въ предѣлахъ Переяславскаго княжества русскими князьями. Еще въ 1055 г. мы видимъ поселенія ихъ около *Воиня*. Затѣмъ въ 1080 г. лѣтопись говоритъ: „заратишася Торци *Переяславлестии* на Русь [2])“. Очевидно, по самому извѣстію, что они были уже въ извѣстномъ подчиненіи у русскихъ князей, и кочевали гдѣ-то около Переяславля. Подъ этими Торками переяславскими разумѣлись тѣ, которые жили около Воиня, а также и занимавшіе мѣстность около Баруча, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Кочевья этихъ союзниковъ Руси занимали на югѣ Переяславской области пространство между Воинемъ и Зарубомъ, ибо подъ 1105 г. мы находимъ въ нашемъ источникѣ такое сообщеніе: „пришедъ Боняк зимѣ на Зарубѣ и побѣди Торкы и Берендѣѣ [3])“.

---

[1]) Ипат. лѣт. 220, 331. Предполагаютъ, что Малотинъ теперь Малютенцы на р. Оржицѣ Переяславскаго уѣда, Полтавской губерніи. (См. Матеріалы для истор.-географич. словаря Россіи. Барсова, стр. 126, 112. Изслѣд., замѣч. и лекціи, Погодина. т. IV, стр. 274—275.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 114, 143.

[3]) Ibidem, стр. 186.

Можно предположить, что поселенія ихъ простирались и далѣе на югъ, до р. Супоя, Сулы. Тогда укрѣпленія, Песочное, Горошинъ, Буромлю, Желни, нужно разсматривать, какъ передовыя, служившія для наблюденія надъ степью и удержанія въ повиновеніи этихъ Торковъ, не особенно надежныхъ союзниковъ Руси. Стало быть, уже и въ XI ст. здѣсь произошло отступленіе славянскаго населенія, оно не занимало уже этихъ мѣстностей сплошь, а задерживалось только въ укрѣпленныхъ пунктахъ, которые нами указаны. Можетъ быть, конечно, существовали и другіе городки на этомъ пространствѣ, не упоминаемые лѣтописью. Границы же дѣйствительныя, до которыхъ простиралось сплошное населеніе Переяславской области, приходится сильно съузить. Онѣ шли отъ впаденія Трубежа въ Днѣпръ, гдѣ стоялъ нѣкогда городъ Устье, затѣмъ вверхъ по Трубежу. Поворачивая къ востоку, граница шла валами до р. Супоя. Передовымъ городомъ къ югу отъ валовъ и былъ Воинь, теперь Воиницы [1]). На пограничность его указываютъ слѣдующіе факты. Въ 1079 г. Романъ Святославичъ съ Половцами дошелъ только до Воиня и здѣсь остановился. Въ 1110 г. Святополкъ, Владиміръ и Давидъ двинулись на Половцевъ, дошли до Воиня и воротились. Въ томъ-же году Половцы, пришедши къ Воиню, отступили [2]). Такимъ образомъ, это былъ наблюдательный пунктъ, укрѣпленіе, слѣдившее за движеніемъ на югѣ отъ валовъ. Дошедши до Супоя, приблизительно отъ Городища, граница шла къ сѣверу по берегамъ упомянутой рѣки. Чтобы намѣтить её далѣе, мы должны сначала признать гипотезу, принимаемую учеными относительно одной мѣстности. Подъ 1140 г. мы читаемъ: „того-жъ лѣта приде Половецьская земля и князи Половецьсции на миръ, Всеволодъ ис Киева, Андрѣй ис Переяславля, къ *Малотину* и створиша миръ с ними [3])“. Если Малотинъ не что иное, какъ теперешніе Малютенцы, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право вести рубежъ отъ

---

[1]) Барсовъ. Матерьялы для историко-географич. словаря Россіи. Стр. 36—37. Погодинъ. Изслѣд. лекціи и замѣчанія. IV, стр. 262—3. Воинь 1110 года оба они отдѣляютъ отъ Воиня 1079 года. По нашему мнѣнію, это одно и то-же мѣсто.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 143, 188.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 220.

Супоя до рѣки Оржицы, затѣмъ берегомъ послѣдней до ея впаденія въ Сулу. На лѣвомъ берегу Оржицы и находился Малотинъ. Ниже его, на томъ-же берегу мы находимъ Городище. Потомъ граница шла вверхъ по Сулѣ и соединялась съ рубежемъ сѣверскимъ у ея верховьевъ.

Такимъ образомъ, славянское племя подъ давленіемъ кочевыхъ массъ въ этихъ мѣстностяхъ совершало отступленіе. Оно сохранилось, какъ мы видѣли, въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ поселеніяхъ въ области между рр. Ворсклой и Сулой, затѣмъ вытѣсняемое все далѣе и далѣе; оно уже въ XI в. задерживалось лишь по городкамъ у низовьевъ Супоя, Сулы. а въ концѣ XII в. ту же участь испытало и населеніе Посулья, сохранившись въ разбросанныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ. Эти оазисы славянскаго населенія въ степяхъ не уничтожилось и во время нашествія татаръ, что доказывается сохраненіемъ тѣхъ же названій для поселеній и въ эпоху составленія книги большаго чертежа. Они дожили до новаго заселенія степей и послужили оплотомъ для новыхъ переселенцевъ. Предоставленные самимъ себѣ, они были въ постоянной борьбѣ съ Половцами, затѣмъ съ Татарами. Здѣсь эти жители еще древняго періода, испытывавшіе постоянныя нападенія Половцевъ, остались среди степей уже опытными воинами, а въ борьбѣ съ Татарами развили еще болѣе свои боевыя способности. Они вмѣстѣ съ тѣмъ не покидали занятія своихъ отцовъ и оставались по прежнему, какъ и въ періодъ до-татарскій, земледѣльцами. Какъ тогда, такъ и теперь, они были земледѣльцы—воины. Отдаленные отъ центра Литовскаго княжества, не подвергаясь новымъ порядкамъ, они частью сохранили старыя древне-русскія бытовыя черты жизни, частью выработали новыя, оригинальныя. Они составили ядро того, что потомъ явилось въ видѣ козачества. Мы еще разъ возвратимся къ этимъ древнимъ общинамъ и снова скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Мы разсмотрѣли всѣ тѣ факты, которые даютъ намъ наши источники, относительно судебъ областей Рязанской, Сѣверской, Переяславской, въ ихъ упорной борьбѣ съ кочевниками. Намъ остается теперь поговорить о Поросьи. Это не было отдѣльное княжество, а просто военныя поселенія, образованныя русскими князьями для защиты Кіева съ юга. Подъ именемъ Поросья разумѣлась область, ограничиваемая съ сѣвѣра р. Стугной, съ юга р. Росью, по берегамъ которой и были расположены главнѣйшіе города этихъ военныхъ по-

селеній. Объ эти рѣки впадаютъ въ Днѣпръ съ правой стороны. Не только эта мѣстность, но и пространство далѣе къ югу, было заселено въ глубокой древности. Такъ на берегахъ рѣки Тясмина отыскиваются римскія монеты; надъ Бугомъ и Тясминомъ встрѣчаются монеты царей Понта, Босфора и города Ольвіи [1]), что указываетъ на торговыя сношенія съ этими промышленными центрами береговъ Чернаго моря. На всемъ пространствѣ отъ р. Тясмина до сѣверныхъ береговъ Стугны наполнено могилами, городищами, валами, свидѣтельствующими о нѣкогда бывшемъ здѣсь многочисленномъ населеніи [2]). На основаніи лѣтописнаго разсказа о разселеніи славянскихъ племенъ, можно думать, что Поляне, жившіе на правой сторонѣ Днѣпра, занимали область и по теченію р. Роси; далѣе къ югу ихъ поселенія смѣшивались съ дулѣбскими, такъ какъ, надо предполагать, Дулѣбы жили не только по верхнему теченію Буга, но и по берегамъ его притоковъ, напр., Синюхи и Соба; затѣмъ внизъ по Бугу, Днѣпру, Днѣстру шли жилища Уличей и Тиверцевъ до береговъ Чернаго моря [3]). Такимъ образомъ, населеніе между рѣками Тясминомъ [4]) и Высью [5]) на югъ и Стугной на сѣверѣ принадлежало двумъ племенамъ: Полянамъ и Дулѣбамъ. Еще до эпохи княжеской колонизаціи, которая началась, по лѣтописи, при Владимірѣ св., мы видимъ тамъ существованіе городовъ. Такъ подъ 980 г. упоминается городъ Родня, стоявшій на устьѣ Роси [6]). Лѣтопись, говорящая обо всемъ при случаѣ, не упоминаетъ о другихъ городахъ въ этой мѣстности, но нельзя сомнѣваться, что они существовали въ большомъ числѣ. Построеніе городовъ Владиміромъ св. имѣло цѣлью, не заселеніе мѣстности по Стугнѣ [7]), а ея укрѣпленіе; это-же стремленіе нужно видѣть и въ дѣятельности Ярослава, поселившаго Поляковъ по Роси и строившаго здѣсь города [8]). Хотя такимъ

---

[1]) Фундуклей. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. Кіевъ 1848 г. стр 6—7.

[2]) Ibidem, passim.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 3, 5, 6, 7.

[4]) Впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны, ниже Крылова.

[5]) Изъ сліянія Выси и Етрани образуется Синюха, впадающая въ Бугъ у Ольвіополя.

[6]) Ипат. лѣт. стр. 51.

[7]) Ипат. лѣт. стр. 83.

[8]) Ibidem, стр. 105.

образомъ боевая граница и была при немъ нѣсколько отодвинута къ югу, всетаки населеніе, занимавшее область между Росью и рр. Тясминомъ и Высью, было оставлено беззащитнымъ. Но, надо думать, впослѣдствіи, при послѣдующихъ князьяхъ, укрѣпленные пункты явились и здѣсь. Можно сказать, что берега Тясмина принадлежали Руси. Здѣсь были въ концѣ XII в. княжескія ловища. Такъ въ 1190 году Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ заключили миръ съ Половцами и охотились по Тясмину [1]). Есть также нѣкоторое основаніе предполагать, что въ это время границей славянскихъ поселеній была р. Высь. Въ томъ же году Половцы дѣлали частыя, усиленныя нападенія на Поросье, но расположились своимъ станомъ по берегамъ рѣки *Выси* и отсюда только предпринимали свои экспедиціи [2]). Между дѣйствительными границами Руси и земли Половецкой всегда оставалась нейтральная полоса. Такъ на правой сторонѣ Днѣпра половецкія кочевья начинались лишь за р. Ивлей. На ея берегу стояла пограничная половецкая стража [3]). Нѣтъ никакой возможности въ настоящее время сказать, какой рѣкѣ принадлежало это имя. Изъ двухъ лѣтописныхъ извѣстій, приведенныхъ нами, можно только вывести, что Ивля протекала къ западу отъ днѣпровскаго луга на три дни пути, слѣдовательно, нейтральная полоса между границами Руси и Земли половецкой была довольно широка. Какіе города были построены Владиміромъ св. по Стугнѣ, какіе Ярославомъ по Роси, какія укрѣпленія явились въ послѣдующее время, нѣтъ возможности разграничить вслѣдствіе случайности географическихъ извѣстій лѣтописи.

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 449.

[2]) Ibidem, стр. 450.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 451: „и тако совокупися (Рост. Рюрик.) с Черными Клобуки и ѣхаша вборзѣ изъѣздомъ до Протолчии, и ту заяша стада многа Половецкая в лузѣ в Днѣпрескомъ..... Половци же видѣвше стада своя взята, и жены и дѣти, стъснувшеся вобрьдоша во Днѣпръ и постигоша и *на Ивль, во третій день* отъ Днѣпра". 1190 года.

Ibidem, стр. 455: „и тако совокупившеся с Черным Клобукомъ, и ѣхаша изъездомъ *и быша на Ивль на рѣцѣ на Половѣцкой* и ту изъимаша сторожи Половѣцкыя"..... 1193 года. См. Барсова. Матерьялы. стр. 81. Щекатова. Географич. словарь Россійскаго государства. Москва. 1804 г. т. II, стр. 692.

Можно только говорить о городахъ этой боевой области, не касаясь вопроса о времени ихъ происхожденія. Первая линія укрѣпленій шла по р. Стугнѣ. На лѣвомъ берегу ея находился главный городъ всего Поросья—Торческъ [1]). Съ полною вѣроятностью можетъ быть принято мнѣніе г. Ревякина, что этотъ городъ находился у существующаго теперь села Старыхъ Безрадичъ, при западной оконечности которыхъ, на довольно обширной горѣ, обрывистой со всѣхъ сторонъ, находится древній замокъ съ уцѣлѣвшими земляными укрѣпленіями и слѣдами внутри его построекъ и глубокаго колодезя; замокъ этотъ окрестными жителями называется *Торческимъ* [2]). Выше по Стугнѣ стоялъ Василевъ,

---

[1]) Торческъ былъ неразрывенъ съ Поросьемъ. Такъ въ 1169 году князья думали попользоваться владѣніями Мстислава Изяславича и рѣшили между прочимъ присоединить: „*Володимиру* (Мстиславичу) *къ своей волости Торцьскый съ всимъ Поросьемъ*". (Ипат. лѣт. стр. 365). Когда въ 1190 г. Ростиславу Рюриковичу было поручено завѣдывать охраной Поросья, онъ постоянно находится въ Торческѣ, куда и обращаются къ нему Черные Клобуки. (Ibidem, стр. 450, 455). Бывали случаи, когда Торческъ отдѣлялся отъ Поросья, какъ въ 1195 г., но это было дѣломъ необыкновеннымъ, исключеніемъ временнымъ.

[2]) Кіев. губ. Вѣдомости. 1863 г. № 28, 33 и 34. Ревякина. Сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ. Вопросъ объ этой легендѣ вызвалъ нѣсколько статей въ Кіевской Старинѣ за 1882 г. Преданія мы коснемся ниже. Лѣтописныя данныя, имѣющіяся о Торческѣ, не противорѣчатъ такому пріуроченію этого города. Подъ 1163 г. въ лѣтописи говорится: „створи миръ съ Мьстиславомъ Ростиславъ, възвороти всѣ городы Мьстиславу, Торьскый и Бѣлъгородъ, а за Трьполь да ему Каневъ. (Ипат. лѣт. стр. 357). Въ 1195 г. „далъ Рюрикъ Всеволоду 5 городовъ: Торьцкый, Корсунь, Треполь, Каневъ".... (Ibidem, стр. 460). Изъ этихъ двухъ извѣстій можно пока только сдѣлать одинъ выводъ, что города Торческъ, Треполь и Каневъ были въ недальнемъ разстояніи другъ отъ друга. Извѣстный разсказъ лѣтописи объ осадѣ Торческа Половцами, о битвѣ на Стугнѣ, въ 1093 г. ясно указываетъ на сосѣдство Торческа и Треполя. Князья, узнавъ объ обложеніи перваго, двинулись къ Треполю. Цѣль такого движенія высказалась въ словахъ Мономаха: „яко здѣ стояще чересъ рѣку, угрозѣ сей, створимъ миръ с ними". Русскіе зашли въ тылъ Половцамъ, отдѣлившись отъ нихъ Стугной и тѣмъ совершенно отрѣзывая имъ отступленіе, ибо Половцамъ

теперь Васильковъ [1]). Устье р. Стугны было сильно укрѣплено. Тутъ мы находимъ Треполь, упоминающійся первый разъ подъ 1093 г. На самомъ берегу Днѣпра стоялъ городъ Халѣпъ. На юго-западъ отъ него на р. Красной, сливающейся съ Стугной, находился Красенъ. Гдѣ-то около послѣдняго былъ и Варинъ [2]). Если мы будемъ смотрѣть

пришлось бы переправляться чрезъ эту рѣку. Такой маневръ мы уже встрѣчали. Если-бы Половцы дѣйствительно испугались такой диверсіи и начали отступленіе, то Русскіе изъ Треполя легко могли ударить имъ во флангъ. Но Половцы, какъ видно изъ разсказа лѣтописи, оставивъ небольшой отрядъ у Торческа, съ главными силами направились къ Треполю, а русскіе князья, не выдержавши, переправились чрезъ Стугну къ югу. Положеніе враговъ предъ битвой было такое: Половцы своимъ тыломъ были обращены къ р. Стугнѣ, за которой у Торческа стоялъ ихъ осадный отрядъ; фронтъ ихъ былъ обращенъ къ Треполю и валамъ; Русскіе своимъ тыломъ опирались на Триполь; правый флангъ прикрывался Стугной, а лѣвый валами. Такимъ образомъ, если мы помѣстимъ Торческъ на мѣстѣ городища у ст. Безрадичъ, ходъ дѣла является вполнѣ естественнымъ. См. И. Л. стр. 152—154. О болѣе раннемъ предположеніи, что Торческъ находился тамъ, гдѣ теперь Торчица, Таращанскаго у., см. ниже.

[1]) Барсовъ. Матерьялы. Стр. 23—25.

[2]) „И потомъ на *Святославль* гонихомъ по Половцихъ и потомъ на *Торческый городъ*, и потомъ на *Гюргевъ* по Половцихъ; и паки *на тои-же сторонѣ у Красна* Половци побѣдихомъ; и потомъ с Ростиславомъ *у Варина* вежѣ взяхомъ. И паки... быхомъ *у Халѣпа*". (Лавр. лѣт. стр. 240. Поученіе Мономаха). 1136 г.... „шедше бо ти же Олговичи с Половци, взяша *Треполь* и *Халѣпъ* пуста". (Лавр. лѣт. стр. 288). Треполь и теперь существуетъ, какъ и Халѣпъ, подъ именемъ Холопья. Красенъ точно также. Что касается Варина, то намъ кажется, что его можно пріурочить къ деревнѣ Веремь, находящейся верстахъ въ 7 къ югу отъ Треполя и въ такомъ-же почти разстояніи на юго-востокъ отъ Краснаго. См. также. Барсова. Матерьялы. Стр. 107, 207. Погодинъ. Изслѣдованія. IV, 165. М. б. *Варинъ*, тождественъ съ Верневомъ? „Гюрги же то слышавъ, и иде (отъ Бѣлгорода) черес боръ къ Верневу, и оттолѣ иде за валъ и ста у Вьзяницѣ" (Ипат. лѣт. стр. 300). Въ такомъ случаѣ этотъ городъ былъ гдѣ-то между Бѣлгородомъ и валами, идущими отъ Треполя къ югу отъ Стугны. Нельзя не согласиться съ предположеніемъ г. Андріевскаго, что Верневъ (Черневъ) стоялъ на мѣстѣ села Плесецкаго, гдѣ есть городище. Оно какъ разъ на

на городокъ, находящійся при селѣ Стайкахъ, какъ на остатокъ древняго города [1]), то увидимъ, такимъ образомъ, полукругъ укрѣпленій около Треполя. За этими-то городами Святополкъ построилъ въ 1095 году на Витичевомъ холмѣ городъ Святополчь, нѣсколько ниже Халѣпа, на берегу Днѣпра, и перевелъ въ него жителей Юрьева и мѣстостей за городомъ Саковымъ [2]). И теперь еще въ Витичевѣ есть городище, памятникъ Святополкова города [3]).

Теперь мы должны остановиться на вопросѣ о мѣстонахожденіи города, для котораго не найдено мѣста до сихъ поръ. Это—Юрьевъ. Возьмемъ выдающіяся извѣстія лѣтописи. Мономахъ разсказываетъ: „потомъ на *Торческый городъ* и потомъ на *Гюргевъ* (гонихомъ) по Половцихъ и паки *на той-же сторонѣ у Красна* Половци побѣдихомъ“ [4])... Торческъ находился на лѣвой сторонѣ Стугны, а Красенъ къ югу отъ нея, т. е., уже на правой. По смыслу разсказа выходитъ, что Юрьевъ былъ *на той-же сторонѣ*, гдѣ и Красенъ, стало быть, также къ югу отъ Стугны. Далѣе. Подъ 1159 годомъ читаемъ: „Половцѣ-же бѣжаша *отъ Бѣлаграда на Гюргевъ*, и много ихъ изоимаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ *во Рси* истопе [5])“. Отсюда ясно, что Юрьевъ находился на пути отъ Бѣлгорода передъ Росью: Берендѣи и Юрьевцы, преслѣдуя Половцевъ, пригнали ихъ къ Роси. И такъ, Юрьевъ находился гдѣ-то *между Стугной и Росью*. Но вотъ извѣстіе, имѣющее рѣшающее значеніе: 1162 г.“ том же лѣтѣ придоша Половци мнози *къ Гюргеву*, и взяша вежи многи *по Роту*..... Черный-же Клобукъ весь съвъкупившеся ѣхаша по нихъ и постигоша я *на Рси* и много биша ихъ, и полонъ весь отъимаша у нихъ [6])... „Половцы пришли къ *р. Руту или Роту* [7]) и взяли тутъ черноклобуцкія вежи

прямомъ пути отъ Бѣлгорода къ югу. (См. Кіев. Старина. 1882 г. сентябрь Переястовское поле. М. Андріевскаго, Городище показано у Фундуклея. Стр. 27). О Красномъ, какъ о древнемъ городѣ, до сихъ поръ держится въ народѣ преданіе. См. ниже.

[1]) Фундуклей. Стр. 37.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 159—160.

[3]) Фундуклей. Стр. 37.

[4]) Лавр. лѣт. стр. 240.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 344.

[6]) Ibidem, стр. 356.

[7]) О Рутѣ см. указанную выше статью г. Андріевскаго.

но также очевидно, что эти вежи были *у Юрьева*, такъ какъ сказано, что Половцы пришли къ Юрьеву. Итакъ: взятыя вежи--у Рута; взятыя вежи—у Юрьева, слѣд. Юрьевъ—у Рута. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ вытекаетъ необходимость искать Юрьева: между Стугной и Росью, ближе къ послѣдней, въ недальнемъ отъ нея растоянiи, и около рѣки Рута. Этимъ условiямъ ополнѣ удовлетворяетъ *городище* между деревнями Соколовкою и Глушками, съ *трехъ сторонъ окруженное Ротомъ и болотами*, а съ четвертой *валомъ*. Пространство его 136 дес.—400 с. По народному преданiю, здѣсь находился городъ Соколовъ [1]). Имя, конечно, не имѣетъ для насъ особеннаго значенiя. Важно только, что мѣсто этого городища вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ условiямъ. Мало этого. Мы знаемъ, что въ 1103 г. Святополкъ возобновилъ Юрьевъ [2]). Надо думать, что онъ былъ вновь выстроенъ на томъ-же приблизительно мѣстѣ, гдѣ находился и раньше. И вотъ невдалекѣ отъ указаннаго городища на берегу той-же рѣки есть другое земляное укрѣпленiе въ 3780 к. с. Оно находится у самаго села Соколовки въ $5^1/_4$ в. отъ великаго вала, идущаго отъ Устимовки до Саливанекъ [3]). Одно изъ этихъ городищъ и можетъ представлять остатки стараго Юрьева, другое—новаго. Соколовка расположена на правой сторонѣ Рута. Тутъ-же находится и старое земляное укрѣпленiе. Оно такимъ образомъ менѣе защищено, чѣмъ, второе. На мѣстѣ его и можно положить старый Юрьевъ, который въ силу малозащищенности своей былъ уничтоженъ. Вторично, надо думать, Юрьевъ былъ выстроенъ на мѣстѣ втораго городища, въ неприступной почти мѣстности, омываемой съ трехъ сторонъ рѣкою Рутомъ, на лѣвой его сторонѣ [4]).

---

[1]) Фундуклей. Стр. 28.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 185.

[3]) Фундуклей. Стр. 28.

[4]) Надеждинъ и Неволинъ предполагали, что Торческъ находился тамъ, гдѣ теперь село Торчица, на берегу р. Торчи, въ Таращанскомъ уѣздѣ. (Погодинъ. Изслѣдованiя. IV, 153). Но мы видѣли, что Юрьевъ былъ южнѣе Торческа. Юрьевъ-же находился къ сѣверу отъ Роси. Стало быть, положенiе Торчицы не удовлетворяетъ условiямъ. Что касается Юрьева, то г. Барсовъ его мѣстонахожденiе оставляетъ безъ опредѣленiя. Карамзинъ считалъ Юрьевъ на берегу Роси, Надеждинъ—Неволинъ—на правомъ ея берегу (Погодинъ. IV. 153. Барсовъ. Матерьялы. Стр. 219). Мы видѣли, что лѣтописныя данныя противорѣчатъ этимъ предположенiямъ.

Направляясь далѣе, внизъ по теченію Днѣпра, мы найдемъ *городъ—Иванъ* [1]), возлѣ Ржищева. Ниже его былъ *Зарубъ*, важный пунктъ, около котораго совершалась переправа черезъ Днѣпръ: здѣсь былъ бродъ [2]). Затѣмъ, нѣсколько выше устья Роси стоялъ, да и теперь стоитъ, *Каневъ*. Около него часто велись мирные переговоры съ Половцами; здѣсь князья ожидали греческихъ купцовъ, плывшихъ съ юга по Днѣпру [3]). При самомъ впаденіи Роси въ Днѣпръ былъ, какъ мы уже говорили, городъ Родня [4]). Имъ начинался рядъ укрѣпленій по берегамъ этой рѣки. Первымъ городомъ, на лѣвомъ берегу Роси, у ея изгиба на сѣверъ, былъ Дверенъ или Дерновый [5]). Затѣмъ шли

---

[1]) „Къ наддѣпровскимъ городамъ Кіевскаго княжества надо-бы, кажется, прибавить, говоритъ Максимовичъ, *Иванъ-городъ*, у котораго 1151 г. стоялъ князь Изяславъ съ своими союзниками противъ Юрія... Отсюда дошли они на ночлегъ въ Треполь, а изъ него въ Кіевъ. Очевидно, что Иванъ былъ ниже Треполя: по моему, возлѣ Рожищева, гдѣ и нынѣ находится гора *Иванъ* съ старинным городищемъ. „(Собраніе сочиненій. II, стр. 346 и 352. См. также Ипат. лѣт. стр. 295. Городище показано и у Фундуклея. Стр. 35—37).

[2]) „Того-же лѣта приде Тугорканъ, тесть Святополчь, къ Переяславлю.... „Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь, по сѣй сторонѣ Днѣпра и пришдоста к Зарубу, и туто перебродистася“.... (Ипат. лѣт. 161, 1096 г.). Важность этого брода указываетъ слѣдующій фактъ: въ 1151 г. союзники Юрія „пришѣхаша *к Зарубескому броду. На сей же сторонь бяшеть Шварно съ сторожи*“.... Узнавъ о переправѣ враговъ у Заруба, Изяславъ долженъ былъ отступить. (Ипат. лѣт. стр. 294—295).

[3]) „Тогда-же (1155 г.) иде Гюрги *на снемъ* противу Половцемъ Каневу“. (Ипат. лѣт. 330). „Посла Ростиславъ (1168 г.) къ братьи своей и к сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвъкупитися у себѣ съ всими полкы своими.... и стояша *у Канева* долго веремя, дондеже взиде *Гречникъ и Заломникъ*, и оттолѣ възвратишася въсвояси“. (Ibidem, стр. 361).

[4]) На мѣстѣ этого города надъ Днѣпромъ существуетъ городище (М А. Максимовичъ. Собраніе сочиненій. II, стр. 352).

[5]) „Тое же зимы (1192 г.) посла Рюрикъ по Кунтувдѣя в Половци... и да ему городъ *на Роси, Дверенъ*, Рускоѣ землѣ дѣля“. (Ипат. лѣт. стр. 453). И такъ Дверенъ былъ на Роси. Далѣе. Въ 1146 г. Кіевляне прислали къ Изяславу Мстиславичу *въ Переяславль* звать его къ себѣ. Онъ переправился *у Заруба*. Сюда прислали къ нему съ изъявленіемъ пріязни

на лѣвомъ берегу *Корсунь*[1]), на правомъ—*Богуславль*[2]), существующіе и въ настоящее время. На берегу также Роси находился и городъ *Товаровъ*. Намъ кажется, что его можно пріурочить, вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ, къ с. Сиваркѣ, гдѣ и до сихъ поръ существуетъ городище[3]). Гдѣ-то, среди этихъ городовъ размѣщались и тѣ шесть

Черные Клобуки и Поросье. „И поиде Изяславъ *къ Дерновуму* и *ту* совокупишася *вси Клобуци и Поршане*". (Ипат. лѣт. стр. 230). Очевидно, силы Поросья соединились съ этимъ княземъ у одного изъ поросскихъ городовъ. Стало быть, Дерновый долженъ быть на Роси, при томъ недалеко отъ Заруба. Поэтому, мы принимаемъ мнѣніе г. Максимовича, считавшаго Дверепъ и Дерновый однимъ городомъ и пріурочивавшаго его къ селу Деренковцу на Роси. (Собраніе сочиненій. II, 351). Деренковецъ находится на лѣвой сторонѣ этой рѣки, но на правой сторонѣ ея, при селѣ Набутовѣ, на берегу, есть городокъ, который и можетъ быть остаткомъ Дерноваго или Дверена. (Фундуклей, стр. 22). О дѣлѣ черноклобуцкаго князя, Кунтувдѣя мы будемъ говорить ниже.

[1]) 1172 г. „в первое лѣто приде множьство Половѣць, раздѣлившеся на двое,—одинн пойдоша къ Переяславлю и сташа у Шѣсочна, а друзии пойдоша по оной сторонѣ Днѣпра Кыеву и сташа *у Корсуня*". (Ипат. лѣт. стр. 379).

[2]) Ibidem, стр. 459. 1195 г.

[3]) 1190 г. „Половци же слышавше, ожь Святославъ ехалъ в Кыевъ и перебравшеся с Кунтувдѣемь и ѣхажа *къ Товарому*, и бысть вѣсть Глѣбови, Глѣбъ же заѣха и *у Товарова*; Половци же бѣжачи отъ города обломисаша *на Роси*, и ту инѣхъ изъимаша".... Ibidem, стр. 452. Глѣбъ наблюдалъ за Половцами изъ Канева. Мы принимаемъ с. Сиварки. (См. Барсовъ. Матерьялы, стр. 198), потому что оно находится на берегу Роси и имѣетъ городище (Фундуклей, стр. 27). Но не отъ всѣхъ городовъ сохранились городища, поэтому иногда можно пріурочивать положеніе древнихъ укрѣпленій къ пунктамъ, и неимѣющимъ такихъ остатковъ старины. Названіе *Товарый* несомнѣнно происходитъ отъ слова „*товары*". „Володимеръ же пришедъ въ *товары*, посла *по товаромъ* бирича".... (И. Л. стр. 84). Это станъ, то-же, что потомъ таборъ. Очень возможно, что позже Товаровъ былъ перекрещенъ въ *Таборовъ*. Послѣдній въ видѣ села существуетъ и теперь на лѣвомъ берегу Растовицы, впадающей въ Рось. Растовица нигдѣ въ лѣтописи не упоминается, и, можетъ быть, въ древній періодъ она принималась за начало р. Роси.

берендѣйскихъ укрѣпленныхъ поселеній, о которыхъ говоритъ лѣтопись подъ 1177 г. [1]). Мы выше предположили, что *Ростовецъ* находился на мѣстѣ нынѣшней Бѣлиловки, на р. Ростовицѣ [2]); тутъ-же нужно искать и *Неятина* [3]) и *берендѣйскіе города*, которыхъ остатки являются, можетъ быть, въ городищахъ, разсыпанныхъ въ изобиліи между рѣками Ростовицей, Росью и Роской. Далѣе, вверхъ по Роси, стоялъ городъ *Володаревъ* [4]). Къ югу мы знаемъ лишь *Боровое*, упоминаемое подъ 1190 г. и пріурочиваемое г. Максимовичемъ, къ мѣстечку Боровицѣ на берегу Днѣпра [5]). На самомъ концѣ занимающей насъ области стоялъ Куниль, на правомъ берегу Горскаго Тикича, при впаденіи въ него рѣчки Безымянной [6]). Вотъ и всѣ города, какіе

---

[1]) Половци же взяша 6 городовъ Береньдичь, и поидоша к Ростовцю. (Ипат. лут. стр. 408).

[2]) См начало этой главы.

[3]) 1071 г. „В лѣто 6579. Воеваша Половци у Ростовца о у Неятина". (Ibidem, стр. 122). Ясно, что Ростовецъ былъ вблизи отъ Неятина.

[4]) 1150 г. „и приде Изяславу вѣсть, оже Володимеръ (галицкій) перешелъ *Болохово*, идеть мимо *Мунорева к Володареву*"... „Изяславъ же приѣха в Киевъ.... поиде къ Звенигороду, и ту пришедъ ста полкы своими, и приде ему вѣсть, оже уже Володимиръ идеть *черезъ Пере етово*. Изяславъ же... пойде отъ Звенигорода къ Тумащю".... Перепетово поле, по весьма удачному опредѣленію г. Андріевскаго,—такъ называемая теперь бѣлоцерковская степь. (Кіев. Старина. 1882 г. Сентябрь). Враги двигались на встрѣчу другъ—другу: одинъ съ сѣвера, другой съ юга; Володимірку былъ прямой путь къ Перепетозу, мимо Володарева, т. е., теперешней Володырки, стоящей на берегу Роси, недалеко отъ впаденія въ нее р. Торчи. Чтобы не переправляться два раза черезъ Рось, вѣроятно, Володимірко переправился чрезъ Торчь и прошелъ мимо Володорева по правому берегу Роси. (См. Барсовъ. Матерьялы. Стр. 38. Погодинъ. Изслѣдованія. IV, 176).

[5]) 1190 „и ѣхавше (Половци) и легоша по Висемь, и ту перепочивше конемъ своимъ, и ѣхаша *ко Боровому*".... (Ипат. лѣт. стр. 450). М. А. Максимовичь. Собраніе сочиненій. I, стр. 135—136, примѣчаніе.

[6]) 1150 г. Изяславъ Мстиславичъ изъ Дорогубужа „поиде на Гольско *да Кунилю в Черныя Клобуки; и ту прихаша к нему вси Черныи Клобуци* с радостию великою *всими своими полкы* (Ипат. лѣт. стр. 276). По самому смыслу извѣстія видно, что Куниль находился у Черныхъ Клобу-

мы можемъ указать на Поросьи. Основное населеніе этихъ городовъ было славянское, и лѣтопись ясно отличаетъ его отъ позднѣйшихъ тюркскихъ поселенцевъ. Вотъ напр. мѣсто изъ лѣтописи, находимое подъ 1146 г.: „и ту прислашася къ нему Черныи Клобуци *и все Поросье*“; „и ту совокупишася вси Клобуци *и Поршане*“ [1]). Въ 1152 г.

ковъ. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Н. П. Дашкевича, что Куниль находился къ западу отъ земли Черныхъ Клобуковъ (Болоховская земля и ея значеніе въ Русской Исторіи. Кіевъ. 1876 г. стр. 11). Черные Клобуки (не говоря уже о смыслѣ приведеннаго извѣстія), всегда соединялись съ князьями гдѣ-нибудь въ своей области. Они не большими отрядами участвовали въ войнахъ на разныхъ пунктахъ Руси, но, когда приходилось имъ двигаться въ большомъ числѣ, при чемъ оставались беззащитными ихъ вежи, Черные Клобуки старались не выходить изъ своей области, или забирали съ собой и вежи, или запирали своихъ женъ и дѣтей по городамъ. Такъ въ 1150 г. они явились на помощь Изяславу Мстиславичу всего лишь къ Тумашу (по вѣроятному предположенію г. Андріевскаго, теперь Барахты. См. указан. статью), лежавшему у Стугны, и то „жены своя и дѣти своя в городѣхъ затвориша на Поросьи“. (Ипат. лѣт. стр. 279). Когда въ 1151 г. имъ пришлось двинуться большими силами къ Кіеву, то Черные Клобуки забрали всѣ свои вежи и стада. (Ibidem, стр. 295—6). Вотъ почему, когда Черные Клобуки желали помочь князю, то онъ долженъ былъ соединяться съ ними въ ихъ-же области. Въ 1146 г. они призвали изъ Переяславля Изяслава, и онъ только у Дверена, на Роси, соединился съ ними, хотя ихъ послы были посланы къ Зарубу. (Ibidem. 230). На основаніи этого, намъ кажется также, что Микулинъ, упоминающійся въ 1169 г. не тотъ-же, который мы находимъ подъ 1202 г. на р. Серетѣ. Подъ 1169 г. читаемъ: „и приде *к Микулину*, и ту придоша ему Берендичи вси, и Торци и Печенѣзи и вѣсь Черный Клобукъ, и водивъ ѣ ротѣ, и пусти брата своего предъ собою съ Берендичи, а самъ пойде по немъ“ (Ibidem. 365). Раньше они прислали пословъ къ Мстиславу. Послы ихъ могли идти куда угодно. Здѣсь повторилось то-же, что въ 1146 г.: Черные Клобуки послали тогда пословъ прежде, а соединились съ Изяславомъ лишь на Порюсьи. Поэтому и теперь они пришли къ нему лишь тогда, когда онъ вступилъ въ ихъ область. Они не могли уйти на Серетъ, такъ далеко отъ своихъ вежъ. Весьма возможно, что Микулинъ 1169 г. былъ гдѣ-то въ области Черноклобуцкой.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 230.

Изяславъ Мстиславичъ послалъ своего сына на Половцевъ „и давъ ему силу многу, Печенеги Каневскія, и Бѣрендей, и Торки, и Іжеславцы, *и Поросяне*“ [1]). Иногда, впрочемъ, лѣтопись кратко означаетъ все населеніе Поросья именемъ Поршанъ [2]). Среди этихъ давнихъ славянскихъ жителей Поросья въ XI в. князья стали селить тюркскихъ кочевниковъ, спасавшихся отъ надвигавшихся съ востока Половцевъ. Мы уже говорили, что въ 1080 г. Торки были въ нѣкоторой зависимости отъ князей и кочевали около Переяславля [3]). Въ 1095 г. они уже состояли въ дѣйствительной службѣ у Руси, ибо помогали Мономаху выкрасть его сына Святослава изъ половецкаго лагеря“ [4]). Постепенно прибывали новыя колѣна и принимались князьями на службу. Такъ Мономахъ разсказываетъ, что къ нему пришли изъ степей половецкихъ Торки Читѣевичи [5]). Въ своихъ первыхъ походахъ на Половцевъ князья склоняли Торковъ переселяться на Русь и забирали съ собой ихъ вежи. Въ 1103 г. Русскіе „заяша Печенѣги и Торъки с вежами“ [6]). Наконецъ, послѣднее, большое переселеніе этого племени въ русскіе предѣлы совершилось въ 1116 г. Тогда Половцы окончательно вытѣснили ихъ съ Подонья и заставили уйти на Русь [7]). Вмѣстѣ съ ними явились и Печенѣги, небольшое количество которыхъ вмѣстѣ съ Торками оставалось у Дона. И такъ, извѣстно переселеніе въ предѣлы Руси двухъ племенъ: Печенѣговъ и Торковъ [8]), но оказывается, что на службѣ у князей кромѣ нихъ были: Берендѣи, Каепичи, Турпѣи, Коуи, Воуты [9]). Трудно опредѣлить, какія это были племена,

[1]) Никон. лѣт. II, стр. 134. Не слѣдуетъ-ли здѣсь подъ именемъ Іжеславцевъ разумѣть Богуславцевъ. Населеніе Богуславля было несомнѣнно славянскаго происхожденія.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 265.

[3]) Ипат. лѣт. 114.

[4]) Ibidem, стр. 159.

[5]) Лавр. лѣт. стр. 241.

[6]) Ипат. лѣт. 184—185.

[7]) Ibidem, стр. 204.

[8]) Мы должны здѣсь сказать, что производство имени „Торки„ отъ названія р. Торъ было дѣлаемо еще Полевымъ, хотя онъ неправильно считаетъ ихъ толпой оторвавшейся отъ Половцевъ. (Исторія Русскаго Народа. М. 1830 г. I, 48—49).

[9]) *Берендѣи:* Василько говоритъ: „придеми вѣсть, яко идуть ко мнѣ *Берендичи* и Печенѣзи и Торци“. (Ипат. лѣт. 174, 1097 г.)

Мы не знаемъ въ степяхъ въ домонгольскій періодъ такихъ племенъ, а потому придется допустить, что это ранѣе выдѣлившіеся роды изъ тѣхъ же самыхъ Торковъ и Печенѣговъ. Когда эти племена только что приходили въ знакомство съ Русью, то послѣдняя не знала еще хорошо своихъ новыхъ союзниковъ. Потомъ, при большомъ ознакомленіи съ ними, Русскіе различили ихъ отдѣльные роды, которые обособились еще гораздо раньше, такъ что представляли отдѣльныя, самостоятельныя единицы. Какъ прежде Русь называла ихъ всѣхъ одними лишь именами Печенѣговъ и Торковъ, такъ теперь она отдѣльные роды ихъ приняла за самостоятельныя племена. Только однажды, вскользь, лѣтопись какъ-бы даетъ намъ знать, что Берендѣевъ она считаетъ однимъ изъ торкскихъ родовъ. Такъ Никоновская лѣтопись, разсказывая объ ослѣпленіи Василька, говоритъ: „и приступи Турчинъ (очевидно Торчинъ), *именемъ Берендѣй* [1])“. Лѣтописецъ обратилъ родовое имя въ собственное. Нельзя считать это домысломъ самихъ составителей Никоновскаго свода, ибо то же самое мы находимъ и въ Ипатьевской лѣтописи: „Торчинъ, именемъ *Береньди* [2])“. Затѣмъ можно утвердительно сказать, что *Турпѣи*—это одинъ изъ родовъ Торковъ. Мы знаемъ, что около Переяславля кочевали Торки. Въ 1026 г. Половцы пришли *къ Баручу*. „Бѣже вѣсть Ярополку, и повелѣ гнати люди и *Торкы в Баручь и въ прочая городы* [3])“. А въ 1150 г. Мстиславъ Изяславичъ изъ Канева „послася на ону сторону *к Турпѣемъ*“.. „Ростиславъ же (Юрьевичъ) остави брата в Переяславли, а самъ гна *к Сакову* и сгони *Турпѣе* у Днѣпра, и поимавъ ѣ, переведе ѣ Переяславлю [4])“. Саковъ и Баручъ находились въ одной и той-же мѣст-

---

Каепичи: Святославъ „молодь перобравъ с Берендичи и *с Каепичи* пусти на Половци“ (Ibidem, 348. 1160 г.).

Коуи: „И тако отрядиша (Изяславъ и Ростиславъ) Володимера брата своего по вежѣ с Торкы, и *съ Коуи*, и съ Берендѣи, и съ Печенѣги“.... (Ibidem, 296, 1151 г.).

Боуты: „Собрашажеся вси в Чернигове, и оттуду пойдоша на Галичь, а ис Киева пойде князь великій Рюрикъ Ростиславичъ сыными своими...., и зБерендѣи, и сКоуи, и *зБоуты*“. Никон. лѣт. II, 293. 1206 г.

[1]) Никон. лѣт. II, стр. 22.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 170.

[3]) Ibidem, стр. 208.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 277.

ности, къ с-западу отъ Переяславля, слѣд. Турпѣи—не болѣе, какъ кочевавшіе здѣсь Торки. Вотъ единственные два случая, когда можно сдѣлать такой выводъ, какъ приведенный нами выше. Вездѣ же, во всѣхъ извѣстіяхъ лѣтописи, Печенѣги, Торки и Берендѣи ставятся какъ отдѣльные племена. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. 1121 г.: „Прогна Володимеръ *Береньдичи* из Руси, *Торци* и *Печенѣзи* сами бѣжаша [1])". 1169 г: „и ту придоша ему *Берендичи* вси, и *Торци* и *Печенѣзи* [2])". 1162 г.: „а Рюрикъ пойде по Торцьского... и с *Берендѣи*, и с *Куи*, и с *Торкы*, и с *Печенѣгы* [3])"... Вся эта масса разныхъ тюркскихъ кочевыхъ родовъ носила на Руси общее имя *Черныхъ Клобуковъ*, т. е., *Черныхъ Шапокъ*. Черные Клобуки не были особенный какой-нибудь народъ, отличный отъ Торковъ и Берендѣевъ, а это названіе было общимъ для Торковъ и Берендѣевъ, для Ковуевъ и Печенѣговъ, и для всѣхъ другихъ мелкихъ племенъ, осѣвшихся на Руси. Мы приведемъ выдающіяся извѣстія [4]). Въ 1162 г. у Рюрика были въ войскахъ: Берендѣи, Ковуи, Торки и Печенѣги. Чрезъ нѣсколько строкъ всѣ они названы Черными Клобуками: „и начаша просити *Черные Клобуци* у Мьстислава напередъ", ать соглядаемъ, княже, велика-ли рать [5])". Въ 1172 г. у Мстислава были Торки и Берендѣи. „*Торци и Берендичи льстяху имъ*". Объ этомъ братья предупреждаютъ его и говорятъ: „*а Черный Клобукъ нами лестить* [6])". Прося читателя за другими фактами обратиться къ статьѣ г. Самчевскаго, мы ограничиваемся приведенными, изъ которыхъ ясно видно, что имя „Черный Клобукъ" имѣло собирательное значеніе. Оно было родовымъ, а всѣ прочія имена являлись видовыми. „Черные Клобуки" есть не болѣе, какъ переводъ тюркскаго выраженія „Кара—калпаки" или „Кара—тули [7])",—черныя шапки. Гдѣ-же, въ какихъ

[1]) Ипат. лѣт. стр. 205.

[2]) Ibidem, стр. 365.

[3]) Ibidem, стр. 354.

[4]) См. статью г. Самчевскаго: Торки, Берендѣи и Черные Клобуки-въ Архивѣ истор.-юридич. свѣдѣній. Калачова. 1855 г. книга II, полов. I, гдѣ собраны всѣ факты и сдѣлано ихъ сличеніе.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 354.

[6]) Ibidem, стр. 375.

[7]) О каракалпакахъ см. Ж. М. Н. П. 1855 г. ч. 86. Березина На,

мѣстностяхъ, можно указать поселенія этихъ Черныхъ Клобуковъ? Мы уже встрѣчали ихъ на Поросьи и въ Переяславскомъ княжествѣ. Въ области послѣдняго они кочевали къ югу отъ городовъ Воиня и Заруба и къ сѣверу въ окрестностяхъ Баруча и Сакова [1]). Что касается Поросья, то здѣсь ихъ вежи были главнымъ образомъ на Бѣлоцерковской степи или Перепетовомъ полѣ, въ мѣстности, ограниченной рѣками Стугной и Росью. Такъ мы приводили уже извѣстіе лѣтописи, стоящее подъ 1162 г.: „придоша Половци мнози къ Гюргеву, *и взяша вежи многи по Роту.*—Черный Клобукъ весь съвъкупившеся ѣхаша по нихъ, *и постигоша я на Гси* [2])". Тянулись ихъ кочевья и по берегу Днѣпра. Такъ въ 1193 г. „Половци восваша *по Убережи* [3])". Убережь, по вполнѣ вѣроятному объясненію г. Барсова,—побережье Днѣпра [4]). Есть нѣсколько фактовъ, указывающихъ на пребываніе Черныхъ Клобуковъ и въ городахъ. Даже есть извѣстіе, будто были города, исключительно населенные тюрками. Въ лѣтописи мы находимъ напр. такое сообщеніе: „Половци же взяша *6 городовъ Беренъдичь* [5])".... Были и Печенѣги *каневскіе* [6]). Но во всякомъ случаѣ пребываніе Черныхъ Клобуковъ по городамъ въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ несомнѣнно. Ихъ князьямъ давались въ управленіе города. Въ концѣ XII ст. мы знаемъ трехъ черноклобуцкихъ князей, владѣвшихъ городами въ Поросьи. Кунтувдѣй сначала сидѣлъ въ Торческѣ, затѣмъ ему данъ былъ городъ Дерновый на Роси. Неизвѣстно, какіе города принадлежали Чюрнаю и Кульдеюрю: лѣтопись ихъ не называетъ [7]). Это были, какъ видно, люди выдающіеся. Про

шествіе Батыя на Россію изъ Рашидъ-ед-дина. Также Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. III, стр. 188. О мнѣніи г. Ланге см. ниже.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 208 и 277.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 356.

[3]) Ibidem, стр. 456.

[4]) Барсовъ. Матерьялы. Стр. 203.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 408.

[6]) Никон. лѣт. II, стр. 134.

[7]) Ипат. лѣт. стр. 450 и 453. Кунтувдѣй, обиженный Святославомъ соединился съ Половцами, „и ѣхавше изъѣхаша городъ *Чюрнаевъ... и отъ жены его взяша и челяди много яша*".... Половцы пришли на Поросье и услышали, что Святославъ стоитъ *у Кульдеюрева* (452). Очевидно: „Чюрнаевъ

Кунтувдѣя лѣтописецъ говоритъ, что онъ „бѣ мужь дерзъ и надобенъ в Руси [1])". Его вмѣстѣ съ Кульдеюремъ мы видимъ въ походѣ Игоря Святославича на Половцевъ къ Хоролу въ 1183 [2]) г. О Чюрнаѣ мы ничего не знаемъ, но по ходу дѣла съ Кунтувдѣемъ объясняется, что онъ имѣлъ также большой вѣсъ у князей, ибо по его доносу Святославъ Всеволодовичъ арестовалъ Кунтувдѣя [3]). Можно предположить, что черноклобуцкимъ князьямъ давались тѣ города, гдѣ въ населеніи преобладалъ черноклобуцкій—тюркскій элементъ. Хотя не въ такомъ количествѣ, какъ на Поросьи и въ Переяславской области, поселенія тюрковъ были и въ другихъ областяхъ. Такъ Ковуевъ мы находимъ въ Черниговскомъ княжествѣ, Берендѣевъ въ дружинѣ на Бѣло-озерѣ, а если вѣрить Никоновской лѣтописи, то Печенѣги служили князьямъ рязанскимъ [4]).

Роль черноклобуцкаго населенія въ исторіи Руси, особенно южной, весьма значительна. Оно принесло новый тюркскій элементъ на Русскую землю, который съ вѣками расплавился въ славянствѣ и не

и Кульдеюревъ"—имена прилагат. притяжат. Это доказывается тѣмъ, что въ 1183 г., мы встрѣчаемся съ княземъ *Кульдюремъ* и Кунтувдѣемъ (425). Это не собственныя имена городовъ. У г. Зубрицкаго по поводу этого факта является маленькій курьезъ. Принимая имя „*Чюрнаевъ*" за собственное и считая его городомъ Святослава Всеволодовича, онъ говоритъ: „А у Святослава кажется вмѣстѣ были *дѣ законныя жены*". (Исторія древн. Галицко-рус. княжества. I, 108).

[1]) Ипат. лѣт. стр. 450.

[2]) Ibidem, стр. 425.

[3]) „Тое-же осени Святославъ и Кунтувдѣя Торцьского князя *по обидѣ*".... Кунтувдѣй бѣжалъ къ Половцамъ и съ ними прежде всего напалъ на городъ Чюрная (450). Отсюда и можно заключить, что это была месть за доносъ.

[4]) „В то же время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода.... и у Ярослава испроси Ольстина Олексича, Прохорова внука, с Коуи Черниговьскими". (Ипат. лѣт. стр. 430—431). 1145 г: „Пришедшю же святославу в Пол ескъ городокъ, и ту присла ему Гюргій в помочь тысячю *Брендѣевъ* (очевидно—Берендичь): (Ibidem, стр. 239—240).

„Того-же лѣта (1136) в Резани убиша взагоне богатыря Печенѣжского Темирьхозю". (Никон. лѣт. II, стр. 72).

могъ не оказать вліяніе на славянское населеніе въ культурномъ отношеніи. Какъ на сѣверѣ чистый славянскій типъ измѣнился подъ вліяніемъ финскимъ, такъ на югѣ не могло пройти безслѣдно вліяніе тюрковъ, не могло не отразиться на послѣдующихъ поколѣніяхъ южноруссовъ. Не менѣе важное значеніе должно признать за черноклобуками въ ходѣ политическихъ событій на Руси и въ борьбѣ ея съ Половцами. Теперь мы и намѣрены сказать нѣсколько словъ о значеніи ихъ, какъ союзниковъ Русской земли. Мы видѣли характеръ половецкихъ набѣговъ, видѣли, какъ быстры и неожиданны были ихъ нападенія, какъ неуловимы были ихъ отряды во время вторженій и отступленій. Предупредить набѣговъ не было никакой возможности. Оставалось только бросаться за ними въ погоню, стараться перерѣзать ихъ путь отступленія и отбить полонъ. Не всегда это удавалось, но не было и никакого другого способа оборонить души христіанскія отъ тяжкаго рабства гдѣ-нибудь въ центральной Азіи. Нечего и говорить, что пѣшая рать не годилась для быстрыхъ преслѣдованій. Была у Русскихъ и конница, но ей невозможно было соперничать съ степными наѣздниками въ быстротѣ, ловкости, въ умѣньи владѣть лукомъ и стрѣлами. Надо было выставить силу равную по качеству, и такая сила сама явилась служить Руси, не зная, куда спасаться отъ своихъ сильныхъ враговъ Половцевъ. Русь пріобрѣла въ Черныхъ Клобукахъ легкое подвижное войско. Они были незамѣнимы, когда нужно было преслѣдовать врага, уходившаго съ награбленной добычей. Такъ, когда Половци ограбили Поросье въ 1155 г. „Василько же *с Берендичи* спостигъ, изби ѣ [1])“. Въ 1162 г. Черные Клобуки нагнали Половцевъ на Роси и отняли плѣнныхъ [2]). Въ 1172 г. Половцы ограбили города Полоный и Семычь. Наскоро была собрана погоня изъ ста человѣкъ Переяславцевъ, и полутарытысячи Берендѣевъ, настигла Половцевъ и отняла полонъ [3]). Когда нужно было поразить враговъ неожиданностью, застать ихъ врасплохъ, тогда Черные Клобуки были незамѣнимы. Такъ 1187 г. они двинулись съ князьями къ Татинскому броду на Днѣпрѣ. Спустя нѣсколько времени Святославъ и Рюрикъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 329.

[2]) Ibidem, стр. 356.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 380—381

послали Черныхъ Клобуковъ на половецкія вежи за Днѣпръ подъ начальствомъ Романа Нездиловича, и экспедиція удалась, ибо Черные Клобуки заранѣе провѣдали, что Половцы ушли на Дунай[1]). Никто лучше ихъ не могъ развѣдывать о положеніи врага, никто ловче не умѣлъ пробраться въ непріятельскій станъ. Припомнимъ, какъ удачно Торки прокрались въ лагерь Китана и не только выкрали Святослава Владиміровича, но и убили самого половецкаго князя. Когда нужно было опустошить непріятельскую область, то пускали Черныхъ Клобуковъ, или нужно было сдѣлать быстрое нападеніе,—они дѣйствовали и въ этомъ случаѣ,—и то и другое называлось „пускати на воропъ[2])". Словомъ, Черные Клобуки, какъ летучее, легкое войско, съ одинаковой степной тактикой, съ одинаковой привычкой и умѣньемъ владѣть тѣмъ оружіемъ, какое было и у кочевниковъ Половцевъ, Черные Клобуки несомнѣнно были полезны Руси, но польза, приносимая ими послѣдней въ ея борьбѣ съ Половцами, нѣсколько уменьшалась, благодаря дѣйствію черезчуръ сильныхъ обстоятельствъ. Съ того времени, какъ Половцы появились на границахъ Европы, должна была начаться сильная вражда между ними и Торками и Печенѣгами, вражда, возникающая непремѣнно между племенемъ торжествующимъ и племенами вытѣсняемыми изъ своей дѣдовской территоріи. Печенѣги и Торки „задаются" за русскихъ князей и мстятъ своимъ врагамъ, отстаивая Русскую землю. Но вотъ прошли годы, десятки лѣтъ, ни Торки, ни Печенѣги, еще не ославянились. Мы въ 60-хъ годахъ XII ст. видимъ ихъ все еще кочевниками, которымъ ничего не стоило подняться въ одинъ часъ и перекочевать со всѣми своими семьями и стадами куда угодно. Такъ въ 1151 г. Черные Клобуки говорятъ Изяславу и Ростиславу: „а к намъ приставите брата своего Володимира, ать поѣдемъ къ своимъ вежамъ, займуче же хочемъ вежѣ своѣ и жены своѣ и дѣти своѣ и стада своя, и што своего всего, пойдемъ-же къ Киеву; *а вы будете до вечера в Киевѣ, и мы будемъ*[3])". И дѣйствительно, они явились къ Кіеву „и с вежами и съ стады и скоты ихъ[4])"... Если на нихъ и

---

[1]) Ibidem, стр. 439, 444.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 365, 375.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 295.

[4]) Ibidem, стр. 296.

оказывала вліяніе культура осѣдлаго славянскаго населенія, если черноклобуцкіе князья и вообще знать каракалпацкая усвоивали себѣ нравы и обычаи Русскихъ, то все-таки они оставались еще вполнѣ кочевниками, съ инстинктами степняковъ; они не могли не сознавать своего родства съ Половцами: и образъ жизни, и языкъ, и тотъ-же типъ лица,--все это говорило и тѣмъ и другимъ, Кипчакамъ и русскимъ Чернымъ Клобукамъ,—что они родичи, и при томъ родичи весьма близкіе. Ничего нѣтъ страннаго, поэтому, что между тюрками Поросья и Переяславля и тюрками степей завязались скоро кровныя связи. Сами черноклобуцкіе князья, болѣе другихъ ославянившавшіеся, и тѣ при первомъ неудовольствіи готовы были надѣлать Руси всякихъ хлопотъ. Мы увидимъ ниже, какъ русскіе князья льстили Чернымъ Клобукамъ и заискивали у нихъ. Трудность ладить съ ними увеличивалась потому, что князьковъ каракалпацкихъ было много [1]), князьковъ, готовыхъ для личныхъ выгодъ сдѣлать все. На Руси имъ уже нельзя было дѣлать наѣздовъ другъ на друга. Они замѣнили ихъ ссорами, подкапываньемъ одинъ подъ другаго. Вотъ напр. для характеристики эпизодъ изъ жизни Поросья въ XII в.

Зимой 1190 г. одинъ изъ черноклобуцкихъ князьковъ, Чюрнай, сдѣлалъ доносъ на другаго такого же князька, Куптувдѣя. Послѣдній былъ посаженъ въ Торческѣ [2]), главномъ городѣ всего Поросья. Это,

---

[1]) Между 1150—1190 годами, по Ипатьевской лѣтописи извѣстны: Бастій, Чекманъ, Тошманъ, Моначукъ, Тудоръ Сатмазовичъ, Каракосъ Мнюзовичъ, Карасъ Кокѣй, Куптувдѣй, Чюрнай, Кульдеюрь.

[2]) Мы не знаемъ на какихъ условіяхъ сидѣли эти черноклобуцкіе князья по городамъ. Мы встрѣчаемъ тамъ постоянно и русскихъ князей, которые владѣютъ Поросьемъ, какъ своимъ удѣломъ. Надо думать, что черноклобуцкіе князьки добивались получить городъ не изъ-за одной чести, а изъ-за выгодъ. Не всѣ города Поросья были имъ розданы, а съ полученныхъ городовъ доходы отъ суда шли, вѣроятно, въ ихъ пользу. Русскіе князья, владѣвшіе Кіевомъ и Поросьемъ отказывались отъ своихъ доходовъ въ этихъ городахъ. Самый судъ однако едва-ли производился въ этихъ городахъ черноклобуцкимъ княземъ, а тіуномъ русскимъ, и только судныя пошлины отдавались Каракалпаку. Въ лѣтописи нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, чтобы можно было сказать что-нибудь положительное въ этомъ вопросѣ.

очевидно, было завидно Чюрнаю, получившему въ свое владѣніе одинъ изъ второстепенныхъ городовъ. Святославъ Всеволодовичъ, повѣривъ Чюрнаю, не разобравъ дѣла, приказалъ схватить Кунтувдѣя. Узнавъ объ этомъ, Рюрикъ Ростиславичъ сталъ уговаривать его освободить Торческаго князя, указывая на пользу, приносимую имъ Русской землѣ его храбростью. Оказывается, Рюрикъ лучше Святослава зналъ натуру степняка. Онъ предвидѣлъ худыя послѣдствія этого дѣла. Онъ добился отъ Святослава освобожденія Кунтувдѣя, который былъ приведенъ къ присягѣ, и вмѣстѣ принялъ мѣры для безопасности Поросья. Онъ не ошибся. Что значила для Тюрка эта вынужденная клятва, когда онъ чувствовалъ правоту своего дѣла, считалъ себя опозореннымъ. Понятно, что онъ, „не стерпя сорома своего“, бѣжалъ къ Половцамъ. Они съ охотой приняли Кунтувдѣя. Князь Торческа сталъ подбивать ихъ сдѣлать набѣгъ на Русь. Не смотря на то, что всего лишь лѣтомъ былъ заключенъ миръ между Русью и Половцами, послѣдніе рѣшили помочь Кунтувдѣю. Они прежде всего сдѣлали наѣздъ на городокъ Чюрная, взяли острогъ, зажгли дворъ, захватили все его имущество, двухъ женъ и много челяди. Отсюда Кунтувдѣй съ своими союзниками отступилъ къ р. Выси. Давъ передохнуть конямъ, Половцы двинулись къ Боровому, но узнавъ, что Ростиславъ Рюриковичъ находится въ Торческѣ, отступили. Въ отмщеніе за эти набѣги, Черные Клобуки рѣшили сами сдѣлать наѣздъ на половецкія кочевья. Лучшіе люди ихъ собрались, поѣхали къ Ростиславу въ Торческъ и сказали ему:

„Этой зимой Половцы часто насъ разоряютъ. Мы не знаемъ, подунайскіе они, что-ли [1])? Отецъ твой далеко, а къ Святославу и не шлемъ: толку не будетъ, потому что сердитъ на насъ за Кунтувдѣя“.

Ростиславу понравилась мысль ихъ. Онъ послалъ сказать Ростиславу Владиміровичу:

„Братъ, я хотѣлъ-бы поѣхать на вежи половецкія, а отцы наши далеко, и другихъ старшихъ нѣтъ. А будемъ мы съ тобой за старшихъ. Пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе“!.

Соединившись съ Черными Клобуками, они неожиданно явились у Протолчи, гдѣ захватили много стадъ и вежъ, которымъ некуда

---

[1]) „Се Половцѣ сеѣ зимы воюють ны часто, а не вѣдаемь Подунайци ли есмъ (есмы), что ли“. Фраза, очевидно, испорченная.

было спастись. За Днѣпръ князья не могли перебраться, ибо былъ ледоходъ. Съ богатой добычей они отступили. Но Половцы быстро узнали о своемъ несчастіи. Они не побоялись ледохода и вплавь переправились чрезъ Днѣпръ. На третій день они настигли Черныхъ Клобуковъ на р. Ивлѣ. Ими предводительствовали два сына Урусобы, Кольдечи и Кабанъ, Бѣгбарсъ, и четыре Кочаевича. Къ нимъ присталъ съ своимъ отрядомъ еще одинъ половецкій князь, Ярополкъ Томзаковичъ. Ростиславъ Рюриковичъ пустилъ впередъ стрѣлковъ. Половцы не выдержали смѣлаго ихъ нападенія и смѣшались. Стрѣлки и Черные Клобуки „ввертѣшася“ среди нихъ, много взяли живыхъ, много перебили. Попался тутъ въ руки Чернымъ Клобукамъ и половецкій князь, Кабанъ. Они не повели его къ Ростиславу, уладились съ нимъ за выкупъ и выпустили его. Этотъ набѣгъ Русскихъ не прошелъ даромъ. Половцы подъ начальствомъ двухъ хановъ, Итогда и Акуша, явились на Поросье и стали опустошать его малыми загонами. Одному изъ нихъ удалось захватить „языка“, отъ котораго они узнали, что Святославъ стоитъ въ наблюдательномъ положеніи у города князя Кульдеюра. Половцы безъ потерь отступили. Святославъ, стоя у Кульдеюрева, не зналъ, что дѣлаютъ Половцы, а они узнали, гдѣ онъ. Когда Святославъ затѣмъ поѣхалъ къ Кіеву и оставилъ сына, Глѣба, въ Каневѣ, Половцы сейчасъ провѣдали объ этомъ. Все это заставляетъ подозрѣвать, что въ данномъ случаѣ Черные Клобуки сочувствовали болѣе своимъ соплеменникамъ, чѣмъ Русскимъ. Это обнаружилось скоро послѣ этого, а пока Половцы напали на Товаровъ. Но Глѣбъ зашелъ имъ съ тыла, они бросились къ р. Роси, гдѣ ихъ много погибло. Кунтувдѣй бѣжалъ. Прошелъ годъ съ небольшимъ. Онъ все жилъ у Половцевъ. Осенью 1192 г. Черные Клобуки снова стали подбивать Ростислава идти на половецкія кочевья. Рюрикъ не пустилъ его. Тогда Святославъ рѣшилъ самъ наказать Половцевъ за ихъ набѣги, которымъ прошло уже года полтора. Онъ съ Черными Клобуками двинулся къ Днѣпру, очевидно, тою-же дорогой, какой шелъ Ростиславъ,—къ Протолчѣ. Дошли до Днѣпра, а за него..... за него Черные Клобуки не захотѣли ѣхать, „бяхуть-бо, говоритъ лѣтопись, *сватовъ имъ* сѣдяще за Днѣпромъ близъ“, переругались съ Святославомъ, и всѣ воротились „во свояси“. Тогда Рюрикъ рѣшилъ помочь дѣлу. Онъ послалъ въ землю Половецкую звать Кунтувдѣя назадъ. Половцы вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали къ Рюрику. Онъ одарилъ

ихъ, возобновилъ мирный договоръ, а Кунтувдѣя оставилъ у себя и далъ ему городъ Дерновый „ради Русской земли“.

Такъ уладилось дѣло Кунтувдѣя. Оно рисуетъ намъ довольно живо отношенія Черныхъ Клобуковъ къ Руси и землѣ Половецкой. Имѣются еще два факта, показывающіе, какъ сильно было тяготеніе Каракалпаковъ къ Кипчакамъ, какъ сознавалась ими родственная связь съ послѣдними. Въ 1187 г. Святославъ и Рюрикъ рѣшили неожиданно напасть на Половцевъ, которые, по слухамъ, были на лѣвой сторонѣ Днѣпра у Татинскаго брода [1]). „Княземъ же Рускимъ идущимъ на ня, говоритъ лѣтопись, *ис Черныхъ же Клобукъ даша вѣсть сватомъ своимъ в Половцы*“. Половцы успѣли бѣжать [2]). Въ другой разъ, во время большаго похода Мстислава, „бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Иславича“. Половцы успѣли скрыться, побросавши свои вежи [3]). Что здѣсь подъ именемъ кощѣя разумѣется какой-нибудь Каракалпакъ, это видно изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи объ этомъ походѣ. У Мстислава были Черные Клобуки, которыхъ онъ и пустилъ на „воронъ“. Князья потомъ были недовольны на него за то, что онъ тайно отъ нихъ „пусти на воронъ сѣдельникы своѣ и *кощѣтъ* [4]). Очевидно, это было бранное слово. Имъ крестили и Половцевъ. Такъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ говоритъ, обращаясь къ Всеволоду: „Аже-бы ты былъ, то была бы чага (половецкая плѣнница) по ногатѣ, а *кощей* по резанѣ [5])“. Шаткость, непрочность отношеній Черныхъ Клобуковъ къ Руси сознавалась современнымъ обществомъ. Князья постоянно могли опасаться съ ихъ стороны измѣны. Когда Игоръ Святославичъ отправился въ походъ, взявъ съ собой черниговскихъ Ковуевъ, ничего не знавшій Святославъ тяжелый сонъ видѣлъ. „Сыпахуть ми, разсказываетъ онъ про свой сонъ, тъщіими тулы поганыихъ тльковинъ великый жемчюгъ на лоно [6])“... т. е. „сыпали на меня крупный жемчугъ изъ пустыхъ колчановъ поганыхъ союзниковъ“. Сонъ былъ въ руку, потому что въ

---

[1]) Мѣстность неизвѣстная.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 439.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 369.

[4]) Ibidem, стр. 369—370.

[5]) Хрестоматія Аристова, стр. 1273.

[6]) Христоматія Аристова, стр. 1271—1272.

главной битвѣ съ Половцами первые бѣжали Ковуи и тѣмъ разстроили войска Игоревы [1]). Они были причиной несчастія, причиной слезъ старика Святослава.

Мы не остановливаемся на легкихъ набѣгахъ Половцевъ на Поросье. Тутъ повторялось то-же, что̀ и въ остальной Руси: наѣзды, погони, набѣги самихъ Русскихъ. Все это мы видѣли, разсказывая и о дѣлѣ Кунгувдѣя.

Кромѣ борьбы оборонительной Русскіе вели съ Половцами и борьбу наступательную. Они сами предпринимали походы въ глубь степей половецкихъ. Мы видѣли, что земля Сѣверская раздвинула путемъ военной колонизаціи свои предѣлы далеко на югъ въ область Дона; что Поросье отстаивало успѣшно свои границы; что даже Переяславское княжество уцѣлѣло, хотя и сильно съузилось въ своихъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что Русь въ этой почти четырехвѣковой борьбѣ со степью вышла побѣдительницей: кочевническія волны разбились о нея. Она на своихъ плечахъ вынесла эту борьбу и всею грудью прикрыла Европу. Но, будучи знакомы теперь съ ходомъ этой борьбы, съ бѣдствіями областей Переяславской, Кіевской, Сѣверской, съ тѣми усиліями, какія пришлось дѣлать ихъ населенію, чтобы удержать свою прадѣдовскую территорію, мы въ правѣ честь защиты Руси и Европы отдать по справедливости Руси южной. Только въ нѣкоторой степени съ ней можетъ въ этомъ отношеніи соперничать область Рязанская. Испытывала нападенія кочевниковъ и Венгрія, но до нея доходили лишь ослабленныя волны этого неистощимаго моря среднеазіатскихъ наѣзднивовъ. Не мало вытерпѣла и Византія. Отчаянно приходилось ей защищаться противъ Печенѣговъ и Половцевъ съ сѣвера, противъ Турокъ Сельджуковъ и Османовъ съ юга. Раздѣлившись въ давнія времена, эти тюркскіе братья какъ бы стремились подать другъ другу руку на территоріи Византіи, снова соединиться послѣ долгой разлуки. Можетъ быть младшіе братья, Сельджуки и Османы, не сокрушили-бы этой дряхлой, покрытой внутри и снаружи неизличимыми, зловонными болячками, имперіи, если бы ея окончательно не потрясли сѣверные — Печенѣги и Половцы. Византія не просуществовала бы долго и пре-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 433.

доставленная самой себѣ, но Тюрки лишь ускорили смерть неизлечимо больнаго. Византія пала подъ ударами среднеазіатскихъ братьевъ. Дорога въ Европу съ юга была открыта. Оплотомъ Запада съ этой стороны является Венгрія. Но это было уже позже, когда западноевропейскія государства окрѣпли на столько, что могли-бы и сами съ успѣхомъ выдержать борьбу съ Турками. Путь съ востока оберегала Русь. Она-то, вынесши на своихъ плечахъ четыре вѣка борьбы съ кочевниками, на себя приняла и первые удары татарскихъ полчищъ. Это были послѣднія волны, но первыя—выдержала Русь южная. Таково значеніе вѣковой *оборонительной* борьбы южно-русскаго населенія со степью.

Обратите вниманіе на территорію, которую занимали кочевники, па ихъ бытъ, и вы придете къ заключенію, что борьбы наступательной Русь вести не могла, что всѣ походы въ глубь степей были совершенно безполезны. Разбитые кочевники разсѣпаются въ разныя стороны на необъятномъ пространствѣ степей, бѣгутъ съ своими вежами въ глубь ихъ,—преслѣдовать ихъ безполезно, догнать ихъ нѣтъ возможности. „Со славою и честію великою“ возвращаются русскія ополченія изъ похода, а кочевники въ глубинѣ степей собираются съ силами, вновь придвигаются къ границамъ Руси, и ихъ летучіе отряды снова грабятъ, жгутъ, убиваютъ, уводятъ въ плѣнъ. Они сторицею вознаграждали себя за потери, понесенныя ими при походѣ князей.

Трудно сказать, какъ смотрѣло населеніе Руси на эти смѣлыя предпріятія своихъ князей. Мы знаемъ лишь мнѣніе лѣтописцевъ, но это еще не есть голосъ народа. Они смотрятъ на эти походы съ религіозной точки зрѣнія, какъ на подвиги, предпринимаемые во славу Бога для сокрушенія враговъ его, „поганыхъ“. „Вложи Богъ въ сердце Русьскимъ княземъ мысль благу“, говоритъ лѣтописецъ по поводу похода 1103 г. Знаменья небесныя предшествуютъ походамъ; чудеса Божія способствуютъ побѣдамъ князей. Предъ походомъ 1103 г. были знаменья въ лунѣ и солнцѣ а походъ 1111 г. былъ возвѣщенъ явленіемъ огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ. Двинулись Русскіе, и вотъ въ главной битвѣ „падаху Половци предъ полкомъ Володимеровымъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣци, и главы летяху невидимо стинаеми на землю“.... Взятые въ плѣнъ Половцы говорили Руси: „како можемъ битися с вами? а друзии ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помо-

гаху вамъ"?. „Токмо се суть ангели, объясняетъ лѣтописецъ, отъ Бога послани помогать хрестьяномъ[1])". Какъ подвигъ на пользу христіанства разсматривали эти походы и князья, съ болѣе пылкими, воинственными натурами. „Не дай Богъ, говоритъ Игорь Святославичъ, отказываться отъ похода на поганыхъ: они намъ всѣмъ общій врагъ[2]). Молодые дружинники полные отваги, стремились положить свои головы за христіанъ православныхъ и подбивали князей на смѣлыя предпріятія. Напали Половцы въ 1093 г. на Поросье, и идетъ совѣтъ у князя съ дружиной. Говорятъ князю старшіе, опытные дружинники: „не покушайся на нихъ ударить, ибо у тебя мало силъ"! „У меня 8 сотъ отроковъ, которые могутъ стать противъ нихъ", отвѣчаетъ князь. А эти молодые дружинники усиленно подбиваютъ князя: „пойди, князь"! На новомъ совѣтѣ молодежъ снова торжествуетъ, и костьми ложится на берегахъ Стугны[3]). „А мы, дружина, говорятъ дружинники князю, Святославу, жадни веселія". „Такъ кратко и такъ сильно выражаютъ они свою готовность идти на борьбу, и вмѣстѣ увѣренность въ своей побѣдѣ[4])".

Но дорого покупалась слава, къ которой стремились южные молодые дружинники. Поэтому, иначе смотрятъ на дѣло старшіе бояре, не всегда одобрявшіе, какъ мы видѣли, смѣлыя движенія князей. Князья другихъ областей не всегда участвуютъ въ походахъ, стараясь отдѣлаться отъ нихъ. Мы видѣли, какъ относились къ нимъ князья Сѣверской земли. „Не можемъ своей земли пусты оставити". Такой фактъ вовсе не указываетъ на рознь, на игнорированіе интересовъ всей Руси, а только на сознаніе безполезности этихъ предпріятій, которыми не достигалось ничего. Сѣверская земля ведетъ сама борьбу съ кочевниками двигаетъ колонизацію. Когда Мстиславъ Владиміровичъ съ большими усиліями защищалъ Переяславль, князья полотскіе не хотѣли идти къ нему на помощь, а напротивъ „молвяху Бонякови шелудивому во здоровье[5])". Смоляне, призванные въ 1185 г. на защиту

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 182, 188, 191, 193.

[2]) Ididem, стр. 430.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 152—153.

[4]) Вѣстникъ Евр. 1878 г. № 10. Барсовъ. Объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о полку Игоревѣ. Стр. 776.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 217.

Руси послѣ пораженія Игоря Святославича у Дона, остановились у Треполя, собрали вѣче и отказались идти дальше. „Мы пошли только до Кіева, говорили они, и если бы здѣсь была война, мы дрались-бы; зачѣмъ намъ искать непріятеля гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ: мы уже утомились [1])“. Въ этихъ фактахъ мы не имѣемъ права видѣть какой-то розни. Каждая область, съ своими собственными князьями во главѣ, была совершенно автономна въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ. Князья мирились, воевали, не имѣя права требовать поддержки у сосѣднихъ областей. Заключались союзы, ряды, но это уже свободное соглашеніе, а никакъ не обязанность. Суздальская земля ведетъ борьбу съ Болгарами, Новгородъ съ финскими племенами, Рязань—съ кочевниками; и не одна не получаетъ помощи отъ другихъ областей. У каждой области были свои враги, и каждой изъ нихъ предоставлялось вести дѣло самозащиты. Защищать себя—какъ-бы относилось къ внутреннимъ распорядкамъ. Какъ другія области боролись съ своими врагами, такъ Черниговъ, Кіевъ, Переяславль, должны были отстаивать себя отъ своихъ враговъ—кочевниковъ: это были ихъ внутреннія распорядки, ихъ личные интересы, а не интересы всей Руси, а потому Смоленскъ, Полотскъ, Новгородъ, имѣли право относиться къ этому такъ, какъ они относились. Мы знаемъ семь походовъ князей въ степи. По направленію движенія русскихъ ополченій, мы можемъ приблизительно опредѣлить цѣль каждаго похода. Въ 1107 г. Русскіе имѣли цѣлью, какъ прямо говоритъ лѣтопись, отразить Шаруканя и Боняка отъ границъ Переяславскаго княжества [2]). Въ 1111 г. князья шли чрезъ Сулу, Хоролъ, Иселъ, Голтву и Ворсклу. Тогда они зашли очень далеко, къ Донцу и Тору, но направленіе похода указываетъ, что и теперь цѣль была та-же, что и въ 1107 г.,—оттѣснить враговъ отъ Переяславской области [3]). Въ 1184 г. Кончакъ двинулся на Русь съ намѣреніемъ предать все опустошенію. Святославъ Всеволодовичъ собралъ силы сосѣднихъ князей, двинулся на встрѣчу Половцамъ и разбилъ Кончака на Хоролѣ [4]). Такимъ образомъ, во трехъ этихъ

---

[1]) Ibidem. Стр. 436.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 186—187.

[3]) Ibidem, 191—193.

[4]) Ibidem, 428—429.

случаяхъ князья двигались по одному и тому же направленію. Мы видимъ, что количество князей, принимавшихъ участіе въ этихъ походахъ, весьма ограниченно. Въ 1107 г. участвовали: Мономахъ, Святополкъ кіевскій, Олегъ новгородсѣверскій, и дѣти Мономаха; въ 1111 г. мы видимъ тѣхъ-же самыхъ; только присоединился Давидъ черниговскій, за то не было Олега Святославича; въ 1184 г. идутъ Рюрикъ кіевскій, Святославъ черниговскій, Владиміръ Глѣбовичъ переяславскій и сынъ Романа, Мстиславъ. Нѣсколько иначе относятся князья, когда дѣло идетъ объ обще-русскихъ интересахъ. Такими были интересы торговые. Мы въ разныхъ мѣстахъ уже видѣли, что торговля съ востокомъ и югомъ, хотя и затруднилась съ занятіемъ степей кочевниками, но не прекращалась. Пути, по которымъ прибывали купцы съ заграничными товарами въ Русь и ѣздили русскіе торговцы за границу, носили названіе Греческаго, Залознаго, Соленаго. Они были очень древни, и Мстиславъ Изяславичъ называетъ ихъ путями „дѣдъ и отецъ“. Намъ не мѣсто здѣсь вдаваться въ изслѣдованіе, по какимъ направленіямъ шли они. Видно, что кочевники, затрудняя постоянно торговыя сношенія Руси, иногда грозили захватить въ свои руки эти торговые пути. По этому поводу въ 1170 г. Мстиславу Изяславичу пришлось созвать на совѣтъ князей. „Братье! говорилъ онъ, пожальтеси о Русской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несуть (Половцы) хрестьяны на всяко лѣто у вежѣ свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и *Греческий* путь изъотимають и *Соляный*, и *Залозный*“. И князья единодушно согласились принять участіе въ походѣ, чтобы „поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести[1])“. Въ этомъ предпріятіи участвовали князья почти всей Южной Руси. Перечисливъ тринадцать князей, лѣтопись добавляетъ: „и инии мнози“. Побивши Половцевъ на р. Орели, князья затѣмъ вышли къ Каневу и дождались „гречниковъ“ и „залозниковъ[2])“. Это дѣлалось и раньше. Въ 1168 г. Ростиславъ собралъ князей, и долго стояли они у Канева, пока не прибыли купцы по греческому и залозному пути. Здѣсь мы видимъ всѣхъ князей лѣваго берега Днѣпра[3]).

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 368.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 370.

[3]) Ibidem, стр. 361.

Надо думать, что съ такою же цѣлью стояли все лѣто у Канева въ 1192 г. Рюрикъ и Святославъ, со всѣми своими князьями [1]).

Двинувшись съ намѣреніемъ обезопасить на нѣкоторое время торговые пути, Русскіе въ 1170 г. спустились по берегу Днѣпра до Сиопорода (Самары) и побили Половцевъ на Орели. Очевидно, такое направленіе похода имѣло особое значеніе. Если нѣтъ сомнѣнія, что греческій путь шелъ Днѣпромъ, то соленый и залозный гдѣ-то у впаденія Самары въ Днѣпръ отдѣлялись отъ перваго и развѣтвлялись: одинъ могъ идти на востокъ, другой на юго-востокъ къ Перекопу. Въ 1103 г. князья двигались по тому-же самому направленію. Они зашли еще южнѣе, достигли острова Хортицы [2]). Можно, поэтому предполагать, что цѣлью этого похода было главнымъ образомъ оттѣснить кочевниковъ отъ пути греческаго. Въ 1187 г. Рюрикъ и Святославъ снова отправились на югъ и, какъ въ 1103 г. Мономахъ, достигли Самары [3]). такъ что и этотъ походъ, надо думать, былъ предпринятъ для защиты торговыхъ путей. Въ этихъ предпріятіяхъ, какъ мы видѣли, участвуютъ гораздо больше князей, чѣмъ въ тѣхъ, которыя были сдѣланы въ 1107, 1111 и 1185 г.. и именно потому, что здѣсь имѣлись въ виду общіе интересы для свей земли.

Знаменитый походъ Игоря Святославича стоитъ совершенно отдѣльно. Это не было предпріятіе, вызванное общими интересами Руси. Оно не имѣло цѣлью даже и защиту Русской земли. Оно было результатомъ отваги молодыхъ сѣверскихъ князей, ихъ стремленія „поискати“ древняго Тмутораканя, продолжавшаго существовать и быть торговымъ пунктомъ на Азовскомъ морѣ. Есть основаніе предполагать, что по Дону также пролегалъ торговый путь изъ Руси на югъ, въ Крымъ. Большую вѣроятность имѣетъ предположеніе г. Малышевскаго, что самъ создатель „Слова“ бывалъ въ „Тмуторакани, видѣлъ всю важность и богатство этого города и старался, можетъ быть, подбивать князей на смѣлое предпріятіе—„поискати“ ихъ „дѣдины [4])“. Такихъ поджигателей на громкіе подвиги должно было быть много. Впереди

---

[1]) Ibidem, стр. 453.

[2]) Ibidem, стр. 183.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 440.

[4]) Ж. М. Н. П. 1879 г. Августъ. „Къ вопросу объ авторѣ „Слова о полку Игорева“: И. Малышевскаго.

видѣлась слава громкая не только на Руси, но и въ Европѣ, манила и возможность возвращенія древнихъ сѣверскихъ городовъ, богатыхъ Корчева и Тмутороканя. Какъ было сдержаться, какъ было не испробывать счастія! И разгорается сердце князя. А тутъ дружинники не перестаютъ воодушевлять его своими рѣчами. „*Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князя на побѣду!* „говорятъ они [1]). Общее воодушевленіе побѣждаетъ князя. „*Хощу*, восклицаетъ онъ, *копіе преломити конець поля половецкаго съ вами, Русичи; хощу главу свою приложити, а любо шеломомъ испити Дону* [2])“. Пѣвецъ „Слова“ даетъ намъ понять, что и въ Кіевѣ еще раньше знали о существованіи въ землѣ Сѣверской этихъ стремленій. Толкуя Святославу видѣнный имъ страшный сонъ, бояре говорятъ ему: „*се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону* [3])“. Вѣроятно, Сѣверянами восказывались не разъ ихъ мечты и желанія. Да и, дѣйствительно, было о чемъ мечтать! Какою-бы славою покрылось имя князей сѣверскихъ и ихъ дружинниковъ, удайся ихъ предпріятіе. Успѣхъ его имѣлъ-бы, можетъ быть, громадныя послѣдствія, оказалъ-бы большое вліяніе на ходъ русской исторіи. Но это *мы* можемъ говорить о важности, о великомъ значеніи его, можемъ, по справедливости, видѣть огромную пользу для всей Руси въ возвращеніи къ ней азовскаго побережья, можемъ видѣть здѣсь обще-русскіе интересы. Ставъ-же на точку зрѣнія современниковъ этого событія, должно будетъ признать этотъ походъ частнымъ, областнымъ предпріятіемъ. Такъ и взглянула Русь. Напрасно пѣвецъ „Слова“ старается возбудить всѣхъ князей на мщеніе Половцамъ за пораженіе и плѣнъ Игоря, напрасно онъ поетъ имъ панегирики. Они остались равнодушны къ несчастію князей сѣверскихъ. Какія области могли ожидать нападенія Половцевъ, тѣ принимаютъ мѣры. Ярославъ Всеволодовичъ собралъ войско въ Черниговѣ; Владиміръ и Олегъ, сыновья Святослава, были посланы защищать Посемье. Напрасно Владиміръ Глѣбовичъ переяславскій посылалъ къ Рюрику, Святославу и Давиду. „Се Половцы у мене, а помозите ми“, писалъ онъ. Святославъ посы-

---

[1]) Слово о полку Игоревѣ. Христоматія. Аристова. Стр. 1274.

[2]) Ibidem, стр. 1266.

[3]) Ibidem, стр. 1272.

лалъ къ Давиду; Давидъ стоялъ у Треполя съ Смольнянами, а они не хотѣли идти дальше. Князья опоздали помочь Переяславлю. Сильно разорена была его область. Поплатилось, какъ мы видѣли раньше, и Посемье. Долго не могла оправиться Сѣверская земля отъ этого пораженія, ибо на берегахъ р. Каялы погибли лучшія ея силы.

Въ первыхъ годахъ XIII ст. предпринимаетъ походы въ глубь степей знаменитый Романъ. Лѣтописи говорятъ о двухъ такихъ предпріятіяхъ этого князя. Одно имѣло мѣсто въ 1201 г., а другое въ 1204 г. [1]).

Извѣстія объ этихъ двухъ походахъ очень кратки, такъ что нѣтъ возможности сказать, что̀ имѣлось въ виду князьями: хотѣли-ли они оттѣснить кочевниковъ отъ границъ Руси, или защитить торговые пути. Скорѣе ихъ нужно считать результатомъ политики сосѣдней Византіи.

Въ концѣ XII в. произошло возстаніе Болгаръ противъ византійскаго господства. Дѣломъ возвращенія самостоятельности Болгаріи управляли Петръ и Асѣнь, можетъ быть, потомки прежнихъ болгарскихъ царей. Сильно потерпѣла въ борьбѣ съ ними Византія. Участіе въ ней (борьбѣ) принимали и Половцы на сторонѣ Болгаръ [2]). Въ 1200 г. они вмѣстѣ съ Влахами сдѣлали вторженіе въ предѣлы Византіи и разоривши лучшія мѣста страны безнаказанно удалились, и вскорѣ, можетъ быть, явились-бы, по словамъ Никиты Хоніата, у воротъ самой столицы, еслибы не пришла помощь съ сѣвера. „Галицкій князь, Романъ, собравши неожиданно большое и храброе войско

---

[1]) Относительно года перваго похода см. главу II. Второй походъ въ Воскресен. лѣтописи помѣщенъ подъ 6711 г., въ Лаврентьев. подъ 6713, а въ Никонов. какъ въ Воскресен. Мы отдаемъ предпочтеніе датѣ послѣдней, ибо ея извѣстіе снабжено еще однимъ хронологическимъ указаніемъ. Она говоритъ: „Бысть знаменіе на небеси, января 28 (или 22)..... „Затѣмъ разсказывается о походѣ, который, по воззрѣнію всякого лѣтописца, долженъ былъ имѣть связь съ этимъ небеснымъ явленіемъ. Мы можемъ поэтому считать временемъ похода или послѣднія числа января, или первыя,—февраля, ибо далѣе говорится, что походъ происходилъ въ лютую зиму. Такъ какъ походъ совершился въ январѣ или февралѣ, то, поступая по способу г. Куника, найдемъ: 6711—5507=1204 г.

[2]) См. объ этомъ изслѣдованіе г, Успенскаго: Образованіе второго Болгарскаго царства. Одесса. 1879 г.

напалъ на землю Половцевъ и безъ всякаго труда разорилъ её. Этимъ онъ прекратилъ набѣги Половцевъ и оказалъ помощь „Римлянамъ", поставленнымъ въ крайнюю опасность [1]). Оказывается, что въ 1200 г. въ Византіи былъ галицкій посолъ [2]), чрезъ котораго, вѣроятно, и просилъ греческій императоръ помощи у русскихъ князей. Повліяли тутъ, конечно, и убѣжденія кіевскаго митрополита [3]). Не много князей участвовали въ походѣ 1204 г. Это были: Рюрикъ кіевскій. Ярославъ переяславскій, Романъ галицкій, „и инии князи [4])". Теплымъ словомъ помянулъ Никита Хоніатъ галицкаго князя, Романа, за спасеніе своего отечества, но галицко-волынская лѣтопись, вообще неравнодушная къ Роману, пропѣла ему панегирикъ. Она даетъ ему имя самодержца, „одолѣвша всимъ поганьскымъ языкомъ... устремилбося бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ [5]). Двѣ побѣды надъ Половцами вызвали эту похвальную оду. Половцы нисколько не измѣнили своихъ отношеній къ Руси, и въ 1210 г. мы видимъ ихъ новый набѣгъ на Переяславскую область. Замѣтимъ, что въ ипатьевской лѣтописи недостаетъ нѣсколькихъ годовъ, и мы не можемъ увѣренно сказать, что за этотъ пропущенный періодъ Половцы не предпринимали экскурій на русскую территорію. Чтобы оказать дѣйствительную поддержку Византіи, наши князья должны были направить свое движеніе прямо на югъ, къ Черному морю и Дунаю. Двигаясь по этому пути, Русскіе, кромѣ помощи Греціи, очищали и свой греческій торговый путь. Это-то, вѣроятно, и вызвало такую громкую похвалу Роману со стороны нашего лѣтописца.

Такимъ образомъ, походы въ глубь степей половецкихъ имѣли двоякую цѣль: одни—цѣль частную—оттѣсненіе кочевниковъ отъ границъ какой-либо области; другіе—цѣль общую—защитить торговые интересы всей Руси. Если для русской земли важны были сношенія

---

[1]) Νικήτα τοῦ Χωνιάτου χρονική.... p. 691—692, Bonnae. 1835 г.

[2]) Успенскій. Второе болгарское царство. Стр. 208, примѣч. 3.

[3]) Νικήτα... ibidem.

[4]) Воскрес. лѣт. I. стр. 108.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 479—480

съ югомъ и востокомъ, то и обратно большое значеніе придавали торговлѣ съ Русью купцы востока, запада и юга. Вотъ почему извѣстія о походахъ передавались быстро и въ западную Европу, и въ Грецію, вѣроятно, и къ Арабамъ. За границей не могли знать цѣли каждаго похода, и всѣ они принимались какъ попытки облегчить торговлю иностранцамъ съ Русью, обезопасивъ движеніе торговыхъ каравановъ. Понятно, почему „ко всѣмъ странамъ дальнимъ, къ Грекамъ и къ Венграмъ, къ Полякамъ и къ Чехамъ, даже до Рима, прошла слава“ о походѣ 1111-го года [1]). Вполнѣ справедливо Нѣмцы и Венеціане, Греки и Моровапе пѣли славу Святославу и осуждали Игоря за его неудачный походъ [2]), давшій Половцамъ случай усилиться и стѣснить торговое движеніе въ южно-русскихъ степяхъ.

Кочевники, являясь опасными врагами Руси, вмѣстѣ съ тѣмъ представляли изъ себя силу, всегда готовую за извѣстную плату поддержать какое угодно дѣло. Мы видимъ ихъ наемные отряды въ войнахъ нашихъ князей съ сосѣдними государствами. Такъ Печенѣги участвовали въ походахъ на Грецію Игоря въ 944 г. [3]). и Святослава 970 г. Но служба однихъ колѣнъ у этого князя нисколько не помѣшала другимъ склониться на сторону Грековъ и напасть на Русскихъ въ порогахъ [4]).

Когда Русскіе познакомились съ Торками, то не упустили воспользоваться и ихъ услугами. Въ 985 г. Владиміръ св. ведетъ ихъ на Болгаръ [5]). Съ появленіемъ Половцевъ, князья нашли новую силу для своихъ военныхъ предпріятій. Польша и Венгрія начинаютъ испытывать это на себѣ. - Въ 1092 г. ихъ ведетъ на границы первой Василько Ростиславичъ, Есть одно польское извѣстіе, показывающее, что русскіе князья навели Половцевъ на предѣлы Польши и въ 1119 г. Тогда была опустошена Краковская область и разрушена Вислица.

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 196.

[2]) Слово о Полку Игоревѣ. Хрестоматія Аристова. Стр. 1271.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 28.

[4]) Ibidem. Стр. 48 и Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Bonnae 1839 г. pp. 384, 387—8. 412 г. II. Онъ старается объяснить фактъ такъ, будто Печенѣги были недовольны на Святослава и не хотѣли внести въ условія мира пропускъ свободный русскихъ чрезъ свою землю.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 150.

По нашей лѣтописи это событіе относится къ 1120 г. [1]). Несчастной Вислицѣ пришлось испытать вторично разореніе отъ Половцевъ, которыхъ на этотъ разъ привелъ галицкій князь, Владимірко [2]). Особенно часто приходилось испытывать вторженіе кочевниковъ Венгріи. Кромѣ того, что начиная съ семидесятыхъ годовъ XI в. Половцы сами дѣлаютъ набѣги на Венгрію съ юговосточной ея стороны, противъ Венгровъ наводятъ ихъ русскіе князья. Въ 1097 г. Святополкъ кіевскій задумалъ отнять удѣлъ у Ростиславичей. Разбитый одинъ разъ, онъ послалъ сына своего Ярослава просить помощи у Венгровъ. Сторону галицкихъ князей принялъ изгнанный владимірскій князь, Давидъ Игоревичъ. Онъ привелъ знаменитаго Боняка. На лѣвомъ берегу р. Сана, близь города Перемышля, въ углѣ между рр. Вягромъ и Саномъ, Половцы на голову разбили Венгровъ. По словамъ венгерскихъ историковъ ихъ соотечественники никогда не терпѣли такого пораженія [3]). Послѣ смерти Романа Мстиславича начинается ожесточенная продолжительная борьба за Галичъ. Претендентами являются кромѣ русскихъ князей и Венгры. Они стараются въ первое время, подъ видомъ поддержки Даніила, захватить Галицкую область въ свои руки, что имъ иногда и удается. Въ 1206 г. Рюрикъ ведетъ Половцевъ на Галичъ. На Серетѣ произошло сраженіе, въ которомъ Галичане и Венгры были разбиты. Призывалъ Половцевъ Мстиславъ въ 1213, въ 1217 и 1219 гг. Въ 1229 г. произошелъ интересный фактъ: у Галича сошлись братья,

---

[1]) Katalogi biscupów kracowskich M. P. H. v. III, p. 347. и лѣтоп. Ипат. 205: „Тогда же посла Володимеръ Андрѣя *с погаными* на Ляхы, и повоеваша ѣ".

[2]) Шараневичъ. Исторія Галицко-Володимирской Руси. Въ Львовѣ. 1863 г. стр. 37 См. Rocznik traski и Rocznik krakowski. (M. P. H. v. II, p. 832). Rocznik sędzivoja. (M. P. H. v. II, p. 875). Есть еще два извѣстія о набѣгѣ Половцевъ на Польшу (см. Kronika xiążąt. polskich (M. P. H. v. III, p. 457) и хронику Галла. (M. P. H. v. I, p. 441—2), но трудно, даже невозможно опредѣленно датировать этихъ событій. Ни у Длугоша, ни у Стрыйковскаго ни въ нашей лѣтописи, нѣтъ никакихъ извѣстій объ этомъ фактѣ.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 177—8, Шараневичъ. Исторія галицко-володимирской Руси. Стр. 31. Thwrocs. Script. rerum. hungar. v. I. p. 135—136. Annales regum Hungariae. Pray. Vindobonnae. 1763 p. 99—100.

какъ враги: въ войскѣ Венгровъ были Половцы Бѣгбарсовы, очевидно изъ тѣхъ, которые раньше поселились въ Венгріи,—а на сторонѣ Даніила были Половцы съ княземъ Котяномъ[1]). Испытала силу ихъ и Литва. Въ 1251 г. Данилъ посылалъ своего брата, Василька, съ Половцами на Ятвяговъ. Въ 1253 г. галицкій князь водилъ ихъ противъ Мендовга[2]). Брали себѣ въ помощь Половцевъ и князья суздальскіе. Такъ въ 1183 г. Всеволодъ Юрьевичъ во время похода на волжскихъ Болгаръ принялъ предложеніе Половцевъ участвовать совмѣстѣ съ нимъ въ этомъ предпріятіи[3]).

Только на пользу Руси могло-бы служить сосѣдство кочевниковъ, если-бы ихъ роль ограничивалась лишь участіемъ во внѣшнихъ войнахъ Русскихъ. Но, къ несчастію, гораздо чаще степняки являлись дѣятельными участниками во внутреннихъ событіяхъ земли Русской. Разныя обстоятельства побуждали русскихъ князей приглашать кочевниковъ. Мы знаемъ такихъ приглашеній, конечно, болѣе крупныхъ, 34. Кромѣ подарковъ, извѣстной платы за труды, союзники обогащались дальшой добычей, безнаказано грабя мирныхъ жителей. Дѣйствія этихъ наемниковъ нисколько не показывали въ нихъ добрыхъ помощниковъ, и населенію было также чувствительно ихъ посѣщеніе, сдѣлано-ли оно по приглашенію или безъ него. Въ 1094 г. они, будучи призваны Олегомъ противъ Мономаха, грабили и разоряли окрестности Чернигова, перебили много народа, увели большое количество плѣнныхъ, которые потомъ были распроданы въ рабство[4]). Въ 1172 г. Глѣбъ Юрьевичъ нанялъ Половцевъ противъ Мстислава Изяславича, и они сильно опустошили Кіевскую область[5]). Въ 1234 г., приведенные Изяславомъ Владиміровичемъ, кочевни разорили окрестности Кіева[6]). Когда образовались военныя поселенія Черныхъ Клобуковъ, то они начинаютъ принимать дѣятельное участіе въ междоусобіяхъ русскихъ князей. Находясь въ тѣсной связи съ Русью, состав-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 480, 491, 492, 493, 507. Шараневичъ. Стр. 82. Воскр. лѣт. стр. 112.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 538, 543.

[3]) Воскрес. лѣт. стр. 96, ч. I. (П. С. Р. Л. VII).

[4]) Ипат. лѣт. стр. 158.

[5]) Ibidem, стр. 376.

[6]) Ibidem, стр. 515.

ляя населеніе цѣлой ея области — Поросья, эти пріятели тѣмъ не менѣе не особенно щадили своихъ новыхъ соотечественниковъ. Въ 1151 г., помогая Изяславу Мстиславичу, Черные Клобуки явились у Кіева „и с вежами и съ стады и скоты ихъ и многое множество, и велику накость створиша, оно ратніи, а оно своѣ, и монастыри оторгоша, и села пожгоша, и огороды вси посѣкоша[1]“. Призывавшіе ихъ князья не могли воспретить грабительствъ и опустошеній, ибо рисковали тотчасъ-же быть ими покинутыми. Когда Иванъ Ростиславичъ, князь Берладн на Дунаѣ, нанявъ Половцевъ для войны съ своимъ двоюроднымъ братомъ, галицкимъ княземъ, Ярославомъ, не дозволилъ имъ разграбить городъ, Ушицу, они тотчасъ-же оставили его[2]). Князья не только не могли держать въ строгомъ повиновеніи своихъ степныхъ союзниковъ, но даже должны были стараться поддѣлываться подъ нихъ, привлекать ихъ къ себѣ всякими способами. При малѣйшемъ поводѣ Черные Клобуки измѣняли князьямъ. Вотъ самый интересный фактъ отношенія Каракалпаковъ къ русскимъ князьямъ. Въ 1159 г. Изяславъ Давидовичъ (изъ фамиліи князей черниговскихъ) задумалъ ослабить Галичь отдѣленіемъ въ немъ удѣла для Ивана Берладника. Какъ Кіевскій князь, онъ имѣлъ въ своихъ войскахъ и Черныхъ Клобуковъ. Онъ осадилъ Бѣлгородъ. Въ это время противъ него подвигались силы Мстислава, Владиміра и Ярослава галицкаго. Берендѣи показывали видъ, будто дѣятельно принимаютъ участіе въ штурмахъ Бѣлгорода, а сами между тѣмъ сговаривались другъ съ другомъ совсѣмъ о другомъ. Во главѣ заговорщиковъ стояли черноклобуцкіе князья, Тудоръ Сатмазовичъ, Каракозь Мнюзовичъ и Карасъ Косѣй. Они отправили одного плѣнника ночью къ Мстиславу Изяславичу съ такимъ письмомъ: *„въ насъ, князь, для тебя и добро и зло; если ты хочешь любить насъ какъ твой отецъ, и дашь намъ по лучшему городу, то мы отступимъ отъ Изяслава“*. Мстиславъ обрадовался ихъ предложенію, въ ту-же ночь отправилъ къ нимъ съ ихъ посланцемъ Олбыря Шерошевича, принялъ всѣ ихъ условія и *принесъ имъ въ этомъ присягу*[3]). Черные Клобуки сознаютъ свою силу и говорятъ смѣло князю: „въ нашихъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 296.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 341.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 344—345.

рукахъ твое счастіе и несчастіе", и князь сознаетъ это и цѣлуетъ имъ крестъ на всей ихъ волѣ. Вотъ что они говорили князю, когда находили для себя опаснымъ далѣе поддерживать его: „князь, сила у твоего врага велика, а у тебя мало дружины; не погуби насъ, ни самъ не погибни; но ты нашъ князь; когда силенъ будешь, и мы съ тобой, а теперь не твое время, поѣзжай прочь [1])"! Они приглашаютъ князей на кіевскій столъ [2]), и князья прежде, чѣмъ пойти для добыванія его, стараются склонить ихъ на свою сторону. Юрій суздальскій, претендовавшій на кіевское княженіе, сначала посылаетъ на югъ своего сына, Ростислава, чтобы подъ рукой развѣдать о состояніи умовъ на Поросьи. Только Изяславъ Мстиславичъ во время узналъ, въ чемъ дѣло и, арестовавъ сынка, выпроводилъ его къ батюшкѣ [3]). О важномъ значеніи Черныхъ Клобуковъ знали и сосѣди Руси. Тотъ-же Изяславъ Мстиславичъ, желая убѣдить венгерскаго короля подать ему помощь, пишетъ: „а все ти скажуть твои мужи и братъ твой Мьстиславъ, како ны Богъ помоглъ, и паки како ся по насъ яла Русская земля вся и *Черныи Клобуци* [4])". Въ мирное время князья старались располагать въ себѣ Черныхъ Клобуковъ подарками и угощеніями. Такъ въ 1195 г. Давидъ смоленскій, будучи въ гостяхъ у Рюрика, въ Кіевѣ, позвалъ къ себѣ на обѣдъ Черныхъ Клобуковъ „и ту, говоритъ лѣтопись, попишася у него вси Черныи Клобуци, и одаривъ ихъ дарьми многими и отпусти ихъ [5])".

Такія же пріятельскія отношенія русскіе князья стараются поддержать и съ Половцами. Можно было ихъ поднять и золотомъ [6]), которое было главной силой, возбудительно дѣйствовавшей на кочевника, но золото могло быть у всякаго; всякій могъ надбавкой платы перетянуть Половцевъ на свою сторону. Поэтому князья всѣхъ родовъ стремятся заключать родственныя связи съ половецкими ханами. Такъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 279.

[2]) Ibidem, стр. 230, 276, 365.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 261—2.

[4]) Ibidem, стр. 292.

[5]) Ibidem, стр. 458.

[6]) „И Половци дикѣи с нимъ, а и тыи золотомъ узводить", жалуется Изяславъ Мст. венгерскому королю на Юрія суздальскаго. (Ипат. лѣт. стр. 292).

какъ Черные Клобуки гораздо ближе жили къ областямъ Мономаховичей, были пограничными сосѣдями ихъ удѣловъ, такъ какъ другимъ князьямъ трудно было сноситься съ Поросьемъ, то суздальскіе и сѣверскіе князья по бо́льшей части опираются на Половцевъ. Особенно дружественныя отношенія были съ ними у Ольговичей. Первый примѣръ брачнаго союза между русскими князьями и половецкими ханами мы видимъ въ 1094 г. Тогда Святополкъ Изяславичъ кіевскій женился на дочери Тугорхана [1]). Этимъ бракомъ предполагалось хоть нѣсколько обезопасить Русь отъ половецкихъ набѣговъ. Но это не привело къ желаемой цѣли. Мы видимъ нападенія тестя Святополкова на Переяславль и въ 1096 г. [2]). По такимъ же побужденіямъ былъ заключенъ бракъ между сыновьями Владиміра Мономаха и Олега Святославича и дочерьми половецкихъ хановъ: Юрій Владиміровичъ женился на дочери Аэпы, внукѣ хана Осѣня, а Святославъ Ольговичъ на дочери другаго Аэпы, внукѣ Гиргеня [3]). Но и это не принесло пользы. Далѣе начинаютъ являться браки уже съ цѣлью имѣть сторонниковъ въ землѣ Половецкой на случай междоусобной борьбы. Такъ въ 1117 г. Мономахъ женилъ своего сына, Андрѣя, на дочери Туркъ-хана [4]). Рюрикъ Ростиславичъ получилъ отъ отца въ жены дочь половецкаго хана Беглюка [5]). Въ 1205 г. Всеволодъ суздальскій сосваталъ для своего сына, Ярослава, дочь половецкаго хана, Юрія Кончаковича [6]). Особенно послѣдній бракъ показываетъ, что тутъ имѣлось въ виду не оградить земли отъ набѣговъ, а запастись родственниками въ степи ибо Суздальская земля была совершенно закрыта отъ половецкихъ вторженій. Всеволодъ на примѣрѣ своего отца, Юрія, видѣлъ какъ полезно имѣть пріятелей среди кочевыхъ наѣздниковъ. Понималъ это и Мономахъ, ибо ему самому уже приходилось опираться на степныя силы. Понятно, что не лишнимъ для себя считалъ Даніилъ галицкій сдѣлать своимъ сватомъ половецкаго хана, Тѣгака [7]). Въ 1187 г.

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 157.

[2]) Ibidem, стр. 161

[3]) Лавр. лѣт. стр. 272.

[4]) Воскр. лѣт. I, стр. 24; Никон. лѣт. II, стр. 53.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 357.

[6]) Воскр. лѣт. стр. 112, I; Никон. лѣт. II, стр. 292.

[7]) Ипат. лѣт. 543.

Владиміръ Игоревичъ возвратился изъ половецкаго плѣна съ женой, дочерью знаменитаго Кончака. На Руси сыграли вторично сватьбу, ибо она была уже разъ совершена въ степи, и Владиміръ вернулся домой самъ—третій [1]). Были браки и съ романическимъ характеромъ. Святославъ Владиміровичъ имѣлъ вотчимомъ половецкаго хана, Башкорда. Оказывается, что его мать послѣ смерти перваго своего мужа, Владиміра Давидовича, увлеклась степнымъ красавцемъ и бѣжала къ нему въ кочевья [2]). Вѣроятно это не единичный фактъ. Князья, особенно Ольговичи, старались поддерживать тѣсную родственную связь съ Половцами, ибо находили въ нихъ единственную поддержку въ своихъ притязаніяхъ. Половцы также болѣе склонялись на сторону князей сѣверскихъ, что̀ выразилось тѣмъ, что мы видимъ ихъ бо́льшею частью на сторонѣ Ольговичей. Они всегда были готовы оказать имъ помощь и дружественно заявляли объ этомъ. „Спрашиваемъ о твоемъ здоровьи, говорили дядья Святославу Ольговичу чрезъ своего посланца, а когда велишь намъ съ силою къ тебѣ прійти“? И вслѣдъ за тѣмъ они явились къ нему съ своими отрядами [3]). Посмотрите, какъ въ свою очередь обращались русскіе князья къ половецкимъ ханамъ. „*Отче*, говорилъ Даніилъ Котяну, измяти войну сю, *приими мя в любовь собѣ* [4])“. На примѣрѣ Игоря Святославича видно, какъ радушно держали половецкія ханы русскихъ князей въ своихъ кочевьяхъ. Замѣтимъ, что Игорь былъ плѣнникъ. Они для безопасности только окружили его почетной стражей изъ 20 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было пять изъ высшаго сословія, но эта стража безпрекословно исполняла всѣ приказанія Игоря. Ему позволялось имѣть при себѣ пять или шесть русскихъ слугъ. Съ ними и своей стражей онъ ѣздилъ свободно, куда хотѣлъ, тѣшился охотой. Ему разрѣшенно было имѣть при себѣ священника со всѣмъ необходимымъ для совершенія службы [5]). Тѣмъ больше радушія и гостепріимства должны были оказывать Половцы князьямъ, являвшимся къ нимъ добровольно. Были князья, которые всю свою жизнь провели въ степи среди своихъ половецкихъ родственниковъ.

---

[2]) Ibidem, стр. 443.

[3]) Ibidem, стр. 343.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 242.

[5]) Ibidem, стр. 503.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 437.

Таковъ, напримѣръ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Кончака по матери, племянникъ Юрія Кончаковича.

Уже изъ того обстоятельства, что Половцы были въ родственныхъ связяхъ со всѣми почти княжескими родами Руси, можно видѣть, что въ исторіи Русской земли они съиграютъ роль силы уравновѣшивающей, которая не дастъ возможности вполнѣ восторжествовать какому-нибудь одному стремленію, проводимому какой-либо изъ княжескихъ семей. Такова въ дѣйствительности и была роль кочевниковъ въ политическихъ событіяхъ древней Руси.

Существуетъ нѣсколько взглядовъ на ходъ исторіи русской. Намъ не у мѣста здѣсь входить въ разсмотрѣніе этихъ теорій. Намъ кажется только, что нельзя вполнѣ признать мнѣнія отрицающаго существованіе въ древній періодъ нашей исторіи сознательныхъ идей, стремленій у русскихъ князей. Если идеѣ не удалось осуществиться, это еще не значитъ, что ея не было. Идея самовластія могла существовать и, по нашему мнѣнію, существовала въ дѣйствительности. Появиться ей было откуда. Традиціи Византіи находили у насъ мѣсто, и какъ-же объяснить иначе дѣятельность Мономаха, Мстислава, его сына, Андрея и Всеволода суздальскихъ. Всякая идея есть нѣчто составное. Содержаніемъ его являются идеи детальныя. Чтобы выполнить идею самовластія, надо было заняться достиженіемъ ея деталей: 1) уничтожить или сдѣлать полными подручниками удѣльныхъ князей, 2) лишивъ земли возможности имѣть каждой своего князя, подавить вѣче, 3) осилить боярское начало, не давъ ему возможности развиться въ политическую силу, а затѣмъ уже 4) обратить все въ „холопей государевыхъ“. Таково содержаніе идеи самовластія Если она не существовала во всей своей полнотѣ въ головахъ русскихъ князей, хотя этого мы не знаемъ, то мы вполнѣ утвердительно можемъ сказать, что двѣ первыя детали ея сознавались. Идею централизаціи, какъ одну изъ детальныхъ идей самовластной тенденціи, нѣкоторые князья, какъ Святополкъ, прозванный окаяннымъ, старавшійся перебить князей, какъ Мономахъ, какъ Мстиславъ его сынъ, отправлявшій въ ссылку князей, какъ Андрей, выгнавшій своихъ братьевъ и племянниковъ и посылавшій сказать князьямъ: „не велю вамъ быть въ Русской землѣ: не ходите въ волѣ моей“; какъ его братъ, Всеволодъ, задавившій Рязань, заковывавшій и садившій князей въ погреба,—старались проводить. Если въ домонгольскій періодъ не удалась централизація, если

въ самой Суздальской области послѣ Всеволода мы видимъ вновь дробленіе на удѣлы, это только показываетъ, что сторонниковъ этой идеи ни въ современномъ обществѣ, ни среди князей, ни среди народа, не было. Внушало и поддерживало ее только духовенство, усвоившее византійскія традиціи. Идея централизаціи была въ головахъ только не многихъ князей, и сочувствія не встрѣчала. Эти личности стояли въ разрѣзъ съ воззрѣніями массы. Въ этомъ обстоятельствѣ, что удѣльно-вѣчевой порядокъ все-таки вполнѣ сохранился, не смотря на попытки централизаціи, что до самаго нашествія Монголовъ мы не видимъ успѣховъ этихъ начинаній, а напротивъ идея погибаетъ, лишь умираетъ проводившій ея князь, и торжествуютъ стремленія удѣльно-вѣчевыя,—этимъ обстоятельствомъ вполнѣ опровергается мнѣніе, видящее во всемъ ходѣ исторіи удѣльно-вѣчеваго періода подготовленіе къ созданію у насъ самодержавія, при чемъ главнымъ дѣятелемъ является народъ. Были попытки централизаціи, можетъ быть, существовало уже сознательно стремленіе къ самовластію, но они встрѣчали сильное противодѣйствіе въ князьяхъ и въ населеніи. Но мы невольно увлеклись отъ нашего предмета въ сторону. Мы намѣрены когда-нибудь поговорить спеціально о значеніи удѣльно вѣчеваго періода въ русской исторіи. Здѣсь мы хотѣли только указать на существованіе у насъ централизаціонныхъ стремленій въ древній періодъ.

Князья, вначалѣ разсаживаемые по областямъ для бо́льшей связи ихъ съ центромъ, вскорѣ сливаютъ свои интересы съ областными, стремятся къ обособленію, признавая только семейное единеніе съ кіевскимъ княземъ, но не политическое подчиненіе. Уже мы видимъ, что Ярославъ отказывается вносить Кіеву опредѣленную дань; Мстиславъ, сидя въ далекой Тмуторакани, является въ Русь только для того, чтобы заставить кіевскаго князя подѣлиться съ нимъ русской землей и признать его самостоятельность; князь туровскій, Святополкъ, еще при жизни Владиміра заводитъ сношенія съ Польшей, чтобы имѣть поддержку для заявленія своей автономности, и попадаетъ за это въ тюрьму. Такимъ образомъ, областныя стремленія нашли себѣ точку опоры въ самой княжеской семьѣ. Святополкъ понялъ всю опасность такого положенія вещей и рѣшилъ централизовать области, перебивъ князей. И вотъ, централизація опирается на кочевниковъ. Святополкъ нанимаетъ Печенѣговъ и съ ними борется противъ Ярослава, бывшаго на тотъ часъ представителемъ федера-

тивныхъ стремленій [1]). Не помогли Печенѣги кіевскому князю, ибо противъ нихъ была выставлена другая наемная сила—дружины западной Европы. Умеръ Святополкъ, но идея не умерла. Она снова всплываетъ при Всеволодѣ Ярославичѣ и его сынѣ Владимірѣ Мономахѣ. „Всеволодъ-же, говоритъ лѣтопись, сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, *переемъ всю власть Рускую* [2])". Въ послѣднихъ словахъ заключается глубокій смыслъ. За нимъ наступаетъ княженіе недалекаго Святополка Изяславича, при которомъ всѣми дѣлами заправляетъ умный и ловкій Мономахъ. Начинается борьба между нимъ и его энергическимъ противникомъ, Олегомъ Гориславичемъ сѣверскимъ. Борьба этихъ двухъ личностей, возвышавшихся головой надъ современнымъ обществомъ, была столкновеніемъ снова двухъ идей: централизаціонной и федеративной. И снова первой пришлось обратиться къ помощи кочевниковъ, и Владиміръ Мономахъ посылаетъ Половцевъ своему сыну противъ Олега [3]). Когда Мстиславъ Владиміровичъ, сѣвшій въ Кіевѣ послѣ Мономаха, рѣшилъ привести въ повиновеніе своей власти князей полотскихъ, то и ему пришлось употребить въ дѣло кочевниковъ. Такъ въ 1128 г. онъ послалъ противъ нихъ въ числѣ прочихъ силъ и Торковъ 600 [4]). Таковы факты, которые можно указать по нашимъ источникамъ. Намъ кажется, что ихъ было гораздо больше. Но если кіевскимъ князьямъ приходилось опираться на степняковъ для приведенія въ послушаніе областныхъ князей, то и послѣдніе приводили кочевниковъ въ защиту своихъ правъ. Объ этомъ мы имѣемъ уже массу извѣстій. Приведемъ два-три факта. Тотъ-же самый Олегъ Гориславичъ, въ своей борьбѣ съ кіевскими князьями, постоянно опирается на Половцевъ. Онъ приводилъ ихъ нѣсколько разъ. Въ 1078 г. онъ вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ разбилъ при помощи степняковъ Всеволода Ярославича. Въ 1091 г. онъ привелъ ихъ подъ Черниговъ и заставилъ Мономаха уступить ему свое отцовское княженіе. Не безъ его вѣдома, кажется, въ 1096 г. Бонякъ,

---

[1]) Говоря: федерація, федеративный, и т. д., мы придаемъ имъ такой смыслъ, какой принимаетъ уважаемый Н. И. Костомаровъ.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 143.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 166.

[4]) Ibidem, стр. 210.

Куря и Тугорханъ дѣлали набѣги на Переяславскую область [1]). Также надо предполагать, что при помощи Половцевъ ограбилъ Олешье Давидъ Игоревичъ въ 1084 г., будучи лишенъ удѣла кіевскимъ княземъ [2]). Въ 1135 и 1136 гг. Всеволодъ Ольговичъ черниговскій ведетъ войну съ кіевскимъ княземъ, Ярополкомъ Владиміровичемъ, защищая князей-изгоевъ. Онъ также призываетъ Половцевъ [3]).

Послѣ смерти Мстислава Владиміровича идея великокняжеской власти, какъ идея централизаціонная, переходитъ на сѣверъ, въ Суздаль, гдѣ проводниками, ея являются Андрей и Всеволодъ. Но на югѣ остался ея слѣдъ. Мономахъ, проводя эту идею, справедливо видѣлъ большое значеніе въ установленіи наслѣдственной великокняжеской власти. Онъ оставляетъ кіевскій престолъ своему старшему сыну, Мстиславу. Это было полное нарушеніе княжескихъ правъ. Тутъ назначеніе наслѣдника передавалось совершенно на волю великаго князя и устанавлялась наслѣдственность. Но мысль Мономаха не нашла себѣ продолжателей среди его семьи. Мы видимъ, что послѣ Мстислава садится въ Кіевѣ братъ его Ярополкъ, а не сынъ Изяславъ. Мономаховичи вывели изъ этого факта дѣятельности своего отца совсѣмъ иную идею—первенства Мономахова рода на Руси, принадлежности ему одному Кіевской области, а, стало быть, и великокняжескаго стола. Понятно, что другая семья—Ольговичей—не могла позволить развиваться и упрочиться новому, случайно возникшему принципу, и открываетъ упорную борьбу съ линіей Мономаха. Въ ней дѣятельное участіе принимаютъ и кочевники, при чемъ Черные Клобуки являются постоянно на сторонѣ Мономаховичей, а Половцы помогаютъ Ольговичамъ. Такъ въ 1146 г. Всеволодъ Ольговичъ водилъ Половцевъ противъ Володимірка галицкаго, который противился утвержденію рода Святославичей на кіевскомъ столѣ [4]). Изяславъ Давидовичъ не разъ пользовался ихъ успѣхами, то подводя ихъ на Переяславль, то выгоняя Мономаховичей изъ удѣловъ [5]). Но и эта идея—

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 140, 157—158 161.

[2]) Ibidem, стр. 144.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 213—214.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 228.

[5]) Ibidem, стр. 343.

первенства рода Мономахова вскорѣ осложнилась. Семья старшаго сына Владимірова, Мстислава, присвоила себѣ одной право занимать кіевской столъ. Младшая линія, въ лицѣ Юрія Владиміровича Долгорукаго, протестуетъ и ведетъ Половцевъ противъ Мстиславичей. Юрій приглашаетъ ихъ въ 1149, 1151, 1152 и 1154 годахъ [1]).

Но борьба, вызванная этими стремленіями, заставляла каждаго князя опасаться за самостоятельность своего удѣла; желаніе противодѣйствовать принципамъ, являвшимся у другихъ родовъ княжескихъ или у отдѣльныхъ личностей князей внушало мысль о необходимости усиляться самому, увеличить на будущее время свои средства для борьбы. На Половцевъ не всегда можно было расчитывать: ихъ могли призвать и противники. Отсюда появилась мысль о внутренней централизаціи въ областяхъ. Являются князья, стремящіеся уничтожить удѣлы въ тѣхъ земляхъ, гдѣ они сидѣли. Она возникала прежде всего у князей галицкихъ. Первый, начавшій осуществлять эту идею, былъ Владимірко Володаревичъ. Онъ выгналъ своего племянника Ивана Ростиславича и сосредоточилъ всю Галицкую область въ своихъ рукахъ. Затѣмъ то-же самое стремленіе мы видимъ и въ землѣ Сѣверской. Представителемъ его является здѣсь Изяславъ Давидовичъ, который старается лишить новгородсѣверскаго удѣла Святослава Ольговича и тѣмъ собрать всю Сѣверскую область въ своихъ рукахъ. Когда Суздаль сильно сталъ тѣснить землю Рязанскую, стремясь сдѣлать ея князей подручниками своего, то и тутъ вспыхиваетъ идея централизаціи. Проводниками ея является здѣсь два князя: Романъ и Глѣбъ. Стараясь осуществить свой планъ—уничтоженія удѣловъ въ своей землѣ, князья опираются на отряды кочевниковъ. Въ 1156 г. Изяславъ Давидовичъ ведетъ ихъ противъ своего племянника, Святослава Владиміровича [2]). Глѣбъ рязанскій при помощи Половцевъ перебилъ шесть удѣльныхъ князей своей области [3]). Но еще болѣе сильную поддержку находитъ у степняковъ тѣ, кому приходилось бороться противъ централизаціи. Въ борьбѣ съ Изяславомъ черниговскимъ князю новгородсѣверскому помогаютъ его дядья по матери половчанкѣ [4]).

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 264, 270, 293, 314, 323.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 333.

[3]) Лавр. лѣт. стр. 418; Воскрес. лѣт. стр. 125. ч. I.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 237, 240, 242.

Если Святослава поддержали города, не хотѣвшіе признать власти Давидовича, то подобной поддержки не могъ найти Берладникъ въ городахъ галицкихъ, гдѣ всякое значеніе земства было придавлено княземъ и боярствомъ. Онъ находитъ поэтому помощь только лишь у Половцевъ. Въ 1159 г. онъ вмѣстѣ съ ними разорялъ дунайскіе города, принадлежавшіе галицкому князю, грабилъ галицкихъ рыболововъ и затѣмъ двинулся въ предѣлы Галицкой области, но послѣ неудачной осады Ушицы долженъ былъ снова бѣжать къ кіевскому князю, Изяславу Давидовичу [1]).

Вотъ факты, которые вполнѣ достаточно рисуютъ роль кочевниковъ въ политическихъ событіяхъ древней Руси. Не смотря на то, что борьба изъ-за всѣхъ указанныхъ стремленій шла впродолженіи вѣковъ, мы видимъ, что ко времени нашествія татаръ порядокъ удѣльно кочевой вполнѣ сохраняется. Ни одна изъ идей не торжествуетъ. Мы видимъ кочевниковъ на разныхъ сторонахъ. Теперь они даютъ перевѣсъ одному стремленію, послѣ, поддерживая его противниковъ, не даютъ возможности ему развиться, и оно исчезаетъ. Были, конечно, и другія причины такого исхода дѣлъ, но вполнѣ ясно выступаетъ при этомъ и значеніе степныхъ наѣздниковъ, какъ силы уравновѣшивающей, парализующей всякія начинанія къ нарушенію присущаго древней Руси политическаго устройства.

Но если такова была роль кочевниковъ въ нашей древней исторіи, то сосѣдство ихъ съ Русью имѣло другія не менѣе важныя послѣдствія. Будучи силой, постоянно готовой поддержать всякое стремленіе, они этимъ самымъ способствовали ослабленію Русской земли. Ведя съ ними постоянную борьбу, занятое постоянно защитой жизни, имущества, своихъ пепелищъ, стараясь сохранить древнюю связь съ южными культурными странами, населеніе южной Руси направляло все свое вниманіе сюда, на свои южныя границы, не имѣло ни времени, ни возможности осмотрѣться, обратить свой взглядъ на другія событія, совершавшіяся на землѣ Русской. На югѣ не могло сложиться никакого прочнаго порядка; понятно, что только на сѣверѣ, удаленномъ и защищенномъ отъ кочевниковъ, должны были собираться силы; могли подъ шумъ борьбы, которую велъ югъ со степью, слагаться и

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 341.

упрочиваться новыя государственныя идеи; князья сѣвера спокойно могли слѣдить за ходомъ политическихъ дѣлъ на югѣ Руси и никуда не растрачиваемыя свои силы употреблять на распространеніе своего вліянія по всей Русской землѣ. А силы на сѣверъ должны были прибывать постоянно. Поселеніе юга, спасаясь отъ опаснаго сосѣдства кочевниковъ, должно было уходить, искать болѣе спокойныхъ мѣстъ для своихъ земледѣльческихъ занятій. Это дало возможность князьямъ сѣвера вести дѣятельно колонизацію, строить новые города. Ихъ доходы, ихъ силы военныя должны были расти. Даже, если-бы населеніе юга не стремилось на сѣверъ, если бы оно не покидало своихъ старыхъ пепелищъ, то и тутъ получилась-бы огромная разница между сѣверомъ и югомъ. Область Суздальская была окружена финско-угрскими племенами, по культурѣ весьма низко стоявшими борьба съ которыми не была опасной и упорной. Тутъ происходило скорѣе истребленіе, чѣмъ борьба. Вмѣстѣ съ тѣмъ слабое по культурѣ туземное населеніе быстро поддавалось ославяненію, ассимилировалось, сливалось съ пришельцами колонистами. Сама страна способствовала успѣхамъ колонизаціи. Выдвинулась новая колонія, заняла новый кусокъ финской территоріи, она сейчасъ можетъ укрѣпиться, закрыться лѣсами, болотами отъ нападеній и изъ этого новаго притона двигаться далѣе, создавать новые городки, которые въ свою очередь будутъ подъ защитой природныхъ условій страны. Куда и какъ могла вести свою колонизацію Русь южная? И сосѣди и мѣстность у нея были совсѣмъ иного характера. Ровная, безграничная степь, все болѣе и болѣе, съ появленіемъ на ней кочевыхъ массъ, очищающаяся отъ лѣсовъ, не представляла никакой защиты для колонистовъ. Врагъ былъ съ болѣе сильной культурой, устойчивый въ своихъ обычаяхъ и образѣ жизни, Мы видѣли, что Черные Клобуки, живя среди славянскаго населенія болѣе столѣтія, не измѣнили своихъ степныхъ привычекъ. Если они и подвергались вліянію славянской культуры, то чисто внѣшнимъ образомъ. Съ теченіемъ времени ханы присвоиваютъ себѣ имена Глѣбовъ, Ярополковъ, Юріевъ; можетъ быть, ихъ жизнь въ шатрѣ сдѣлалась нѣсколько комфортабельнѣй, потеряла часть своей грубой простоты. но, конечно, это все не имѣло никакого значенія, и степнякомъ. Кочевникъ, уничтожавшій въ своихъ набѣгахъ цѣлыя поселенія, не допустилъ-бы никогда выдвинуться колонизаціи въ степи уничтожилъ-бы первыя ея попытки. Мы видѣли, ка-

кихъ трудовъ стало Сѣверской землѣ провести свои военныя поселенія въ область Дона, хотя мѣстность здѣсь и представляла нѣкоторыя благопріятныя условія. Значитъ, избытку населенія некуда было идти. Уже поэтому одному должно было начаться движеніе на сѣверъ, а страхъ за свою жизнь еще болѣе усилилъ его. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ сосѣдства кочевниковъ постепенно совершалось усиленіе сѣверныхъ областей. Если Татары потомъ и разогнали и перебили его населеніе, то это уже не могло измѣнить дѣла. Извѣстія лѣтописцевъ объ истребленіи жителей надо считать сильно преувеличенными. Населеніе разбѣжалось подъ защиту лѣсовъ и болотъ, но потомъ снова вышло изъ своихъ убѣжищъ. Сѣверная Русь спустя какихъ нибудь сто съ лишнимъ лѣтъ могла выставить для борьбы съ Татарами значительныя силы. Это показываетъ, что количество ея населенія было не особенно мало. Это-то обиліе его и было слѣдствіемъ постоянныхъ переселеній съ юга, начавшихся подъ давленіемъ сосѣдей—кочевниковъ въ древній періодъ русской исторіи.

Этимъ мы заканчиваемъ третью главу. Мы переходимъ теперь къ изложенію судебъ окраиннаго славянскаго населенія, на сколько позволяютъ наши крайне скудные источники.

IV.

Судьбы окраиннаго славянскаго населенія.

(Посвящается моимъ учителямъ, В. Б. Антоновичу и В. С. Иконникову).

Давно мы покинули окраины Русской земли, какъ-бы забывъ, что и тамъ, въ области р. Дона, у Азовскаго моря, и у низовьевъ Днѣпра, Днѣстра и Буга, „оли до Дуная", по берегамъ Чернаго моря, жили также Славяне. Вѣдь и имъ пришлось испытать на себѣ силу кочевниковъ, бороться съ ними за свое существованіе, отстаивать свою территорію.

Восточныя славянскія поселенія, хотя уже сильно стѣсненныя кочевниками, все-таки до конца XI в. получали поддержку со стороны Руси. Мы видимъ на самомъ концѣ русско-славянскаго міра Тмутараканское удѣльное княжество, князья котораго вели дѣло его защиты. Въ другомъ положеніи находились поселенія Уличей и Тиверцевъ. Мы видѣли, что князья оставили ихъ на произволъ судьбы, ибо не могли добиться ихъ подчиненія. Трудно было мирнымъ племенамъ сопротивляться противъ такихъ враговъ, какъ были нахлынувшіе тюрки. Мы раньше видѣли, что при появленіи кочевыхъ ордъ Славяне Черноморья каждый разъ подчинялись имъ. Такъ было при нашествіи Гунновъ и Аваръ. Теперь были другія историческія условія. Въ то время эти кочевыя массы двигались далѣе, обрушивались на Западную Европу. Но въ IX и X вв. на западѣ образовались прочныя государства; кочевники не могли уже громить Европу изъ конца въ конецъ. Они встрѣчали сильное сопротивленіе, принуждены были ограничиться единичными набѣгами, правда весьма частыми, опустошительными, но не

имѣющими ничего общаго съ погромомъ гунскимъ или аварскимъ. Вслѣдствіе этого, эмиграція турокъ останавливается только въ степяхъ Чернаго моря, которыя на нѣсколько столѣтій становятся ихъ отечествомъ, ихъ *постояннымъ* мѣстопребываніемъ. Тѣмъ легче было для Западной Европы, тѣмъ тяжелѣе для русскихъ Славянъ: вся эта масса кочевыхъ ордъ была тутъ, постоянно подъ бокомъ, не давала вздохнуть свободно, не оставляла времени собрать силъ для защиты. Наконецъ, измѣнились и самыя условія быта черноморскихъ Славянъ. Если мы можемъ думать, что во времена Гунновъ и Аваръ эти племена были уже земледѣльцами, то все таки во всемъ другомъ е слишкомъ высоко стояли по культурѣ. Весьма вѣроятно предположеніе, что эти Славяне участвовали даже въ походахъ кочевниковъ того времени. Но въ эпоху насъ интересующую они не могля уже имѣть ничего общаго съ своими новыми врагами. Оставалось бороться, что было весьма трудно, или эмигрировать. Какъ жили, какъ боролись, куда уходили, эти передовыя славянскія племена, наши лѣтописи ничего не знаютъ. Глубокій мракъ покрываетъ исторію этихъ поселеній, но, благодаря успѣхамъ русскихъ ученыхъ, можно собрать уже нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, которые проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Отправимся сначала на Донъ и посмотримъ, что̀ дѣлается съ тамошними поселеніями.

Мы видѣли, съ какимъ трудомъ Сѣверской землѣ удалось выдвинуть свою колонизацію на Югъ. Это произошло лишь въ XII в. Русь стала ближе къ Подонью, къ берегамъ Азовскаго моря. Но отъ появленія Печенѣговъ въ IX в. до указанныхъ успѣховъ Сѣверянъ прошло двѣсти съ лишнимъ лѣтъ. Все это время славянское населеніе оставалось почти беззащитнымъ. Вышедши изъ-подъ покровительства Хазарской державы, оно могло бы расчитывать на помощь и защиту Руси, образовавшей на Таманскомъ полуостровѣ удѣльное княжество Тмутораканское. Можетъ быть, въ княженіе тамъ Мстислава, энергическаго воителя, Славяне Подонья и пользовались нѣкоторой безопасностью, но и онъ, и послѣдующіе князья, появлявшіеся въ Тмутораканѣ, интересовались болѣе дѣлами на Руси: ихъ тянуло къ Днѣпру. Послѣ 1021 г. до 1054 г., впродолженіи тридцати лѣтъ тамъ князя не было. Мы не знаемъ даже, былъ-ли тамъ посадникъ. Затѣмъ начинается быстрая смѣна князей, которые являлись туда на время, для своихъ личныхъ цѣлей, чтобы запастись средствами для борьбы

съ своими противниками на Руси. Правда, появлялись между ними и люди, отъ которыхъ можно было ожидать защиты. Таковъ, напримѣръ, былъ Ростиславъ Владиміровичъ, но онъ прокняжилъ въ Тмуторакани всего два года, и то съ перерывомъ. Утвердившіеся тамъ въ семидесятыхъ годахъ XI в. Святославичи, Олегъ и Романъ, были заняты борьбой съ великими князьями кіевскими. Въ послѣдній разъ Тмуторакань упоминается въ русской лѣтописи подъ 1094 г. Въ этомъ году Олегъ покинулъ ее, чтобы сѣсть въ Черниговѣ. Но этотъ славный торговый городъ продолжалъ существовать и быть центромъ торговаго движенія на юго-востокѣ.

Такимъ образомъ, крайне слабую защиту давала славянскому населенію Подонья связь его съ Русью. Эта область была уже за границей Русской земли, и послѣдняя не считала себя обязанной подавать ей помощь въ борьбѣ съ кочевниками. По дальности разстоянія это было и трудно. Славянскимъ поселеніямъ приходилось самимъ отстаивать себя. Но мирному, земледѣльческому и торговому населенію это было крайне нелегко. Но такъ какъ борьба была неизбѣжна, то прежде всего должно было произойти отступленіе въ болѣе защищенныя мѣста. Населеніе сгруппировалось на югъ подъ защитой городовъ: Тмуторакани и Таны, лежавшей недалеко отъ устьевъ Дона. Послѣдній городъ былъ также однимъ изъ важныхъ торговыхъ центровъ [1]). Другая часть отступила къ сѣверу, гдѣ начиналась полоса

---

[1]) Городъ Тана изъ самыхъ древнихъ городовъ. Онъ существовалъ еще до Р. Х. Въ III в. по Р. Х. онъ возобновилъ свою торговлю. Въ XII в. Венеціане основали въ сѣверномъ углу Азовскаго моря, на устьянъ Дона, факторію, которой дали полуантичное названіе Таны. Она была разорена Тамерланомъ въ 1395 г., но въ 1421 г. она опять вела торговлю. (Пропилеи, т. IV, статья Леонтьева: „Разысканія въ устьяхъ Дона“). Торговое значеніе нашей Тмуторакани видно изъ двухъ актовъ правленія императора Мануила въ Греціи. Такъ въ 1178 г. онъ подтвердилъ Генуезцамъ свободу торговли, съ оговоркой, что въ Меотидѣ (Приазовьи) они должны были обращаться къ Половцамъ. Въ 1170 г. онъ далъ Генуезцамъ разрѣшеніе вести торговлю вездѣ, платя только 4%, исключая городовъ Россія и Матраха (Τὰ Μετάρχα, Matriga, Matrega, Тмуторакань), вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы не лишиться монополіи торговли по Азовскому морю. См. Essai de Chronographie byzantine. Edouard de Muralt. S. Pb. 1871, pp. 197, 209. Брунъ.

лѣсовъ. Благодаря постоянной борьбѣ, явилась необходимость усвоить себѣ тактику враговъ, перенять ихъ способъ владѣнія оружіемъ, взять ихъ оружіе. Но рядомъ съ враждебными столкновеніями происходили и мирныя сношенія, благодаря нѣкоторымъ общимъ интересамъ, торговлѣ. Населеніе Подонья не имѣло прочной связи съ Русью, а потому у него было возможно болѣе скорое и легкое отступленіе отъ прадѣдовскихъ обычаевъ и усвоеніе чужихъ. Если коренная Русь вступала въ родственные союзы съ кочевниками, то тѣмъ болѣе это возможно было здѣсь, гдѣ приходилось быть постоянно вмѣстѣ. Словомъ, здѣсь долженъ былъ происходить самый сильный культурный обмѣнъ. Если кочевники подвергались культурѣ осѣдлаго населенія, то за то и послѣднее не оставалось безъ вліянія на него быта кочевниковъ.

Въ Тмутаракани мы можемъ видѣть разныя національности. Были тутъ Греки, которые составляли торговую часть населенія, главнымъ образомъ. Затѣмъ Славяне, поселившіеся здѣсь въ глубокой древности [1]). Вслѣдъ за ними на Таманскомъ полуостровѣ являются Готы Тетракситы, явившіеся здѣсь въ III в. [2]). За ними сюда явились Гунны. Но преобладающимъ элементомъ здѣсь нужно считать славянскій, такъ какъ поселенія ихъ занимали большія пространства по Дону. Когда всѣ южныя области подпали подъ власть Хазаръ, то послѣдніе стали жить и въ Тмутаракани. Такъ намъ извѣстно, что въ дружинѣ

Черноморье, ч. II, стр. 322. По Страбону, изъ Танаиса вывозились рыбы, кожи и другія произведенія народовъ кочевыхъ (Пропилеи, IV, 441). По извѣстію греческаго писателя, Никифора Грегоры, изъ Меотиды и сосѣднихъ ей рѣкъ привозились въ Византію соленые продукты. Νικηφόρου τοῦ Γρηγόρα ῥωμαϊκῆς Ἱστορίας λόγος. Bonnae. II, 686.

[1]) См. гл. I.

[2]) См. В. Г. Васильевскаго. Житіе Іоанна Готскаго. Ж. М. Н. П. 1878 г. № 1. Относительно Тмутаракани авторъ дѣлаетъ интересныя соображенія. Нѣтъ-ли связи между Тетракситами и Тмутараканью? Не отъ одного-ли корня эти названія? Для грека не ясно звучали *Тметракситы*, и онъ ихъ передѣлалъ въ Тетракситовъ, что̀ для него понятнѣе. Готское населеніе удержалось очень долго. Такъ мы видимъ его въ Тмутаракани въ XII в., когда готскіе дѣвы пѣли славу Шаруканю и месть Буссову, какъ говоритъ Слово о Полку Игоревѣ.

Олега Святославича были Хазары Они въ Тмуторакани сдѣлали заговоръ противъ него, и затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ были казнены [1]). Еще при Святославѣ были покорены Яссы, народецъ, жившій по сю сторону Кавказскихъ горъ. Это Аллане другихъ средневѣковыхъ писателей [2]). Были подчинены при Мстиславѣ и Коссоги. Весьма вѣроятно, что изъ Яссовъ и Коссоговъ были поселенцы въ Тмуторакани, ибо Коссоговъ мы наравнѣ съ Хазарами находимъ въ дружинѣ Мстислава Ярославича въ 1024 г. [3]). Что изъ кавказскихъ народцевъ были переселенцы въ Тмутораканскую область, на это есть прямое указаніе въ житіи св. мученика Або, гдѣ между прочимъ говорится, что одинъ принцъ карталинскій ушелъ въ сѣверную сторону, гдѣ жили Хазары. Убіеніе Або относится къ 790 г. [4]). Тмуторакань была покинута русскими князьями въ 1094 г. Неизвѣстно, сейчасъ-ли она подчинена была Половцами, но договоръ греческаго императора съ Генуезцами 1178 г., на который мы уже указали, показываетъ, что Приазовье находилось уже во власти кочевниковъ. Торговые интересы, которымъ не чужды были Половцы, и то обстоятельство, что они сдѣлались хозяевами этихъ богатыхъ центровъ, вліяла на нихъ въ культурномъ отношеніи. Кочевники могли подчиняться культурѣ осѣдлаго населенія, жившаго въ извѣстной мѣстности, которое они нашли тутъ при своемъ появленіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и сами вліяли на него въ культурномъ отношеніи. Это происходило всегда и вездѣ. Такъ изъ надписей, найденныхъ при раскопкахъ въ слободѣ Недвиговкѣ видно, что еще въ древнее время въ Танаисѣ не только половина населенія состояла изъ варваровъ, но что и Греки, жившіе тамъ, значительно удалились отъ своихъ отечественныхъ обычаевъ и ввели между собою въ употребленіе новыя собственныя имена, и греческій языкъ подвергся сильной порчѣ [5]). А вотъ что разсказываетъ Атталіота, греческій историкъ XI в.: по Дунаю „лежитъ много большихъ городовъ, населеніе кото-

---

[1]) „В лѣто 6591 (1083 г.). Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю..... и исѣче Козары, иже бѣша свѣтницы на убьенье брата его и на самого“... (Ипат. лѣт. 143—4).

[2]) Ibidem, стр. 42 и указанная выше статья г. Васильевскаго.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 102—103.

[4]) См. указанную статью г. Васильевскаго.

[5]) Пропилеи IV, 431—432.

рыхъ принадлежитъ къ различнымъ языкамъ; имъ (городамъ) пере-шедшіе раньше Скиѳы (кочевники) придаютъ скиѳскій образъ жизни [1])". Этотъ фактъ весьма важенъ. Онъ подтверждаетъ сказанное ними. Мы вправѣ и въ Тмутараканѣ искать образованіе населенія съ особымъ этнографическимъ типомъ, которое грекъ называетъ „полуварварскимъ" (μιξοβάρβαρον). Дѣйствительно, какое странное народонаселеніе находимъ въ Тмутаракани въ XIII в. Вотъ какъ описываетъ ея жителей венгерскій монахъ, посѣтившій Приазовье въ 1237 г... „ея владѣтель (dux) и населеніе называютъ себя христіанами, имѣя книги и священниковъ греческіе. Говорятъ, что князь имѣетъ сто женъ; всѣ мужчины брѣютъ головы, а бороды ростятъ умѣренно, за исключеніемъ благородныхъ, которые въ знакъ своего благородсва надъ лѣвымъ ухомъ оставляютъ немного волосъ, при чемъ вся остальная голова обрита [2])".

---

[1]) „παράκεινται γὰρ τῇ ὄχθῃ τούτου (Ἴστρου) πολλαὶ καὶ μεγάλαι πόλεις ἐκ πάσης γλώσσης συνηγμένον ἔχουσαι πλῆθος.... πρὸς αἷς οἱ περαιωθέντες Σκύθαι τὸ πρότερον τὸ Σκυθικὸν ἐπιφέρουσι βίον". Μιχαὴλ τοῦ Ἀτταλειάτου Ἱστορία. Bonnae 1853, p. 204.

[2]) Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis, v. IV, ps. II, p. 51—52. Что это путешествіе не вымышлено, доказывается другими извѣстіями. Вотъ что пишетъ Рубруквисъ, заслуживающій полнаго довѣрія: „то, что я сказалъ о землѣ Башкиръ, я знаю чрезъ братьевъ проповѣдниковъ, которые ходили туда предъ нашествіемъ Татаръ. (Hoc, quod dixi de terra Pascatir, scio per fratres praedicatores qui iuerunt illuc ante adventum Tartarorum". (Ibidem, v. IV, ps. II, p. 279). У насъ имѣются кромѣ того два письма, которыя также подтверждаютъ этотъ фактъ. Одно относится къ 1241 г. и писано венгерскимъ епископомъ къ парижскому. Въ немъ между прочимъ находимъ: „и я вѣрю, что ими (Мордвой) были убиты проповѣдники и братья Миноріты, и другіе, которыхъ король Венгріи посылалъ для развѣдокъ; (et per eos credo esse interfectos Praedicatores et fratres minores, et alios nuncios, quos miserat rex Ungariae ad explorandum". (Ibidem, IV, 1, 234). Другое письмо принадлежитъ аббату монастыря св. Маріи въ Венгріи. Въ немъ говорится, что проповѣдники были убиты Татарами. Оно относится къ 1242 г. (Ibidem, IV, 1, 236). Нужно имѣть въ виду, что распространеніе христіанства на востокѣ Европы было какъ-бы спеціально возложено на fratres praedicatores и minores. Вотъ, напримѣръ, начало одного посланія къ нимъ папы Иннокентія 1253 г.: Innocentius Episcopus... delectis filiis fratribus de Ordine fratrum Minorum in terras Sarracenorum, Paganorum, Grecorum, *Cumanorum*, Ethyopum, Syro-

Мы видимъ здѣсь ясно смѣшеніе обычаевъ. Черта чисто восточная—многоженство, которое исчезло уже среди русскихъ князей. Давній языческій обычай славянъ имѣть по нѣсколько женъ, забытый подъ вліяніемъ христіанства, снова могъ возродиться подъ вліяніемъ кочевниковъ. Припомнимъ теперь портретъ Святослава по Льву Діакону. Вотъ какъ греческій историкъ описываетъ наружность нашего князя при свиданіи его съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ: „средняго роста, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и съ густыми длинными висящими на верхней губѣ волосами. *Голова у него*

---

rum, Iberorum, *Alanorum*, *Gazarorum*, *Gothorum*, *Zicorum*, *Ruthenorum*, Yacobitarum, Nubianorum, Nestorinorum, *Georgïanorum*, Armenorum, Yudarum, Mesolitorum, *Ungarorum majoris Ungarie*, *Christianorum captivorum apud Tartaros*, aliarum infidelium nationum *orientis*, seu quarumcumque aliarum partium proficiscentibus salutem.... (Codex Arpadianus v Wenzel, v, VII, № 158). Миноріты знали языкъ половецкій и уйгурскій. (См. гл. II). Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что эти миссіонеры, еще дѣйствуя среди Половцевъ въ степяхъ, могли узнать о существованіи В. Венгріи, и одинъ изъ нихъ, зная языки, могъ предпринять путешествіе. Мы приводили уже въ III-й главѣ извѣстія восточнаго писателя Ибнъ-Гаукаля о В. Венгріи. Абульфеда также называетъ Венгровъ братьями Башкиръ, а страну послѣднихъ помѣщаетъ къ сѣверу отъ земли Половцевъ (Reinaud. Géographie d'Aboulféda. v. II, p. 293—4). Эль-Бекри полагаетъ ихъ страну между Печенѣгами и Ашкель (?) (Defrémery, Fragments des géographes et d'historiens arabes et persans inédits. Paris. 1849 p. 22). Очевидно, говоритъ Д'Оссонъ, Венгры разумѣются подъ именемъ Башкиръ (Baschcardes) у географовъ Якута и Казвини, точно такъ, какъ историки Монголовъ, Алла-ед-Динъ, Рашидъ-эд-Динъ, разсказывая о побѣдѣ въ Венгріи Бату 1241 г., даютъ этой странѣ имя Башкиріи, (Baschcardie). (D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 257). Наконецъ, Рубруквисъ говоритъ, что къ Татарамъ привозятся мѣха изъ Руси, Мохеl'я (Мокши?), В. Булгаріи и *Башкиріи, которая есть В. Венгрія* („Pascatir, quae est major Hungaria". Fejer. IV, 2, 265). Это путешествіе издано было Fejér'омъ въ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis. Найдено въ собраніи документовъ Ватиканскаго Архива. На русскомъ языкѣ издано г. Юргевичемъ въ Записк. Одес. Общ. Ист. и др. 1863 г. Недавно новые варіанты изданы у Wenzel'я въ Codex Arpadianus, v. XII, Supplementa, № 2, A и B.

была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода [1])... Этотъ способъ убирать свою голову считается обыкновенно славянскимъ, но есть нѣкоторыя данныя, заставляющія усумниться въ славянствѣ этого обычая и видѣть тутъ заимствованіе у кочевыхъ сосѣдей. Трудно, по малому количеству данныхъ, нарисовать портретъ тюрка. Съ большимъ вѣроятіемъ однако мы можемъ думать, что прическа была одинакова и у Печенѣга, и у Торка, и Половца. Мы знаемъ, что Печенѣги носили бороды и длинные усы [2]). На первый разъ покажется страннымъ, что относительно убранства головы Половцевъ до насъ дошли оффиціальные документы. Этимъ мы обязаны христіанской ревности католическаго средневѣковаго духовенства. Дѣло въ томъ, что въ концѣ XIII. ст. въ Венгріи сильно стали распространяться нравы и обычаи половецкіе среди знати. Противъ этого сильно возстало духовенство Венгріи. Былъ присланъ въ Венгрію папскій легатъ. Самъ папа, Николай, писалъ королю, чтобы онъ самъ оставилъ и другихъ понудилъ оставить обычаи половецкіе, между прочимъ ношеніе половецкой одежды и пошеніе волосъ на половецкій манеръ [3]). Когда издана была конституція 1279 г., опредѣлявшая права и обязанности Половцевъ, имъ, какъ снисхожденіе, разрѣшается брить бороды, стричь волосы и носить ихъ національную одежду [4]). Легатъ явившись въ Венгрію потребовалъ, по словамъ венгерскаго писателя Туроца, чтобы Венгры оставили половецкій обычай: брить бороды, стричь волосы и носить

---

[1]) Исторія Льва діакона Колойскаго Перев. Попова. Спб. 1820 г. стр. 97.

[2]) Les Batchenakes ont de longues barbes et de grandes moustaches, D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 118. См. также Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 135.

[3]) „Promisisti, пишетъ папа королю, quod tam in te, quam in illis de regno tuo, dimisso paganorum abusu, resumeres christianorum habitum *tam in vestibus, quam in capillis*“... (Письмо у Прая въ Annales regum Hungariae. Vindobonae. 1763 г. p. 346).

[4]) Отъ Половцевъ требуется, чтобы они покинули свои обычаи, „praeter abrasionem barbarum, et abreviationem capillarum, et habitum uestium eorumdem, super quibus eosdem praeter ipsorum voluntatem venerabilis pater, Dominus legatus.... non coegit... (Fejer. Codex diplomaticus... v. V, pars II).

шерстяные колпаки [1]). Но оказывается, что Половцы не только стригли, но и брили головы, какъ объ этомъ говоритъ тотъ-же лѣтописецъ. Разсказывая о побѣдѣ Ладислава надъ Половцами, а можетъ быть, и надъ Печенѣгами, онъ насмѣшливо передаетъ, что головы ихъ *только что выбритыя*, какъ не совсѣмъ дозрѣвшія тыквы, падали подъ ударами мечей [2]).

Изъ этихъ извѣстій можно вывести, что нѣкоторые Половцы брили головы, нѣкоторые коротко подстригали. Для отличія князья носили клокъ волосъ на лѣвой сторонѣ. Намъ кажется, что обычай тмутораканцевъ убирать свою голову, какъ описываетъ венгерскій путешественникъ, былъ заимствованъ у Половцевъ, которые съ конца XI в. составляли уже часть населенія Тмуторакани [3]). Но когда носилъ свой чубъ Святославъ, то Половцевъ еще небыло въ южно-русскихъ степяхъ. Это правда, конечно, но этотъ обычай носить голую голову съ клокомъ волосъ или косами есть еще среднеазіатскій [4]).

---

[1]) „*Barbas radere, crines detruncare*, contra mores hungaricos, *et pilcos cumanicos*, quorum usus in Hungaria jam in consuetudine habebatur, abjicere demandabat". (Scriptores rerum hungaricarum. I, 152).

[2]) „Capita quippe Cunorum, noviter rasa, tanquam cucurbitas, ad maturitatem nondum bene perductas gladiorum ictibus d·sciderunt". (Ibidem, 117).

[3]) Интересную вещь сообщаетъ Іосафатъ Барбаро о жителяхъ Грузіи. Онъ говоритъ, что они брѣютъ головы, оставляя только кругомъ небольшой рядъ волосъ; усы отпускаютъ на четверть ниже самой бороды... (Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836 г. т. I, стр. 64). Но этотъ обычай Грузіи могъ быть заимствованъ у Половцевъ, которые были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Кавказомъ и особенно съ Грузіей. Ибнъ-эль-Атиръ говоритъ, что въ 1120 г. Грузинцы въ войнѣ съ мусульманами имѣли своими союзниками Кипчаковъ—Половцевъ (Defrémery, p. 26—27). Это подтверждается грузинскими историками, по которымъ царь Давидъ имѣлъ на жалованьи сорокъ тысячь Кипчаковъ, служившихъ ему съ пользой въ его многочисленныхъ компаніяхъ. (Ibidem note 3). Послѣ разгрома 1223 г. масса Половцевъ переселилась за Кавказъ о чемъ сообщаетъ тотъ-же Ибнъ-эль-Атиръ. (Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Выписки изъ Ибнъ-эль-Атира). Если Венгрія переняла ихъ обычаи, то могла сдѣлать то-же и Грузія.

[4]) *Монгольскія* племена, по словамъ Д'Оссона, брили верхушку головы и затылокъ, а съ боковъ оставляли косы, которыя закладывали за уши·

Слѣдовательно, и Печенѣги, и Торки могли соблюдать его. У нихъ то и заимствовалъ его Святославъ. Онъ взялъ отъ кочевниковъ не одно это. Смотрите, что̀ разсказываетъ про него лѣтописецъ: „возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину, или звѣрину, или говядину, на угълехъ испекъ, ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше, а сѣдло въ головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху [1])". Это типъ кочевника. Святославъ, очевидно, для успѣшной борьбы съ кочевниками, рѣшилъ передѣлать и себя и своихъ воиновъ на кочевническій манеръ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, перенимая, ихъ военный образъ жизни, ихъ тактику, онъ перенялъ у нихъ отчасти и внѣшность. Мы указывали уже, что въ его походахъ на Византію участвовали и Печенѣги. Можно смѣло утверждать, что и другія его военныя предпріятія совершались не безъ нихъ. Постоянная жизнь вмѣстѣ, въ станѣ, боевыя опасности,—сближали его и его воиновъ съ кочевниками, а, стало быть, и заимствованія необходимо существовали. Такимъ образомъ, способъ ношенія волосъ Святославомъ мы, по нашему крайнему разумѣнію, признаемъ тюркскимъ, а въ томъ, что онъ былъ общимъ у жителей Тмуторакани, видимъ результатъ вліянія Половцевъ на ея населенія. Но каждая изъ національностей, вошедшихъ въ составъ населенія этого города, внесла свои нравы и обычаи. Выработался особый этнографическій типъ. Славянское населеніе, которое надо считать въ немъ преобладающимъ, конечно, дало все-таки этому смѣшанному населенію славянскій оттѣнокъ, утративъ въ свою очередь многія свои національныя черты. Образовалось, съ точки зрѣнія русскаго Славянина, въ Тмуторокани населеніе „полуварварское", какъ-бы сказалъ грекъ.

То, что̀ происходило въ Тмуторакани, должно было совершаться и на всемъ Подонь. Населеніе его сохранилось, но подверглось сильному культурному вліянію кочевниковъ, повліявъ въ свою очередь на нихъ въ такой степени, что нѣкоторые изъ нихъ измѣнили свой образъ

(D'Ohsson. Histoire des Mongols v. I, p. 11). У *чистыхъ тюрковъ* было значитъ отличіе отъ монголовъ въ ношеніи волосъ, которые сбривались всѣ, при чемъ оставлялся ихъ клокъ на одной сторонѣ. Указаній на косу у Тюрковъ нѣтъ нигдѣ. На бритье указываютъ приведенные нами факты. Очевидно, этотъ обычай Половцы принесли изъ своей прародины.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 41.

жизни и усвоили нѣкоторые славянскіе обычаи. Мы начнемъ съ данныхъ позднѣйшихъ, относящихся уже ко второй половинѣ XIII в., къ эпохѣ занятія степей Татарами.

Рубруквисъ, путешествовавшій къ Татарамъ въ 1254 г., разсказываетъ, что во время его пути по берегу Азовскаго моря, къ нему обращались съ нѣкоторыми религіозными вопросами какіе-то Русскіе, исповѣдывавшіе христіанство по греческому обряду. Далѣе онъ передаетъ о разбояхъ какихъ-то Русскихъ въ соединеніи съ Венграми и Алланами. На Волгѣ онъ нашелъ поселеніе, смѣшанное изъ Татаръ и Русскихъ, которые перевозили чрезъ эту рѣку вѣстниковъ къ Батыю и отъ него [1]). Изъ сообщаемаго нашимъ путешественникомъ видно, что число этихъ Русскихъ не состояло изъ нѣсколькихъ единицъ: онъ ихъ встрѣчалъ не въ одномъ мѣстѣ, а разсѣянно; онъ видѣлъ цѣлое поселеніе. Можно привести еще одинъ аналогическій фактъ, что этого бродячаго элемента русскаго было не незначительное количество. Есть извѣстіе въ Воскресенской лѣтописи подъ 1283 г., что одинъ изъ татарскихъ баскаковъ, Ахматъ, устроилъ въ курскомъ княженіи слободы изъ людей всякаго сброда. Въ числѣ ихъ были и Русскіе. Это видно изъ того, что при нападеніи липецкаго князя, Святослава, на двухъ братьевъ Ахмата, въ числѣ свиты послѣднихъ было 30 человѣкъ Русскихъ, при чемъ изъ нихъ было убито 25 душъ [2]). Кто были эти люди? Мы, кажется, не можемъ видѣть въ нихъ представителей мѣстнаго населенія. Между завоеваніемъ Руси и приведеннымъ фактомъ прошло какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ. Нельзя допустить, чтобы такъ скоро прошелъ ужасъ, наведенный опустошеніями Татаръ. Мы видимъ гораздо позже, что населеніе при одной вѣсти о приближеніи ихъ бросаетъ все и скрывается въ лѣса. Слѣдовательно, это русское населеніе слободъ не могло принадлежать къ осѣдлому туземному населенію. Мнѣ могутъ возразить на это словами лѣтописи: „царь-же Телебуга, давъ приставы князю Олгу, река: „что будетъ вашихъ людей въ свободахъ, тѣ люди выведите во свою область, а свободы та разгонита [3])“. Такимъ образомъ является, что населеніе этихъ слободъ

---

[1]) Fejer, т. IV, ч. II, стр. 267, 273, 274.

[2]) Воскрес. лѣт. ч. I, стр. 178.

[3]) Ibidem, стр. 176.—177.

состояло и изъ мѣстнаго туземнаго населенія, принадлежащаго курскому, воргольскому и липовецкому удѣламъ. Но вотъ что находимъ далѣе: „и пришедъ князь Олегъ и Святославъ и съ Татары и повелѣша своимъ людемъ пограбити свободы тѣ и поковати люди ихъ, а свои во свою отчину выведоша[1])“. Очевидно, здѣсь выведенные люди были плѣнными изъ туземнаго населенія. Князья поковали людей Ахмата, и если-бы эти выведенные принадлежали къ числу первыхъ, къ числу сброда, явившагося въ слободы добровольно, то князья должны были-бы поступить съ ними не такъ мягко, ибо населеніе слободъ занималось грабежомъ, и ихъ люди являлись-бы участниками его. Несомнѣнно, все дѣло шло изъ-за освобожденія захваченныхъ жителей этихъ удѣловъ и о разореніи слободъ, ибо онѣ „насиліе творяху христіаномъ“ и „около Ворлога и Курска пусто створиша[2])“. Покованные же насильники состояли изъ собравшихся въ слободы съ разныхъ сторонъ, и въ числѣ ихъ мы нашли Русскихъ, сопровождавшихъ братьевъ Ахмата. Дѣлая такія соображенія относительно даннаго факта, мы тѣмъ болѣе готовы утверждать, что Русскіе, встрѣченные Рубруквисомъ не могли принадлежать къ добровольнымъ переселенцамъ изъ Руси къ Татарамъ. Изъ словъ Рубруквиса ясно видно, что эти люди давно уже оторвались отъ родной области, потому что должны были обращаться къ этому путешественнику за разъясненіемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ. Мы не можемъ также предположить, чтобы они были плѣнными, особенно тѣ, которыхъ Рубруквисъ встрѣтилъ въ Приазовьи, на пути изъ Крыма къ р. Дону. Они видимо пользовались свободой, жили независимо, говоря, конечно, относительно. Вообще мы встрѣчаемъ еще другія указанія, что въ Приазовьи были осѣдлыя христіанскія поселенія. Тотъ-же венгерскій монахъ сообщаетъ объ Алланіи, что ея населеніе жило въ деревняхъ, занималось хлѣбопашествомъ и исповѣдывало также православіе. Эти Аллане или Яссы давно должны были подвергнуться вліянію культуры Славянъ, такъ какъ были ихъ ближайшими сосѣдями и были покорены русскими князьями еще въ X в... Таковы факты, которые можно указать для XIII в., но вотъ фактъ, относящійся къ началу XII в.,

---

[1]) Ibidem, стр. 177.

[2]) Воскр. лѣт. стр. 176.

фактъ, въ связи со всѣмъ сказаннымъ, окончательно подкрѣпляющій наше мнѣніе о существованіи въ Подоньи осѣдлаго славянскаго населенія. Въ 1111 г. во время своего похода на Половцевъ, Русскіе наткнулись въ области Дона на городки Шарукань и Сугровъ. Приближаясь къ первому, князья послали впередъ духовную процессію съ крестами и хоругвями. Шаруканцы вышли на встрѣчу этой процессіи и вынесли Русскимъ медъ и рыбу [1]). Очевидно, населеніе Шаруканя было христіанское, ибо въ противномъ случаѣ оно не оказало-бы такого уваженія къ этой религіозной процессіи; да и смѣшно было-бы посылать духовенство съ крестами и хоругвями, если-бы Русскіе не знали, что населеніе этихъ городковъ дѣйствительно христіанское и имъ одноплеменное. Князья расчитывали пробудить въ Шаруканцахъ заглогшія чувства прежняго единства, и попытка увѣнчалась успѣхомъ. Другой городокъ, Сугровъ, былъ сожженъ, но это только показываетъ, что родственное Русскимъ населеніе могло быть въ такомъ-же отношеніи къ нимъ, какъ это было послѣ, что мы увидимъ ниже. Въ этой же мѣстности извѣстны городки Балинъ, Чешлюевъ. Считать эти города зимовищами Половцевъ [2]) послѣ разсказаннаго о Шаруканѣ нѣтъ никакого основанія. Принимая вполнѣ вѣрное мнѣніе г. Аристова, что имена этихъ городковъ означены по тогдашнимъ владѣльцамъ ихъ, половецкимъ ханамъ [3]), можно только заключить, что это населеніе было въ нѣкоторой зависимости отъ Половцевъ, было смѣшанное. Всѣ дошедшія до насъ извѣстія византійскихъ и арабскихъ писателей, не говоря о русскихъ лѣтописяхъ, доказываютъ, что ни Печенѣги, ни Половцы не вели городской жизни, не были строителями городовъ. Мы нисколько не противорѣчимъ себѣ, утверждая это. *Половцы не строили городовъ, не жили въ нихъ*, но если они находили города, осѣдлое населеніе, то поддавались его культтрѣ, подъ вліяніемъ которой, подъ вліяніемъ торговымъ и другихъ интересовъ, могли селиться въ городахъ, образуя съ прежними жителями особое полуварварское населеніе. То, что̀ сообщаетъ Атталейота, то что̀ мы видѣли въ Тму-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 192.

[2]) Иловайскій. Исторія Россіи, ч. 2, стр. 76.

[3]) Извѣстія ист.-филол. институт. въ Нѣжинѣ. 1877 г. Аристова. О землѣ Половецкой. Стр. 218.

тораканы, должно было произойти и на Подоньи. Половцы встрѣтили здѣсь уже осѣдлое населеніе и частью вытѣснили его, частью сами подверглись его культурѣ, смѣшавшись съ нимъ въ извѣстномъ небольшомъ количествѣ, и образовали по городкамъ смѣшанныя поселенія. Это особое населеніе, состоящее изъ главнаго славянскаго ядра и тюркской примѣси, продолжало сохранять нѣкоторую связь съ Русью, продолжало вмѣстѣ съ тѣмъ вести борьбу съ кочевниками и выработало изъ себя опытныхъ воиновъ. Оно сохраняло и христіанскую православную вѣру, утративъ нѣсколько чистоту ея обрядовъ, такъ что въ XIII в. пришлось уже обращаться за разъясненіемъ къ Рубруквису. Татары застали это населеніе въ степяхъ и присоединили къ своимъ силамъ. Это было выгодно для нихъ, потому что этимъ пріобрѣтались услуги людей, знающихъ прекрасно степь и бывшихъ въ постоянной борьбѣ съ Половцами. И дѣйствительно, мы имѣемъ документъ, доказывающій, что въ походахъ Татаръ участвовали и какіе-то христіане,—это письмо тѣхъ-же венгерскихъ миссіонеровъ, относящееся къ 1241 г. Въ немъ говорится: „и хотя они называются Татарами, но при ихъ войскѣ находится много *злочестивѣйшихъ христіанъ* [1])“ .. Это извѣстіе пріобрѣтаетъ для насъ еще тѣмъ бо́льшую важность, что писано со словъ бѣжавшихъ изъ Руси. Пишущій, передавая о разореніи Руси, говоритъ: *„разсказывали намъ бѣглецы изъ той страны*, преимущественно въ Саксоніи, что ту страну и укрѣпленія (Кіевъ) они (Татары) взяли при помощи тридцати двухъ машинъ [2])“. Русскіе, конечно, могли знать достовѣрно о пребываніи среди Татаръ какихъ-то христіанъ, очевидно приставшихъ къ нимъ или покоренныхъ ими. Письмо короля Белы IV къ папѣ Инокентію,

---

[1]) „Et quamvis dicantur Tartari, multi sunt cum eorum exercitu *pessimi Christiani*...

[2]) „Inter quas (plurimas terras) sciatis Rusciam in magna parte vastatam. Rioviam (Kioviam, conj. Fejer) civitatem et castrum, quod erat ibi, destructum est multis interfectis. *Narrarerunt nobis profugi de terra illa, in Saxonia praecipue*, quod terram illam cum castris triginta et duabus machinis impugnaverunt“. (Fejer, v. IV, pars, 1, p. 212).

Изъ этого письма, какъ видимъ, пріобрѣтается и другое интересное свѣдѣніе, что Русскіе бѣжали и за границу и преимущественно въ Саксонію, что̀ указываетъ на тѣсныя, болѣе раннія, сношенія.

писанное въ 1254 г., обнаруживаетъ намъ, кто были эти пособники Татаръ. Вотъ что писалъ король: „Когда государотво Венгріи отъ вторженія Татаръ, какъ отъ чумы, большей частью было обращёно въ пустыню и, какъ овчарня изгородью, было окружено различными племенами невѣрныхъ, именно: *Русскими, Бродниками* съ востока; Булгарами и Босняками, сретиками съ юга“.... Далѣе говоритъ: „они (Татары) заставили себѣ платить дань (другія паціи), и особенно *страны, которыя съ востока граничатъ съ нашимъ царствомъ*, именно *Русь, Куманію, Бродниковъ*, Булгарію [1])“.... Изъ этого письма видно, 1) что христіане, напавшіе на Венгрію вмѣстѣ съ Татарами, были Русскіе и Бродники; 2) что Бродники жили гдѣ-то на востокъ отъ Венгріи въ южно-русскихъ степяхъ: 3) что Татары уже застали Бродниковъ на ихъ мѣстахъ жительства и подчинили своей власти. Наша лѣтопись вполнѣ согласна съ этимъ письмомъ въ отношеніи Бродниковъ. Она указываетъ, что послѣдніе принимали участіе въ Калкской битвѣ на сторонѣ Татаръ. Когда Мстиславъ кіевскій и другіе два князя окопались на мѣстѣ послѣ пораженія русскихъ ополченій и были окружены Татарами, „ту же и *Бродници бяша старые, и воевода ихъ Плоскыня,* и тъй окаянный *целовавъ крестъ* ко князю Мстиславу и обѣма князема, яко ихъ не избити и пустити ихъ искупѣ, и сългавъ окаянный предасть ихъ связавъ Татарамъ [2])“... Никоновская

---

[1]) „Cum regnum Hungarie per pestem Tartarorum pro majori parte in solitudinem sit redactum, et quasi ovile sepibus sit diversis infidelium generibus circumseptum, utpote *Ruthenorum, Brodnicorum* a parte orientis; Bulgarorum et Bosnensium hereticorum a parte miridiei... tributarias se eisdem (Tartaris aliae nationes) constituerunt, et specialiter regiones, *que ex parte Orientis cum regno nostro conterminantur*, sicut *Ruscia Cumania, Brodnici*, Bulgaria“... Письмо это издано у Тейнера въ Vetera monumenta historica Hungariam Sacram illustrantia etc. Мы не могли воспользоваться этимъ сборникомъ документовъ и цитируемъ письмо по выпискѣ, сдѣланной г. Ламанскимъ въ его статьѣ: „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. (Записки Ак. Н. т. VI, 1865 г. Приложеніе, Стр. 121, примѣчаніе) Выдержка изъ этого письма, но очень краткая, приведена у г. Бруна въ Черноморьи, ч. I, стр. 116, и у г. Успенскаго въ сочин. Образованіе второго болгарскаго царства. Одесса. 1879 г. Приложеніе V, стр. 38.

[2]) Лѣт. по Академич. списку, стр. 482.

лѣтопись еще яснѣе говоритъ, что Бродники были на сторонѣ Татаръ [1]). Мы встрѣчаемъ Бродниковъ на исторической сценѣ еще за 76 лѣтъ до этого событія. Когда въ 1147 г. Святославъ Ольговичъ отбивался отъ притязаній черниговскихъ Давидовичей и Изяслава кіевскаго, то на помощь въ область Вятичей, *„придоша къ нему Бродници,* и Половци придоша къ нему мнози, уеве его [2])". Къ несчастью, только эти два факта и сообщаетъ намъ наша лѣтопись о Бродникахъ, хотя по всему видно, что лѣтописецъ зналъ о нихъ гораздо больше. Но и отсюда вытекаютъ важныя заключенія. Изъ письма венгерскаго короля мы видѣли, что Бродники жили гдѣ-то къ востоку отъ Венгріи, въ южно-русскихъ степяхъ, теперь на основаніи лѣтописи мы можемъ точнѣе опредѣлить ихъ мѣстожительство. Бродники жили въ восточной части степи. Это вполнѣ видно изъ слѣдующихъ соображеній. Мы не находимъ бродниковъ ни разу, дѣйствующими въ княжествахъ къ западу отъ Днѣпра. Далѣе. Чтобы явиться на помощь Святославу Ольговичу въ 1147 г., они не могли пробраться съ западной части степей, ибо въ такомъ случаѣ имъ пришлось-бы двигаться сквозь княжества кіевское и черниговское, ведшихъ борьбу съ Святославомъ и слѣд. не пропустившихъ-бы ихъ къ нему на помощь. Бродники явились вмѣстѣ съ Половцами, дядьями Святослава, которые, очевидно, пришли къ нему съ восточной части степи чрезъ курскій и новгородсѣверскій удѣлы. Затѣмъ. Въ 1223 г. мы видимъ ихъ въ соединеніи съ Татарами на Калкѣ, т. е., на берегахъ Азовскаго моря. Войска русскихъ князей двигались съ запада, слѣд. пробраться съ берега Чернаго моря или Дуная Бродникамъ не было возможности: они должны были бы или соединиться съ русскими силами или были-бы захвачены ими. Ни того, ни другаго мы не видимъ. Слѣд. *Татары встрѣтили Бродниковъ или гдѣ-то въ области Дона или на берегахъ Азовскаго моря при его устьи.* Очевидно, бродники должны были находиться тутъ-же и въ 1147 г... Другіе, имѣющіяся у насъ документы нисколько не противорѣчатъ нашему выводу [3]). Они только указываютъ,

---

[1]) Рус. лѣт. по Никонову списку. 1767 г ч. II, стр. 353.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 242. Спб. 1871 г.

[3]) Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ гг. Бруна и Успенскаго, будто Бродники переселились послѣ нашествія Татаръ на западъ (Брунъ) и что они были въ Венгріи въ XIII в. (Успенскій). Документы, на которые

что Бродники жили гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ Половцами. Таково письмо папы Григорія къ гранскому епископу, писанное въ 1227 г., въ которомъ говорится: „мы удостоиваемъ дать тебѣ наше полномочіе въ земляхъ *Куманіи* и *Бродиніи*, сосѣдней съ ней, на обращеніе которыхъ есть надежда, по которому ты имѣешь власть проповѣдывать, крестить“ и т. д.[1]). Въ документѣ 1231 г.: „*въ Куманіи и областяхъ Бродниковъ*[2])“. Но является вопросъ: какимъ образомъ Гранской епископіи могло поручаться распространеніе христіанства въ области Бродниковъ, если они жили далеко отъ ея предѣловъ? Но дѣло въ томъ, что въ Гранской епископіи жило дѣйствительно много

указываютъ уважаемые ученые, по нашему мнѣнію, не могутъ имѣть значенія. Такими мы признаемъ двѣ грамоты: 1222 и 1223 г. Въ первой говорится о дарованіи Андреемъ II земель въ Трансильваніи Ордену іерусалимскихъ рыцарей: „addidimus etiam postmodum eisdem fratribus conferentes castrum, quod Cruceburg nominatur... usque ad terminos *Prodnicorum (Productorum*, var. Fejer)“.... Въ другой тотъ-же король даритъ земли клерику Гоцелину въ Трансильвани:... „Montem S. Michaelis cum ecclesia et terra pertinente situm in Ultrasiluanis partibus, quem de Zebiniensi ecclesia in concambium *terre Borotnic* recuperamus. (Fontes rerum Austriacarum. Oesterreichische Geschichts—Quellen. v. G. D. Teutsch und Fr. Firnhaber. Wien. 1857. B. XV, Th. I, 18, 23). Оба эти указанія противорѣчатъ письму короля Белы IV, приведенному нами, который помѣщаетъ Бродниковъ внѣ Венгріи, къ востоку отъ нея. Говоря о переселеніи Половцевъ въ Венгрію, онъ ничего не говоритъ о переселеніи туда Бродниковъ, о чемъ, конечно, онъ упомянулъ-бы. Кромѣ того, названіе „*Borotnik*“ сильно только своимъ созвучіемъ съ именемъ „*Бродникъ*“, но оно также созвучно и съ словомъ „*бортникъ*“. Въ Венгріи, въ Трансильваніи, мы встрѣчаемъ много славянскихъ названій мѣстностей. Вообще созвучія ничего еще не доказываютъ. Мнѣніе г. Бруна въ Черноморьи ч. I; г. Успенскаго. Второе Болгар. царство. Прилож. V, стр. 37.

[1]) „*In Cumania et Brodinia terra illis vicina*, de cujus gentis conuersione sperabatur, legationis officium tibi committere dignaremur, per quod habeas potestatem eisdem terris vice nostra praedicandi, baptizandi, aedificandi Ecclesias, ordinandi clericos... datum Anagniae. II Calendas Augusti, Pontificatum nostri anno prima“. (Pray. Annales regum Hungariae, p. 231).

[2]) „In Cumanorum et Brodnicorum provinciis“ (у г. Ламанскаго въ указан. трудѣ).

Половцевъ. Въ силу этого гранскому епископу поручалось спеціально завѣдывать миссіей у Половцевъ. Онъ назывался „легатомъ апостольскаго престола въ областяхъ половецкихъ [1])". Папы знали только, что Бродники гдѣ то сосѣдятъ съ Половцами, а такъ какъ миссія у послѣднихъ поручалась гранскому епископу, то и Бродники были отнесены туда-же, отданы въ его распоряженіе для просвѣтленія ихъ истинами католической религіи. Но это нисколько не значитъ, чтобы Бродники не были христіанами. Мы видѣли, что Плоскыня цѣловалъ крестъ, стало быть, былъ православный, ибо Русскіе никогда-бы не позволили этого сдѣлать язычнику. Мы имѣемъ факты, что Русскіе водили кочевниковъ „въ роту половецкую". И такъ изъ всего сказаннаго мы можемъ заключить, что *Бродники жили въ восточной части степи, на Подоньи и по берегамъ Азовскаго моря; что они исповѣдывали православіе; что они участвовали вмѣстѣ съ Половцами въ военныхъ предпріятіяхъ*, что̀ и пріобрѣло имъ извѣстность. Уже изъ того факта, что Бродники дѣлаютъ нападеніе на Венгрію, и нѣтъ въ нашихъ лѣтописяхъ ни одного упоминанія о ихъ набѣгахъ на Русь, что̀ лѣтопись не преминула-бы выставить,—уже изъ этого обстоятельства видно, что между ими и Русью существовало какое-то этнографическое родство. Присутствіе ихъ на сторонѣ Татаръ въ калкской битвѣ является исключеніемъ. Но оказывается, что Бродники принимали участіе въ набѣгахъ не на одну Венгрію. Мы видимъ ихъ съ Половцами и на Дунаѣ. И вотъ извѣстіе объ этомъ фактѣ вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе о національности Бродниковъ. Никита Акоминатъ въ своемъ словѣ 1190 г. между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Куманы, народъ доселѣ не порабащенный, негостепріимный и весьма воинственный и и *тѣ Бродники*, презирающіе смерть, *вѣтвь Русскихъ*, и они, народъ повинующійся богу войны, соединившись съ варварами, живущими на Гемосѣ (на Балканахъ=Болгары), склонились при ихъ пораженіи и погибли [2])". Это свидѣтельство неопровержимо доказываетъ, что *Брод-*

---

[1]) Посланіе папы къ епископу Половцевъ 1234 г. Издано у Wenzel'я въ Monumenta Hungariae historica. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. Pest. 1860—74. v. VI, № 195. Городъ Гранъ въ среднія вѣка носилъ имя Strigonium. См. Dictionnaire universel d'histoire et de géographie, par Bouillet Paris. 1872, p. 784.

[2]) „Σκύθαι μὲν γὰρ ἔθνος ἀδούλωτον ἐς δεῦρο, ἄξενόν τε καὶ λίαν ἀρῆϊον, καὶ οἱ ἐκ Βορβόνης οὗτοι, τοῦ Ἴστρου ὑπερόπται καὶ Ταυροσκυθῶν ἀποσπάδες, γένος δὲ καὶ

ники были русской національности: ораторъ, по своему положенію, слышалъ разсказы объ этихъ событіяхъ отъ самихъ участниковъ, которые причисляли Бродниковъ къ Русскимъ на основаніи ихъ языка. Весьма возможно что подъ вліяніемъ различныхъ причинъ происходило удаленіе изъ Русской земли людей, которымъ тѣсно въ ней было. Припомнимъ факты о смѣшанномъ населеніи Тмуторокани, о полухристіанскомъ населеніи городковъ въ Подоньи, о встрѣчахъ въ этихъ мѣстностяхъ, сообщаемымъ Рубруквисомъ, сопоставимъ все это съ приведенными нами извѣстіями, и будемъ въ правѣ, кажется, сдѣлать выводъ, что *Бродники есть община, выработавшаяся изъ остатковъ подонскаго осѣдлаго населенія, подъ вліяніемъ историческихъ и этнографическихъ условій, въ которые это населеніе было поставлено.* Эта община могла получать подкрѣпленіе свѣжими силами изъ Руси, что̀ служило причиной сохраненія ея славянскаго типа и давало возможность отстоять свою независимость отъ кочевниковъ. Это былъ прототипъ козачества, и правъ покойный М. А. Максимовичъ, искавшій начала Запорожья въ Тмуторакани [1]).

Обратимся теперь на западъ. Все то̀, что̀ мы говорили относительно поселенія Славянъ Подонья, все въ такой же силѣ относится и къ населенію Уличей и Тиверцевъ отъ Днѣпра до Дуная: населеніе высѣлялось, смѣшивало свою культуру съ кочевнической, принимало въ себя тюркскій элементъ, вело борьбу съ кочевниками и, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, выработалось въ особый типъ военной общины. По нашей лѣтописи мы можемъ констатировать существованіе поселеній Уличей и Тиверцевъ въ довольно позднее время. „И суть ихъ городи и до сего дне“, говоритъ лѣтописецъ [2]). Является во-

---

οὗτοι κάτοχον Ἄρεϊ τοῖς κατὰ τὸν Αἷμον ξυναράμενοι βαρβάροις, συνυπέκυψαν αὐτοῖς ἡττηθεῖσι καὶ συναπώλοντο. Успенскій. Второе Болгарское царство. Приложеніе V, стр. 35; „Οἱ ἐκ Βορδόνης“—по нашему мнѣнію, не можетъ быть никакого сомнѣніе, что тутъ разумѣются Бродники. У грека, по справедливому замѣчанію г. Успенскаго, естественѣе выраженіе Βορδόνη вмѣсто Βρεδόνη. Но вѣдь тутъ не одно созвучіе именъ. Тутъ соотвѣтствіе другимъ фактамъ: 1) жители Бордоны въ союзѣ съ Половцами, 2) они—вѣтвь Русскихъ. А никакихъ жителей Бордоны изъ Русскихъ мы не найдемъ, кромѣ Бродниковъ.

[1]) Собраніе сочиненій, т. III, стр. 262;

[2]) Ипат. лѣт. стр. 7.

просъ, къ какому времени относится эта краткая, но важная замѣтка? Составилась наша лѣтопись въ XII в., но интересующее насъ извѣстіе могло быть болѣе ранней записью, вошедшей потомъ въ лѣтописный сводъ. Если она относится къ XII в., то можно допустить, что лѣтописецъ имѣлъ здѣсь въ виду остатки поселеній этихъ племенъ, сохранившіеся по берегамъ Чернаго моря, отъ Днѣпра до Дуная. Въ X в. мы находимъ въ устьѣ Днѣпра Бѣлобережье. Что это было не только названіе мѣстности, но и поселенія, видно изъ смысла извѣстій. „И да не имѣютъ Русь власти *зимовати въ устьи Днепра, Бѣлобережа* [1])“..., гласитъ договоръ Русскихъ съ Греками 914 г. „Иста (Святославъ) *зимовать въ Бѣлобережьи*; не бѣ в нихъ брашна и бысть гладъ великъ, яко по полугривнѣ голова коняча [2])“. Очевидно, что это были поселенія, въ которыхъ, по ихъ географическому положенію, могли останавливаться ѣхавшіе изъ Руси въ Грецію и обратно. Вполнѣ согласно съ этимъ фактомъ существованіе въ этой мѣстности города Ольшья. Хотя лѣтопись первый разъ упоминаетъ о немъ лишь въ 1084 г., но зная обычай лѣтописца говорить обо всемъ при случаѣ, должно считать этотъ городъ гораздо болѣе древнимъ. Это былъ торговый городъ, куда пріѣзжали греческіе купцы [3]). Далѣе по берегу Чернаго моря мы видимъ Бѣлгородъ и Черно-градъ. О существованіи перваго говоритъ Константинъ Б. Упоминается о немъ въ числѣ русскихъ городовъ и въ нашей лѣтописи [4]). Онъ, по предположенію г. Бруна, стоялъ на мѣстѣ древняго Тираса, переименованнаго Антами въ Бѣлый городъ. Онъ былъ уступленъ имъ императоромъ Юстиніаномъ въ 545 г. съ тѣмъ, чтобы они защищали границы имперіи [5]). Нахлынувшіе затѣмъ Тюрки перевели его славянское названіе на свой языкъ *Ак*—по половецки, а слѣд. и по печенѣжски, значитъ *бѣлый; kermen—городъ*. Получилось названіе *Ak—kermen*, существующее и теперь [6]). Описаніе мѣстоположенія этого города мы находимъ у араб-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 32.

[2]) Ibidem, стр. 48.

[3]) Constantinus Porphyrogenitus, v. III, p. 167.

[4]) Воскрес. лѣт. стр. 240, ч. I.

[5]) Черноморье. I. Судьбы мѣстности, занимаемой Одессой. Стр. 167.

[6]) См. Codex Cumanicus, pp. 108, 197, 247 и 263. Императоръ Константинъ говоритъ, что то названіе, какое онъ помѣщаетъ для этого го

ского географа, Абульфеды. *Аккерманъ*, говоритъ онъ,—городъ страны Болгаръ и Турковъ... Онъ не великъ и находится на берегу Чернаго моря, къ западу отъ *Сару-Кермана*. Между этими городами около пятнадцати дней пути. Аккерманъ находится въ равнинѣ, его жители состоятъ изъ магометанъ и невѣрныхъ [1]). Невдалекѣ отъ города рѣка *Днѣстръ*, впадаетъ въ море; эта рѣка по величинѣ подходитъ къ Оронту въ Гаматѣ [2])". А вотъ какъ онъ разсказываетъ о Сару-Керманѣ: „*Сару-Керманъ*—небольшой городъ страны Булгаръ и Турокъ; онъ находится къ востоку отъ Аккермана, но не такъ значителенъ. Напротивъ него по другую сторону моря лежитъ *Синопъ* [3]). Такимъ образомъ, онъ вполнѣ различаетъ эти два города. Вѣроятно, Саракерманъ не что иное, какъ Кара-керманъ, что значитъ Черный-городъ [4]). Этимъ племенемъ называется по турецки Очаковъ [5]). Можно-бы принять его за Черный-городъ тѣмъ болѣе, что онъ приблизительно находится дѣйствительно противъ Синопа. Въ числѣ русскихъ горо-

---

рода у себя, дано ему Печенѣгами. Но историкъ тутъ, вѣроятно, исковеркалъ имена, такъ что не нужно наше знаніе (т. е. незнаніе) тюркскихъ языковъ, чтобы объяснить имена, приводимыя имъ. Для насъ остается, фактъ, что Печенѣги дали этому городу имя, а другого они дать не могли, какъ Аккерменъ или Аккерманъ.

[1]) Абульфеда писалъ въ началѣ XIV в.

[2]) Ackerman est une ville du pays des Bulgares et des Turcs, dans le septième climat. Elle est petite, et sa situation est sur la mer Noir à l'ouest de Sarouh-Kermah; entre ces deux villes il y a environ quinze journées de distance. Ackerman se trouve dans une plaine; ses habitants sont les uns musulmans et les autres infidèles. Non loin de la ville, le fleuve Thourlou (Τροῦλλος) у Константина Б. Ш, 171 м. б. отъ печенѣжко-половецкаго *turlu=variatus*=перемѣнчивый. Codex Cumanicus, p. 290) se jette dans la mer; ce fleuve et à peu près de la grandeur de l'Oronte, à Hamat". (Reinaud. Géographie d'Aboulféda, II, 317).

[3]) „Saru-Kerman est une petite ville du pays de Bulgares et des Turcs. Sa situation est à l'orient d'Ackerman; mais elle n'est pas aussi considerable... Sarou-Kerman a en face de l'autre côté de la mer la ville de Sinope". (Ibidem, p. 318).

[4]) Кага—по половецки черный (Codex Cumanicus, p. 262).

[5]) Брунъ у г. Васильевскаго. Ж. М. Н. П. 1876 г. 185. Записка греческаго топарха.

довъ, перечисляемыхъ нашей лѣтописью находится и городъ Черн гдѣ-то въ этой-же мѣстности [1]). Этотъ городъ существовалъ еще въ X в. До насъ дошелъ одинъ документъ, извѣстный подъ именемъ записки греческаго или готскаго топарха. Этотъ топархъ по какимъ-то политическимъ дѣламъ ѣздилъ къ русскому князю. На обратномъ пути онъ двигался сначала по лѣвому берегу Днѣпра, затѣмъ переправился на правый. „Совершивъ переправу безпрепятственно и прибывъ въ селеніе *Боріонъ*, разсказываетъ путешественникъ, мы занялись ѣдой и уходомъ за лошадьми.... Проведя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось для возстановленія своихъ силъ, мы стали сбираться въ путь, чтобы идти по направленію къ *Маврокастрону* [2])"...

Гдѣ совершалась самая переправа, сказать трудно, но такъ какъ топархъ переѣхалъ на правую сторону, то, очевидно, путь его направлялся на юго-западъ, а не на юго-востокъ. *Маврокастронъ* на греческомъ языкѣ также значитъ *Черный-городъ*. Стало быть, путешественникъ направлялся именно къ тому Черному городу—Каракерману, который стоитъ на устьи Буга и названъ у арабскаго географа Сара-Керманъ [3]). Итакъ въ X в. мы видимъ на территоріи Уличей и

---

[1]) Воскр. лѣт. стр. 240. ч. I.

[2]) Записка издана у Попова при исторіи Льва діакона Калойскаго, но мы пользовались переводомъ В. Г Васильевскаго, будучи увѣрены въ его непогрѣшимости. См. указанную выше статью. До сихъ поръ окончательно не рѣшенъ вопросъ о времени, къ которому относиться эта записка, и описанныя въ ней событія. Но всѣ согласны, что эти факты имѣли мѣсто въ X в. См. Черноморскіе Готы, Бруна (Записки Ак. Н. 1874 г. т. 24, к. I); о запискѣ Готскаго Топарха, Куника (Тамже); Русско-византійскіе отрывки, Васильевскаго (Ж. М. Н. П. 1876 г., ч. 185); О Тмутораканской Руси, Ламбина (Ж. М. Н. П. 1874 г. № 1, г. 171); Розысканіе о началѣ Руси, Иловайскаго. Москва. 1882 г. Весьма заманчиво сближеніе, сдѣланное г. Ламбинымъ, этихъ отрывковъ съ письмами патріарха Николая I мистика. На основаніи его авторъ относитъ данныя событія ко времени Олега. (указан. статья, стр. 89, примѣч. I).

[3]) В. Г. Васильевскій принимаетъ Аккерманъ за одинъ городъ съ Маврокастрономъ. Онъ основывается на словахъ Гильбера-де-Лануа, который называетъ его Mancastre ou Bellegard, и затѣмъ на картахъ среднихъ вѣковъ, гдѣ этотъ городъ, подъ названіемъ Mancastro, Mauro-castro, помѣщается на мѣстѣ Аккермана. (Указан. статья, стр. 417—418). Мы не зна-

Тиверцевъ города: *Олешье, Бѣлгородъ и Черный-городъ.* Но въ это столѣтіе существовали еще и селенія въ этой мѣстности. Таково селеніе *Боріонъ,* гдѣ топарху пришлось довольно долго просидѣть, переждая, пока уймутся начавшіяся зимнія вьюги. „И вотъ мы вышли, разсказываетъ онъ, торжественно провожаемые *туземцами,* при чемъ всѣ они рукоплескали мнѣ одобрительно и смотрѣли на меня каждый какъ на близкаго себѣ и напутствовали наилучшими пожеланіями. „Они дали ему *проводниковъ,* которые однакоже скоро возвратились назадъ [1]). Но въ этотъ же періодъ началось и отступленіе славянскаго племени изъ области, лежащей по Днѣпру, Бугу и Днѣстру. Такъ Константинъ Б. разсказываетъ уже намъ о покинутыхъ городахъ, на среднемъ теченіи Днѣстра [2]). Городъ Олешье продолжалъ существовать и въ XIII в. и быть торговымъ пунктомъ [3]). Бѣлгородъ и

емъ, какъ съ XIV в. произошло отнесеніе этихъ обоихъ именъ къ одному городу, но принимая извѣстія нашей лѣтописи, отдѣляющей Бѣлгородъ отъ Чернаго-города, и Абульфеды, различающаго Аккерманъ и Сара-керманъ, причемъ онъ даже полагаетъ между ними извѣстное разстояніе—мы также считаемъ эти два города существовавшими отдѣльно другъ отъ друга.

[1]) В. Г. Васильевскій. Указан. статья. Стр. 377. Изъ того, что туземцы смотрѣли на путешедственника какъ на близкаго, *на роднаго* даже, можно только заключить, что *славянское* гостепріимство, готовность всегда помочь гостю, какъ родному, была одинакова во всѣ вѣка. Туземцы, славяне, радушно встрѣтили, радушно и провожали путешественника. Грекъ выразился, что они ему „*рукоплескали*" на прощанье. Въ этомъ видѣть національную черту и считать туземцевъ греками нѣтъ никакой возможности. Грекъ топархъ только употребилъ греческое выраженіе, назвалъ ихъ дѣйствія при прощаньи рукоплесканіями, что̀ есть знакъ радости, выраженіе удовольствія у Грековъ, а они, можетъ быть, махали руками, кричали.

[2]) Constantinus Parphyrogenitus. v. III, p. 167. Эти города: Τουγγᾶται, Κρακνακάται, Σαλμακάται, Γιαιουκάται. Они, по словамъ писателя, носили печенѣжскія названія, но, очевидно, переведенныя съ славянскаго. Интересно, между прочимъ въ этомъ фактѣ то, что императоръ, значитъ, собиралъ свѣдѣнія, или ему собирали, *и отъ кочевниковъ.* Припомнимъ, что онъ Днѣстръ называетъ Τροῦλλος=Turlu.

[3]) „Божиею же милостию придоша лодья *изъ Ольшья,* и приѣхаша в нихъ на Днѣстръ, и насытишася *рыбъ и вина*"... (Ипат. лѣт. подъ 1213 г. стр. 491).

Черный-городъ удержались точно также, что видно изъ приведенныхъ нами извѣстій XIII и XIV вв. [1]). Тутъ только, при устьяхъ большихъ рѣкъ, Днѣпра, Днѣстра и Буга и удержалось населеніе, пользуясь защитой городовъ. Еще въ X в. Печенѣги проникли къ Дунаю; за-ними двинулись Торки [2]). Константинъ Б. разсказываетъ, что еще въ X в. императорскіе послы могли найти Печенѣговъ на берегахъ рр. Днѣпра и Днѣстра, гдѣ они постоянно кочевали [3]). Это показываетъ, что кочевники окончательно утвердились въ этой мѣстности. Когда, въ шестидесятыхъ годахъ XI ст., Печенѣги и Торки очистили территорію южныхъ степей, къ Дунаю придвинулись Половцы. Въ 1078 г. они принимаютъ уже участіе въ дѣлахъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ смутахъ, потрясавшихъ византійскую имперію [4]). Съ этого года мы часто встрѣчаемъ ихъ тамъ. Но юго-западную часть степи Половцы заняли еще раньше. Въ 1070 г. они сдѣлали первый набѣгъ на Венгрію [5]), слѣд. проникли уже до юго-восточнаго склона Карпатъ. Можно утверждать, что въ восьмидесятыхъ годахъ XI ст. они уже окончательно занимали мѣстность между Днѣпромъ, Дунаемъ и Карпатами. Это видно изъ двухъ фактовъ. Въ 1088 г. императоръ велъ борьбу съ Печенѣгами и ссадилъ городъ Дристру. Князь Татусъ, оставивъ своихъ родственниковъ защищать городъ, самъ бросился за помощью къ Половцамъ, которыхъ и привелъ, но было уже поздно: Греки были разбиты [6]). Четырьмя годами ранѣе, во время междоусобной борьбы въ Венгріи между Соломономъ и Ладиславомъ, первый въ 1084 г. бѣжалъ къ половецкому князю, Кутеску (Kutesk), женился на его дочери и отправился съ нимъ на своего противника. Они были разбиты, и Соломонъ снова ушелъ къ Половцамъ [7]). Эти событія ука-

---

[1]) См. выше.

[2]) См. налало III главы.

[3]) Constantinus Porphyrogenitus. III, 73.

[4]) Νικηφόρου τοῦ Βρυεννίου ἱστοριῶν βιβλία δ. Bonnae. 1836 a. p. 117. Excerpta ex breviario historico Ioannis Scylitzae Curopalatae. Bonnae, 1839 a. II, pp. 741, 743. Μιχαήλ τοῦ Ἀτταλειάτου Ἱστορία. Bonnae. 1853 a. p. 300—301. Essai de Chronographie byzantine, par. E. Muralt. p. 38.

[5]) Scriptores rerum hungaricarum. I. Thwrocz. p. 116. Pray. Annales regum Hungariae p. 67.

[6]) Stritter. Memoriae populorum. III, 858 etsq.

[7]) Thwrocs, p. 130; Pray, p. 83.

зываютъ на сосѣдство Половцевъ къ областямъ придунайскимъ и Венгріи. Куда-же было идти осѣдлому славянскому населенію? Поселенія Уличей и Тиверцевъ простирались до Дуная. Какъ далеко простирались они на западъ, мы не знаемъ. Вѣроятнѣе предположить, что они главнымъ образомъ группировались у низовьевъ этой рѣки, гдѣ сама мѣстность, изрѣзанная рукавами Дуная, всякими мелкими протоками, представляла больше средствъ къ защитѣ. Здѣсь удобнѣе было задержаться осѣдлому населенію. Сюда, вѣроятно, и выселялись жители съ береговъ Днѣпра, Буга и Днѣстра и подкрѣпили собою населеніе подунайское. Мы уже видѣли изъ одного извѣстія Анны Комненой, что въ дунайскихъ городахъ сидѣли какіе-то князья, поддерживавшіе дѣло Печенѣговъ. Въ числѣ ихъ мы находимъ: Тата, Хале, Всеслава, Сатца и другіе[1]). Въ это самое время *„какой-то родъ скивскій*, говоритъ Анна, подвергавшійся постоянному разбою Савроматовъ, снявшись съ родины спустился къ Дунаю; переселенцы потомъ вошли въ соглашеніе съ вышеуказанными властителями придунайскихъ городовъ и стали тогда безъ опасенія переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую страну, такъ что они захватили даже и нѣкоторые городки. Послѣ этого пользуясь нѣкоторымъ спокойствіемъ, *„они пахали землю и сѣяли овесъ и пшеницу*[2])". Въ числѣ городковъ, въ которыхъ сидѣли указанные князьки, Анна называетъ *Бичинъ* (ἡ Βιτζίνα). Если мы примемъ весьма правдоподобное мнѣніе г. Васильевскаго, что *Бичинъ* есть *Дичинъ*, то мы найдемъ его и въ нашей лѣтописи. Въ 1160 г. „посла Ростиславъ, разсказываетъ она, изъ Кыева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадехъ *на берладники, оже бяхуть Олешье взяли;* и постиже ѣ *у Дцинѣ* избиша ѣ и полонъ взяша[3])". А въ спискѣ Воскресенской лѣтописи въ числѣ русскихъ городовъ находимъ *Дичинъ*, вслѣдъ за *Дрествиномъ*, при чемъ пишущій идетъ внизъ по Дунаю. *Дрествинъ*, очевидно, *Дристра* греческихъ писателей, теперь *Силистрія*. Гдѣ находился Дичинъ, въ настоящее время

---

[1]) „Τοῦ—Τατοῦ καὶ Χαλῆ ὀνομαζόμενον καὶ τοῦ Σεσθλάβου καὶ τοῦ Σατζᾶ, τοῦ μὲν τὴν Δρίστραν κατέχοντος, τῶν δὲ τὴν Βιτζίναν καὶ τἄλλα". Цитата у В. Г. Васильевскаго. Византія и Печенѣги. Прилож. II, стр. 304.

[2]) Ibidem.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 346.

опредѣлить трудно. Что его надо искать не высоко по Дунаю, уже показываетъ то обстоятельство, что насады, гнавшіеся за Берладниками настигли ихъ у этого города, а забираться далеко во враждебную область едвали они могли рѣшиться.

Берладники, какъ видно изъ этого лѣтописнаго извѣстія, жили по Дунаю, ибо если они спасались сюда, то, очевидно, здѣсь былъ ихъ пріютъ, ихъ область. Они становятся извѣстны въ началѣ второй половины XII в. О нихъ упоминается въ 1159 г., когда Иванъ Ростиславичъ, прозванный въ лѣтописи *Берладникомъ*, шедъ съ Половци и ста в *городѣхъ Подунайскихъ*... И придоша к нему Половци мнози, *и берладника у него скупися 6000* [1])“..... Замѣтимъ, что Половцы „*придоша*“ а *берладники* „*скупишася*“, слѣд. послѣдніе были именно жители той области, въ которой были и *Подунайскіе города*, занятые Иваномъ. Изъ одной гламоты 1134 г., въ истинности которой нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, мы узнаемъ, что этотъ князь былъ владѣтелемъ *берладскій*. Изъ нея также видно, что въ этой области были города: *Малый Галичь, Берладь, Текучій* [2]). По имени одного изъ нихъ и вся область получала названіе *Берлади*. Упомянутые города существуютъ и теперь: это—Галацъ, на Дунаѣ, между устьями рр. Серета и Прута; Текучь на Бырлатѣ; и Бырлатъ на той-же рѣкѣ выше Текуча. Изъ положенія этихъ городовъ можно видѣть, что Берладская область лежала по берегамъ рѣкъ: Дуная, Бырлата, занимала, вѣроятно, и побережья Серета и Прута. Если на основаніи извѣстія Анны Комненой можно предположить, что на Дунай переселялось славянское населеніе съ береговъ Днѣстра, Днѣпра и Буга, т. е., тѣснимые кочевниками Уличи и Тиверцы, то въ свою очередь, па-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 341.

[2]) Уимя отца і сына (і святаго Духа аминь). Азъ Іванко Ростиславовичь от стола Галичского, кнѣзь Берладскыі свѣдчуіу купчемъ (Меси)бріїськымъ, да не платѣтъ мыть у градѣ нашемъ (у Ма)ломь у Галічі на ізкладъ, развѣ у Берладѣ і у Текучому, и (у г)радахъ нашіхъ: на ісъвозъ розьнымъ товаромъ тутошнымъ і угръськымъ і чесь(кымъ), а то да платѣтъ ніколіжъ, развѣ у Маломъ Галічі. А кажіть воевода: а на томъ обѣтъ. (В лѣто) от рожьства Христова, тісѣщу і стъ і трдсеть і четыре лѣтъ, мѣсяца маѣ к день“. (Шараневичь. Исторія Галицко-Володимирской Руси. Стр. 36, примѣч. 51).

званіе берладскаго города, „Малый Галичь“, можетъ показывать, что тутъ были и колонисты изъ галицкаго княжества, и что эта колонизація началась давно, если въ 1134 г. Малый Галичь является уже важнымъ торговымъ городомъ. Какъ видно изъ извѣстія нашей лѣтописи подъ 1159 г., здѣсь, на Дунаѣ и по впадающимъ въ него рѣкамъ производилось галичанами рыболовство. Отсюда-же, какъ и изъ приведенной грамоты, можно заключить, что въ городахъ лежащихъ по Дунаю и въ Берладѣ производилась жителями Галича обширная торговля [1]). Когда Володимірко галицкій соединилъ все галицкое княжество въ своихъ рукахъ, то его племянникъ, извѣстный намъ, Иванъ Ростиславичъ, *Берладникъ*, взялъ себѣ Берладскую область, но, видимо, это произошло не по согласію съ Владиміркомъ. Пока Иванъ Ростиславичъ скитался по Руси, Берладь была снова присоединена къ Галичу, и берладскій князь снова принужденъ былъ занимать подунайскіе города. Населеніе этой области, какъ видно, сильно стояло за этого князя—изгоя, и пока онъ былъ живъ, галицкому князю нельзя было присоединить Берлади къ своему удѣлу. Но вотъ въ 1162 г. умеръ Иванъ Ростиславичъ, въ ссылкѣ въ Солунѣ. Говорятъ, его отравили [2]). Когда былъ онъ сосланъ неизвѣстно; очевидно, что тотчасъ послѣ его ссылки Берладь подпала подъ власть галицкаго князя. Но правильнѣе, эта область не признавала ничьей власти. Мы видѣли, что въ 1160 г. берладники дѣлали морской набѣгъ на Олешье, ограбили его и взяли много плѣнныхъ. Въ семидесятыхъ годахъ XII в. эта область считается уже чѣмъ-то оторваннымъ отъ Руси. Всеволодъ суздальскій послалъ въ 1174 г. сказать Давиду Ростиславичу; „а ты пойди *въ Берладь*, а въ Русьской земли не велю ти быти [3])“.

Въ концѣ XII в., именно въ восьмидесятыхъ годахъ его, въ дѣлахъ Балканскаго полуострова принимаютъ участіе *бродники*. Это мы видѣли раньше изъ слова Никиты Акомината. Стало быть, они тогда уже проникли на Дунай, при чемъ встрѣтили здѣсь такую же самостоятельную славянскую общину съ примѣсью другихъ національныхъ

---

[1]) „шедъ с Половци и ста в городѣхъ Подунайскыхъ, и изби двѣ кубарѣ и взя товара много в нею и пакостяше рыболовомъ Галичьскымъ (Походъ Ивана Ростиславича въ 1159 г. Ипат. лѣт. стр. 341). Грамота выше.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 355.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 390.

элементовъ, общину, организовавшуюся въ военное братство. Мы видѣли; что *бродники* предпринимаютъ походы и на Венгрію, и на Византію; *берладники* дѣлаютъ морскіе набѣги на прибрежье Чернаго моря. Въ своихъ предпріятіяхъ они подчиняются одному человѣку. Такимъ *у бродниковъ* въ 1123 г. былъ *Плоскиня*. Припомнимъ теперь, что и *бродники*, и *берладники* стояли въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ тюрками, а потому, *несомнѣнно*, должны были усвоить ихъ многія понятія, обычаи, внести въ свой языкъ много словъ, особенно техническихъ, касающихся военнаго дѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и бродники, и берладники должны были сознавать себя родственными Руси, какъ по языку, такъ и по религіи, и по основнымъ нравамъ и обычаямъ.

Въ исторіи народовъ ничего не является вдругъ, а тѣмъ болѣе долгими вѣками, подъ вліяніемъ только многихъ и долго дѣйствующихъ условій можетъ выдвинуться такое оригинальное явленіе, какъ козачество. Первое извѣстіе о казакахъ относится къ 1499 г. Но въ грамотѣ, выданной въ этомъ году кіевскимъ мѣщанамъ казаки являются уже какъ нѣкое сословіе, занимавшееся между прочимъ и торговлей [1]). Чтобы явилась такая группа людей, которая усвоила себѣ перусское названіе, не имѣющее ничего общаго съ мирными занятіями, *необходимо* время; чтобы такая группа образовалась, *неизбѣжно*, чтобы раньше существовало явленіе, которое послужило-бы для подраженія этой группѣ людей, принявшихъ на себя данное имя. Раньше *такъ называемыхъ* козаковъ, явившихся въ 1499 г., должны были существовать *дѣйствительныя* козаки—воины, община независимыхъ людей, ведшихъ борьбу съ врагами Русской земли. Запорожская община стала извѣстна въ XVI в. Въ 1576 г. мы видимъ въ ней вполнѣ сложившуюся организацію съ кошевымъ во главѣ [2]). Если первыя поселенія на островѣ Хортицѣ отнести къ началу того-же вѣка, то явится черезчуръ короткій срокъ для выработки особеннаго, оригинальнаго склада жизни, какой мы видимъ на Запорожьи, съ кошевымъ во главѣ въ 1576 г. Намъ кажется, чтобы появились козаки на Украинѣ, раньше должны были вполнѣ организоваться козаки запо-

---

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмѣльницкій. I, XX.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. I, 30.

рожскіе. Они то и послужили образцомъ для населенія, осѣдлаго, которое приняло отъ нихъ и названіе „козакъ“ и подъ ихъ вліяніемъ организовало изъ себя особенное сословіе. Но если козаки *на Украинѣ* являются въ 1499 г., то отдѣлите достаточно времени на образованіе здѣсь этой группы людей подъ вліяніемъ Запорожья; отдѣлите затѣмъ достаточное количество времени на образованіе самого Запорожья; имѣйте при этомъ въ виду, что оба эти явленія должны были вполнѣ образоваться не въ два—три года, а въ десятки лѣтъ, чтобы выработать тѣ типическія черты, тѣ ни съ чѣмъ не сравнимые нравы и обычаи, какими отличалось Запорожье; сдѣлайте все это, и вы придете къ концу XIII или началу XIV в. Послѣднее извѣстіе о бродникахъ относится къ 1254 г. Но община, получившая такую извѣстность, какъ бродники, предпринимавшая экскурсіи и въ Венгрію, и въ Византію, съумѣвшая сохраниться до самаго нашествія Татаръ, не могла исчезнуть неожиданно. Ни одно извѣстіе не говоритъ намъ объ этомъ; наоборотъ письмо короля Белы IV указываетъ, что она въ 1254 г. была полна силы. Если мы не знаемъ ничего далѣе о бродникахъ и берладникахъ, то причиной этому хаосъ, поднявшійся на югѣ съ нашествіемъ Татаръ, въ силу чего южно-русскія степи сдѣлались на долго terra incognita, „земля незнаема“. Могло только измѣниться положеніе бродниковъ. Когда тагарское нашествіе смело Половцевъ, когда Монголы заняли южно-русскія степи, тогда эти славянскія общины должны были открыть съ ними борьбу, какъ прежде онѣ вели ся съ Половцами. Занявъ мало приступныя мѣста въ устьяхъ Дуная [1]), Днѣпра [2]), въ бассейнѣ Дона, они стали защитниками Русской земли. Уже многія черты ихъ быта и правовъ были оригинальны въ силу тюркской примѣси; теперь продолженіе борьбы должно было продолжать и эту выработку. Явясь защитниками православнаго христіанства, передовыми его бойцами и стражами, эти люди приняли на себя и подходящее названіе. Мы уже говорили, что много повліяло на бродниковъ и берладниковъ постоянное соприкосновеніе съ тюрками. Они должны были усвоить много тюркскихъ техни-

[1]) Тутъ, въ Берладѣ, искалъ зарожденіе сѣчи г. Вагилевичъ. (См. его статью о Гуцулахъ. Пантеонъ. 1855 г. т. XXI, к. V, май стр. 29).

[2]) Въ Гилеѣ предполагалъ начало сѣчи г. Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. Стр. 6, т. II.

ческихъ названій. Таково слово „*козакъ*“. Не зачѣмъ его искать въ татарскомъ языкѣ, когда это слово чисто половецкое, когда изъ среды русскихъ славянъ были еще въ XI в. люди, постоянно жившіе среди тюрковъ. Это слово значитъ „*стражъ*“, передовой, ночной и дневной[1]). Такъ могли назваться люди, стоявшіе постоянно на готовѣ, бывшіе передовыми бойцами.

Такимъ образомъ, могла уже въ XIV, XV в. вполнѣ организоваться община людей, посвятившихъ себя исключительно борьбѣ съ невѣрными. Она не прочь была поживиться и на счетъ христіанъ, но это не было ея главными цѣлями. Интересно, что въ запорожескую общину принимались люди всѣхъ національностей, лишь-бы явившійся объявился христіаниномъ. Эта черта очень оригинальна. Обыкновенно борьба производитъ ненависть ко всему, что̀ не составляетъ „*нашей, моей*“ націи; она имѣетъ слѣдствіемъ консерватизмъ въ нравахъ и обычаяхъ, недопускающій никакихъ уступокъ. То же самое должно было-бы развиться и на Запорожьи. Но мы этого не видимъ. Эта національная терпимость, оказываемая Запорожцами и Донцами, есть традиція глубокой древности Никто изъ нихъ не сказалъ-бы, почему онъ такъ смотритъ на другихъ людей не одной съ нимъ націи, потому что эта оригинальная черта срослась съ нимъ и, намъ кажется, ведетъ свое начало съ того времени, когда дѣйствовали предшественники Запорожцевъ и Донцовъ, ихъ отцы по духу, первые организаторы козачества, бродники и берладники, въ общину которыхъ вошли и входили и тюркскіе и, вѣроятно, всякіе другіе элементы.

---

[1]) Codex Cumanicus, стр. 118.

V.

Кочевники у себя.

Приступая къ очерку жизни кочевниковъ, ихъ обычаевъ, мы должны предупредить, что обладаемъ для этого крайне скуднымъ матеріаломъ, и эту главу нашей работы признаемъ весьма слабою. Пропустить ее мы, однако же, не сочли возможнымъ. Нѣтъ никакой возможности прослѣдить отличительныя черты у Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ. Принимая ихъ весьма близкими родственниками, мы не думаемъ, чтобы бытъ каждаго изъ этихъ племенъ слишкомъ рознился одинъ отъ другого. Всѣ они были тюрки, всѣ вели кочевой образъ жизни, а потому нравы и обычаи ихъ должны быть общи. Они были принесены еще изъ прародины, изъ Средней Азіи, и оставались неизмѣнны. Культура новыхъ сосѣдей, конечно, дѣйствовала на нашихъ кочевниковъ, но вліяніе едвали проникало далеко въ глубь; оно скользило по поверхности, и только небольшія группы тюрковъ, поселившихся по городамъ, могли утрачивать свои основныя національныя черты.

Мы уже видѣли, что народъ печенѣжскій распадался на нѣсколько колѣнъ, надъ которымъ стоялъ князь. Константинъ Б. называетъ намъ такихъ восемь племенъ, изъ которыхъ каждый дѣлился на сорокъ частей [1]). Но въ XI в. мы видимъ, что Печенѣги распа-

---

[1]) Constantinus Parphyrogenitus, p. 165, III.

даются на 13 колѣнъ. Имена ихъ мѣнялись съ перемѣной предводительствовавшихъ ими князей [1]). Это же дѣленіе мы находимъ и у Половцевъ. Это видно изъ извѣстій нашей лѣтописи. Такъ разсказывая о плѣнѣ сѣверскихъ князей, она указываетъ, что Игоря взяли *Тарголовы*, Святослава—*Вобурчевичи*, Владиміра—*Улашевичи* [2]). Иногда эти отдѣльныя колѣна она называетъ чадью: *Бостьева чадь, Чаргова чадь* [3]). Это подтверждается и позднѣйшимъ извѣстіемъ араба Новайри. Онъ знаетъ 11 половецкихъ колѣнъ [4]). Названіе эти постоянно мѣнялись вмѣстѣ съ княземъ. Колѣно носило названіе по имени князя, но наша лѣтопись не знаетъ перемѣны этихъ названій. Она знаетъ княжескіе тюркскіе роды, которые оставались, понятно, съ тѣми же именами. *Вобурчевичи, Чарговичи*, собственно значитъ: князья изъ рода такого-то. Въ данное время колѣно носило имя *Вобурчевичей*, потому что князь могъ быть изъ этой семьи. Если по его смерти власть переходила къ другому, который былъ-бы изъ другой семьи, то данное колѣно получило-бы названіе по этой семьѣ новаго князя. Но вотъ что разсказываетъ намъ Константинъ Б.: „послѣ смерти князей власть получаютъ ихъ двоюродные братья, потому что у нихъ (Печенѣговъ) издревле имѣетъ силу такой законъ и обычай—*не передавать* достоинство *сыновьямъ* или *братьямъ*, чтобы князья довольствовались властью при жизни, а избирать дѣтей ихъ дядей или двоюродныхъ братьевъ, чтобы власть не навсегда оставлялась въ одномъ родѣ, но честь передавать и боковымъ линіямъ; изъ чужаго-же рода никто (въ это) не входитъ и не дѣлается княземъ [5]). Такимъ образомъ выходитъ, что надъ колѣномъ не могла властвовать одна семья; княжеское значеніе передавалось въ семьи дядей или двоюродныхъ братьевъ, но

---

[1]) Γεωργίου τοῦ Καδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Bonnae. 1839 a. II, 581—582.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 434 и possim.

[3]) Ibidem. стр. 372, 375, 385.

[4]) Вотъ какъ передаетъ ихъ имена Д'Оссонъ: *Tokssoba* (у насъ въ лѣтописи упоминаются Токсобичи) (432), *Yetia, Bourdj-Ogli, Elberli, Coungour-Ogli, Antchogli, Dourout, Felana-Ogli, Djeznan, Cara-Beurkli, Kenen. Ogli*=значитъ *сынъ; Cara-Beurc'i*=*Черные Колпаки*. (Histoire des mongols. I, 338—339, note 1). *Bourdj-Ogli* наша лѣтопись перевела-бы *Бурджовичи* и т. д.

[5]) Constantinus Porphyrogenitus, III, 165.

вмѣстѣ съ тѣмъ никто изъ чужаго рода не могъ быть выбранъ въ князья. Слѣд. надъ каждымъ извѣстнымъ колѣномъ власть оставалась всегда въ одномъ родѣ, но переходила къ членамъ разныхъ его семей. Какъ будто у кочевниковъ господствовали родовые порядки, но изъ этого-же извѣстія мы видимъ, что княземъ дѣлался не всегда старшій въ родѣ, а власть переходитъ и къ двоюроднымъ племянникамъ (дѣтямъ двоюрод. братьевъ=παῖδες ἐξαδέλφων), что при господствѣ родоваго быта невозможно, ибо тогда княжеское достоинство должно было переходить къ старшему въ родѣ. Дѣло, выходитъ, происходило такъ. Когда умиралъ князь, то колѣно, надъ которымъ онъ правилъ, избирало себѣ новаго по своему желанію изъ какой угодно семьи этого рода, лишь бы избранный приходился умершему двоюроднымъ братомъ или двоюроднымъ племянникомъ. Чѣмъ больше семей было въ данномъ родѣ, тѣмъ больше было лицъ, стоявшихъ къ князю въ требуемой степени родства, тѣмъ многочисленнѣе были претенденты на власть послѣ его смерти. При такомъ порядкѣ замѣщенія князей ихъ власть была очень не велика. Она сосредоточивалась въ рукахъ народнаго собранія, носившаго названіе *коментонъ*. Всѣ важныя дѣла рѣшались на немъ, какъ во время войны, такъ и во время мира. На этихъ собраніяхъ власть князей являлась весьма незначительной [1]). Но не всегда народъ избиралъ вождей изъ княжескихъ родовъ. Бывали случаи, когда власть отдавалась людямъ незнатнаго происхожденія, выдвинувшимся своими дарованіями, энергіей. Таковъ напр. былъ Кегенъ, съ такой отвагой боровшійся съ Тюрками. Онъ привлекъ на свою сторону нѣсколько колѣнъ и открыто боролся противъ

---

[1]) Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν, II, p. 587—590. Письмо Бруно́на къ императору Германіи Генриху въ Monumenta Poloniae historica, v. I. *Кедренъ* разсказываетъ, что Печенѣги, посланные императоромъ въ Малую Азію противъ Турокъ Сельджуковъ, переправленные черезъ море, у Митилены стали и собрали совѣтъ (κόμεντον), на которомъ было рѣшено возвратиться на Балканскій полуостровъ.—*Бруно́нъ*, ходившій съ проповѣдью къ Печенѣгамъ, разсказываетъ, что на третій день по удаленіи отъ рус. границъ, онъ и его спутники были схвачены Печенѣгами и приведены къ большой столпкѣ. Жизнь проповѣдникамъ была оставлена только до тѣхъ поръ, пока весь народъ, собранный вѣстниками, явится на общій совѣтъ. На совѣтѣ князьямъ едва удалось спасти ихъ жизнь.

Тираха, бывшаго родовымъ княземъ Печенѣговъ [1]). Частая смѣна князей, ихъ многочисленность [2]), должны были производить постоянныя волненія кочевниковъ, вѣчную мелкую междоусобную войну [3]).

Постоянная война съ сосѣдями, борьба дома, дѣлала кочевника съ малолѣтства лихимъ воиномъ. Быстрота движеній ихъ была изумительна. Мы имѣли случай уже слышать характеристику Половцевъ изъ устъ греческаго оратора. Кочевникъ какъ бы родился на лошади. Лошадь возитъ тюрка на войну и кормитъ его [4]). Она пріучена къ разнымъ неожиданнымъ быстрымъ движеніямъ. Съ крикомъ и воемъ бросались тюрки въ аттаку. Регулярная непріятельская конница двигается на нихъ. Тюрки тотчасъ поворачиваютъ коней, несутся назадъ, осыпая непріятеля стрѣлами. Непріятель, разстроившій погоней свои ряды, продолжаетъ ихъ преслѣдовать. Вдругъ съ боковъ и съ тыла бросаются свѣжіе отряды тюрковъ, и сабли, и арканы свистятъ надъ шеями непріятелей [5]). Засада приготовлялась заранѣе. Иногда она состояла изъ двухъ отрядовъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой и заманивали кочевники своихъ непріятелей [6]). Все приходило въ смятеніе, все сбивалось „въ мячь“, какъ выражается наша лѣтопись.

Кочевники имѣли особый строй. Паученные не изъ книгъ, а по обычаю своихъ отцовъ, какъ выражается Анна Комнена, они сзади перваго строя ставили резервы. Первый строй состоялъ изъ отдѣльныхъ отрядовъ, построенныхъ клиньями. Между ними ставились те-

---

[1]) См. главу III.

[2]) Géographie d'Aboulféda. Ed. Reinaud. II, 293.—4.

[3]) Ibidem, p. 293. Абульфеда говоритъ, что власть князей у Печенѣговъ была наслѣдственна и переходила отъ отца къ дѣтямъ. Но болѣе заслуживаетъ довѣрія приведенное нами извѣстіе Константина В., который ближе стоялъ къ дѣлу, какъ по мѣсту, такъ и по времени. Вспомнимъ, что Абульфеда жилъ въ XIII и XIV в. См. также. D'Ohsson. Les peuples du Caucase. p. 118.

[4]) Νικήτα τοῦ Χωνιάτου ἱστορία, p. 124. А это выдумка грековъ.... καὶ ὀχεύόμενος, εἰ ἔστιν ὁ ἵππος Ἡλυκός, τὴν ἄλογον ἀφροδίτην τοῦ βάρβαρου ἀποκενοι“.

[5]) Анна Комнена. Stritter. Memoriae populorum, III, 841—842. Νικήτα Χωνιάτου ἱστορία, 811—815.

[6]) Ипат. лѣт. стр. 178.

лѣги, занятыя женами и дѣтьми [1]). Когда сраженіе не удавалось, или предъ тюрками были большія непріятельскія силы, которыхъ они не надѣялись одолѣть, они устраивали подвижныя укрѣпленія. Они ставили въ кругъ свои телѣги, покрывали ихъ бычачьими шкурами, сажали на нихъ женъ и дѣтей и отбивали приступы. Трудно было разбить эти преграды; страшныхъ потерь стоило разбить телѣги и проникнуть въ средину этого оригинальнаго укрѣпленія. Когда непріятель рѣшался ихъ осаждать, они видоизмѣняли нѣсколько способъ защиты: раздвигали немного телѣги, и дѣлали между ними извилистыя проходы. Часть тюрковъ занимало телѣги. Изъ проходовъ выносились неожиданно ихъ отряды, нападали на непріятеля и снова скрывались внутри круга [2]). Но мы видимъ, что они иногда дѣлали и окопы, за которыми и отбивались отъ осаждавшихъ ихъ враговъ [3]). Этому искусству они, вѣроятно, научились у грековъ.

Вооруженіе степняка состояло изъ лука, колчана стрѣлъ, висящаго на плечѣ, сабли, аркана. Нѣкоторые употребляли и копья [4]). Лукомъ они владѣли превосходно, убивая любую птицу на лету [5]). Какъ заимствованіе у нихъ являются и шлемы [6]). Меткости ихъ стрѣльбы способствовала ихъ дальнозоркость. Путешественникъ XII в., раввинъ Петахья, утверждаетъ, что Половцы могли различать предметы, если позволяла мѣстность, на день пути [7]). Никакое движеніе, стало быть не могло укрыться отъ степняковъ. Въ своихъ движеніяхъ они не останавливались ни предъ какими преградами. Для европей-

---

[1]) Анна Комнена. Stritter. Memoriae populorum, III, 862—3.

[2]) Ἰωάννου Κιννάμου ἱστοριῶν βιβλία. Bonnae. 1836 a. p. 8; Νικήτα Χονιάτου ἱστορία, p. 21.

[3]) Γέωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν, II, 607.

[4]) Νικήτά Χονιάτου ἱστορία, p. 124, 811—815. Ипат. лѣт. стр. 43.

[5]) Извѣстіе раввина Петахьи. От. Записки. 1858 г. ч. CXXI. Этотъ путешественникъ въ 1170—1180 г. проѣхалъ въ Азію изъ Регенсбурга, черезъ Польшу, Кіевъ, Крымъ или Хазарію. Изъ Кіева онъ плылъ шесть дней по Днѣпру и затѣмъ вступилъ въ землю Кедаръ. *Кедариты* раввина Петахьи, очевидно, наши Половцы, потому что въ XII ст. только они одни занимали степи у Днѣпра, а никакихъ татаръ и въ поминѣ не было.

[6]) Анна Комнена. Stritter Memoriae populorum. III, 864.

[7]) Раввинъ Петахья. От. Зап. 1858 г. ч. CXXI.

скихъ войскъ нуженъ былъ мостъ, или плоты. Европейская конница не всегда рѣшалась броситься въ рѣку. Тюрки переправлялись очень легко. Они брали десятокъ лошадиныхъ или другихъ шкуръ, сшивали ремнями ихъ края. Этотъ мѣшокъ набивался сѣномъ. Его привязывали къ хвосту лошади. Тюркъ садился на мѣшокъ, гналъ лошадь въ рѣку и благополучно являлся на другой ея сторонѣ [1]). Но они дѣлали и болѣе смѣлыя вещи. Разъ Печенѣги, посланные въ М. Азію дошедши до Митилены, рѣшили на своемъ совѣтѣ вернуться назадъ. Дошедши до берега Константинопольскаго пролива, они увидѣли, что нѣтъ уже судовъ, перезшихъ ихъ на азіатскій берегъ. Тогда одинъ изъ ихъ князей, Каталеймъ, бросился съ конемъ въ воду. Его примѣру послѣдовали остальные и благополучно достигли противоположнаго берега [2]). Но по большей части кочевники для своихъ набѣговъ выбирали зимнее время, когда рѣки покрывались льдомъ, и тогда являлись цѣлыми массами [3]). Главное богатство степняка—стада. Они доставляли ему пищу, питье, кожи для палатки, для одежды, составляли главный его товаръ. При передвиженіяхъ своихъ они гнали за собой и стада. Припомнимъ, какъ Черные Клобуки явились съ ними подъ Кіевомъ [4]). Лѣтопись при каждомъ удачномъ походѣ Русскихъ извѣщаетъ, что они „взяша тогда *скоты* и *овцѣ* и *кони* и *вельблуды* [5])“. Мы видимъ тутъ тѣ роды животныхъ, которыхъ разводили Половцы: рогатый скотъ, овецъ, коней; находимъ и верблюдовъ, которые могли доставаться изъ степей средней Азіи. Благодаря скотоводству, кочевники передвигались съ одного мѣста на другое. Большія перекочевки совершались съ перемѣною временъ года. „Земля Кипчаковъ, разсказываетъ Ибнъ-эль-Атиръ, богата пастбищами зимою и лѣтомъ; въ ней

---

[1]) О половцахъ: Γέωργίου τοῦ Ἀκροπολίτου Χρονικὴ Συγγραφή. Bonnae 1837 г, p. 58; Раввинъ Петахья. От. Зап. 1858 г. ч. CXXI; объ Узахъ-Торкахъ: Excerpta ex breviario historico Ioannis Scylitzae Curopalatae. Bonnae 1839 a. II, 655—6. Другіе путешедственники говорятъ то-же о Татарахъ. Этотъ способъ переправъ былъ обще-кочевническій.

[2]) Разсказъ объ этомъ у Кедрена: Σύνοψις ἱστοριῶν, II, 587—590.

[3]) Ibidem, набѣги Тираха, II, 582—587. Ср. Массуди. Frähn. Ibn-Foszlan's und anderer araber Berichte p. 60.

[4]) См. главу III.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 184.

есть мѣста, прохладныя лѣтомъ, богатыя пастбищами; есть мѣста, теплыя зимою, также изобилующія пастбищами—это степи на берегу моря [1])". Когда наступалъ лѣтній зной, степь была выжжена солнцемъ, кочевники съ своими стадами подвигались къ сѣверу; на зиму толпились по берегамъ моря. Но тяжко приходилось степнякамъ въ суровыя зимы. Много скота гибло; трудно было существовать въ переносныхъ палаткахъ. Глубокіе снѣга мѣшали движенію. „И бысть же тогда (въ 1204 г.) зима люта, отмѣчаетъ лѣтопись, и бысть Половцемъ тягота велика [2])". Скотъ былъ главнымъ товаромъ у кочевника. Лошади, напр., отправлялись въ Индію; въ одномъ караванѣ ихъ бывало до шести тысячъ; иногда болѣе, иногда менѣе [3]). Если кочевнику нужно было выкупиться изъ плѣна, онъ пригонялъ скотъ [4]). Но вотъ ханъ половецкій Бельдузъ предлагалъ (въ 1103 г) за свое освобожденіе: „злато и сребро, и конѣ и скотъ [5])". Откуда-же у степняка золото и серебро? Онъ доставалъ его въ своихъ набѣгахъ грабежомъ; онъ бралъ иногда большія выкупы за плѣнныхъ; наконецъ, онъ велъ торговлю. Еще о Печенѣгахъ арабы разсказываютъ, что они богаты; что у нихъ есть вьючный скотъ, стада, утварь изъ золота и серебра, оружіе, пояса, богато украшенные и знамена [6]). Богатая добыча доставалась русскимъ князьямъ, когда они грабили половецкія кочевья. Доставались имъ золото, паволоки, оксамиты; серебряныя древки знамень; орьтмами, и япончами, одеждами и узорозьями половецкими Русскія иногда мосты мостили и топкія мѣста заваливали [7]). Въ числѣ добычи бывали и рабы [8]).

Еще въ X в. Печенѣги были посредниками въ торговлѣ Грековъ съ Русью, Хазаріей и Зихіей. Они заключали условія съ Херсонитами

---

[1]) Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II, стр. 660. Выписки изъ Ибнъ-эль-Атира.

[2]) Воскрес. лѣт. I, 108.

[3]) Ибнъ-Батута. Ѣздилъ въ степи Кипчаковъ во время владычества Татаръ. Defrémery. Fragments des géographes p. 159.

[4]) См. легенду о Половчинѣ. Начало III главы и ниже.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 184.

[6]) Эль-Бекри. Defrémery. Fragments des géographes, p. 15.

[7]) Слово о Полку Игоревѣ. Хрестоматія Аристова, стр. 1268.

[8]) Ипат. лѣт. стр. 369.

и служили имъ проводниками въ торговыхъ поѣздкахъ и сами привозили имъ товары. Но дорого стоили эти ихъ услуги. Когда посланникъ греческій желалъ проникнуть въ землю Печенѣговъ, то прежде всего онъ посылалъ къ нимъ и требовалъ въ Херсонъ заложниковъ и проводниковъ. Сейчасъ же начиналось требованіе подарковъ. Заложники, оставляемые въ Херсонѣ, просили подарковъ для себя и своихъ женъ за то, что оставались сидѣть; проводники требовали ихъ за труды свои и своихъ лошадей. Отдѣлавшись тутъ, посолъ двигался къ кочевникамъ. Но лишь только онъ являлся въ ихъ странѣ, входилъ съ ними переговоры, они прежде всего требовали императорскихъ подарковъ. Дары требовались не только для воиновъ, но для ихъ женъ и даже родителей. Наконецъ, посолъ удовлетворилъ всѣхъ, сдѣлалъ дѣло, за которымъ пріѣхалъ и возвращается назадъ. Но въ Херсонѣ онъ снова долженъ былъ заплатить своимъ провожатымъ за труды ихъ и ихъ лошадей [1]). Этимъ интереснымъ сообщеніемъ мы обязаны императору Константину Б. Очевидно, такого рода отношенія сохранялись и въ то время, когда степи занимали Половцы. Невольно припоминаются при этомъ требованія, дѣлавшіяся московскимъ князьямъ со стороны крымскихъ хановъ: „Карачей своихъ я написалъ *братьею и дѣтьми*, пишетъ Саипъ-Гирей Іоанну IV, а кромѣ этихъ нашихъ улановъ и князей написалъ еще по человѣку отъ каждаго рода, *сто двадцать четыре* человѣка, которые при насъ, Калгиныхъ *пятьдесятъ: пятьдесятъ* человѣкъ *не много. Вели давать имъ поминки*, и земля твоя въ покоѣ будетъ, и самому тебѣ не кручинно будетъ [2])“. Словомъ кочевники оставались кочевниками во всѣ времена, измѣнялось только ихъ названіе. Но изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ степняковъ бо́льшей способностью къ принятію культуры, къ усвоенію себѣ болѣе совершеннаго быта сосѣдей,—были Половцы. Мы видѣли уже, что Половцы жили въ Тмуторакани. Но, ко времени нашествія Татаръ, въ ихъ рукахъ былъ уже и Судакъ. Это, по словамъ Ибнъ-эль-Атира, былъ главный половецкій городъ, обильный источникъ ихъ богатства, потому что онъ на морѣ Хазарскомъ. Къ нему приходятъ суда съ одеждами и покупаютъ и вымѣниваютъ на невольницъ и невольниковъ,

[1]) Constantinus Porphyrogenitus, III, 71—73.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Москва 1856 г. т. VI, стр. 68.

чернобурыхъ лисицъ, бобровъ, бѣлокъ и другіе товары, находящіеся въ ихъ землѣ [1]).

Благодаря этимъ сношеніямъ, роскошная жизнь половецкихъ хановъ являлась вполнѣ естественной. Должно быть, она была уже очень заманчива, если венгерскіе вельможи стали подражать имъ и вызвали цѣлую бурю со стороны католическаго духовенста Венгріи [2]).

Вообще-же въ жизни кочевникъ былъ весьма не прихотливъ. Главнымъ образомъ его пища состояла изъ мяса, молока, проса [3]). Мы не знаемъ, сѣялось-ли просо самими кочевниками. Можетъ быть это былъ единственный продуктъ ихъ собственнаго земледѣльческаго труда. Просо бросалось въ кипящую воду. Затѣмъ изрѣзавъ мясо на кусочки, клали въ этотъ отваръ [4]). Иногда-же мясное кушанье приготовлялось гораздо проще. Брали кусокъ сыраго мяса, клали его подъ сѣдло лошади и гоняли ее до тѣхъ поръ, пока не вспотѣетъ, а лежащій подъ сѣдломъ кусокъ не сдѣлается горячимъ. Въ такомъ видѣ они употребляютъ его въ пищу. Вѣроятно, какъ лакомство, былъ рисъ, сваренный въ молокѣ, и сыръ [5]).

Сдѣлавъ удачный набѣгъ, нагрузивъ свою добычу на лошадь, степнякъ возвращался въ свою ставку и праздновалъ удачу предпріятія. Въ этомъ случаѣ первое мѣсто занималъ кумысъ. Любили кочевники выпить, и кумысъ дѣйствовалъ на нихъ опьяняюще. Пили они кумысъ; раздавались въ это время звуки ихъ незамысловатыхъ музыкальныхъ инструментовъ [6]), и пѣлись пѣсни, прославлявшія ихъ героевъ, ихъ знаменитыхъ хановъ, стараго Шаруканя и Буса [7]), и Боняка, и его

---

[1]) Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II, стр. 660. Выписки изъ Ибнъ-эль-Атира.

[2]) Pray. Annales regum Hungariae, p. 351. См. также гл. IV.

[3]) Ἰωάννου Κιννάμου ἱστοριῶν βιβλία Bonnae. 1836 a. p. 9; Аль-Янбуи, сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 185; D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 118.

[4]) Ибнъ-Батута, Defrémery, p. 151.

[5]) Раввинъ Петахья. От. З. 1858 г. ч. CXXI.

[6]) Кедренъ называетъ эти инструменты флейтами и кимвалами. Σύνοψις ἱστοριῶν, II, 604. Ипат. лѣт. стр. 438.

[7]) „Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю; звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣють месть Шаруканю“.

сына Севенча Боняковича [1]), и знаменитаго Кончака [2]). И сильно дѣйствовали эти пѣсни старины на тюрка, возбуждали его на новые подвиги, воспламеняли его любовь къ свободнымъ безграничнымъ степямъ. Тяжело иногда приходилось Половцамъ, и тогда-то пѣсни имѣли ободряющее вліяніе. Сильно стѣснялъ Половцевъ Мономахъ своими походами, и вотъ отъ этой тяжелой эпохи для тюрковъ сохранились воспоминанія о загадочныхъ ханахъ *Отрокѣ* и *Сырчанѣ*. Загналъ Владиміръ Отрока во Обезы (на Кавказъ), а Сырчанъ остался у Дону и рыбою только поддерживалъ свою жизнь. Остался у него только одинъ *пѣвецъ* (гудецъ), по имени *Оревъ*. И посылаетъ его Сырчанъ въ Обезы сказать Отроку: „воротись, братъ, пойди въ свою землю: умеръ Владиміръ“! И наказываетъ онъОреву: пой, ты, ему *пѣсни половецкія*, а если ихъ слушать не будетъ, траву дай понюхать, евшанъ. Не захотѣлъ ханъ возвратиться и слушать не хотѣлъ. И Оревъ далъ траву ему нюхать. Понюхалъ Отрокъ и заплакалъ. „Лучше костями въ землѣ своей лечь, чѣмъ славному быть на чужбинѣ“, сказалъ онъ и въ степи свои возвратился. Отъ него и родился Кончакъ, ходившій пѣшкомъ, носившій котелъ за плечами [3]). Этотъ отрывокъ цѣликомъ вошелъ въ нашу лѣтопись и заимствованъ ею изъ народныхъ устъ. Благодаря близкимъ сношеніямъ Руси съ Половцами, пѣсни половецкія переходили и къ Русскимъ.

Мы уже видѣли, какъ радушно принимали Половцы русскихъ князей, которые въ своихъ домашнихъ невзгодахъ искали себѣ пріюта въ ихъ кочевьяхъ. Вообще постоянная борьба нисколько не уничтожала дружественныхъ отношеній между двумя народами. Торговля не прекращалась. Интересный фактъ сообщаетъ намъ лѣтопись. Въ 1184 г. двинулся Кончакъ на Русь. Русскіе князья пошли ему на

Сл. о П. И. Хрестоматія Аристова. Стр. 1272 г. Очевидно, это были пѣсни половецкія, перешедшія къ азовскимъ Готамъ, которые тогда были покорены Половцами и находились съ ними въ тѣсныхъ отношеніяхъ.

[1]) По нашему мнѣнію слова Севенча Боняковича: *„хощю сѣчи в Золотая ворота, якоже и отець мой“*.... взяты изъ существовавшихъ эпическихъ произведеній о Бонякѣ и его сынѣ.

[2]) Сейчасъ мы приведемъ этотъ отрывокъ о Кончакѣ. Мы его уже указывали мимоходомъ.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 480.

встрѣчу, перешли Сулу. „Ѣдущимъ-же имъ и *устрпмоста гости идущь противу себе ис Половець, и повѣдаша имъ, яко Половци стоять на Хоролѣ* [1])". Изъ этого извѣстія видно, что гости-купцы проѣхали мимо Половцевъ, ибо знали гдѣ они; что Половцы не тронули гостей, хотя шли воевать на Русскую землю. Слѣд. эти кочевники совершенно отдѣляли войну и торговлю и, сознавая ея выгоды, ничѣмъ не препятствовали ей. Это сообщеніе нашей лѣтописи стоитъ въ полномъ согласіи съ извѣстіемъ арабскаго писателя Ибнъ-эль-Атира, который утверждаетъ, что при Половцахъ велась обширная торговля, и только нашествіе Татаръ 1223 г. на нѣкоторое время нарушило ее. „Когда пришли Татары, говоритъ онъ, дорога нарушилась, и не получалось никакихъ товаровъ, ни чернобурыхъ лисицъ, ни бобровъ, ни бѣлокъ, что отправлялось изъ тѣхъ странъ; когда же Татары ушли, *то дорога снова открылась, и стали отправлять товары по прежнему* [2]). Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что иностранцы, являвшіеся для торговли, были принимаемы радушно. Интересное сообщеніе дѣлаетъ по этому поводу Эль-Бекри о Печенѣгахъ: когда къ нимъ являются иностранцы, или бѣжавшіе изъ плѣна въ Константинополѣ, или другіе, то они даютъ имъ на выборъ: или остаться у нихъ на равныхъ правахъ и, если желаютъ, выбрать себѣ жену, или предлагаютъ проводить ихъ на мѣсто жительства [3]).

Постоянныя военныя предпріятія, а вмѣстѣ съ ними и опасности, заставляютъ искать себѣ вѣрныхъ друзей. Для взаимной помощи заключались побратимства. Они заключались не только среди степняковъ но, вѣроятно, побратимами являлись степнякъ и иностранецъ, какой-нибудь гость, бравшій себѣ проводниковъ изъ Половцевъ. Особенно часты должны были случаться побратимства между Половцами и Русскими. Вотъ какъ совершался самый обрядъ заключенія побратимства. Половецъ прокалываетъ себѣ палецъ иглой и выступавшую кровь даетъ сосать тому, кого онъ избираетъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становится для

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 429.

[2]) З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Выписки изъ Ибнъ-эль Атира. Стр. 662.

[3]) Defrémery. Fragments des géographes, p. 16.

него какъ-бы собственною его кровью и тѣломъ. Иногда употреблялся и другой обрядъ. Желающіе вступить въ побратимство наполняли напиткомъ мѣдный сосудъ, имѣющій подобіе человѣческаго лица, пили изъ него оба, собирающійся въ путь и его сопутникъ, и послѣ этого уже никогда не измѣняли другъ другу [1]).

О религіи нашихъ кочевниковъ мы ничего не можемъ сказать. Дошедшія до насъ извѣстія весьма отрывочны, и нѣтъ прочныхъ основаній вѣрить имъ. Абульфеда разсказываетъ, что Половцы занимались астрологіей и вѣрили во вліяніе небесныхъ свѣтилъ на человѣка; что они обожали звѣзды [2]). Никита Хоніатъ утверждаетъ, что Половцы приносили плѣнниковъ въ жертву своимъ богамъ [3]). Приведенный-же арабскій писатель говоритъ, что Печенѣги сжигаютъ своихъ мертвыхъ и плѣнныхъ иностранцевъ [4]). А Рубруквисъ сообщаетъ, что Половцы хоронили своихъ мертвецовъ, насыпали надъ прахомъ курганъ и на немъ ставили статую лицомъ къ востоку, держащую у пояса чашу; богатымъ дѣлаютъ пирамиды, т. е., остроконечные дома; а иногда онъ видѣлъ большія башни изъ обожженнаго кирпича; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменные дома, хотя камней здѣсь и нѣтъ [5]). Есть извѣстіе, что князья погребались съ нѣсколькими живыми рабами и лошадьми [6]).

Ничего мы не можемъ сказать и объ ихъ семейномъ бытѣ. Изъ нашей лѣтописи узнаемъ, что браки у нихъ могли совершаться въ довольно близкомъ родствѣ. Такъ можно было жениться на мачехѣ и ятрови [7]).

---

[1]) Раввинъ Петахья. От. З. 1858 г. ч. CXXI.

[2]) Géographie d'Aboulféda. Reinaud II, 292.

[3]) Νικήτα Χονιάτου ἱστορία, p. 816.

[4]) Géographie d'Aboulféda, II, 292—3.

[5]) Fejer Codex diplom. Hungariae eccles. et civil. v. IV, pars 2, p. 265 То, что̀ сообщаетъ Рубруквисъ далѣе, даетъ поводъ думать, что онъ видѣлъ кельтическія постройки. Онъ разсказываетъ: Alias vidi sepulturas versus orientem: areas scilicet magnas structas lapidibus, aliquas rotundas, aliquas quadratas, et postea quatuor lapides erectos ad quatuor regiones mundi circa aream".

[6]) Histoire de la decadence et de la chute de l'Empire Romain. Edouard. Gibbon. Paris 1843 a. p. 739, n. 2.

[7]) Ипат. лѣт. стр. 9.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что постоянныя близкія сношенія съ сосѣдними народами давали возможность проникать къ нашимъ кочевникамъ различнымъ религіямъ и исповѣданіямъ, которыя пріобрѣтали послѣдователей.

Оставимъ Черныхъ Клобуковъ. Очевидно, живя на Поросьи, составляя часть юрьевской епархіи, они находились подъ неусыпными попеченіями духовенства, старавшагося просвѣтить ихъ. Мы не будемъ говорить о тѣхъ случаяхъ, когда Печенѣги или Половцы принимали христіанство въ силу чисто политическихъ причинъ. Можно предполагать, что и у себя въ степи нѣкоторые изъ степняковъ дѣлались христіанами. Попытки къ распространенію среди нихъ христіанской религіи мы видимъ въ началѣ XI в. со стороны католическихъ миссіонеровъ. Одинъ изъ нихъ, Брунонъ, о которомъ мы уже упоминали, пробылъ у Печенѣговъ пять мѣсяцевъ. Если вѣрить его письму, Печенѣги обѣщали, будто-бы, быть христіанами, если русскій князь не будетъ ихъ трогать; въ противномъ случаѣ грозили отречься отъ этой вѣры. Брунонъ возвратился къ князю и передалъ ему условія Печенѣговъ. Князь, будто-бы, согласился и далъ Печенѣгамъ въ заложники своего сына, который и былъ вмѣстѣ съ новопоставленнымъ епископомъ помѣщенъ въ центрѣ земли печенѣжской [1]). О дальнѣйшей судьбѣ этого епископства мы ничего не знаемъ. Но нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы русское духовенство не дѣйствовало и съ своей стороны. Впрочемъ, этотъ вопросъ покрытъ мракомъ: нѣтъ никакихъ данныхъ ни за, ни противъ. Что были случаи крещенія Половцевъ, видно изъ кириковыхъ вопрошаній. Тамъ между прочимъ находимъ такое правило: „Молитвы оглашенныя творити: Болгарину, *Половчину*, Чюдину, преди крещенія 40 дній поста, изъ церкви исходити отъ оглашеныхъ [2])“. Можетъ быть, примѣръ Игоря Святославича, имѣвшаго въ кочевьяхъ половецкихъ священника, совершавшаго службы, не былъ единственный. Припомнимъ родственныя связи половецкихъ хановъ съ русскими князьями. Весьма возможно, что, благодаря такимъ близкимъ отношеніямъ, среди Половцевъ находились желающіе принять христіанство и дѣйствительно принимали. Ипатіевская лѣтопись

---

[1]) Письмо Бруно на въ Monum. Poloniae hist. v. I,

[2]) Хрестоматія Аристова, стр. 858.

говоритъ, что великій князь половецкій, Бастій, крестился въ 1223 г., явившись просить помощи у Русскихъ противъ Татаръ [1]). Если Бастій дѣйствовалъ тутъ подъ вліяніемъ страха, то у насъ есть примѣры принятія христіанства другими ханами, когда не дѣйствовали подобныя побужденія. Такъ, по извѣстію Никоновской лѣтописи, въ 1132 г. въ Рязани принялъ христіанство князь половецкій Амуратъ, въ 1168 г. въ Кіевѣ—князь Айдаръ [2]). Какъ ни опасно довѣряться этому источнику, но въ сопоставленіи съ раньше приведенными фактами его сообщенія пріобрѣтаютъ вѣроятность.

Мы не знаемъ, въ силу-ли подражательности, или по своему христіанскому исповѣданію, нѣкоторые ханы носили христіанскія имена. Встрѣчаются, напримѣръ, Данило Кобяковичъ, Юрій Кончаковичъ, Глѣбъ Тиріевичъ, Романъ Кзичъ. Но попадаются съ христіанскими именами и простые Тюрки, не княжескихъ родовъ. Таковъ Василій, явившійся изъ степей въ 1147 г. на помощь Святославу Ольговичу [3]). Интересна легенда „о плѣнномъ Половчинѣ“, показывающая, какъ отражались религіозныя вѣрованія Русскихъ на Половцахъ. Былъ у одного кіевлянина плѣнный Половецъ. Содержался онъ въ оковахъ. Долго хозяинъ ждалъ выкупа, наконецъ, предложилъ Половцу выпустить его съ тѣмъ, что онъ заплатитъ ему выкупъ, возвратившись въ свои кочевья. Поручителемъ за себя кочевникъ согласился взять св. Николая. Освободившись изъ плѣна, степнякъ забылъ объ обѣщаніи. Однажды ему явился св. Николай и напомнилъ о своемъ поручительствѣ, пригрозивъ бѣдой. Но это напоминаніе прошло безслѣдно. Поѣхалъ однажды Половецъ въ поле. Вдругъ явился святой угодникъ, стащилъ его съ коня и тряся сказалъ: „не говорилъ-ли я тебѣ, окаянный: повези выкупъ тому христіанину, такъ какъ ты данъ мнѣ на поруки, а ты скоро забылъ мои слова; еще разъ тебѣ говорю: пожалѣй самъ себя, повези выкупъ! если забудешь, увидишь, что тебѣ отъ меня будетъ“! Нѣсколько дней спустя былъ съѣздъ князей и вельможъ половецкихъ. Пріѣхалъ и нашъ Половецъ. Вдругъ среди собранія невидимая сила стащила его съ коня и начала бить, при чемъ слышался голосъ: „говорилъ я тебѣ, окаянный, повези выкупъ“! „Страшно же бяше,

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 495.

[2]) Никон. лѣт. II, 67, 202.

[3]) Ипат. лѣт. стр. 242.

братіе, видити мученіе его: овогда бо бѣ главою потчепъ о землѣ, овогда-же отъ земля восхыщенъ и о землю разраженъ, иногда же бяше глава его междю ногъ его, и ктому невидимо аки батоги бияше его сила божіа, единако глаголюще: „повези на собѣ искупъ христіанину оному“! Устрашенный Половецъ, оправившись отъ наказанія, взялъ два табуна лошадей и направился въ Кіевъ. Онъ сначала пришелъ въ церковь и пожертвовалъ небольшое стадо въ ея пользу; потомъ внесъ выкупъ своему хозяину [1]). Эта легенда интересна, какъ рисующая намъ отношенія Русскихъ и Половцевъ. Интересенъ также фактъ, что св. Николай пользуется глубокимъ уваженіемъ среди Татаръ и въ настоящее время. Въ юртахъ Татаръ сибирскихъ вы очень часто встрѣтите образъ этого Святаго. Татары говорятъ: „великъ русскій богъ, Никола“! Другая легенда разсказываетъ намъ о принятіи христіанства и даже о вступленіи Половцевъ въ монашество въ Кіевопечерскомъ монастырѣ вслѣдствіе чуда одного святаго, который былъ нѣкоторое время у нихъ въ плѣну и чудеснымъ образомъ освобожденъ [2]).

Рядомъ съ Русскими на полѣ просвѣщенія кочевниковъ истинами христіанской религіи трудились и католическіе миссіонеры. Мы имѣли случай указывать, что это дѣло спеціально возложено было на миноритовъ. Хотя по документамъ видно, что дѣятельность ихъ въ степяхъ относятся къ XIII в., но возможно, что они ходили въ землю Половецкую и раньше. Неизвѣстно, на сколько успѣшно шло дѣло ихъ проповѣди въ южно-русскихъ степяхъ, но Половцы, поселившіеся въ Венгріи, дѣлались христіанами [3]).

Но рядомъ съ христіанскими дѣйствовали и другія вліянія. Когда Печенѣги явились въ Европу, то столкнулись съ Хазарами, у которыхъ свободно существовали юдаизмъ, магометанство, христіанство и

---

[1]) Хрестоматія Аристова, стр. 1278—1284.

[2]) Житіе св. Никона Многотерпѣливаго. Печерскій Патерикъ по изданію Яковлева. Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ. Спб. 1872 г. стр. 95—96

[3]) Дошедшій до насъ половецкій словарь составился, видимо, изъ записей, сдѣланныхъ купцами и проповѣдниками. На это указываетъ обиліе словъ, для выраженія понятій религіозныхъ и техническихъ, употреблявшихся въ торговлѣ.

язычество. И магометане, и іудеи, не преминули, конечно, подѣйствовать на новый народъ. Кромѣ того, постоянныя сношенія съ средней Азіей, съ странами, въ которыхъ исповѣдывался исламизмъ, могли повести къ распространенію его и среди кочевниковъ. До насъ дошло извѣстіе арабскаго географа XI в., Эль-Бекри; оно не можетъ быть принято во всей своей силѣ, но показываетъ, что попытки проповѣди исламизма среди кочевниковъ предпринимались. Онъ разсказываетъ, что послѣ 400 г. гиджры (1009—1010 г.) къ Печенѣгамъ прибылъ мусульманскій юристъ и началъ проповѣдь. Многіе, въ числѣ 12,000, увѣровали. Остальные начали укорять ихъ. Началась междоусобная война. Неофиты одолѣли, и остатки побѣжденныхъ также приняли исламъ [1]). Половцы, вѣроятно, также неизбѣжали стараній сосѣдей обратить ихъ въ магометанство. Такими близкими сосѣдями были Болгары на Волгѣ, еще съ X в. сдѣлавшіеся магометанами. Въ существованіи сношеній враждебныхъ и мирныхъ, торговыхъ между Половцами и Болгарами можно быть вполнѣ увѣреннымъ [2]). Гиббонъ говоритъ, что бо́льшая часть Куманъ (Половцевъ) были язычники, и только немногіе были магометане [3]). Юдаизмъ, кажется, имѣлъ среди нихъ также своихъ послѣдователей. Такъ Плано-Карпини въ числѣ подданныхъ татаръ указываетъ Кумановъ—Брутаховъ, исповѣдующихъ іудейскую религію [4]).

---

[1]) Defrémery. Fragments des géographes, p. 15—16.

[2]) Лѣтопись мало или лучше ничего не говоритъ намъ объ отношеніяхъ Половцевъ къ Болгарамъ. Сохранилось въ ней только два извѣстія о набѣгахъ Половцевъ на Болгарію. Въ 1117 г.: „Тогда-же придоша Половци къ Болгаромъ, и высла имъ князь Болъгарьскый питя съ отравою, и пивъ Аепакъ и прочии князи вси помроша". (Ипат. лѣт. стр. 205). Въ 1183 (1184 г.) Всеволодъ суздальскій пошелъ на Болгарь. Уже въ землѣ Болгарской къ нему явились Половцы Емяковы и сказали: „кланяють ти ся, княже, Половци Емякове, пришли есми ко княземъ Болгарьскимъ воевать Болгаръ: слышахомъ бо тебе идуща ихъ-же воевать". (Воскр. лѣт. стр. 96, ч. I).

[3]) Путешествіе Марко Поло. Перев. Шемякина. Москва. 1863 г. Стр. 57, примѣч. 51.

[4]) Собраніе путешествій къ Татарамъ. Плано Карпини и Асцелинъ. Стр. 191.

Въ концѣ XII и особенно въ началѣ XIII ст. отношенія между Русскими и Половцами принимаютъ болѣе и болѣе мирный характеръ. Борьба продолжается, но и количество набѣговъ становится меньше, и перевѣсъ въ борьбѣ видимо переходитъ на сторону Руси. Культурное вліяніе сосѣдей дѣлало свое дѣло. Среди половецкихъ степей чувствуется какъ будто какой-то переворотъ въ самомъ политическомъ строѣ. Прежде мы видимъ набѣги, предпринимаемые всевозможными мелкими князьями половецкими. Въ концѣ XII и началѣ XIII в. извѣстія лѣтописныя группируются главнымъ образомъ около Кончака, его сына, Юрія Кончаковича, и Котяна. Остальные князья стушевываются. Кончакъ ведетъ борьбу съ Русью, дѣлаетъ на нее походы. О мелкихъ набѣгахъ другихъ хановъ не слышно. Предъ разгромомъ 1223 г. мы видимъ на всемъ пространствѣ степей только двухъ половецкихъ хановъ, Юрія Кончаковича и Котяна, изъ которыхъ первый „бѣ, по выраженію лѣтописи, болийше всихъ Половець". Проглядываетъ какъ будто усиленіе власти ханской среди кочевниковъ. Есть даже намеки на борьбу двухъ хановъ половецкихъ изъ за власти. Въ одномъ изъ нихъ можно подозрѣвать нашего Юрія Кончаковича [1]).

Будучи въ близкомъ родствѣ съ русскими князьями, принявъ на себя русское имя, можетъ быть, усвоивъ даже ихъ образъ жизни, не чуждый вліянія сосѣднихъ культурныхъ народовъ, онъ могъ задаться цѣлію ввести среди Половцевъ иной политическій строй, могъ стремиться къ созданію тюркскаго государства, къ подчиненію своей власти мелкихъ князьковъ. Въ этихъ планахъ онъ могъ находить поддержку и со стороны своихъ русскихъ родственниковъ, которымъ выгоднѣе было имѣть дѣло съ однимъ Юріемъ Кончаковичемъ, склоннымъ къ русской культурѣ, чѣмъ съ массой дикихъ половецкихъ князьковъ. Тоже самое можно сказать о Котянѣ. Онъ былъ тесть Даніила галицкаго, который называлъ его „батюшка". Этотъ человѣкъ былъ также, по видимому, не дюжинный. Мы съ нимъ еще разъ встрѣтимся. А что Половцы были способны къ культурѣ, что изъ нихъ могли быть видные политическіе дѣятели,—это мы увидимъ въ нашей послѣдней главѣ.

---

[1]) См. слѣд. главу.

VI.

Нашествіе Татаръ и выселеніе половецкаго народа.

Въ то время, когда Русь и Половцы боролись между собою, роднились и грабили другъ друга, далеко въ степяхъ средней Азіи собиралась гроза, которая должна была сокрушить силы обоихъ народовъ, поработить на нѣкоторое время Русь, и стереть съ лица земли имя Половцевъ.

Во второй половинѣ XII ст. среди монгольскихъ племенъ появился человѣкъ, съумѣвшій уничтожить ихъ разрозненность, двинувшій массы кочевниковъ на завоеванія. Это былъ извѣстный Темучинъ, принявшій потомъ на себя имя Чингизъ, когда сдѣлался ханомъ [1]). Мы не будемъ слѣдить за всѣми побѣдами его въ Азіи. Для насъ интересно столкновеніе этого вопителя съ Хорезмомъ.

Еще раньше, съ самаго начала XII в., мы видимъ Половцевъ на службѣ у грузинскихъ царей противъ владѣтелей мусульманскихъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь степняки являлись ненадежными союзниками. Разъ въ виду непріятеля Грузины и Половцы перессорились, передрались и бѣжали. [2]). Служили Половцы и султанамъ Хорезма, которые женились на дочеряхъ ихъ хановъ. Когда на предѣлы его надвинулись

---

[1]) Исторія первыхъ завоеваній изложена на 156—248 стр. въ Histoire généalogique des Tatars, D'Abulgasi—Bayadur—Chan. A Leyde. 1726.

[2]) Défremery. Fragments des géographes, p. 26, 27. note, 3, p. 35—36. Извѣстія Ибнъ-эль-Атира.

Татары, султанъ Джелаль-Эддинъ послалъ звать къ себѣ на помощь нашихъ кочевниковъ. За этотъ-то союзъ и преслѣдовали Татары Половцевъ[1]) и ринулись къ сѣверу отъ кавказскихъ горъ. Взявъ Дербентъ, спустившись съ горъ, они стали въ землѣ Аллановъ-Ясовъ.— Въ виду общей опасности Половцы заключили съ ними союзъ. Татарскіе генералы увидѣли всю опасность для нихъ отъ этого факта и рѣшили раздѣлить силы враговъ. Они послали къ Половцамъ одного изъ своихъ съ богатыми дарами. Онъ долженъ былъ выразить удивленіе, что Половцы, будучи родственниками Монголовъ по крови, соединились съ Аланами, которые—народъ совершенно имъ чуждый; что гораздо честнѣе жить Половцамъ въ добромъ согласіи съ Монголами. Наши степняки поддались на обманъ и оставили Ясовъ. Тогда Татары разбили Аланъ, обратили массу ихъ въ рабство и затѣмъ напали на Половцевъ. Придя въ себя послѣ такой неожиданности, послѣдніе отступили къ русскимъ границамъ, а Татары остались зимовать въ землѣ Половецкой[2]). Оказывается, что съ новыми врагами боролся Юрій Кончаковичъ. Видя свое безсиліе, другой ханъ, Котянъ бросился искать себѣ помощи у своихъ родственниковъ на Руси. Но, кажется, Татары въ своей войнѣ съ Половцами и воспользовались междоусобной борьбой, происходившей между Юріемъ Кончаковичемъ и другимъ какимъ-то княземъ[3]). Явились половецкіе князья къ границамъ Руси и убѣ-

---

[1]) Извѣстіе Ибнъ-Кхальдуна. Ibidem, p. 128—129, примѣч. I, p. 129—130.

[2]) Abulgasi—Bayadur-Chan, p. 309—311; Ибнъ-эль-Атиръ. З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II, стр. 659.

[3]) Какой-то смутный слухъ о борьбѣ двухъ хановъ половецкихъ дошелъ до венгерскихъ миссіонеровъ. Въ ихъ реляціи между прочимъ разсказывается, что во время войны Татаръ съ Хорезмомъ былъ въ землѣ Половцевъ князь, *Витофъ* (Witoph, по другому вар. Vithuth), славившійся своими богатствами. На него напалъ другой князь *съ рѣки Буга* (de flumine Buchs, вар. Buc), по имени *Урехъ* (Urech, вар. Gureg), и ограбилъ. Витофъ бѣжалъ къ хорезмійскому султану (de Hornack, вар. Ornach). Послѣдній за какія-то болѣе раннія обиды повѣсилъ Витофа, сыновья котораго бѣжали къ Ureху. Урехъ убилъ старшаго, а младшій бѣжалъ къ Татарамъ, къ хану Гургуѣ (?). Послѣдній наказалъ Ureха, затѣмъ по просьбамъ сына Витофа двинулся и на Хорезмъ, Персію, потомъ на Половцевъ и т. д.

дили ея князей помочь имъ. Если не поможете намъ, говорили они, то сегодня насъ изрубили, а завтра васъ изрубятъ. „Но и Татары съ своей стороны прислали пословъ къ русскимъ князьямъ съ предложеніемъ оставить Половцевъ на произволъ судьбы. Въ происшедшей битвѣ на Калкѣ союзники были разбиты на голову [1]). Вѣсть объ этомъ прошла и за предѣлы Руси. Въ австрійской нейбурской лѣтописи подъ 1223 г. читаемъ: „царь Тарсисъ (татарскій) совершенно опустошилъ землю, называемую половецкой, истребилъ ея жителей и побилъ много Руссовъ, которые хотѣли подать имъ помощь [2])". Въ первыхъ-же стычкахъ съ Татарами были убиты половецкіе князья—Данило Кобякковичъ и Юрій Кончаковичъ [3]).

Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ затѣмъ не было ничего слышно про Татаръ. Все начинало идти по прежнему. Торговыя сношенія возобновились [4]). Половцы по прежнему помогаютъ русскимъ князьямъ [5]), о набѣгахъ на Русь совсѣмъ не слышно. Котянъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Даніиломъ; а въ степяхъ среди Половцевъ постоянно живетъ Изяславъ Владиміровичъ, сынъ Владиміра Игоревича, женатаго на дочери Кончака. Но въ 1237 г. начался разгромъ Русской земли. Громить ее явился уже не отдѣльный отрядъ татарскій, а огромныя силы подъ начальствомъ Батыя. Разоривъ сѣверную Русь, Татары заняли степи половецкія [6]).

Началась послѣдняя борьба Половецкаго народа за свою свободу. Одинъ изъ половецкихъ князей, Бачманъ, долго безпокоилъ Монголовъ

Оба варіанта этой реляціи напечатаны въ Codex Arpadianus, v. Wenzel. v. XII, Supplementa, № 2, A и B. Въ этой путаницѣ фактовъ, весьма вѣроятно, лежитъ основа дѣйствительности. Urech, Gureg чуть-ли не нашъ Юрій Кончаковичъ.

[1]) Ипат лѣт. стр. 495—497; Воскр. лѣт. I. 120—132; Ибнъ-эль-Атиръ. З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II, стр. 661; Abulgasi-Bayadur-Chan, p. 311—314.

[2]) Уч. З. А. Н. по. I. и III отд. т. II, 1854 г. Куникъ. О нашествіи 1223 г. временемъ Калкской битвѣ. Стр. 760.

[3]) Никон. лѣт. II, 350.

[4]) См. выше.

[5]) Ипат. лѣт. стр. 498, 503, 507; 513, 514, 515, 516.

[6]) Ibidem, стр. 520.

своими нападеніями. Онъ неожиданно аттаковывалъ ихъ, исчезалъ съ своей добычей и удачно избѣгалъ ихъ преслѣдованій. Напрасно они его искали; спрятавшись съ своимъ отрядомъ въ лѣсахъ на берегу Волги, онъ постоянно мѣнялъ мѣсто своего убѣжища. Князь Мангу и его братъ Буджекъ постановили, наконецъ, осмотрѣть лѣса. Рыща по нимъ, монгольскія войска увидѣли слѣды лагеря, и узнали отъ одной больной женщины, что Бачманъ удалился на одинъ изъ острововъ Волги. Они въ бродъ достигли его. Половцы были захвачены неожиданно и изрублены въ куски. Бачманъ, приведенный къ Мангу, былъ зарѣзанъ по его приказанію среди войска [1]). Это единственный извѣстный намъ эпизодъ изъ исторіи борьбы Половцевъ съ Монголами. Путешественникъ XIII в., Плано-Карпини, проѣхавшій Половецкую землю отъ Кіева до Волги, разсказываетъ, что жители ея, Половцы, истреблены Татарами; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали изъ своего отечества; другіе обращены въ рабовъ; многіе изъ убѣжавшихъ возвратились назадъ къ Татарамъ [2]).

Еще вслѣдъ за погромомъ 1223 г. Половцы начали выселяться изъ южно-русскихъ степей. Часть ихъ двинулась на Закавказье. Они обратились за позволеніемъ къ владѣтелю Дербента купить съѣстныхъ припасовъ. Вышли недоразумѣнія, и Половцы посредствомъ хитрости овладѣли Дербентомъ Начали они грабить грузинскія области. Окруженные, послѣ многихъ поло̀женій, мусульманами, лезгинами, грузинами, Половцы были разбиты. Оставшіеся въ живыхъ обращены въ рабство, такъ что рабъ изъ нихъ продавался въ Дербендѣ Ширванскомъ по самой низкой цѣнѣ [3]). Далѣе, конечно, выселеніе должно было усилиться.

Послѣ 1237 г. мы находимъ Половцевъ среди Русскихъ. Они, видимо, уже находились въ полной зависимости отъ русскихъ князей. Даніилъ Романовичъ галицкій употребляетъ ихъ какъ легкое войско въ своихъ походахъ на Литву, на Ятвяговъ [4]). Они участвуютъ въ знаменитой ярославской битвѣ, когда рѣпенъ былъ окончательно во-

---

[1]) D'Ohsson. Histoire des Mongols, II, p. 112.

[2]) Путешествія къ Татарамъ. Языкова. Стр. 25.

[3]) Ибнъ-эль-Атиръ. З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II.

[4]) Ипат. лѣт. стр. 538, 542—3, 543.

просъ, кому долженъ принадлежать Галичъ. Мы видимъ здѣсь Половцевъ въ полномъ повиновеніи у Даніила: „и пріѣхаша Половци напередъ, и пріѣхавше видиша стада ихъ (непріятельскія), не бѣ бо стражъ ихъ у рѣки, *Половцемъ же не смѣющимъ разграбити ихъ, бес повеленія княжа*“.... Прежде, во времена, когда ихъ нанимали князья на помощь, они не дожидали-бы позволеній и не были-бы такъ совѣтливы. Нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя давали-бы возможность сказать, гдѣ были поселены Половцы. Сохранилось преданіе, что они получили земли тамъ-же, гдѣ раньше поселились ихъ родичи—Черные Клобуки, т. е., на р. Роси, но при этомъ время поселенія ихъ въ этихъ мѣстахъ отодвигается очень далеко—къ княженію Святополка Изяславича, т. е., къ концу XI в. Оно удержалось въ родѣ князей Половцевъ—Рожиновскихъ, производившихъ свой родъ отъ тестя Святополка, половецкаго хана Тугорхана. Въ грамотѣ, выданной кіевскимъ княземъ, Владиміромъ Ольгердовичемъ, въ XIV в. Юрію Ивановичу Половцу—Рожиновскому говорится между прочимъ: „а удѣлъ его предковскій, какъ предки его, *Тугорханъ* и *Карианъ*, и иные послѣ нихъ, держали, *на р. Роси* по *р. Ростовицу* и *Каменицу*, который назывался Сквира, а теперь Повѣтщизна [1])“. Преданіе отнесло событіе къ слишкомъ отдаленному времени, но самый фактъ несомнѣненъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами лѣтописныхъ извѣстій. Въ Поросьи были поселены Половцы не Тугорхановы, а перешедшіе на русскую территорію послѣ нашествія Татаръ.

Часть Половцевъ, очевидно, кочевавшихъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, поспѣшила спастись на Балканскій полуостровъ. По разсказу Георгія Акрополита, Половцы съ женами и дѣтьми, на шкурахъ наполненныхъ сѣномъ, переправились чрезъ Дунай, прорвались чрезъ Болгарію и заняли всѣ области Македоніи. Они страшно опустошили её и въ короткое время обратили какъ-бы въ пустыню, овладѣли небольшими слабо укрѣпленными городами, грабили, убивали, уводили въ плѣнъ жителей. Плѣнные продавались въ бо́льшихъ городахъ, въ

---

[1]) Opis powiatu Wasylkowskiego, Edward Rulikowski. Warszawa 1853. st. 33—34: „a oddział jego przodkowski, Skwirski, jaco przodki jego: Tugorhan i Karymam i inne po nich odzierżeli, na Rsi, po Rastavicy i Kamienicy, który swano Skwira, a teraz Powietszczyzna“.

Адріанополѣ, Дидимотикѣ и др. [1]). Никифоръ Грегора разсказываетъ, что Половцы переселились въ числѣ не менѣе десяти тысячъ. Императоръ Іоаннъ послалъ имъ богатые дары, старался привлечь другими знаками своего расположенія и включилъ въ составъ греческой арміи. Онъ роздалъ Половцамъ земли для поселенія въ разныхъ мѣстахъ: *во Ѳракіи, въ Македоніи, въ М. Азіи* по рѣкѣ *Меандру* и *во Фригіи* [2]).

Знаменитый Котянъ, тесть Даніила Романовича галицкаго, котораго венгерскія хроники называютъ Кутеномъ, не долго продержался въ степяхъ и въ свою очередь съ подвластными ему половецкими колѣнами рѣшился покинуть свое отечество. Есть извѣстіе, что Котянъ сначала одинъ явился въ Венгрію, чтобы изучить туземный языкъ [3]). Вслѣдъ затѣмъ онъ прислалъ сказать, что приметъ вмѣстѣ съ своими приближенными христіанство, если ему будутъ отведены земли для поселенія. Король венгерскій, Бела IV, далъ проводниковъ во избѣжаніе столкновеній Половцевъ съ туземцами, а чтобы придать видъ легальности своему поступку, онъ собралъ сеймъ сановниковъ государства и предложилъ ему вопросъ, принимать-ли Котяна. Бароны рѣшили утвердительно. Явившись въ Венгрію, Котянъ съ ближайшими людьми былъ крещенъ [4]). Половцамъ были отведены земли между Дунаемъ и Тиссой, по рѣкѣ Кёросу, между рр. Темесомъ и Маросомъ [5]). Переселившись Половцы быстро завоевали себѣ видное

---

[1]) Γέωργίου τοῦ Ἀκροπολίτου, τοῦ μεγάλου λογοθέτου Χρονικὴ Συγγραφή. Bonnae. 1837 a. p. 58—59.

[2]) Νικηφόρου τοῦ Γρηγόρα ῥωμανικῆς ἱστορίας λόγος. Bonnae. I, 36—37: „χώρας ἄλλοις ἄλλας διανειμάμενος εἰς κατοίκησιν τοῖς μὲν κατὰ Θράκην καὶ Μακεδονίαν, τοῖς δ'ἐν Ἀσίᾳ κατὰ Μαίανδρον καὶ Φρυγίαν".

[3]) Comes Géza Kuun. Codex Cumanicus, p. LXI.

[4]) Rogerius. De destructione Hungariae per Tartaros facta. Scriptores rerum hungaricarum. Schwandtneri. Vindobonae. 1746 a. I, 294, 296—7, 298—9; Pray. Annales regum Hungariae, p. 251.

[5]) Въ конституціи 1279 г., данной Ладиславомъ—Половцемъ, внукомъ Белы IV, сыномъ Стефана V, говорится: „et quia copiosa multitudo Comanorum copiosum terrae spatium capiebat, statuimus, ut hi, qui cum generatione sua *inter Danubium et Titiam*, at *juxta fluvium Kriss*, vel *inter flumina Tymus et Marus*, aut circa eadem descenderant, et non alias, sed super eisdem fluminibus seu locis, sive terris, super quibus primitus quamlibet generatio-

мѣсто, и наслѣдникъ венгерскаго престола, Стефанъ V, женился на дочери половецкаго князя, Котяна [1]).

Одинъ путешественникъ англійскій XIV в., Мандевиль, бывшій въ Египтѣ и служившій у султана Мелека Мандиброна, разсказываетъ слѣдующее: „изъ тѣхъ [2]) Половцевъ нѣкогда явилось въ Египетъ нѣкоторое количество, которое увеличившись такъ усилилось, что, кажется, правитъ надъ подчиненными туземцами, ибо изъ среди себя они поставили султана Мелека Мандиброна [3])". Совершенное подтвержденіе этому и безъ того не внушающему сомнѣній извѣстію мы находимъ у такого достовѣрнаго писателя, какъ Георгій Пахимеръ. Онъ разсказываетъ, что султанъ египетскій заключилъ торговый договоръ съ греческимъ императоромъ, по которому египетскіе корабли могли свободно ѣздить къ берегамъ Меотиды, чтобы скупать рабовъ, *„ибо султанъ, происходя самъ изъ Половцевъ*, старался собирать около себя свое племя [4])". Значитъ и рабы скупались—племени половецкаго. Интересно, что родители продавали дѣтей. Закончимъ нашу главу словами арабскаго писателя XIV в., Ибнъ-Яхіи: „Тюрки Кипчака (Половцы), говоритъ онъ, отличаются отъ другихъ тюрковъ своею религіозностью, храбростью, быстротою движеній, красотой фигуры правильностью чертъ и благородствомъ. *Они дали султановъ и эмировъ Египту* и составляютъ самую большую часть арміи этой имперіи. Недимъ-эддинъ-Эюбъ, сынъ Камеля, показалъ большое стараніе въ

---

nem cum suis tabernaculis *Dominus Bela Rex, avus noster, illustris Rex Hungariae, inclytae recordationis, descendere fecerat, ibi et nunc descendant et resideant*". (Fejer. Codex diplomaticus, v. V, pars 2, p. 512—518).

[1]) Comes Géza Kuun. Codex Cumanicus, p. XXX.

[2]) Онъ только что говорилъ о Куманіи.

[3]) „De istis Commanis uenit olim fugata quaedam pluralitas populi usque in terram Aegypti, quae ibidem succreta nunc ita invaluit, ut suppressis indigenis videatur regnare: Nam et de seipsis constituerunt hunc, qui modo est Soldanus, Melech Mandibron". Hakluit's collection. London. 1810. v. II, p. 122.

[4]) Γέωργίου τοῦ Παχυμέρης. Μιχαήλ Παλαιολόγος. Bonnae. 1835 a. I, стр. 175: „ἐκ Κομάνων γὰρ ὧν ἐκεῖνος εἷς τῶν εἰς δουλείαν ἀποδεδομένων τὸ γένος ἐζήτει κατ αιτίαν συνετὴν ὅτι καὶ ἐπαίνων ἐγγύς" и стр. 176. Также: Νικηφόρου τοῦ Γρηγόρα ῥωμανικῆς ἱστορίας λογός. Bonnae. I, 101.

отыскиваніи рабовъ изъ Кипчака, и они не замѣдлили овладѣть тро-номъ. Эти государи, вслѣдствіе своей преданности къ своимъ соотечественникамъ, собрали ихъ большое количество, такъ что Египетъ вскорѣ былъ наполненъ этими иностранцами, которые составили тамъ первенствующую силу. Поставленные во главѣ арміи, облеченные первыми должностями, они показали себя ревностными защитниками исламизма [1])".

---

[1]) Notices et extraits des manuscrits. v. XIII p. 267—268.

Дополненіе.

Стр. 72 Преданіе о Торческѣ и о другихъ сосѣднихъ городкахъ изданно г. Ревякинымъ въ Кіев. губ. вѣд. 1862 г. №№ 33 и 34. Разсказъ ведется на малорусскомъ языкѣ. Для удобства мы передаемъ его на русскомъ. „Онъ (Торческъ) былъ еще во время тѣхъ князьковъ, которые когда-то князевали въ *Кіевѣ*, *въ Красномъ* и *Трипольи;* тому, м. б, съ тысячу лѣтъ есть. Въ Лаврѣ печерской есть записи и права на этотъ городокъ,—на престолѣ лѣжатъ. Говорятъ, городъ былъ очень сильный; непріятелю (тогда все орды ходили) нельзя было его добыть: гдѣ-жь тутъ вамъ? на такую вышину лезть! какъ начнуть лезть на валы, то Торчане давай на нихъ колодами пускать съ валовъ,—потолкуть, потолкуть ихъ хорошенько, а они и отойдуть снова въ свои окопы. Его такъ хитростью и взяли: воду изъ Стугны отвели, да *чумакомъ*. Взяли они его *чумакомъ*. Пришли князьки на помощь Торчанамъ, да и давай между собой колотиться, да радиться. А орда, не думая, не *радючись*, какъ кинется на нихъ, такъ всѣхъ и потопила въ Стугнѣ, да на мосткахъ. Черезъ это и село наше называется *Безрадичами*, на смѣхъ значитъ потому, что орда отбила князьковъ безъ рады. Тѣ радились, да радились, а эти безъ рады побили ихъ. А все отъ Торча не отступаютъ, облегли его, чтобы онъ не имѣлъ ни чего ѣсть, ни чего пить; воду, выходитъ, отвели,—а сами взяли да сдѣлали полтораста чумачихъ возовъ: въ первые понакладывали *борошна*, а въ остальныхъ сами залегли, да и говорятъ: это мы вамъ провіантъ отъ помощи веземъ. Тѣ,—вѣрно дѣло ночью было,—и отво-

рили имъ ворота, скоренько—значитъ,—думаютъ себѣ, какъ подстережетъ орда, то и провіантъ отобьетъ. „Такъ Торчь и взяли".

Если сравнить этотъ народный разсказъ съ лѣтописнымъ, то невольно приходишь въ удивленіе предъ могучестью народной памяти: такъ точно, вѣрно передано событіе безъискуственнымъ преданіемъ, такъ ясно удержаны главныя, выдающіяся черты факта, переданнаго намъ современникомъ его, лѣтописцемъ. Сравненіемъ этого преданія съ лѣтописнымъ разсказомъ о взятіи Торческа, помѣщеннымъ въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1093 г., занимались г. Ревякинъ и г. Стояновъ, въ своей статьѣ: „Южно-русская пѣсня о событій XI в.". Намъ кажется нѣсколько труднымъ пріурочивать пѣсню о взятіи Азова къ событію 1093 г., но нѣтъ никакого основанія предполагать въ народномъ преданіи о взятій Торчесна какое либо постороннее, книжное вліяніе. Оно не знаетъ никакихъ именъ, которыя необходимо явились бы изъ книжнаго источника. Когда такой разсказъ дѣлается достояніемъ народа, то изъ устъ послѣдняго онъ выходитъ въ такой искаженной, спутанной, формѣ, которая ясно даетъ видѣть чуждую народу основу. Если мы сравнимъ съ этимъ вполнѣ простымъ и безъискуственнымъ преданіемъ разсказъ Коломыйца о Юрикѣ, связанный съ преданіемъ о происхожденіи Запорожья, то совершенно убѣждаемся въ сказанномъ нами ранѣе. Преданіе о битвѣ на Стугнѣ 1093 г. связано съ мѣстностью, съ названіемъ *Безрадичи*, носимымъ селомъ. Не книжный разсказъ, привнесенный извнѣ, а имя села дало возможность удержаться въ народной памяти преданію о столь отдаленной эпохѣ. Мы скорѣе готовы не согласиться съ мнѣніемъ, что это преданіе вполнѣ опредѣляетъ мѣстность Торческа. Послѣдняя опредѣляется не изъ этого преданія, а путемъ лѣтописныхъ данныхъ. Не оставь намъ лѣтописецъ такого подробнаго повѣствованія о событій 1093 г., мы не имѣли-бы права основаться на этомъ народномъ преданіи, ибо память народа способна иногда пріурочивать давно минувшіе факты къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ они вовсѣ не происходили. Въ потвержденіи этого можно указать на одно малорусское преданіе. Въ нашемъ изложеніи мы встрѣчались уже съ именемъ половецкаго хана Боняка. И вотъ о немъ-то мы и находимъ народное сказаніе, которое записано въ Новоградволынскомъ уѣздѣ отъ крестьянина села Деревичъ. Подлѣ этого села есть городище, съ которымъ и связано самое преданіе. „Давно давно сидів, у тому городищові якийсь лицарь, звався він *шолудивый Боняка*. Со-

хранился, такимъ образомъ, даже эпитетъ этого грознаго врага Руси. „Въ 20 того-же мѣсяца, въ день пятокъ, въ часъ 1 дне, прииде *Бонякъ* безбожный, *шолудивый*, отай, хищникъ, Кыеву..." [1]), такъ разсказываетъ лѣтопись объ одномъ смѣломъ нападеніи этого хана на Кіевъ. Народная фантазія разукрасила его образъ и придала ему чудовищныя черты. Онъ жилъ въ этомъ городище и ѣлъ людей, которыхъ ему доставляли по очереди [2]). Въ другомъ варіантѣ преданія половецкій ханъ сдѣланъ уже смѣлымъ гайдамакомъ, жившимъ въ эпоху борьбы казаковъ съ Польшей [3]). Ханъ половецкій, Бонякъ шелудивый, никогда не жилъ тамъ, куда пріурочено его имя народнымъ преданіемъ. Но это сказаніе интересно еще и въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ съ теченіемъ времени наслаиваются новыя и новыя подробности на первоначальную основу преданія и какъ самый образъ дѣйствующаго лица постепенно измѣняется въ народной памяти, теряя свои оригинальныя черты, обобщаясь, получая чудодѣйственную окраску. Народъ помнилъ о существованіи страшнаго врага своихъ предковъ, уводившаго при своихъ нападеніяхъ плѣнныхъ, которые по большей части на всегда были потеряны для родной земли,—онъ ихъ съѣдалъ. Съ поколѣніями все болѣе и болѣе стушевываются дѣйствительныя черты прошлой жизни и событій давноминувшихъ, исчезаетъ память о томъ, что нѣкогда велась борьба съ врагами, о томъ, какъ она велась. Остается только ясно воспоминаніе, что существовалъ нѣкогда врагъ уничтожавшій населеніе, поѣдавшій его; населеніе не могло съ нимъ справиться, стало быть, этотъ врагъ обладалъ какой-то чудодѣйственной силой. На такой стадіи развитія народное преданіе не останавливается. Разработка его идетъ у народа далѣе; наслоенія и обобщенія все далѣе и далѣе растутъ. Терятся самое имя врага; стушевываются послѣднія оригинальныя черты лица (всеравно, будетъ-ли это цѣлый народъ или отдѣльный человѣкъ) и событій; память о борьбѣ съ врагомъ сливается болѣе и болѣе съ памятью о доисторической борьбѣ съ силами природы, которыя олицетворены уже у народа въ образахъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 162.

[2]) Драгомановъ. Малорусскіе народныя преданія и разсказы. Кіевъ. 1876 г. стр. 224—225.

[3]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Спб. 1870 г. стр. 180.

великановъ и змѣевъ. Подъ этими то общими образами являются потомъ и всѣ враги, по большей части, цѣлыя племена, съ которыми приходилось долго и кроваво бороться осѣдлому населенію. Въ такомъ видѣ преданіе переходитъ въ былину. Въ ней защитниками Руси являются богатыри, подъ видомъ которыхъ олицетворенъ или весь русскій народъ, или, м. б., подъ именемъ котораго-нибудь изъ нихъ является дѣйствительно существовавшая личность, своимъ геройствомъ запечатлѣвшаяся въ народной памяти и затѣмъ современемъ подвергнувшаяся обыкновенному процессу обобщенія. Но въ былинѣ бываетъ и другое явленіе: то враги являются въ видѣ змѣевъ, то образуется коллективный образъ въ родѣ Тугарина. Имя стараго врага забылось. „Народъ, говоритъ г. Аксаковъ, продолжая пѣть старыя пѣсни о битвахъ богатырскихъ съ врагами, былъ тревожимъ новыми врагами, вызывавшими его на новыя битвы. Образы этихъ новыхъ враговъ замѣняли въ его воображеніи образы враговъ древнихъ [1]). Г. г. Аксаковъ, Веселовскій, Погодинъ, Буслаевъ и др. признаютъ древность нашихъ былинъ и видятъ въ нихъ эпосъ, въ которомъ отразилась борьба со степью, ведшаяся въ др. періодъ рус. жизни [2]). Издавая богатырское слово въ спискѣ начала XVII в., г. Барсовъ говоритъ: „съ одной стороны она (эта былина) относится къ былевому циклу—борьбы кіевской Руси со степью, и въ этомъ смыслѣ она тѣсно связана съ общими типами кіевскаго богатырства и съ славнымъ богатыремъ Ильей Муромцемъ со товарищи: герои—хотятъ острастить всѣ орды, борются съ погаными въ чистомъ полѣ—и рубятъ силу татарскую: все это характерныя черты народнаго эпоса, относящагося, очевидно, къ эпохѣ борьбы кіевской Руси со степью. Но съ другой стороны и, что всего важнѣе, издаваемая былина, по основной своей мысли, принадлежитъ циклу народнаго эпоса, относящагося къ наступательному періоду Кіева на Византію“ [3]). Оставляя послѣднюю сторону былины, мы будемъ говорить только о

---

[1]) Богатыри временъ В. князя Владиміра по рус. пѣснямъ. Рус. Бесѣда. 1856 г. т. IV, стр. 4.

[2]) См. напр. Буслаева. Рус. богатырскій эпосъ. Р. В. 1862 г. т. 41; Погодина въ Ж. М. Н. П; Веселовскаго. Южнорус. былины. Спб. 1881 г. Аксаковъ: указан. статья. Барсовъ. Богатырское слово. Спб. 1884 г. и др.

[3]) Богатырское слово. Стр. 9—10.

борьбѣ со степью. Г. Безсоновъ видитъ слѣды былинъ уже въ рус. лѣтописи. "Мы убѣждаемся, говоритъ онъ далѣе, несомнѣнно, что народное былевое творчество продолжалось непрерывно и въ эпоху княжескую, послѣ Владиміра до Татаръ, заимствуя изъ текущей жизни множество матерьяла, множество поэтическихъ элементовъ и образовъ [1]). Мы не имѣемъ возможности разсмотрѣть всѣхъ былинъ и показать, въ нихъ отраженіе борьбы со степью. Мы остановимся лишь на одномъ народномъ преданіи, сохранившемся отъ временъ Владиміра Св.. Этому князю пришлось вести упорную борьбу съ Печенѣгами, о которой мы имѣли уже случай говорить. Во время составленія лѣтописи въ XII в., т. е., сто съ лишнимъ лѣтъ, народъ уже имѣлъ богатырское сказаніе, привязанное къ эпизоду набѣга Печенѣговъ на Переяславское княжество въ 993 г.. Въ немъ еще вполнѣ сохранены исторически вѣрныя черты: извѣстно имя народа—врага, извѣстна мѣстность событія, остаются вполнѣ бытовыя черты; народная фантазія пока ограничилась только созданіемъ личности богатыря. Вотъ самое преданіе, которое мы находимъ нужнымъ привести все: „и се Печенѣзѣ придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и усрѣтѣ я на Трубеши наброду, кдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей странѣ, а Печенѣзѣ на оной, и не смѣяху си на ону сторону, и они на сю сторону. И пріѣха князь Печенѣжскій къ рѣцѣ и возва Володимира, и рече ему: „пусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь ударитъ моимъ, да не воюемся за три лѣта, аще-ли нашь мужь ударитъ вашимъ, да воюемъ за три лѣта", и разийдоша раздно [2]). Володимеръ же пришедъ въ товары, посла по товаромъ бирича, глаголя: „нѣтуть-ли такого мужа, иже бы ся ялъ с Печенѣжаниномъ братися? „и не обрѣтеся никдѣже. И заутра пріѣхаша Печенѣзѣ, а свой мужь приведоша, и нашихъ не бысть. И нача тужити Володимѣръ, посылая по всимъ восмь своимъ, и приде одинъ мужь старъ къ немъ, и рече ему: княже, есть у мене единъ сынъ дома меньшій, а съ четырма есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтства си сво-

---

[1]) Пѣсни собранныя Кирѣевскимъ. М. 1862 г. ч. IV стр. CXXXII—CXLVI.

[2]) Здѣсь мы допускаемъ небольшую перестановку въ текстѣ лѣтописи: переписчикъ ея напуталъ.

его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми сварящю, оному же мнущю кожу. и разгнѣвася на мя, преторже черевии руками. Князь-же се слышавъ и радъ бысть, и посла конь борзо и преведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся; сѣй же рече: княже! не вѣмь, могу-ли с него, да искусите мя: нѣтуть-ли вола велика и сильна? "Иналѣзоша волъ силенъ и повелѣ раздражати вола, и возложи нань желѣзо горяче, и пустиша вола, и побѣже волъ мимо нь, и похвати вола рукою за бокъ, и выня кожю с мясы, елико ему рука я; и рече ему Володимеръ: „можесь ся с нимь бороти". И назавтрѣе придоша Печенѣзѣ и почаша звати: нѣсть ли мужа? се нашь доспѣлъ". Володимѣръ же повелѣ той ночи облещися въ оружье; и выпустиша Печенѣзѣ мужь свой, и бѣ превеликъ зѣло, и страшенъ; и выступи мужь Володимѣрь и възрѣвъ Печенѣжинъ и посмѣяся, бѣ бо средній тѣломъ. И размѣривше межи обѣима полкопа, и пустиша я къ собѣ, и ястася крѣпко, и удави Печенѣжанина в руку до смерти и удари имь о землю; и вьскликоша Русь, а Печенѣзѣ побѣгоша, а Русь погнаша по нихъ, сѣкуще ѣ, и прогнаша ихъ. Володимеръ же радъ бывъ, и заложи городъ на броду томъ и нарче и Переяславль, зане перея славу отрокъ. Володимиръ же великимъ мужемь створи его и отца его" [1]). Что въ этомъ разсказѣ предъ нами является народное преданіе о страшной борьбѣ, указывается связью его съ мѣстностью, съ стремленіемъ народа объяснить происхожденіе имени города на Трубежѣ, хотя оффиціальный дукументъ договора съ греками показываетъ, что этотъ городъ существовалъ давно, такъ давно, что народная память не хватала уже до этой эпохи. Здѣсь уже мы видимъ соединеніе воспоминаній о двухъ фактахъ. Въ народѣ держалась еще память о постройкѣ городовъ, предпринятой Владиміромъ Св. Народъ къ этой-же эпохѣ отнесъ и основаніе Переяславля,—соединивъ въ одно два преданія: о нѣкогда дѣлавшихся укрѣпленіяхъ и о борьбѣ съ кочевниками—Печенѣгами. Въ такомъ видѣ преданіе держалось въ XII в. Но укрѣпленія, сдѣланныя Владиміромъ Св., состояли не изъ однихъ городовъ, онъ, какъ мы раньше видѣли, провелъ оборонительную линію валовъ [2]). Память объ этомъ, конечно, держалась въ XII в.; помнили, что и эти валы и засѣки предназна-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 83—85.

[2]) См. начало III-й главы и статью В. В. Антоновича: Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли. Кіев. Старина. 1884 г. Мартъ.

чались для защиты населенія отъ тѣхъ-же враговъ—Печенѣговъ. Далѣе историческія подробности стали исчезать. Прежде всего и скорѣе и легче всего должно было выдти изъ преданія воспоминаніе о Переяславлѣ. Это особенно должно было произойти послѣ татарскаго нашествія, когда пало значеніе этого города, какъ оплота противъ степи, когда онъ снизошелъ на степень второстепенныхъ городовъ. Произошелъ фактъ, который немыслимъ въ народной памяти: должно было явиться преданіе безъ мѣстности. Но такъ оно остаться не могло. Отъ времени Владиміра Св. сохранились еще валы. Къ нимъ, какъ къ величественнымъ сооруженіямъ, пережившимъ въ цѣлости вѣка, постоянно служившимъ памятникамъ борьбы съ тѣми же Печенѣгами, и должно было примкнуть преданіе о тѣхъ же Печенѣгахъ. Такимъ образомъ, неизбѣжно должны были слиться эти два воспоминанія о кровавой борьбѣ—о Янѣ Усмошвецѣ и валахъ. Но еще раньше, а, можетъ быть, одновременно исчезло изъ народной памяти и имя врага, его индивидуальныя черты: осталось только одно, что былъ какой-то врагъ, что былъ богатырь, который съ нимъ боролся и въ защиту построилъ эти валы. Этотъ врагъ, какъ и сама борьба, отодвинулся въ вѣкамъ доисторическимъ, откуда онъ получилъ стихійныя черты, сверхестественную окраску: богатырь борется уже не противъ народа или другаго реальнаго врага, а противъ миѳическаго змѣя. Подробности преданія измѣняются, но основанія его остаются. Въ такомъ видѣ преданіе держится въ народѣ до сихъ поръ. Въ Великороссіи держится разсказъ о Никитѣ Кожемякѣ. „*Около Кіева*, говоритъ преданіе, *проявился змѣй; бралъ онъ съ народа поборы немалые*: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ“. Разсказывается, что въ свою очередь попала къ нему дочь царская, красавица, которую онъ не съѣлъ. Она допыталась у змѣя, кто сильнѣе его. Этотъ богатырь, котораго одного боялся змѣй, былъ *Никита Кожемяка. Самъ царь отправился просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя. Въ ту пору Никита кожи мялъ, держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ; какъ увидалъ онъ, что къ нему пришелъ самъ царь*, задрожалъ со страху, руки у него затряслись—*и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ*“. Никита не согласился на просьбы царя и только, когда къ нему отправили пять тысячь дѣтей, рѣшилъ освободить свою страну. Начался бой. *Никита повалилъ змѣя*. Сталъ змѣй миру просить: „*раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ по ровну: ты будешь жить въ*

одной половинѣ, а я въ другой". „Хорошо, сказалъ Никита, надо межу проложить". Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, *запрегъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать*". Затѣмъ Кожемяка сталъ дѣлить море и утопилъ змѣя. *Эта борозда и теперь видна*: вышиною та борозда двухъ саженъ. Кругомъ ея пашутъ, а борозды не трогаютъ: *а кто не знаетъ, отчего эта борозда,—называетъ её валомъ*" [1]).

Изъ подчеркнутыхъ мѣстъ читатель увидитъ, что основныя черты этого разсказа тѣ же, что и въ преданіи о борьбѣ съ Печенѣгомъ Яна Усмошвеца. На сѣверѣ это преданіе, какъ мы видимъ, также соединяется съ существованіемъ борозды—вала, но на югѣ эти сооруженія составляютъ главный пунктъ около котораго группируются преданія. Нѣсколько варіантовъ преданія, приводимыхъ Фундуклеемъ связаны съ воспоминаніемъ о происхожденіи валовъ. Возмемъ одинъ изъ нихъ. Разсказываютъ, что нѣкогда появился стоглавый змѣй, началъ опустошать окрестности и пожирать людей. Многіе покушались умертвить его; но всѣ становились жертвою своей смѣлости. Наконецъ, для избавленія себя отъ совершенной гибели, здѣшніе жители вошли въ переговоры съ змѣемъ и обязались давать ему первороженнаго младенца изъ каждой семьи. Черезъ нѣсколько лѣтъ очередь пала на царевну; спасенія не было; никто не рѣшался вступить въ борьбу съ змѣемъ, хотя побѣдителю была обѣщана въ награду половина государства. Наконецъ, появился богатырь Кузьма. Услышавъ о жребіи царевны онъ рѣшился освободить её и съ помощью подземныхъ дружественныхъ себѣ царей одолѣлъ стоглаваго змѣя. За то въ награду получилъ онъ землю и оборалъ её плугомъ, запрягши въ него вмѣсто воловъ сказаннаго змѣя. Борозда, проведенная огромнымъ плугомъ, есть валъ, который и нынѣ называется *зміевымъ*" [2]). Что подъ именемъ змѣя въ народной памяти сохраняется образъ врага, видно изъ одной былины о Добрынѣ Никитичѣ. Вотъ изъ нея выдержки:

Какъ былъ онъ (Добрыня) во чистомъ полѣ,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,

---

[1]) Пѣсни собранные П. В. Кирѣевскимъ. IV, стр. CXLI—CXLII.

[2]) Фундуклей. Обозрѣніе валовъ, могилъ и городищъ Кіевской губ. Стр. 30—31.

Потоптать младыхъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
А вотъ договоръ Добрыни съ змѣемъ. Змѣй говоритъ:
„Мы положимъ заповѣдь великую,
Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
Не носить людей больше русскіихъ.
А тебѣ не ѣздить далече въ чистомъ полѣ,
Не топтать ти младыихъ змиенышей,
Не выручать полоновъ рускихъ“,

Но кочевники часто нарушали договоры съ Русью, и это обстоятельство не ускользнуло изъ былинъ. Змѣй снова летитъ въ Кіевъ и захватываетъ въ полонъ племянницу князя, Забаву [1]). Припомнимъ, что въ приведенныхъ нами преданіяхъ къ змѣю попадаетъ царская дочь. Въ былинѣ съ змѣемъ борется Добрыня, представитель дружины, которая и въ дѣйствительности служила защитой Руси отъ кочевниковъ. Сказка о Добрынѣ вполнѣ сохраняетъ въ себѣ основныя черты преданія о Янѣ Усмошвецѣ. У Владиміра пиръ. Всѣ пріуныли: передъ Кіевомъ сталъ страшный врагъ *Тугаринъ Зміевичъ*. Владиміръ ищетъ богатырей для борьбы съ Тугариномъ.

„*Идутъ могучіи княжіи богатыри ко стольному граду Кіеву, а головы клонятъ ко бѣлымъ грудямъ, отъ страха слова не вымолвятъ*“. Кіевской воевода видитъ, что на богатырей плохая надежда. Онъ говоритъ Владиміру: „*вымолви, осударь, слово ласковое, прикажи своимъ, словомъ кликнуть кличь на новольники.* Сбираются добры молодцы, но „лишь старшій хоронится за моложева. „Наконецъ, является Добрыня, вызывается на бой и убиваетъ Тугарина [2]). Въ этой былинной сказкѣ есть еще много интересныхъ чертъ, на которыхъ слѣдовало-бы остановиться, но мы ограничены размѣромъ дополненій къ нашей работѣ и оставляемъ за собой право когда нибудь спеціально заняться вопросомъ объ историческомъ значеніи былинъ. Скажемъ только, что весьма многія подробности борьбы съ кочевниками отразились въ былинахъ: въ нихъ есть прямое упоминаніе о Половецкой ордѣ, память о походѣ Кончака 1184 г., о бракахъ съ половчанками; память о Шарукани, даже отразилось отношеніе къ кочевникамъ Византіи.

---

[1]) Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. Москва 1861 г. ч. I, № 24.
[2]) Пѣсни собранныя Кирѣевскимъ. Вып. II, стр. I—VIII и д.

Стр. 150. Г. Ланге принимаетъ во вниманіе объясненіе г. Сенъковскаго, что подъ словомъ *колбягъ* (отъ турецкаго слова: *куль-бегъ*, военнослужащій), разумѣли тоже военнаго наемника, но изъ Половцевъ, или, можетъ быть, и изъ другихъ племенъ турецкаго происхожденія, кочевавшихъ на югѣ Россіи. Г. Ланге дѣлаетъ предположеніе, что колбяги были воины и пользовались поэтому преимуществами. Одни эти лица имѣли право оправдывать себя отъ покленной виры только двумя, а не семью свидѣтелями. Извѣстно, что Половцы носятъ въ лѣтописи иногда эпитетъ *дикіе*. Г. Ланге противополагаетъ этотъ терминъ названію *черные*, считая, что послѣдній употреблялся для обозначенія тюрковъ подвластныхъ Руси, то есть, поселенныхъ на Поросьи и др. мѣстахъ. *Клобукъ*, по мнѣнію г. Ланге, есть исковерканное *куль-бегъ*, такъ что *Черный Клобукъ*=подвластный военнослужащій [1]). Но противъ этого можно возразить, что разъ въ Рус. Правдѣ есть уже терминъ *колбягъ*, то онъ въ такомъ же видѣ долженъ былъ существовать и въ устахъ народа. *Колбягъ* дѣйствительно м. б. исковерканнымъ *куль-бегъ*, но его такъ исковеркалъ уже народъ. Въ то время не было такого различія между языкомъ оффиціальнымъ и народнымъ, какъ позже. Если лѣтопись нигдѣ неупоминаетъ о *колбягахъ*, то она не приводитъ и нѣкоторыхъ другихъ терминовъ, встрѣчающихся въ Рус. Правдѣ. Если-же мы припомнимъ извѣстіе Турона о ношеніи Половцами колпаковъ шерстяныхъ, то названіе ихъ „*калпакъ*“ съ прибавленіемъ *кара*=черный вполнѣ не представляетъ ничего страннаго. Существуетъ-же и до сихъ поръ племя кара—калпаковъ. Русь только перевела это названіе на свой языкъ. Терминъ „*дикіе*“ нисколько не противопоставляется въ лѣтописи термину „*черный*“: на это нѣтъ фактовъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Ланге, что подъ именемъ *колбяговъ* разумѣлись союзническія тюркскія племена вообще, что этимъ терминомъ могъ, пожалуй, замѣниться терминъ *толковинъ*, мы всетаки считаемъ названія „Черный Клобукъ“ и „колбяги“ за совершенно независимыя, самостоятельныя: первый терминъ данъ былъ союзнымъ тюркамъ на основаніи внѣшнихъ признаковъ, а второй характеризовалъ ихъ отношенія къ Руси.

Стр. 69. Предполагалось приложить къ нашей работѣ и главу о положеніи Половцевъ въ Венгріи, но такъ какъ она оказалась

[1]) Изслѣдованіе о Рус. Правдѣ. Архивъ Калачова. 1859 г. кн. III Приложеніе. Стр. 79—80.

гораздо объемистѣе, чѣмъ сколько полагается для дополненій, то мы желаемъ только сказать нѣсколько словъ по поводу извѣстій Анонима. Эти извѣстія его, касающіяся движенія Венгровъ съ ихъ прародины въ Паннонію, якобы чрезъ Кіевъ и Галицію, общеизвѣстны. Приводить ихъ мы не будемъ.

Уже одни анахронизмы въ разсказѣ Анонима ясно указываютъ на отсутствіе всякой исторической достовѣрности въ сообщаемыхъ имъ фактахъ. Если мы даже допустимъ, что города Суздаль и Владиміръ-Волынскій существовали въ IX в., то и это не придастъ вѣроятности сообщеніямъ нашего писателя: ни суздальскаго, ни волынскаго княжествъ въ это время еще не существовало. Венгры двигались по южной полосѣ степей. Объ этомъ говорятъ извѣстія такого вполнѣ достовѣрнаго писателя, какъ Константинъ Б.. Половцы также не могли соединиться съ Венграми на территоріи Россіи въ IX в., ибо въ то время они еще не выдѣлились изъ той массы тюркскаго племени, которое кочевало въ степяхъ центральной Азіи. Мы знаемъ уже, что Половцы явились въ Европу лишь въ XI ст. [1]), а первый набѣгъ ихъ на границы Венгріи можно отнести лишь къ 1070 г. [2]). Первое поселеніе Половцевъ въ венгер. королевствѣ, на сколько намъ извѣстно, произошло въ 1091 г., при чемъ оно не было свободнымъ. Въ этомъ году Ладиславъ разбилъ ихъ отрядъ подъ начальствомъ Копульха и плѣнныхъ поселилъ въ Венгріи [3]). Не признавая никакой достовѣрности въ разсказѣ Анонима о движеніи Венгровъ чрезъ Русь, мы должны нѣсколько иначе отнестись ко второй половинѣ его извѣстій, содержащей распредѣленіе Половцевъ по разнымъ мѣстностямъ Паннонiи. Эту часть мы приведемъ. Семь куманскихъ вождей, явившіеся въ Венгрію, по увѣренію Анонима, еще при Альмусѣ, сильно способствовали, будто-бы, венгерскимъ завоеваніямъ. За свои блестящіе подвиги они получили земли въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ Арпадъ отдалъ Ретелю, между прочимъ, землю при впаденіи Вага въ Дунай, гдѣ сынъ Ретеля, Oluptulma построилъ городъ Comarun (Коморнъ) [4]). Бунгеръ получилъ землю отъ p Topuleca (Тепла) до p. Sonyou (Сайо), которая называется Miscoucy (Мискольцъ). Сынъ его построилъ укрѣпленіе Borsod и обра-

[1]) См. гл. III.

[2]) Twrocs. scriptores rerum hung. v. I, p. 116. Pray. Annales regum Hungariae. Vindobonae. 1763. p. 67.

[3]) Ibidem. p. 132 и 88. [4]) Анонимъ. p. 12.

зовалъ Борзодскій комитатъ [1]). Ete былъ награжденъ землями у Тиссы, гдѣ построилъ укрѣпленіе Черный—градъ (Nigrum—Castrum) [2]). Ousad и Oursuur покорили себѣ земли отъ р. Тиссы до горъ Матры. Boyta получилъ владѣнія у р. Дуная [3]). Кромѣ этихъ вождей поземельной собственностью были награждены и простые куманскіе воины. Турзулъ получилъ участокъ при впаденіи р. Бодрога въ Тиссу, а Губотъ на берегу послѣдней [4]). Такъ размѣщаетъ Анонимъ Половцевъ на венгерской территоріи. Онъ точно указываетъ на пребываніе ихъ въ Борсодскомъ комитатѣ. Вообще границы занятыхъ Куманами земель можно очертить такимъ образомъ. Онѣ шли берегами р. Бодрога, Тиссы, отъ нея къ горамъ Матры и р. Дунаю до впаденія въ него рѣки Вага, причемъ половецкими поселеніями заняты были берега рѣкъ Бодрога, Сайо, Грана и Вага съ Нитрой. Въ этомъ районѣ, между прочими, извѣстны такіе комитаты: Бодрогскій, Борсодскій, Гевешскій или Агрійскій [5]), Бачскій, Гранскій или Стригонскій [6]) и Нитрскій [7]). Этотъ районъ земель, отданныхъ Половцамъ, былъ гораздо обширнѣе, какъ это можно видѣть изъ оставшихся документовъ. Эти источники подтверждаютъ данныя Анонима относительно мѣстностей, занятыхъ Половцами. Такъ по конституціи Ладислава-Половца 1279 г. наблюденіе надъ ними поручается пяти духовнымъ сановникамъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ *епископовъ Агрійскаго* и *Бачскаго* [8]), что

---

[1]) p. 20.

[2]) p. 26.

[3]) p. 21.

[4]) Анонимъ pp. 14, 19.

[5]) Отъ главнаго города Эрлау, извѣстнаго въ документахъ подъ именемъ Agria.

[6]) Отъ гл. города Грана, который назывался гораздо чаще Strigonium.

[7]) См. карту при Atlas universel d'histoire et de géographie, par Bouillet. Paris. 1865. Также его Dictionnaire universel d'histoire et de géographie. Paris. 1872.

[8]) „Ad haec, quia praedictae septem generationes Cumanorum in diversis locis, et in pluribus processibus utpote Domini A—episcopi Colocensis, et venerabilium patrum Dominorum, Varadiensis, *Agriensis*, Chanadiensis et *Vaciensis* Episcoporum residebunt etc.. Конституція у Fejer'a въ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis, v. IV, pars 1, p. 235—6.

ясно указываетъ на пребываніе нашихъ кочевниковъ въ этихъ комитатахъ. О поселеніяхъ ихъ въ *Нитрскомъ комитатѣ* свидѣтельствуютъ двѣ грамоты Белы IV, относящіеся къ 1264 г. Въ одной изъ нихъ совершается передача монастырю Св. Евстафія земель, принадлежавшихъ прежде Половцамъ. Отдается ему и мельница *на р. Нитрѣ* [1]). Другая дана какому-то графу (Comes Ivanca) на землю Половца Конхи, умершаго бездѣтнымъ. Онѣ находились *въ Нитрскомъ комитатѣ* [2]). Что касается комитата Гранскаго или Стригонскаго, то можно указать на документы, свидѣтельствующіе о пребываніи въ немъ Половцевъ. Это—*посланія папъ къ архіепископу Стригонскому*. Первое изъ нихъ относится къ 1227 г. и поручаетъ ему заботу распространенія христіанства *среди Куманъ* [3]). То же самое мы находимъ въ посланіи 1230 г. къ тому-же а-епископу [4]), и 1234 г. къ епископу Половцевъ, въ которомъ а-епископъ стригонскій названъ даже „*in provincia Cumanorum Apostolice Sedis legatus*“ [5]). При Белѣ IV Половцы начинаютъ играть важную роль при дворѣ. Венгерская аристократія открываетъ съ ними борьбу и привлекаетъ на свою сторону папу. Отъ этого времени сохранилось посланіе папы Урбаны къ а-епископамъ *Стригона* и *Колочи*, которымъ предписываетя принять мѣры къ защитѣ христіанъ отъ насилій Половцевъ, заставить ихъ соблюдать правила христіанской религіи, и дозволяется даже проповѣдывать противъ нихъ

---

[1]) „.... nos villam Nyarhid, in qua *Cumani* per nos fuerant constituti... concessimus monasterio S. Eustaphii... molendinum quattuor rotarum, quod iidem *Cumani* tenebant *in fluvio Nitra*, dedimus...“ (Fejer. v. IV, pars 3, p. 184—5). Отдается десять пустыхъ деревень.

[2]) „Bela Dei gratia... cum *Koncha Cumanus*, heredum solatio destitus decessit, Ivanca comes... supplicavit, petens, ut *terram dicti Koncha Cumani*, Nemechich vocatam, *in comitatu Nitriensi* existentem .. eidem conferre dignaremur...“ (Fejer. v. IV, p. III, p. 182—3).

[3]) Отрывокъ изъ этого посланія помѣщенъ у Бруна (Черноморье, ч. 1, стр. 116). См. татже. Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. Göttingen. 1795 a. p. 202.

[4]) Напечатано у Прая въ Annales regum Hungariae. Vindobonae 1763 a. p. 232.

[5]) Wenzel Gustaw. Monumenta Hungariae historica. Codex diplomäticus Arpadianus continuatus. Pest. 1860—74 a. v. VI, № 195.

крестовый походъ. Этотъ интересный документъ относится къ 1264 г. [1]). Наконецъ, уцѣлѣла грамота *епископа Половцевъ* по поводу спора между членами капитула и гражданами *Стригона*, что ясно указываетъ на мѣсто, гдѣ было это епископство [2]). Не менѣе важный документъ представляетъ грамота капитула *Аграйской церкви*, которой подтверждается мѣна земель между нѣсколькими *Половцами* и Венграми. Собственность первыхъ находилась въ Борсодскомъ комитатѣ [3]). И такъ извѣстія Анонима, *имѣющія топографическое значеніе*, какъ указывающія мѣста половецкихъ поселеній въ Венгріи, *подтверждаются приведенными нами документами*. Дѣло только въ томъ, что они не имѣютъ значенія въ хронологическомъ отношеніи, т. е., фактъ поселенія Половцевъ въ Венгріи не можетъ быть отнесенъ ко времени Альмуса и Арпада, а совершился позже и притомъ постепенно. Послѣ поселенія Половцевъ въ 1091 г. переселенія Куманъ происходили не разъ. Такъ Стефанъ II, оказывавшій сильное расположеніе къ Половцамъ, поселилъ часть ихъ съ княземъ Татаромъ между Тиссой и Дунаемъ [4]). Есть извѣстіе о переходѣ Половцевъ въ Венгрію въ 1228 г. послѣ битвы на Калкѣ [5]). Наконецъ, при Белѣ IV, въ 1241 г. явился Котанъ съ массой половецкаго народа [6]). Вотъ всѣ болѣе крупныя переселенія Половцевъ на венгерскую территорію. Что-же заставило нашего писателя отдалить эпоху половецкихъ переселеній до временъ Альмуса и Арпада? Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ *Historiae ducum Hungariae* былъ нотаріемъ венгерскаго короля Белы IV [7]). Мы говорили,

---

[1]) Ibidem, v. VIII, № 63.

[2]) Fejer, v. V, pars 3, p. 192. Относится къ 1283 г.

[3]) Ut predicti *Cumani terras sive possessiones* eorum, ad presens vacuas et habitatoribus destitutas, *in comitatu Borsiensi existentes*, quas ex donatione Domini Belae regis Quarti pie memorie possidebant... etc. (Codex Arpadianus. v. XXII, № 436). Относится къ 1292 г.

[4]) Prag. Annales regum Hungariae. p. 120.

[5]) Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. p. 202.

[6]) Rogerius. De destructione Hungariae per Tartaros facta. p. 244. Также конституція 1279 г.

[7]) См. Марцали. Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. Berlin. 1882.

что Половцы по переселеніи своемъ въ Венгрію быстро завоевали себѣ видное положеніе при дворѣ. Венгерская знать борется съ ними. Уже Андрей II, въ своей конституціи 1222 г. долженъ былъ обѣщать, что иностранцы не будутъ допускаемы къ занятію должностей безъ разрѣшенія совѣта государства [1]). При Белѣ IV Половцы окончательно оттѣсняютъ венгерскихъ вельможъ отъ двора. Бароны ропщутъ, что ихъ не допускаютъ къ королю, принуждаютъ говорить чрезъ докладчика, между тѣмъ какъ самый послѣдній Половецъ входитъ къ королю, лишь только заявляетъ желаніе его видѣть; что король отдаетъ предпочтеніе Половцамъ въ засѣданіяхъ и совѣтахъ [2]). Не нужно также упускать изъ вида, что въ 60-хъ годахъ XIII ст. король Бела IV долженъ былъ бороться съ возстаніемъ своего сына, Стефана V. Изъ дошедшихъ документовъ видно, что бароны Венгріи были едвали не главной пружиной въ этой междоусобной войнѣ. Всплыли тѣ обвиненія на короля, о которыхъ говоритъ Рогерій [3]). И вотъ нотарій короля Бѣлы IV, ближайшій преданный ему человѣкъ, рѣшается оправдать своего господина и пишетъ свое сочиненіе „*Historia ducum Hungariae*“. Все, что дѣлалось первыми королями, чтилось Венграми. И вотъ авторъ для санкціи положенія Половцевъ въ Венгріи заставляетъ ихъ придти туда еще при Альмусѣ и оказывать услуги распространенію венгерскаго владычества при Арпадѣ. Половецкіе князья, по словамъ Анонима, покоряютъ цѣлыя области, строятъ укрѣпленія. Въ награду за свои подвиги получаютъ земли въ различныхъ вновь покоренныхъ областяхъ. Слѣд., ничего не было предосудительнаго въ томъ, что Бѣла IV раздавалъ земли Половцамъ, если Арпадъ, этотъ венгерскій герой, дѣлалъ то-же самое. Нельзя обвинять короля за то, что онъ раздаетъ должности Половцамъ; вѣдь и Арпадъ, сдѣлалъ начальникомъ надъ своими стрѣлками нѣкоего Кумана, мужа весьма умнаго, который назывался Со-

---

[1]) „Si hospites, videlicet boni homines, ad Regnum venerint, sine consilio Regni ad dignitates non promoveantur“. Fejer, v. III, pars 1, p. 376. Въ 1231 г. было подтверждено это постановленіе. См. Pray. Annales regum Hungariae. p. 234.

[2]) Rogerius. De destructione Hungariae per Tartaros facta. pp. 195—296.

[3]) См. Geschichte von Ungarn v. Fessler. Leipzig. 1867 a. L. IV, p. 411 cts. Договорныя и мировыя грамоты между Белой IV и Стефаномъ V въ Codex Arpadianus. v. VII, №№ 88, 92.

нелемъ [1]); нѣтъ основанія нападать на Белу IV за то, что онъ женилъ наслѣдника престола, Стефана V, на половчанкѣ, потому что одинъ изъ первыхъ уважаемыхъ королей, Сульта (Zulta), выбралъ для своего сына, Токсуна, жену изъ земли половецкой [2]). Вотъ что хотѣлъ сказать нотарій короля Белы IV и для этого то внесъ хронологическую путаницу въ факты.

Предложимъ теперь объясненіе тому факту, какъ образовалось преданіе о прохожденіи Венгровъ чрезъ Русь—Кіевъ и Галицію во время пути изъ прародины. Мы не беремся утверждать, что это преданіе существовало, какъ готовое цѣлое, раньше появленія хроники нотарія, но, несомнѣнно, были обстоятельства, изъ которыхъ можно было вывести заключеніе о проходѣ Венгровъ чрезъ Суздаль, которыя и легли въ основаніе разсказа Анонима.

Въ 1215 г. было основано братство Доминиканцевъ или Проповѣдниковъ, а семью годами раньше орденъ Миноритовъ или Францисканцевъ. Съ большимъ рвеніемъ они ведутъ дѣло проповѣди на востокѣ Европы, хотя нельзя сказать, чтобы особенно удачно. Они исключительно на себя берутъ миссію распространенія христіанства у кочевниковъ, изучаютъ половецкій и уйгурскій языки, служатъ переводчиками [3]). Благодаря своему обращенію въ нашихъ степяхъ, они открыли мѣсто прародины венгерскаго народа и рѣшили пробраться въ эту невѣдомую западной Европѣ страну. Во время нашествія Татаръ, они извѣщаютъ западноевропейцевъ о нравахъ и военной тактикѣ новаго врага и передаютъ ихъ завоевательные плоды. Свѣдѣнія, полученныя отъ нихъ, передаются далѣе [4]). Если Венгры знали прекрасно Галичь, если имъ былъ извѣстенъ Кіевъ, то своимъ знакомствомъ съ Суздалемъ и восточными окраинами нынѣшней Россіи они обязаны братьямъ—проповѣдникамъ. Первое путешествіе ихъ въ В. Венгрію относится къ 1237 г. Въ этотъ разъ они держались южнаго направленія: чрезъ Балканскій полуостровъ, Черное море, Тамань, Аланію, Булгарію, го

---

[1]) Анонимъ, p. 28.

[2]) Анонимъ, p. 37—38.

[3]) См. главу II. Также. Siffridi, presbyteri Misnensis epitomes. L. II, p. 1103, sub anno MCCLXI въ Scriptores rerum germanicarum, v. I.

[4]) Сохранилось нѣсколько писемъ у Fejer'a и Wenzel'я, дающихъ намъ возможность утверждать это.

на обратномъ пути принуждены были избрать сѣверный путь чрезъ землю Мордвы [1]). Но это было не послѣднее предпріятіе братьевъ Проповѣдниковъ. Въ другой разъ они двигались уже по сѣверному направленію, дошли до Борусіи (Bruscia Парусье), намѣреваясь, какъ видно пройти чрезъ Суздаль. Однако далѣе они не пошли, узнавъ, что все къ востоку уже покорено Татарами. На сколько можно судить, этимъ и закончились ихъ предпріятія въ отношеніи В. Венгріи. Въ одномъ изъ варіантовъ донесенія братьевъ Проповѣдниковъ есть указаніе, что между первымъ и указаннымъ только что послѣднимъ путешествіемъ было предпринято еще одно, причемъ, несомнѣнно уже, путь лежалъ чрезъ Судаль, землю Мордвы, къ Волгѣ. Когда миссіонеры пришли въ Суздаль, то тутъ встрѣтили нѣсколько Венгровъ, спасавшихся отъ Татаръ. Они ихъ крестили. Суздальскій князь запретилъ имъ проповѣдывать въ своей области и приказалъ вернуться назадъ. Но Проповѣдники отказались и послали часть своихъ въ землю Мордвы, чтобы пробраться въ В. Венгрію. Мордвины ихъ перебили [2]).

Какъ-бы то ни было, но путь въ В. Венгрію былъ найденъ. Миссіонеры открыли его. Онъ шелъ чрезъ Суздаль. Всѣ донесенія братьевъ —проповѣдниковъ быстро передавались изъ рукъ въ руки [3]). Венгры узнали о существованіи Суздаля, о томъ, что черезъ него идетъ путь въ В. Венгрію. Отсюда почерпнулъ, безъ всякого сомнѣнія, свои свѣдѣнія объ этомъ отдаленномъ краѣ и Анонимъ; благодаря этимъ-то извѣстіямъ братьевъ Проповѣдниковъ, ему пришла мысль, невѣрная въ наше время, но вполнѣ естественная для писателя XIII в., мысль о

---

[1]) Это хожденіе издано у Fejer'a, v, IV, pars II. Въ русскомъ переводѣ въ запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. 1863 года т. V г. Юргевичемъ.

[2]) Оба варіанта изданы у Wenzel'я въ Codex Arpadianus, v. XII, Supplementa № 2, Au B.

[3]) На сколько считались важными и какъ быстро передавались донесенія этихъ миссіонеровъ, это видно изъ слѣдующей отмѣтки въ концѣ 1-го варіанта: „Notum sit omnibus Christi fidelibus, quod hoc scriptum Rex Hungariae delegavit Patriarche Aquilegiensi, et patriarcha transmisit Episcopo Brixiensi, et Comiti Tyrolensi, et ipsi universis Christi fidelibus transmittant, admonendo eos, ut Deum pro Ecclesia exorare studeant". Codex Arpadianus, v. XII, p. 554.

переселеніи Венгровъ въ Паннонію чрезъ Суздаль. Повторяемъ, до реляцій, этихъ смѣлыхъ миссіонеровъ нѣтъ извѣстій о Суздалѣ въ западно-европейскихъ источникахъ.—

Что касается разсказа Анонима о проходѣ Венгровъ чрезъ Владиміръ-Волынскій и Галичь, то въ немъ мы видимъ тенденціозную подкладку. Анониму просто нужно было оправдать притязанія Венгровъ на Галичь и Владиміро-Волынскую область. Въ грамотахъ венгерскіе короли, начиная съ 1094 г., постоянно титулуются: „rex Galiciae et Lodomeriae". При предшественникѣ Белы IV, Андреѣ II, Венгры принимаютъ дѣятельное участіе въ борьбѣ за галицкій столъ, которая для Игоревичей кончилась трагической развязкой—повѣшеніемъ. Припомнимъ письма Андрея къ Папѣ въ 1214 и 1215 гг., въ которыхъ заключается просьба о присылкѣ короны для Коломана и помазаніи его королемъ Галиціи [1]). Не мудрено поэтому, что Анониму хотѣлось убѣдить всѣхъ, что еще при Альмусѣ русскій князь обязался ежегодной данью. Въ этомъ нотарій короля Белы IV вполнѣ напоминаетъ польскаго историка Длугоша.

---

[1]) Письма напечатаны: 1214 г. у Fejer'a въ Codex diplom. Hungariae v. III, pars 1, p. 163—4; 1215 г. у Wenzel'я въ Codex Arpadianus, v. XI, № 227.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	НАДО ЧИТАТЬ.
17	4 снизу:	ussuccesseurs	successeurs.
18	2 „	Seript.	Script.
26	2 „	M.LCCCXL.VI	M.DCCCXLVI
28	2 сверху:	Рашидъ	Рашидѣ
28	10 снизу:	priucipalement	principalement
28	8 „	porteut	porteut
28	8 „	paur	pour
48	19 „	служить	служитъ
48	1 „	наступленіемъ	наступленіемъ зимы
54	8 сверху:	Огузъ —хана	Огузъ—Ханъ
66	27 снизу:	629	829
68	33 „	Fthewl	Ethewl
68	26 „	у Волги	Волги
70	3 сверху:	Славянскаго.	Славянска
71	31 „	Тимутороканская.	Тьмутороканская
76	7 снизу:	Scienoiar.	Scienciar.
80	5 сверху:	съ съ полными	съ полными
82	6 снизу:	Σογγραψή	Συγγραψή.
91	26 сверху:	всеволоду	Всеволоду
95	15 „	къ 1642 г.	до 1642 г.
99	21 „	поддержавшихъ	поддерживавшихъ
102	4 снизу:	Изстѣдованія	Изслѣдованія
107	13 „	Маномахъ	Мономахъ
108	18 „	Переясловля	Переяславля
109	4 сверху:	привиденныхъ	приведенныхъ
113	4 снизу:	Борсова	Барсова

114	2 „	Вестужевъ	Бестужевъ
121	12 сверху:	лавный	славный
121	4 снизу:	Понянъ	Полянъ
124	8 „	село	селъ
126	3 „	понъ	подъ
127	5 „	Списки	Списки
129	6 сверху:	Маномаха	Мономаха
129	22 „	Маномаха	Мономаха
132	6 „	квелиый	великій
138	17 „	пранадлежало	принадлежало
141	14 „	Цо	По
145	15 снизу:	Ипат. лут.	Ипат. лѣт.
145	23 „	о у Неятина	и у Неятина
147	1 „	Береньдцчц	Береньдици
151	3 сверху	Святослсвича	Святославича
151	10 снизу	Святослявъ	Святославъ
155	17 сверху	острговъ	острогъ
168	8 снизу	xiąnzant	xiązat
168	5 „	Страйковскаго	Стрыйковскаго
169	17 сверху	дальшой	большой
177	29 „	успѣхами	помощью
178	14 „	возникала	возникла
179	14 „	кочевой	вѣчевой
181	1 „	стало	стоило
185	2 снизу	какь	какъ
187	10 „	eredo	credo
188	10 „	Венгріц	Венгріи
190	18 „	ietibus	ictibus
191	20 сверху:	въ состави	въ составъ
194	28 „	культтрѣ	кутьтурѣ
194	29 „	торговымъ	торговыхъ
195	14 „	постояниой	постоянной
196	2 „	государотво	государство
196	15 снизу	iufidelium	infidelium
198	20 „	Трансильвани	Трансильваніи
198	3 „	Pontificatum	Pontificatus
200	12 сверху	въ которые	въ которыхъ
201	28 „	печенѣжки	печенѣжски

III.

202	21 снизу:	не нужно наше	нужно не наше
202	11 „	отъ печенѣжко	отъ печенѣжско
205	8 „	Νικημόρου	Νικηφόρου
210	11 сверху	XVI	XIV
215	3 снизу	Камнена	Комнена
217	7 „	путешедственники	путешественники
218	21 сверху	знамень	знаменъ
235	7 „	среди	среды
236	1 „	замѣдлили	замедлили